

ТИРАНИЯ

Р. Т. Скрынников

**ЦАРЬ БОРИС
И ДМИТРИЙ САМОЗВАНЕЦ**

СМОЛЕНСК
РУСИЧ
1997

ББК 66.3
С 45
УДК 947

Серия основана в 1993 году

Скрынников Руслан Григорьевич

С 45 Царь Борис и Дмитрий Самозванец. – Смоленск: Русич, 1997. – 624 с. («Тирания»).

Автор рисует широкую панораму событий, происшедших в Русском государстве в конце XVI–начале XVII веков. В центре повествования – фигуры Бориса Годунова, одного из крупнейших деятелей русского средневековья, и Лжедмитрия I. Основное внимание уделено раскрытию социальных корней самозванщины.

В книге приводятся яркие биографические сведения о царе Борисе и Григории Отрепьеве, дается объективная оценка их роли в событиях Смуты.

С 9470000000

ББК 66.3

ISBN 5-88590-553-3

© Р. Г. Скрынников, 1996
© «Русич», составление, разработка серии, 1996
© А. А. Шуплецов, оформление, 1996

Введение

Процесс объединения русских земель вокруг Москвы привел в конце XV века к образованию единого Русского государства. Преодоление раздробленности дало возможность русским сбросить монголо-татарское иго и возродить независимое государство. Монгольская власть потерпела крушение, Золотая Орда распалась.

В XVI веке Россия пережила экономический расцвет и добилась крупных внешнеполитических успехов. В правление Ивана Грозного русские войска завоевали Казанское и Астраханское ханства и укрепились в Нижнем Поволжье. Ермак с казаками разгромил хана Кучума в Зауралье и положил начало присоединению Сибири к России. В ходе кровопролитной Ливонской войны Русское государство заняло ряд морских портов в Прибалтике и основало «нарвское мореплавание», связавшее страну с Западной Европой по кратчайшим морским путям. Но война за Балтику закончилась катастрофическим поражением.

В начале XVII века Русское государство вступило в полосу экономического упадка, внутренних раздоров и военных неудач. Наступило Смутное время. Гражданская война поставила государство на грань распада.

Бедствия Смутного времени потрясли ум и душу русских людей. Современники винили во всем проклятых самозванцев, посыпавшихся на страну как из мешка. В самозванцах видели польских ставленников, орудие иноземного вмешательства. Но то была лишь полуправда. Почву для самозванства подготовили не соседи России, а глубокий внутренний недуг, поразивший русское общество.

Опричина Ивана Грозного была одной из важных предпосылок грядущей гражданской войны. Первый московский царь разделил государство на две половины – опричнину и земщину – и создал привилегированный охранный корпус в лице опричников. Таким путем он пытался устранить со своего пути те общественные группы и те слои, которые реально ограничивали его власть. К таким группам принадлежала, в первую очередь, титулованная суздальская знать, связанная родством с династией.

В первые же дни опричнины Иван Грозный казнил покорителя Казани князя А. Б. Горбатого-Суздальского и отправил в ссылку на восточную окраину государства до сотни семей из рода князей Ростовских, Ярославских и Стародубских¹. Опричина и ее террор никогда не были подчинены единой цели, принципу или схеме. Государство не могло долго проводить политику, грубо нарушавшую материальные интересы верхов правящего боярства. По этой причине опричные репрессии сохраняли антикняжескую направленность на протяжении всего лишь одного года. В 1566 г. Грозный принужден был объявить о «прощении»

всех ссыльных княжат и вернуть их в Москву. Однако попытка царя примириться с земщиной, не отменяя опричнину, оказалась тщетной. Кризис привел в движение механизм массового террора, до основания потрясшего Российское государство. Террор возник на почве разлада между государственной властью и господствующим сословием в целом. Правители, все больше утрачивавшие поддержку дворянского сословия, стремились любой ценой удержать власть в своих руках. В обстановке массовых избиений, всеобщего страха и доносов аппарат насилия, созданный в опричнине, приобрел непомерное влияние на политическую структуру руководства. В конце концов, адская машина террора вышла из-под контроля ее творцов. Последними жертвами опричнины оказались те, кто стоял у ее колыбели.

Посредством опричнины царь разделил дворянство надвое и натравил одну половину на другую. Непосредственный эффект этой политики был ограничен: Иван IV утвердил свою неограниченную личную власть. Но долговременные последствия такой политики были катастрофическими. Опора монархии оказалась расщеплена, вследствие чего режим утратил стабильность. С этого момента государь мог управлять царством только с помощью насилия. Погромы и резня деморализовали опричную гвардию, превратив ее в банду мародеров. Грозному пришлось трижды менять состав своего охранного корпуса.

Опрично-дворовая политика вообще носила непостоянный характер, но сам «двор», пережив многократные реорганизации, так и не был окон-

чательно распущен при жизни Грозного. Не имея цельной политической программы, опричнина и «двор» тем не менее неизменно направляли свои усилия к укреплению лично власти царя. Состав «двора» не был однородным. Рядовые члены в своей массе принадлежали к низшему, худосочно-му дворянству. Но уже в конце опричнины во «двор» были зачислены князья Шуйские. При кратковременном правлении служилого «царя» Симеона Бекбулатовича Шуйские подвизались в роли удельных бояр князя Ивана Московского. В последние годы жизни царя они состояли на «дворовой» службе. Но какое бы почетное место ни занимали Шуйские, они никогда не руководили опричной политикой. Подлинным правительством, с помощью которого царь самовластно правил страной, была «дворовая» дума. Со времени «княжения» Симеона Бекбулатовича ее неизменно возглавляли Богдан Бельский, Афанасий Нагой и Борис Годунов.

Незадолго до кончины Иван IV образовал регентский совет при слабоумном сыне Федоре. В него вошли самые авторитетные представители земщины – удельный князь И. Ф. Мстиславский и дядя Федора Н. Р. Юрьев-Захарьин². Оба были облечены регентскими полномочиями уже по завещанию Грозного 1561 г³. Двор был представлен в регентском совете боярином князем И. П. Шуйским⁴.

Важное свидетельство о составе опекунского совета принадлежит Д. Горсею, агенту Лондонской купеческой компании в Москве. В заметках, включенных в текст «Записок Горсея» ранее 1591 г., англичанин писал, что Борис «и три других глав-

ных боярина вместе с ним составили правительство по воле старого царя: князь Иван Мстиславский, князь Иван Васильевич Шуйский и Микита Романович»; Борис Федорович «по завещанию царя был первым из четырех бояр»⁵. Некоторые историки считают приведенное известие полностью достоверным⁶. Между тем сочинения Горсея отличаются крайней тенденциозностью. Когда после смерти Грозного Кремль был переведен на военное положение, Горсей, по его собственным словам, подошел к Годунову «и предложил людей, военные припасы в распоряжение князя-правителя. Он принял меня в число своих близких и слуг...»⁷. Вместе с Бельским Годунов готовил переворот. Однако Горсей изображал дело так, будто с первых часов Годунов действовал как правитель или «лорд-протектор». С этих позиций и были сочинены «Записки».

В своем трактате «О коронации Федора», написанном в 1589 г., Горсей называет членами опекунского совета пять человек: Б. Годунова, князя Ф. Мстиславского, князя И. П. Шуйского, Никиту Романовича и Б. Я. Бельского – «все знатные люди и главнейшие по завещанию царя, особенно лорд Борис...»⁸. Польский посол Лев Сапега, находившийся во время смерти царя Ивана IV в Москве, также называет в числе регентов Бельского⁹. Информация посла не вызывает сомнений. Что касается Годунова, известие Горсея о нем опровергается свидетельством австрийского дипломата Варкоча, по словам которого Борис вообще не был назначен членом опекунского совета¹⁰. Итак, Борис отнюдь не был главой опекунского совета, а,

может быть, и вовсе не входил в этот совет. По своему влиянию и знатности он далеко уступал старшим земским боярам Мстиславскому и Романову. Что касается Бельского, именно он, а не Борис возглавлял дворовую Думу при одряхлевшем царе Иване.

После смерти Ивана IV бояре, а вслед за ними знать и дворяне принесли присягу наследнику — царевичу Федору. Вся церемония была закончена в течение шести-семи часов¹¹. В ночь смерти Грозного Бельский и Годуновы распорядились взять под стражу Нагих, обвинив их в измене¹². Раскол «дворовой» Думы и падение А. Ф. Нагого, одного из столпов прежнего правительства, роковым образом сказались на судьбах всего «дворового» руководства.

Система централизации, основанная на противопоставлении «двора» и земщины, обнаружила свою непрочность. Правительству пришлось пожать плоды политики, в основе которой лежал принцип: «разделяй и властвуй». Опекунский совет не мог осуществлять своих функций из-за нежелания «дворовых» чинов уступить власть из своих рук. В свою очередь, земская знать прибегла к местничеству, чтобы устранить хуродных руководителей «двора». Окончательный разрыв наступил в связи с приемом в Кремле литовского посольства. «Дворовые» чины, не поделив мест с земцами, отказались допустить бояр в тронный зал, т. е. пошли на неслыханное нарушение традиции. В итоге иноземных послов встретили одни «дворовые» бояре — князь Ф. М. Трубецкой и Б. Ф. Годунов¹³.

Опрометчивые действия руководства «двора» имели свои причины. Могущественный временщик Б. Я. Бельский подвергся местническим нападкам со стороны казначея П. И. Головина, занимавшего далеко не первое место в земской иерархии¹⁴. Если бы Бельский проиграл тяжбу, его падение было бы неизбежным. Против него выступили самые влиятельные члены опекунского совета и думы: «боярин князь Иван Федорович Мстиславский с сыном со князем Федором да Шуйския, да Голицины, Романовы да Шереметевы и Головины и инья советники». На стороне Бельского стояли «Годуновы, Трубецкие, Щелкаловы и иные их советники». По существу, в Кремле произошло решительное столкновение между «двором» и земщиной, хотя некоторые члены земской думы (впрочем, немногие) примкнули ко «двору», а ряд «дворовых» чинов объединились с земскими. За Бельского вступились главные земские дьяки — братья Щелкаловы, которым знать не могла простить их редкого хуродства. Вознесенные по милости Грозного, они боялись упустить влияние в случае решительной победы земской аристократии. Тяжба между Головиным и Бельским едва не закончилась кровопролитием. По русским летописям, во время «преки» в думе Бельского хотели убить до смерти, но он «утек к царе назад»¹⁵. Как писал английский посланник, на Бельского напали с таким остервенением, что он был вынужден спасаться в царских палатах¹⁶.

Военная сила, а следовательно и реальная власть в Москве, находилась в руках «дворовых» чинов, и они поспешили пустить ее в ход.

Б. Я. Бельский использовал инспирированное боярами выступление земских дворян как предлог для того, чтобы ввести в Кремль верных ему «дворовых» стрельцов. Он предпринял отчаянную попытку опередить события и силой покончить с назревшей в земщине «смутой» еще до того, как в Москву прибудет регент Иван Шуйский, которого смерть Грозного застала в Пскове. По свидетельству очевидца событий литовского посла Л. Сапеги, правитель уговорил Федора расставить в Кремле дворцовую стражу по обычаю, установившемуся при его отце Иване IV, против чего выступали бояре. Еще до прибытия послов Бельский тайно пообещал стрельцам «великое жалование» и привилегии, какими они пользовались при Грозном, и убеждал их не бояться бояр и выполнять только его приказы. Едва литовское посольство покинуло Кремль и бояре разъехались по своим дворам на обед, Бельский приказал затворить все ворота и вновь начал уговаривать Федора держать двор и опричнину так, как держал отец его (*patawias go rozczal aby i opritczyne chowal tak jako osciec jego*)¹⁷. В случае успеха Бельский рассчитывал распустить регентский совет и править от имени Федора единолично, опираясь на военную силу. Над Кремлем повеяло новой опричниной. Но Бельский и его приверженцы не учли одного важного момента — позиции народных масс.

Столкновение между «дворовыми» и земскими боярами послужило прологом к давно назревавшему восстанию в Москве. В литературе оно датируется 2 апреля. Эта дата опирается на свидетельство Л. Сапеги о том, что неудачный прием в

Кремле состоялся 12 апреля по новому стилю. Документы Посольского приказа позволяют исправить ошибку посла, написавшего письмо полтора месяца спустя. По русским посольским книгам, прием в Кремле имел место 9 апреля¹⁸. Именно в этот день столица и стала ареной народных выступлений.

Как только земские бояре узнали о самочинных действиях Бельского, они бросились в Кремль. Однако стрельцы отказались повиноваться приказам главных земских опекунов и не пропустили их в ворота. После долгих препирательств И. Ф. Мстиславский и Н. Р. Юрьев прошли за кремлевские стены, но их вооруженная свита была задержана стражей. Когда боярские слуги попытались силой прорваться за своими господами, произошла стычка. На шум отовсюду стал сбегаться народ. Стрельцы пустили в ход оружие, но рассеять толпу им не удалось. Столичный посад восстал. «Народ, — по словам летописца, — всколебался весь без числа со всяким оружием». Толпа пыталась штурмовать Кремль со стороны Красной площади. «По грехом, — писал современник, — чернь московская приступила к городу большому, и ворота Фроловские выбивали и секли, и пушку большую, которая стояла на Лобном месте, на город поворотили». По словам голландца И. Массы, народ захватил в Арсенале много оружия и пороха, а затем начал громить лавки. Бояре опасались, что их постигнет та же участь¹⁹.

Царь Федор и его окружение, напуганные размахом народного движения, не надеялись подавить мятеж силой и пошли на переговоры с толпой. Из

кремлевских ворот выехали думный дворянин М. А. Безнин и дьяк А. Я. Щелкалов²⁰. Черный народ «вопил, ругая вельмож изменниками и во-рами»²¹. В толпе кричали, что Бельский побил Мстиславского и других бояр. «Чернь» требовала выдачи ненавистного временщика для немедленной с ним расправы²². Положение стало критическим, и после совещания во дворце народу объявили об отставке Бельского.

Земские чины перед лицом страшного для них восстания «черни» сочли за лучшее отложить в сторону распрю с «дворовыми» чинами. «...Бояре, — повествует летописец, — межю собою помирились в городе (Кремле. — Р. С.) и выехали во Фроловские ворота...»²³. Властям удалось кое-как успокоить толпу, и волнения в столице постепенно улеглись.

Непосредственным результатом московских событий явилось падение могущественного регента Б. Я. Бельского и кратковременное примирение противоборствовавших политических группировок. Несколько недель спустя после народного выступления в Москве открылся собор.

Современники склонны были рассматривать воцарение Федора как соборное избрание. Такое впечатление подкреплялось тем, что по своему безволию и слабоумию претендент на трон не оказывал самостоятельного влияния на события. Формально собор одобрил кандидатуру Федора, а фактически вынес важное политическое решение о поддержке нового боярского правительства. По свидетельству псковского современника, Федор был поставлен на царство «митрополитом Дионисием и всеми людьми Русские земли»²⁴.

Новые власти объявили предыдущую амнистию. «В итоге, — писал Д. Горсей, — всем заключенным было объявлено прощение».

Наиболее значительным в рассказе Горсея было упоминание об освобождении давних «тюремных сидельцев». Несложный арифметический расчет подсказывает, что они оказались за решеткой в самом начале опричнины. Очевидно, амнистия была направлена на искоренение последствий репрессивной политики «двора». Самым важным положением майской амнистии был пункт о возвращении опальным «свободы и поместий». Опричные конфискации нанесли земской знати большой ущерб. После отставки Бельского и созыва собора земщина смогла настоять на возвращении отобранных земель. Кроме того, она добивалась гарантий против возобновления казней и опал. Согласно Горсею, в связи с амнистией власти объявили о запрещении судьям впредь подвергать дворян гонениям при отсутствии основательных доказательств их вины даже в случае самых тяжких преступлений, которые влекли за собой смертную казнь²⁵.

После кончины Грозного начался процесс возрождения влиятельной и многолюдной Боярской думы. Ряд влиятельных лиц получил высшие думные чины по случаю коронации царя Федора. Назначения в думу не прекращались и после коронации. В 1584–1585 гг. численность боярской курии думы возросла более чем вдвое.

С давних времен Боярская дума была представительным органом высшей демократии. При Федоре поколебленный опричниной традицион-

ный порядок стал возрождаться на глазах. Прежде всего, дума вернула себе некоторые функции и привилегии, упраздненные опричниной. Власти восстановили высшую в думе должность — конюшего-боярина, ликвидированную после казни И. П. Федорова-Челяднина в 1568 г. Важнейшей комиссией думы была так называемая «семибоярщина». Она ведала столицей и всем государством в отсутствие царя. В годы террора Иван IV изгнал бояр из столичной комиссии и препоручил ее дворянам и приказным, а затем и вовсе упразднил. В 1585 г. Федор уехал на молебен в Троице-Сергиев монастырь, а управление столицей вверил семи боярам — Ф. И. Мстиславскому, Н. Р. Юрьеву, С. В. Годунову, князьям Н. Р. Трубецкому, И. М. Глинскому, Б. И. Татеву и Ф. М. Троекурову²⁶.

Наряду с думными чинами знать получила из казны обширные земли и доходные места. Больше всех в торге из-за чинов и владений выиграли опекуны и их родня. В полной мере использовали выгоду своего положения Юрьевы-Романовы. Один только младший сын регента Н. Р. Юрьева Иван владел в 1613 г. 13 тыс. четвертей пашни в трех полях «старых вотчин». Романовым принадлежали на вотчинном праве городок Скопин, Романово городище в Лебядинском уезде и др.²⁷. Огромных привилегий добились регент И. П. Шуйский и его родня. И. П. Шуйский получил от казны богатые земли в Луховском удельном княжестве, принадлежавшем князьям Бельским, а позже валашскому господарю Богдану. В руки боярина перешел город Кинешма с обширной волостью²⁸.

Кроме того, прославленному воеводе был отдан в кормление весь Псков. Согласно официальным заявлениям правительства, царь Федор пожаловал князя И. П. Шуйского своим «великим жалованьем в кормление Псковом объема половинам, и со псковскими пригородами, и с тамгою, и с кабаки, чего некоторому боярину не даывал государь»²⁹. Соратник Шуйского, князь Ф. В. Скопин, тогда же получил в «жалованье» Каргополь³⁰. Щедрых земельных пожалований удостоились князья Василий, Андрей и Дмитрий Ивановичи Шуйские. Младшему из братьев, князю Дмитрию, был передан город Гороховец «в путь с тамгою, и с кабаком, и с мыты, и с перевозки, и с мельницами, и рыбными ловлями, и со всеми крайчаго пути доходы...»³¹.

Система кормлений была ликвидирована в процессе реформы местного управления еще в доопричный период. Кормления (наместничества) на основной территории постепенно заменялись воеводским управлением, означавшим более высокую степень централизации. На чернососном Севере отмена кормлений привела к утверждению системы выборных земских органов³². Однако при воцарении Федора произошло частичное оживление «кормленной» системы местного управления. В кормление Шуйскому был передан один из крупнейших посадов страны — Псков. На чернососном Севере обширная Важская земля перешла из-под управления земских органов конюшему боярину Б. Ф. Годунову³³.

Мероприятия, осуществленные властями в период после московского собора и коронации Федо-

ра, были призваны преодолеть наследие Грозного в политической жизни страны, но они вышли за рамки этой задачи. Земская и «дворовая» знать использовала нововведения, чтобы возродить полновластную Боярскую думу, вернуть ей прежние прерогативы, расширить свои земельные владения и частично восстановить кормления.

События, происходившие в Москве на протяжении двух месяцев после смерти Грозного, показали, что опричнина лишь ослабила влияние боярской аристократии, но не сломила ее могущества. При безвольном и ничтожном преемнике Грозного знать вновь подняла голову. Как только с политического горизонта исчезли зловещие фигуры Нагого и Бельского, бояре перестали скрывать свои подлинные чувства по поводу смерти царя Ивана.

Наблюдатель тонкий и вдумчивый, дьяк Иван Тимофеев очень тонко передал атмосферу, воцарившуюся в Кремле в первые месяцы правления Федора. «Бояре, — писал он, — долго не могли поверить, что царя Ивана нет более в живых. Когда же они поняли, что это не во сне, а действительно случилось, через малое время многие из первых благородных вельмож, чьи пути были сомнительны, помазав благоухающим миром свои седины, с гордостью оделись великолепно и, как молодые, начали поступать по своей воле; как орлы, они с этим обновлением и временной переменой вновь переживали свою юность и, пренебрегая оставшимся после царя сыном Федором, считали, как будто и нет его...»³⁴.

Власть Б. Я. Бельского пала, и бразды правления сосредоточились в руках людей, долгое время

управлявших земщиной. Состав нового правительства всего точнее определил английский посол И. Боус, покинувший Москву в конце мая 1584 г. «Когда я выехал из Москвы, — писал он 12 мая, — Никита Романович и Андрей Щелкалов считали себя царями и потому так и назывались многими людьми, даже многими умнейшими и главнейшими советниками... Сын покойного царя Федор и те советники, которые были достойны управлять, не имеют никакой власти, да и не смеют пытаться властвовать». Позже Боус пояснил, что, говоря о достойных советниках Федора, он имел в виду Годуновых³⁵.

Облеченный регентскими полномочиями боярин Н. Р. Юрьев пользовался особой популярностью в Москве. Он происходил из старомосковской знати и сделал карьеру, благодаря браку Ивана Грозного с его сестрой Анастасией. Стараниями Юрьева высшие думные чины получили его родственники — Шереметев, Троекуров, Сицкий, Шестунов. Но Юрьев и его окружение не могли выдержать местнического столкновения с гедиминовичами. Князья Шуйские и Мстиславские невысоко ценили родство Юрьевых с царской семьей по женской линии и считали Юрьевых-Захарьиных временщиками.

Ближайшими помощниками Н. Р. Юрьева были земские дьяки Щелкаловы. Андрей Щелкалов был ярким представителем приказной бюрократии, сформировавшейся при Грозном. Прадед его, как говорили, был конским барышником, а отец смолоду служил попом, а затем сделал карьеру при дворе как дьяк³⁶. Аристократия не могла

простить дьяку его пособничество опричным властям и «дворовому» руководству. Попытка Щелкалова предотвратить падение Б. Я. Бельского еще больше скомпрометировала «канцлера» в глазах аристократов.

Родовая знать не желала оставлять власть в руках Юрьева и Щелкалова. По возвращении из Пскова московский регент И. П. Шуйский стал исподволь готовить их отставку. В Польшу поступили сведения, что самыми влиятельными людьми в Москве были Никита Романович, которому поручались наиболее важные дела, и князь Шуйский, который не желал, чтобы другие пользовались большей властью, чем он, и требовал себе должности Никиты³⁷.

В результате раскола в опекунском совете земское правительство оказалось в исключительно трудном положении. Парадокс состоял в том, что его руководителям Юрьеву и Щелкалову пришлось опасаться противодействия со стороны не столько бывших «дворовых» чинов, сколько аристократической думы. Положение Н. Р. Юрьева казалось непрочным. Современники не сомневались в его близкой кончине. Он достиг преклонного возраста и тяжело болел. Придворный лекарь Грозного, бежавший в Ливонию, уверял, что Юрьев долго не проживет³⁸. Болезнь Юрьева выдвинула перед правительством вопрос о его преемнике. В конце концов выбор пал на Бориса Годунова. В произведениях писателей эпохи «смуты» встречаются намеки на «завещательный союз дружбы» Юрьевых и Годуновых. По словам Авраамия Палицына, Борис поклялся «соблюдать» вверенных его

попечению детей регента. Составленное в романовском кругу «Сказание о Филарете Романове» повествует, что Борис «исперва любовно присоединился (к детям Н. Р. Юрьева. — Р. С.) и клятву страшну тем сотвори, яко братию и царствию поможателя имети»³⁹. Поздние авторы придали дружбе Романовых и Годуновых несколько сентиментальный оттенок. На самом деле этот странный союз образовался в силу политической необходимости. Попытки закрепить трон за слабоумным царем привели к острым разногласиям в опекунском совете. Перед лицом ширившейся оппозиции знати и грозных народных движений родственники Федора должны были волей-неволей объединиться.

Начавшееся крушение «двора» едва не увлекло Годуновых в пропасть. В дни восстания народ требовал отставки не только Б. Я. Бельского, но и Б. Ф. Годунова. В конце мая 1584 г. английский посол писал, что Годунов не пользуется авторитетом в Москве⁴⁰. Однако ко дню коронации Годунов получил чин конюшего⁴¹. Едва ли можно сомневаться в том, что без поддержки Юрьева, с его неограниченным влиянием на Федора и весом в думе, Борис не смог бы получить высший в думе боярский чин.

Несмотря на то что первые волнения в Москве улеглись, ситуация в столице оставалась крайне напряженной. С наступлением лета участились пожары. По словам очевидцев, царская столица была наполнена «разбойниками», которых считали главными виновниками поджогов. Власти ждали нового мятежа со дня на день. В страхе перед

народом правительство было вынуждено принять экстренные военные меры. Они получили отражение в следующей записи Разрядного приказа: «Того же года (7092. – Р. С.) на Москве летом были в обозе да в головах для пожару и для всякого воровства в Кремле князь Иван Самсонович Туренин да Григорий Никитич Борисов-Бороздин, в Китае – Богдан Иванович Полев и Константин Дмитриевич Поливанов, в Земляном городе – Иван Федорович Крюк-Колычев»⁴². Приведенная запись интересна тем, что она показывает, в чьих руках находилась в то время реальная военная сила. В Кремле военное командование осуществлял князь И. С. Туренин, родня Б. Ф. Годунова; в Китай-городе стражей ведали Б. И. Полев и К. Д. Поливанов, бывшие «дворовые» люди и сподвижники Годунова; только на окраине, в Земляном городе, распоряжался известный воевода И. Ф. Колычев – сторонник Шуйских.

Положение в столице усугублялось абсолютной неавторитетностью царя и открытыми разногласиями среди его опекунов. Прибывшие в Москву литовские послы воочию убедились в том, что московские правители, назначенные покойным Иваном IV, находились между собой в величайшем несогласии и очень часто спорили в присутствии самого Федора без всякого уважения к нему⁴³. Разногласия в верхах могли привести к непредвиденным последствиям в условиях, когда из-за катастрофической разрухи и военного поражения настроения недовольства широко затронуло почти все слои населения.

Через полгода после объявления всеобщей ам-

нистии Б. Ф. Годунов осуществил первые ограниченные репрессии против знати. Репрессивным мерам предшествовали перестановки в верхах. Триумvirат Н. Р. Юрьева, Б. Ф. Годунова и А. Я. Щелкалова просуществовал несколько месяцев. Но уже в конце лета 1584 г. в Польшу стали поступать сведения о том, что из-за болезни Юрьев устранился от дел. В последний раз имя Юрьева упоминалось в Разряде московской «семибоярщины» в августе 1585 г. Но это почетное поручение регент уже выполнить не мог. Против его имени дьяки поместили в Разряде: «Болен». По словам очевидцев, Н. Р. Юрьев внезапно лишился речи и рассудка. В столице много говорили о том, что его околдовали⁴⁴. В связи с отставкой наиболее авторитетного из членов триумvirата борьба в думе вспыхнула с новой силой. Влияние партии Мстиславского значительно усилилось. Вскоре в сферу конфликта было втянуто центральное финансовое ведомство – Казенный приказ, находившийся в ведение Головиных.

При Грозном четверо членов этой семьи – Петр, затем его сын Фома, а позже внуки Петр и Владимир – распоряжались государственными финансами. Но особенно преуспели Головины в начале царствования Федора. По традиции казну возглавляли два лица, проверявшие друг друга. При Федоре казначеями стали двоюродные братья. Впервые казна оказалась в бесконтрольном ведении одной семьи. Два брата главного казначея – Владимир и Иван Большой Мудрый – получили думные чины окольничих. Благодаря знатности, богатству и личным качествам

И. П. Головин стал одним из подлинных руководителей той партии в думе, которую номинально возглавлял регент Мстиславский. Он не боялся бросить вызов Бельскому и добился его отставки. Боярское руководство оценило его заслуги. Во время коронации Федора он нес перед царем главную корону — шапку Мономаха. Располагая поддержкой регентов Мстиславского и Шуйского, главный казначей открыто добивался изгнания бывших опричников из правительства. С Годуновым он обращался дерзко и неуважительно⁴⁵. Семья Головиных обладала большими местническими преимуществами перед родом Годуновых. Выиграв местнический спор с Бельским, казначей лишь ждал случая, чтобы посчитаться с его свояком.

Интрига боярской партии встревожила Бориса, и он решил нанести упреждающий удар. По его настоянию дума постановила провести ревизию казны. Проверка обнаружила большие хищения. Посольский приказ выступил за рубежом с заявлением, что Головины «покрали» царскую казну⁴⁶. Подлинность их заявления удостоверена описью царского архива, в котором упомянут столк с боярским приговором 7094 г.: «...что приговорили бояре Петра Головина за государеву краденую казну Казенного двора казнить смертью, тут же и вин его скаска, какова ему Петру чтена»⁴⁷. Казначей вывели на Лобное место и обнажили для казни, но в последний момент ему объявили о помиловании. С опальным обошлись сравнительно мягко: его избавили даже от обычной в то время торговой казни. Головина сослали в Казанский

край, где он и умер в тюрьме. Ходили слухи, что его тайно умертвили по приказу Бориса. Источники подтверждают версию о насильственной гибели П. И. Головина⁴⁸. Вместе с ним опале подвергся (не позднее декабря 1584 г.) окольниковый и казначей В. В. Головин. Брат казначея — М. И. Головин, находившийся в своей вотчине в Медыньском уезде, — бежал от царской опалы в Литву⁴⁹.

Летописи утверждают, что дело Головина было следствием прямого столкновения между Годуновым и знатью. В открытой вражде бояре будто бы «разделяхуся надвое: Борис Федорович Годунов з дядьями и з братьями, к нему же пристапа и иные бояре, и дьяки, и думные и служивые многие люди; з другую же сторону князь Иван Федорович Мстиславский, а с ним Шуйские и Воротынские, и Головины и Колычевы, и иные служивые люди, и чернь московская»⁵⁰. Столкновение завершилось пострижением Мстиславского и ссылкой Воротынских и Головиных. Хотя летописец верно определил круг аристократических противников правителя, в его записи, по-видимому, были объединены разновременные события. Осуждение Головиных имело место задолго до падения Мстиславского, а ссылка Воротынских относилась к более позднему периоду.

Пострижение главы Боярской думы окружено многими легендами. В поздних и недостоверных источниках XVII века отразилось предание о том, что Мстиславский выступил против Бориса после долгих колебаний, поддавшись уговорам Шуйских, Воротынских, Головиных и других бояр. Старый регент будто бы замыслил призвать Годунова в

свой дом на пир и там убить, однако правителя предупредили о его замысле⁵¹. Эта версия не внушает доверия. Мстиславскому незачем было прибегать к таким крайним мерам, как убийство. Глава опекунского совета и Боярской думы мог бороться против Годунова в рамках законности. В источниках имеются сведения о том, что Мстиславский и его сторонники разрабатывали планы развода царя с бесплодной царицей Ириной Годуновой. В случае успеха, заметил в своих записках Петр Петрей, бояре рассчитывали женить Федора на дочери Мстиславского. Шведский дипломат, впервые посетив Москву после воцарения Бориса, записал немало слухов без всякой критической проверки. Его сообщение можно было бы опровергнуть как недостоверное, но оно находит косвенные подтверждения в русских источниках. После пострижения Мстиславского судьба его дочерей стала предметом специальных разъяснений со стороны Посольского приказа. Борис поручил своим дипломатам объявить за рубежом, что девица Мстиславская была выдана замуж за князя Василия Черкасского⁵². Для русской дипломатической практики подобные разъяснения по поводу заурядного брака в боярской среде были случаем из ряда вон выходящим. Интерес Посольского приказа к боярышне подтверждает версию о том, что дочь Мстиславского метила в жены царю Федору. Источники сохранили предание о том, что Борис одолел главу думы и «напрасно измену положи» на него, благодаря поддержке главных думных дьяков — братьев Щелкаловых⁵³. В годы опричнины номинальный глава Боярской думы был

послушной пешкой царя в сложной политической игре. После сожжения Москвы татарами Грозный принудил его публично покаяться в том, что он своей изменой навел татар на святую Русь и тем погубил отражение от армии Батория, избил его посохом и взял с него новую запись с признанием вины⁵⁴.

Годунов и Щелкалов добились отставки Мстиславского без суда, после того как раскрылись его интриги против царицы Ирины. Главный опекун приходился Федору троюродным братом, и ссора была улажена чисто семейными средствами. Первый боярин думы был вынужден сложить регентские полномочия и удалиться на покой в монастырь. Власти старались возможно дольше скрывать опалу Мстиславского. Спустя полгода после его отставки московские дипломаты получили предписание разъяснить за рубежом, что он «поехал молитца по монастырям»⁵⁵. Это была полуправда. В приходо-расходных книгах Соловецкого монастыря удалось найти запись, раскрывающую обстоятельства и время изгнания регента. «Июля в 23 день (7093 г. — Р. С.), — значитя в документе, — приезжал в Соловецкий монастырь помолитися князь Иван Федорович Мстиславский и дал корм на два стола 20 рублей⁵⁶. Из Соловков боярин уехал на Белоозеро, в Кириллов монастырь, где подстригся под именем старца Ионы⁵⁷. Согласие боярина на изгнание избавило от опалы членов его семьи. Более того, старший сын регента боярин Ф. И. Мстиславский унаследовал обширное удельное княжество и сменил отца на посту первого боярина думы. Начиная с ноября 1585 г.

он неизменно занимал место главного воеводы в армии и старшего из бояр на торжественных приемах⁵⁸.

Суд над Головиными и отставка Мстиславского обострили конфликт между Годуновым и знатью.

Глава 1. Правитель государства

Опекунский совет, назначенный Грозным, окончательно распался. Новая ситуация в Москве получила отражение в польских источниках, отличавшихся большой достоверностью. К их числу относится отчет гродненского капитана Белявского о тайной беседе с переводчиком русского посольства, возвращавшегося в Москву из Праги. Толмач Яков Заборовский, поляк по рождению, еще до того, как попал в московский плен, стал служить в Посольском приказе, в течение десяти лет состоял под началом у Белявского. С помощью всевозможных уловок Заборовский добился свидания с Белявским и после клятвы на распятии о неразглашении тайны подробно рассказал ему о московских делах. Беседа состоялась в начале мая 1585 г., но сведения Заборовского отражали положение, сложившееся в Москве на начало года. По словам толмача, «москвиты окончательно договорились между собой, и из них только двое держат в своих руках управление всей страной и царством Московским. Одного из них зовут Борисом Федоровичем Годуновым... А другой временный правитель или нечто вроде этого — Андрей Щелка-

лов...». Заборовский полагал, что «положение Щелкалова более прочное, чем у зятя князя»¹.

Положение Годунова в самом деле было шатким. Против него выступали и низы, и «великие» бояре. Хотя первая вспышка народных волнений в столице была подавлена, но глубокое брожение в народе продолжалось.

Знатный земский дворянин М. Головин, попав ко двору Батория, нарисовал картину полного безвластия, воцарившегося в Москве. Головин настойчиво советовал польскому королю идти ратью на русскую землю, «куда захочет: где, деи, не придет, тут все его будет. Нихто, деи, против его руки не поднимет для того, рознь де... сказывают, в твоих (царя Федора. — Р. С.) государевых боярах великую, а людям строенья нет; и для, деи, розни и строения служитьи и битися нихто не хочет...»². Говоря о том, что в Москве «никто не хочет слушать», Головин имел в виду, конечно, земскую знать. Годунов прекрасно понимал, что кончина Федора приведет к мгновенному крушению его власти.

30 ноября 1585 г. он неожиданно пожертвовал тысячу рублей в Троице-Сергиев монастырь³. Таким колоссальным вкладом он хотел обеспечить прибежище семье на случай опалы. Немного ранее, в сентябре того же года, Годунов направил в Лондон англичанина Джерома Горсея с рядом секретных поручений. Морская навигация закончилась, и гонцу пришлось ехать через Псков и Ревель. Он спешил так, словно за ним гнались. В пути он бил смертным боем ямщиков, «вымучивал» лошадей на ямских станциях. В своих ран-

ний записях Д. Горсей обошел молчанием суть «особенных» поручений от Годунова, которые «не подлежали обнародованию». Однако в поздних мемуарах англичанина можно найти существенные подробности относительно его миссии. Оказывается, Борис поручил ему договориться с королевой Елизаветой относительно предоставления его семье убежища в Англии. Годунов шел по стопам Грозного. Он ждал смуты и готовился бежать из России. По словам Горсея, он даже приступил к осуществлению этого плана и тайно перевез свои сокровища в Соловецкий монастырь, чтобы оттуда в случае мятежа переправить их в Лондон. В дальнейшем королева не раз беседовала с Горсеем о том, какими средствами можно побудить Годунова исполнить свои намерения и перевезти деньги и имущество в Лондон. На полях рукописи Горсей пометил возле приведенных строк: «Слишком поздно»⁴. Английский эмиссар не сумел сохранить в тайне цель своей миссии, и через купцов слухи о закулисных переговорах в Лондоне проникли в Москву. Известие об обращении правителя к английским протестантам окончательно подорвало его престиж. Противники Годунова не преминули этим воспользоваться. Кризис власти приобрел более резкие очертания к весне 1586 г. В конце апреля умер боярин Н. Р. Юрьев. Его кончина послужила толчком к новым волнениям в Москве. Беспорядки едва не погубили Годуновых.

Расходные книги кремлевского Чудова монастыря сохранили запись о том, что 14 мая 1586 г. монахи закупили военные припасы «для осадного времени»⁵. Факт осады Кремля получил отраже-

ние в официальных документах в извращенном виде. Русские послы за рубежом пытались опровергнуть неблагоприятную информацию, но их заявления невольно выдали истину. Царский гононец, снаряженный в Польшу в конце 1586 г., получил следующий наказ: «А буде взмолвят, за что же в Кремли-городе в осаде сидели и сторожи крепкие учинили?.. того не бывало, то некто сказывал негораздо, бездельник. От ково, от мужиков, в осаде сидеть? А сторожи в городе и по воротам, то не ново, издавна так ведетца для всякого береженья». Прибывшие в Польшу в начале 1587 г. «великие послы» не только подтвердили вышеизложенную версию, но и дополнили ее некоторыми подробностями насчет «береженья» Кремля: «И дети боярские, и прикащики по воротам, и стрельцы живут для всякого береженья и на государском дворе живут, переменяясь, для огня, для пожара»⁶.

Из разъяснений дипломатов следует, что выступления «мужиков», т. е. московского посадского населения, вынудили правительство ввести в столице осадное положение. В повестях и летописях XVII в. московские волнения получили тенденциозное освещение. «Повесть како отомсти» сообщает, что «всенародному собранию московских людей множеству» стало известно об умышлении Бориса на Шуйских, после чего народ решил побить Бориса и весь его род камнями⁷. За туманными фразами «Повести» с трудом угадываются контуры народного мятежа, заставившего Годунова сидеть в осаде в Кремле. Составленная при царе Василии Шуйском «Повесть» с очевидным пристра-

стием описывала события 20-летней давности. Но аналогичную картину нарисовал и автор «Нового летописца», близкий ко двору Романовых. По его словам, гости и всякие московские торговые люди черные – все стояли за Шуйских в их столкновении с Годуновыми⁸.

Летописцы, по всей видимости, преувеличили роль, которую сыграла в московских волнениях борьба придворных партий. Если бы восстание целиком было инспирировано Шуйскими, ничто не помешало бы им разгромить дворы Годуновых и расправиться с ними. Между тем исход событий указывает на то, что размах внезапно вспыхнувшего возмущения ошеломил бояр и застал врасплох власть имущих. «Московских людей множество», «торговые многие люди черные» двинулись в Кремль и заполнили площадь перед Грановитой палатой. Народ требовал выдачи правителя Годунова, который олицетворял в глазах толпы гнет и несправедливость. Москвичи, повествует летописец, «восхотеша его со всеми сродници без милости побити камением». Годуновым грозила смертельная опасность. Но Шуйские не смогли использовать благоприятный момент для расправы со своими противниками. Чтобы успокоить восставшую «чернь» и удалить ее из Кремля, боярам пришлось помириться между собой. Роль мирового посредника взял на себя митрополит Дионисий. Учитывая популярность И. П. Шуйского в народе, власти поручили ему переговоры с восставшими. Регент постарался уверить толпу, что «им на Бориса нет гнева», что они «помирились и впредь враждовать не хотят меж себя». Несколько торго-

вых «мужиков» пытались перечить боярину, но момент был упущен, и настроение толпы переменялось⁹. Как только народ покинул Кремль, власти немедленно затворили все ворота, расставили стрельцов на стенах и окружили многочисленной стражей государев двор. Началось известное по дипломатическим документам «сидение» в Кремле в осаде.

Мир между Шуйскими и Годуновыми оказался недолговечным. Знать спешила использовать нечем не прикрытое поражение Бориса, чтобы окончательно избавиться от него.

Посылая Джерома с секретной миссией в Лондон, Борис Годунов доверил ему дело самого деликатного характера. Горсей получил царскую грамоту к королеве Елизавете с просьбой подыскать в Англии искусного врача и повивальную бабку для царицы Ирины. Еще 15 августа 1585 г. Борис прислал к Горсею своего конюшего с запиской, в которой настоятельно просил, чтобы доктор прибыл, «запасшись всем нужным». Через Горсея Борис обратился к лучшим английским медикам за рекомендациями относительно царицы Ирины. Во время своего замужества царица часто бывала беременна (в своих записках Горсей написал эти слова русскими буквами ради сохранения тайны), но каждый раз неудачно разрешалась от бремени. Горсей консультировался с лучшими врачами в Оксфорде, Кембридже и Лондоне. Королеве Елизавете агент Годунова объявил, что царица Ирина пять месяцев как беременна, и просил поспешить с исполнением ее просьбы¹⁰.

В конце марта 1586 г. Горсей получил от Елизаветы письма к царю Федору и с началом нави-

гации отплыл в Россию. При нем были королевский медик Роберт Якоби и повивальная бабка.

Годуновы надеялись, что рождение сына у царицы Ирины упрочит положение династии, а следовательно, и их собственные позиции при дворе. Но их обращение к иноверцам и еретикам вызвало раздражение истинно православных людей. Из благочестивых побуждений бояре и попы возражали против того, чтобы еретическая «дохторица» помогала рождению царского ребенка.

Англичанка прибыла на Русь в крайне неудачное время. Майский мятеж в Москве дал Шуйским перевес над Годуновыми. Опасаясь, как бы переговоры с Лондоном не повредили доброму имени царицы, правитель был вынужден дезавуировать своего эмиссара и публично заявил, что считает английские предложения по поводу повивальной бабки бесчестьем для сестры. В Боярской думе зачитали грамоту Елизаветы к царице, смысл которой был искажен московским толмачом до неузнаваемости. Так, Елизавета сообщила Ирине, что посылает к ней, «как у нас просимо, повивальную бабку», а также своего лейб-медика, который будет руководить действиями повивальной бабки и, наверное, принесет пользу Вашему здоровью». Королева, значилось в переводе, направляет царице доктора, который «своим разумом дохторстве лучше и иных баб». Правитель публично выразил гнев по поводу действий Горсея, назвал его «шутком и рабом, обманувшим королеву», и даже потребовал его головы. А царица Ирина так и не смогла воспользоваться услугами повивальной бабки. Англичанка оставалась в Вологде в течение

года, а потом покинула Россию¹¹. Царская семья оказалась игрушкой в руках могущественных бояр и духовенства, объединившихся против Годуновых.

Получив новые доказательства бесплодия царицы, оппозиция решила нанести правителю открытый удар. Среди русских источников самые подробные сведения о выступлении оппозиции содержит краткая летописная заметка из Хронографа так называемой редакции 1617 г. Этот источник носит компилятивный характер. При составлении глав, повествующих о событиях конца XVI в., автор Хронографа, по-видимому, использовал несохранившийся ранний летописец¹². Согласно Хронографу, «премудрый грамматик» митрополит Дионисий, большие бояре и московские гости решили просить царя Федора, чтобы ему «вся земля царские державы своя пожаловати, прияти бы ему второй брак, а царицу первого брака Ирину Федоровну пожаловати отпустить во иноческий чин и брак учинити ему царьскаго ради чадородия»¹³.

Степень достоверности позднего Хронографа сама по себе невелика. Но его сведения о выступлении оппозиции находят подтверждение в источнике независимого от него происхождения, что значительно повышает их ценность. Шведский агент в Москве Петр Петрей описал обычай, согласно которому Боярская дума разводила великих князей с бездетными женами. Бояре, отмечает Петрей, решили развести царя Федора с бесплодной Ириной и женить его на сестре боярина Ф. И. Мстиславского, но Борис расстроил этот брак¹⁴.

Русские писатели XVII в. старались щадить имя благочестивой Ирины Годуновой. Тем не менее в их сочинениях также можно обнаружить намеки на подготовлявшийся развод.

Осведомленный московский дьяк Иван Тимофеев в обычных для него туманных выражениях повествует о том, что Борис насильственно постригал в монастырь девиц – дочерей первых (!) после царя бояр, опасаясь возможности повторного брака Федора: «яко да не понудится некими царь принять едину от них второбрачием в жену ради неплодства сестры его»¹⁵. Осторожный дьяк не назвал имен «неких» лиц, которые «понуждали» Федора к «второбрачию». Более того, он умолчал о том, существовала ли угроза «понуждения» царя к разводу или «некие» лица привели ее в исполнение.

По данным Хронографа, бояре созвали «совет», который взял на себя миссию выразить мнение «всей земли». Совещение было достаточно авторитетным и представительным. В нем участвовали многие лица от «больших бояр и от вельмож царе-вы полаты». Подлинными инициаторами «совета» были глава церкви митрополит Дионисий и бояре Иван Петрович, Василий, Андрей и Дмитрий Ивановичи Шуйские. Влияние Шуйских достигло апогея после весенних волнений. Сторонники развода царя пытались привлечь на свою сторону главу думы Ф. И. Мстиславского. Они обещали Мстиславскому сделать его сестру новой царицей. Боярскую интригу поддерживали столичная знать, духовенство и торговая верхушка посада. Участие столичных гостей и купцов придало «совету» земский характер. Совещение выработало письмен-

ный документ. Члены совещания скрепили его своими подписями («рукописанием»). «Земля» пыталась продиктовать свою волю самодержцу. Столкнулись два принципа – самодержавный и земский соборный. Закон был на стороне земства. Бесплодие царицы было достаточным основанием для развода. Василий III развелся с Сабуровой, а Иван IV с тремя царицами по той же причине. Решение о разводе было принято старшим регентом, главой церкви, Боярской думой и представителями «царствующего» града.

Боярская дума могла провести в жизнь свое решение, если бы этому не помешал раскол в ее собственной среде. Регента Шуйского и митрополита Дионисия поддержали бояре Мстиславские, бояре Андрей Шуйский с двумя братьями, боярин Ф. Шереметев, воевода И. Крюк-Колычев и другие дворяне. Эти бояре и руководство церкви располагали поддержкой населения Москвы. Активными участниками собора были богатые московские гости и купцы – Федор Нагой, Голуб, Русин Синеус. Против приговора выступили конюший Борис Годунов, бояре Дмитрий, Григорий, Степан и Иван Годуновы, боярин Ф. Н. Романов и кравчий А. Н. Романов, их родня Сицкий и Троекуров, Хворостинины, думный дворянин А. П. Клешнин, дьяки Щелкаловы и др. В столкновении с «землей» Борис одержал едва ли не самую трудную победу в своей жизни. Попытка вмешаться в семейную жизнь Федора потерпела полную неудачу – ее инициаторов постигло наказание.

Последовавшие за смертью Грозного распри в верхах ослабили светскую власть и выдвинули на

авансцену церковь. Митрополит выступил с починном созыва «избирательного» собора, а затем короновал Федора в Успенском соборе. Раскол в думе позволил митрополиту выступить в роли посредника между враждующими боярскими партиями. В тот момент «премудрый грамматик» Дионисий был, как никогда, близок к тому, чтобы стать вершителем дел в государстве. В вопросе о разводе царя оппозиция возлагала на Дионисия особые надежды: разводы на Руси всегда входили в компетенцию церкви. Однако едва митрополит выступил с предложением развести царя Федора и открыто примкнул к оппозиции, его влиянию пришел конец.

Правителю удалось сравнительно легко справиться с церковной оппозицией. В памяти иерархов были живы громкие судебные процессы опричнины и свирепые расправы с митрополитом Филиппом, архиепископами Пименом и Леонидом, архимандритами Корнилием, Митрофаном и монахами. Священный собор не осмелился выступить в поддержку митрополита. 13 октября 1586 г. Дионисий был лишен сана, пострижен в монахи и заточен в Хутынский монастырь в Новгороде. Пост главы церкви занял Иов, ставленник Бориса Годунова. «Собеседник» и единомышленник Дионисия крутицкий архиепископ Варлаам Пушкин был заточен в новгородский Антониев монастырь¹⁶. Близкий ко двору Романовых автор «Нового летописца» утверждал, будто церковники пострадали из-за попыток прекратить гонения. Дионисий и Варлаам, повествует летописец, «видя изгнание бояром и видя многие убийство и кровопролитие

неповинное и начаша обличати и говорити царю Федору Ивановичу Борисову неправду Годунова, многие ево неправды»¹⁷. Автора «Нового летописца» можно заподозрить в излишней тенденциозности. К моменту низложения митрополита не произошло еще многого «убийства», а гонения на бояр носили самый умеренный характер.

Внутренние распри осложнились угрозой внешнего вторжения. Сразу после смерти Ивана VI Баторий порвал перемирие с Россией и стал открыто готовиться к походу в Россию. Одновременно Речь Посполитая выдвинула проект унии с Россией. В 1586 г. В Москву прибыл посол М. Гарабурда с предложением заключить «вечный мир» при условии, что в случае смерти бездетного Федора на московский трон взойдет король Баторий. Если же Баторий умрет ранее Федора, вопрос о троне будет решаться особо¹⁸. Переговоры об унии России и Речи Посполитой велись уже при Иване Грозном, и проект унии, без сомнения, имел сторонников в Москве.

Уже в 1586 г. в Польше стало известно, что среди московских бояр образовалось две партии: одну возглавляет Мстиславский, который предан польскому королю, а противоположную – Никита Романов¹⁹. В 1585 г. переводчик Посольского приказа в Москве информировал поляков, что Шуйские принадлежат к пропольской партии: «они очень преданы Вашему Величеству... и все надежды возлагают на соседство с Вашими владениями»²⁰. Папский нунций и сам Баторий в письмах не раз замечали, что бояре и почти весь народ московский не желают терпеть Бориса Годунова

и «ждут помощи от польского короля»²¹. В отчете о поездке в Москву Гарабурда уверял, что против унии выступают лишь Годунов и Щелкалов, тогда как «почти вся земля расположена к королю его милости», и даже дворяне отступили от Годунова «и к другой стороне пристали, открыто заявляя, что сабли против польского короля не поднимут, а вместе с другими боярами хотят согласия и соединения»²². А. А. Зимин рассматривает многочисленные сведения подобного рода как всецело недостоверные²³. С этим трудно согласиться. Пропольская «партия» в Москве была реальностью. В разгар Смуты она добилась избрания на трон Владислава, но образовалась она задолго до избрания польского королевича.

В условиях надвигавшейся войны Годунов сориентировался на союз с австрийскими Габсбургами — противниками Батория, тогда как Шуйские надеялись устранить угрозу войны с помощью переговоров об унии. Проект передачи трона Баторию подготовлял почву для отстранения от власти потомков Калиты. От исхода столкновения между Шуйскими и Годуновыми зависело, сохранится ли в России династия, олицетворявшая самодержавные порядки, или страна избавится от наследников Грозного.

Пока в роли первосоветников при дворе подвизались бывшие опричники, Федор оставался в глазах подданных воплощением принципа самодержавной власти. Появление на троне бездетного царя впервые подало аристократии надежду на избавление от старой династии, скомпрометировавшей себя кровопролитием и произволом.

Царь Федор часто болел, и его смерти ждали не однажды. Правитель и Дума расходились в вопросе о путях разрешения династического кризиса. Дьяк Андрей Щелкалов в тайной беседе с толмачом, служившим в его приказе, допускал возможность унии с Речью Посполитой при непременно условии брака Батория с вдовой царя Федора. «Если у него (Батория) королева уйдет из этой жизни, так что он мог бы жениться на нашей великой княгине, — говорил дьяк, — то мы сделали бы это очень охотно»²⁴. Предложенная дьяком комбинация устраняла возможность передачи трона Дмитрию и сохранения династии Калиты.

В случае кончины Федора у Бориса был единственный шанс сохранить власть. Ему необходимо подготовить почву для нового династического брака, который позволил бы Ирине Годуновой после смерти мужа остаться московской царицей. Один из таких проектов обсуждался в окружении Щелкалова, другой — в окружении Бориса. В 1585 г. посол Лука Новосильцев, ездивший в Прагу, узнал о смертельной болезни Федора и немедленно завел переговоры с Габсбургами относительно возможности заключения брака вдовы Ирины с одним из братьев императора²⁵. Во время визита в Москву Гарабурда потребовал объяснений по этому поводу. Борис попал в трудное положение. Власти объявили злодейством толки о сватовстве Ирины при живом муже: «И мы то ставим в великое удивление, што такие слова злодейские некто затеял, злодей и изменник»²⁶.

В конце 1586 г. Баторий умер, после чего Борис послал в Польшу послов для переговоров об

унии. Но их миссия потерпела полную неудачу. Польский трон занял Сигизмунд III. Речь Посполитая оказалась связана со Швецией личной унией. Заняв трон, Сигизмунд тотчас начал готовиться к войне. Россия была разорена дотла и не могла противостоять Речи Посполитой и Швеции.

В обстановке военной угрозы Борис Годунов обрушил на своих противников гонения. Боярин князь Андрей Шуйский был сослан в деревню, а затем посажен в тюрьму. Самая жестокая кара постигла московских купцов, которые, как разъяснил Посольский приказ за рубежом, вместе с Шуйскими «повороваали были, не в свойское дело (развод царя. — Р. С.) вступилися, к бездельником пристали»²⁷. Шесть московских купцов и торговых людей, участвовавших в соборе, были обезглавлены «на пожаре» посреди столицы. Власти не осмеливались учинить расправу над регентом И. П. Шуйским. Ему было предложено покинуть столицу и жить в своей вотчине.

В значительной мере победе Годунова способствовало то, что в его руках находилась военная сила — «двор» и, прежде всего, «дворовые» стрельцкие приказы, несшие охрану Кремля. «Двор» был последышем опричнины и включал тщательно отобранных дворян и стрельцов. События 1584 и 1586 гг. показали, что старый механизм управления, основанный на насилии, утратил действенность. Годуновы сделали карьеру в опричнине и на дворовой службе, но они раньше других поняли необходимость перемен. Страна не желала возврата к временам Грозного, и в 1587 г. правитель, проявив политическую мудрость, объявил о роспус-

ке «двора»²⁸. Иначе говоря, именно Борис — преемник Грозного — упразднил его политическое наследие — раскол дворянского сословия, на котором Иван IV воздвиг свою неограниченную власть. Роспуск «двора» был венцом карьеры правителя России. В то же время эта мера отняла у него надежную военную опору.

В 1588 г. страну постигли крупные стихийные бедствия. Неурожай привел к голоду, охватившему громадную территорию. Улицы столицы заполнили толпы нищих. Именно в это время в Москве появился юродивый Иван Большой Колпак, который нагим ходил по улицам Москвы и обличал правителей, «особенно же Годуновых, которых считают притеснителями всего государства»²⁹. В 1584–1586 гг. поддержка могущественного дьяка А. Щелкалова помогла Борису одолеть Шуйских. Однако в 1588 г. раздор между соправителями привел к опале Щелкалова, длившейся не менее полугода. Круг сторонников Годунова сузился.

Оказавшись в изоляции, правитель прибегнул к репрессиям, которые свидетельствовали о слабости его позиций. По меткому замечанию В. О. Ключевского, современные летописцы верно понимали затруднительное положение Бориса и его сторонников при царе Федоре: оно побуждало бить, чтобы не быть побитым³⁰.

В обстановке нараставшего кризиса власти завершили розыск об измене Шуйских. Следствие вели с применением обычных в то время средств. Участников заговора брали на пыточный двор и допрашивали с пристрастием. Некоторые из арестованных дворян, убедившись, что их дело проиг-

рано, поспешили сменить знамена. Федор Старой, служивший в свите Шуйских, подал донос на своих государей³¹. Власти получили важные улики, изобличившие вождей оппозиции в изменнических связях с Речью Посполитой. Бояре Шуйские, сосланные в деревню, в 1587 г. оказались под стражей. Как значится в книгах Разрядного приказа, «того же году 95-го сослан в опале в Галич князь Василий Иванович Шуйский». Из записи следует, что приставами у опального боярина были А. В. Замыцкий и галицкий судья князь М. Д. Львов. Оба дворянина внесены в список двора Федора (1588–1589 гг.). Против имени Замыцкого имеется помета «у Шуйских», против имени Львова – «у колодников, в Галич»³².

Более позднее «Сказание» свидетельствует, что Годунов перевел опальных Шуйских из их вотчин в темницы: князя Андрея – в Буй-город, князей Василия и Александра – в Галич, князей Дмитрия и Ивана – в село Шую. Список двора Федора подтверждает факт содержания Шуйских под стражей в трех местах. Так, в нем фигурируют трое дворян – А. В. Замыцкий, Ф. П. Чудинов-Окинфов и И. Р. Вырубов, служившие в конце 1588-1589 гг. приставами у опальных Шуйских³³.

Гроза грянула и над головой регента боярина И. П. Шуйского. Из отдаленной вотчины – укрепленного города Кинешмы – его перевели в Суздальскую вотчину – село Лопатниче, где он подвергся аресту³⁴. Несколько позже Шуйского под сильной охраной отправили на Белоозеро и насильно постригли в монахи. В Кирилло-Белоозерском монастыре Иов Шуйский имел возможность уви-

деться с князем И. Ф. Мстиславским, томившимся там более трех лет. Монастырская тюрьма стала местом заключения одновременно двух знатнейших последних душеприказчиков Грозного.

Старец Иов недолго пробыл в монастырской тюрьме. Даже в отдаленном северном монастыре под монашеским одеянием опальный дворянин казался правителю опасным соперником. В конце 1588 г. по всей стране прошла молва о его смерти. Английский посол Флетчер, Д. Горсей, московские и псковские летописцы упомянули о том, что «великий боярин» был убит по приказу Годунова³⁵. Была ли это обычная клевета на Бориса или современники дознались истины? Подлинные документы, найденные нами в фондах Кирилло-Белоозерского монастыря, позволяют рассеять сомнения. На страницах монастырских вкладных книг кирилловские монахи записали, что 12 ноября 1588 г. в их обитель прибыл князь И. С. Туренин, а 28 ноября этот пристав внес большое денежное пожертвование на помин души князя И. П. Шуйского. «А корм на преставление его (князя Шуйского. – Р. С.), – отметили старцы, – ноября в 16 день»³⁶. Разумеется, Туренин мог пожертвовать деньги на опального только по царскому повелению. Но чтобы снестись с Москвой, ему нужен был по крайней мере месяц. Следовательно, распоряжение из столицы могло дойти не раньше середины декабря. Между тем Туренин «упокоил» душу опального в ноябре на 12-й день после его кончины. Приходится предположить, что правитель поручил Туренину не только сопровождать Шуйского на Белоозеро, но и убить его.

Бывшего опекуна задушили дымом³⁷. Сам способ казни указывал на то, что Борис старался убить соперника по возможности без огласки. В тех же целях он затеял маскарад пострижения. Казнь Шуйского можно назвать поистине «благочестивым» убийством. Московские государи перед кончиной всегда надевали иноческое платье. По понятиям людей того времени, «ангельский образ» облегчал потустороннюю жизнь. Сколь бы критической ни была ситуация, убийство Шуйского было продиктовано не трезвым политическим расчетом, а чувством страха. Пострижение регента покончило с его светской карьерой, ибо в мир он мог вернуться лишь расстригой.

Из прочих братьев Шуйских также погиб в тюрьме князь Андрей Иванович, признанный глава антигодуновского заговора. Обстоятельства его смерти в точности неизвестны. Поздние летописцы в один голос говорят о насильственной смерти А. И. Шуйского, но местом ссылки боярина называют Каргополь, Самару и др. места, что ставит под сомнение их осведомленность³⁸. Есть сведения о том, что князь А. И. Шуйский был убит в темнице в Буй-городе приставом С. Маматовым 8 июня 1589 (7097) г.³⁹. Последнее известие, однако, не поддается проверке.

Московские летописи четко очертили круг лиц, которые подверглись гонениям в связи с опалой Шуйских. К нему принадлежали князья Татевы, а также знатные дворяне Колычевы⁴⁰.

Видный воевода и боярин князь Татев-Стародубский занимал влиятельное положение в думе. Он постригся в монахи еще в сентябре 1586 г.,

т. е. до опалы Шуйских⁴¹. Возможно, его пострижение было вынужденным. Сын боярина князь И. П. Татев был сослан в Астрахань в прямой связи с розыском об измене Шуйских. Соратник Шуйского И. Ф. Крюк-Колычев, один из лучших воевод конца Ливонской войны, попал в каменную тюрьму в Нижний Новгород⁴².

В связи с разоблачением заговора против Годуновых гонениям подверглись не только знатные бояре, но и многие дворяне средней руки, приказные чины и столичные торговые люди. «Сказание о Гришке Отрепьеве» повествует, что после расправы с Шуйскими Борис «многих дворян и служилых людей, и приказных, и гостей, и воинских людей разослал в Поморские города, и в Сибирь, и на Волгу, и на Терек, и в Пермь Великую в темницы и в пусты места»⁴³. В тюрьму попали суздальский дворянин голова В. М. Урусов, приказной А. Быкасов и многие другие. Имеется предположение, что в связи с «делом» Шуйских в монастырь угодил ростовский сын боярский Аверкий Иванович Палицын, знаменитый впоследствии писатель «смутного времени»⁴⁴.

Возврат к политике репрессий, неизбежный в условиях глубокого конфликта между властями и боярством, живо напомнил современникам опричнину. По словам псковского летописца, Борис, будучи еще в «правителях», начал «боярския великия роды изводити... и род свой вынес и с теми восхоте царствовать на многие лета»⁴⁵. Английский наблюдатель Д. Флетчер, обстоятельно описывая опричные меры Грозного против знати, попутно заметил, что подобные средства доселе

используются Годуновыми, которые намерены истребить и унизить все знатнейшее и древнейшее дворянство⁴⁶.

В действительности же политика Годунова никогда не была простым повторением политики Ивана IV. Грозный стремился к достижению своих целей с помощью неограниченного насилия. Репрессии Бориса носили сравнительно умеренный характер. Главное же различие заключалось в следующем. Опричная политика не ставила своей задачей удовлетворение интересов дворянства в целом. В опричнине царь Иван опирался исключительно на силы дворянского охранного корпуса, наделенного особыми привилегиями. Борис же придал своей политике более широкую ориентацию. Он пытался найти опору в дворянских массах. Осуществленная им программа социальных мероприятий отвечала интересам сословия в целом.

Глава 2. Смерть царевича Дмитрия

Вскоре после смерти Грозного царица Мария и ее сын Дмитрий вынуждены были покинуть Москву. По завещанию, составленному за много лет до смерти, Иван IV распорядился выделить в удел вдове город Ростов, а ее возможному сыну — Углич и три других города. Царица Мария Нагая не получила никаких земель отдельно от сына. Осведомленные русские летописи утверждают, что в последнем завещании Грозный «повелел дать удел

град Углич со всем уездом и з доходы» младшему сыну, царевичу Дмитрию¹. Над царевичем и его матерью, скорее всего, была учреждена боярская опека. Именно поэтому в уделе не была образована Боярская дума².

Федор отпустил младшего брата на удел «с великой честью», «по царскому достоянию». В проходах участвовали бояре, 200 дворян и несколько стрелецких приказов. Царице было назначено содержание, приличествовавшее ее сану³. Но никакие почести не смогли смягчить унижение вдовствующей царицы. Удаление Нагих из столицы за неделю до коронации Федора имело символическое значение. Власти не пожелали, чтобы вдова царица и ее сын присутствовали на коронации в качестве ближайших родственников царя.

После распада опекунского совета положение Нагих в Угличе изменилось. В столице княжества водворился государев дьяк М. И. Битяговский. В приказном мире его имя было широко известно. Одно время он был главным дьяком Казанского края. Как помощник первого боярина князя Ф. И. Мстиславского, дьяк провел дворянский смотр во Владимире. В описях архива сохранилась такая запись: «Володимер. 98-го году смотру боярина князя Федора Ивановича Мстиславского до дьяка Михаила Битяговского»⁴. Самым примечательным в ней является дата — 7098 г. (1589—1590 гг.). Оказывается, в эти годы Битяговский служил не в Угличе, а в Москве в Разрядном приказе. Таким образом, вопреки обычному представлению дьяк сидел в Угличе не более полутора лет. Московские власти сократили ассигнования на

нужды княжеской семьи и обязали угличан нести государственные повинности. Царица Нагая и ее братья постоянно ссорились с Битяговским из-за денег «на царицын и царевичев обиход». Они выразили крайнее неудовольствие, когда в Углич пришел приказ о сборе «на посохи пятьдесят человек под город Гуляй». Нагие надеялись, что после смерти царя Федора его трон наследует Дмитрий. В Угличе ждали его кончины с нетерпением. Дьяк Битяговский дознался, что Михаил Нагой держит на своем дворе «ведуна» Андрюшку Мочалова и «тому ведуну велел ворожит, сколько... государь долговечен и государыня царица». Со своей стороны царица Мария обвинила дьяка в том, что он приютил у себя юродивую («жоночку юродивую»), накликавшую на ее сына «падучую болезнь»⁵.

Углич стал источником многих слухов, порочивших правительство. По русским источникам, угличского князя пытались «окормить зельем». Англичанин Флетчер, будучи в Москве в 1588–1589 гг., записал, будто от яда, предназначенного для Дмитрия, умерла его кормилица. В действительности же кормилица Арина Тучкова благополучно пережила своего питомца. Вероятно, под впечатлением пересудов Флетчер написал за два года до смерти Дмитрия слова, которые впоследствии стали рассматриваться как пророческие: «царский род России... по-видимому, скоро пресечется со смертью особ, ныне живущих...»⁶.

При регентах права царевича Дмитрия как сына Грозного не ставились под сомнение. В день коронации митрополит Дионисий пожелал здоро-

вья и многолетия царю Федору с «царицей Ириной и со своим братом со князем с царевичем Дмитрием Ивановичем, и со своими бояре»⁷. Несколько лет спустя царь Федор, вследствие происков Годунова, запретил духовенству поминать имя царевича при богослужениях на том основании, что он рожден в шестом браке и потому является незаконнорожденным⁸. Проведение в жизнь подобного взгляда на Дмитрия в корне разрушало расчеты и надежды Нагих.

15 мая 1591 г. царевич Дмитрий погиб. Его смерть послужила прологом к восстанию в Угличе. Подстрекаемые царицей Марией и Михаилом Нагим, угличане разгромили Приказную избу, убили государева дьяка Битяговского, его сына и нескольких других лиц. Четыре дня спустя в Углич прибыла следственная комиссия. Она допросила 140 свидетелей. Протоколы допросов, а также заключение комиссии о причинах смерти Дмитрия дошли до наших дней. Однако существует мнение, что основная часть угличских материалов дошла до нас в виде белой копии, составители которой то ли ограничились простой перепиской имевшихся в их распоряжении черновых документов, то ли произвели их некую выборку, а возможно, и подвергли редактированию⁹. Тщательное палеографическое исследование текста «обыска», проведенное В. К. Клейном, в значительной мере рассеивает подозрения насчет фальсификации следственных материалов в момент составления их белой копии¹⁰. Основным материалом переписан восемью разными почерками. Входившие в комиссию подьячие провели обычную работу по под-

готовке следственных материалов к судопроизводству. В подавляющем большинстве случаев показания свидетелей-угличан отличались завидной краткостью, и подьячие, записав их, тут же предлагали грамотным свидетелям приложить руку. По крайней мере 20 свидетелей подписали на обороте свои «речи». Их подписи строго индивидуализированы и отражают разную степень грамотности, довольно точно соответствовавшую их общественному положению и роду занятий. В следственную комиссию вошли очень авторитетные лица, придерживавшиеся разной политической ориентации. Скорее всего, по инициативе Боярской думы руководить расследованием поручили боярину Василию Шуйскому, едва ли не самому умному и изворотливому противнику Годунова, незадолго до этого вернувшемуся из ссылки. Его помощником стал окольный А. П. Клепшин. Он поддерживал дружбу с правителем, но в то же время приходился зятем Григорию Нагому, состоявшему при царице Марии в Угличе. Вся практическая организация следствия лежала на главе Поместного приказа думном дьяке Е. Вылузгине и его подьячих. По прошествии времени следователь В. Шуйский не раз менял свои показания относительно событий в Угличе, но комиссия в целом своих выводов не пересматривала.

Составленный следственной комиссией «обыск» сохранил не одну, а по крайней мере две версии гибели царевича Дмитрия. Версия насильственной смерти всплыла в первый же день дознания. Наиболее энергично ее отстаивал дядя царицы Михаил Нагой. Он же назвал имена убийц Дмитрия:

сына Битяговского Данилу и др. Однако Михаил не смог привести никаких фактов в подтверждение своих обвинений. Его версия рассыпалась в прах, едва заговорили другие свидетели. Когда позвонили в колокол, показала вдова Битяговского, «муж мой Михайло и сын мой в те поры ели у себя на подворьишке, а у него ел священник... Богдан». Поп Богдан был духовником Григория Нагого и изо всех сил выгораживал Нагих, утверждая, что те не причастны к убийству дьяка, погубленного посадскими людьми. Хотя показания попа откровенностью не отличались, он простодушно подтвердил, что обедал за одним столом с Битяговским и его сыном, когда в городе ударили в набат. Таким образом, в минуту смерти царевича его «убийцы» мирно обедали у себя дома вдалеке от места преступления. Они имели стопроцентное алиби. Преступниками их считали только сбитые с толку люди. Показания свидетелей выяснили еще одну любопытную деталь: Михаил Нагой не был очевидцем происшествия. Он прискакал во дворец «пьян на коне», «мертв пьян», после того как ударили в колокол. Протрезвев, Михаил осознал, что ему придется держать ответ за убийство дьяка, представлявшего в Угличе особу царя. В ночь перед приездом Шуйского он велел преданным людям разыскать несколько ножей и палицу и положить их на трупы Битяговских, сброшенные в ров у городской стены. Комиссия, расследовавшая дело по свежим следам, без труда разоблачила подложные улики. Городовой приказчик Углича Русин Раков показал, что взял у посадских людей в Торговом ряду два ножа и принес их к Нагому, а тот

велел слуге резать курицу и вымазать кровью оружие. Михаил Нагой был изобличен, несмотря на запертость. На очной ставке с Раковым слуга Нагого, резавший курицу в чулане, подтвердил показания приказчика. Михаила Нагого окончательно выдал брат Григорий, рассказавший, как он доставал из-под замка «ногайский нож» и как были изготовлены другие «улики».

Версия нечаянного самоубийства Дмитрия исходила от непосредственных очевидцев происшествия. В полдень 15 мая царевич под наблюдением взрослых гулял с ребятами на заднем дворе и играл ножичком в тычку. При нем находилась боярыня Волохова, кормилица Арина Тучкова, ее сын Петрушка и еще два мальчика «жильца». Шуйский придавал показаниям мальчиков исключительное значение и допрашивал их с собой тщательностью. Прежде всего он выяснил, «кто в те поры за царевичем были». Ребята отвечали, что «были за царевичем в то поры только они, четыре человека, да кормилица, да постельница». На заданный «в лоб вопрос: были ли в те поры за царевичем Осип Волохов и Данило Битяговский?» «жильцы» дали отрицательный ответ. Мальчики прекрасно знали людей, о которых их спрашивали. (Сын дьяка был их сверстником, а Волохов и Качалов служили «жильцами» в свите царевича и были постоянными товарищами их игр). Они кратко, точно и живо рассказали о том, что произошло на их глазах: «... играл-де царевич в тычку ножичком с ними на заднем дворе, и пришла на него болезнь – падучей недуг – и набросился на нож».

Может быть, мальчики сочинили историю о болезни царевича в угоду Шуйскому? Такое предположение убедительно опровергается показаниями взрослых свидетелей.

Трое видных служителей царицына двора – подключники Ларионов, Иванов и Гнедин – показали следующее: когда царица села обедать, они стояли «вверху за поставцом, ажно, деи, бежит в верх жилец Петрушка Колобов, а говорит: тепил-ся, деи, царевич с нами в тычку ножом и пришла, деи, на него немочь падучая... да в ту пору, как его било, покололся ножом сам и оттого умер». Итак, Петрушка Колобов сообщил комиссии то же самое, что и дворовым служителям через несколько минут после гибели Дмитрия.

Показания Петрушки Колобова и его товарищей подтвердили Марья Колобова, мамка Волохова и кормилица Тучкова. Свидетельство кормилицы отличалось удивительной искренностью. В присутствии царицы и Шуйского она назвала себя виновницей несчастья: «... она того не уберегла, как пришла на царевича болезнь черная... и он ножом покололся...».

Спустя некоторое время нашелся восьмой очевидец гибели царевича. Приказной царицы Протопопов на допросе показал, что услышал о смерти Дмитрия от ключника Толубеева. Ключник, в свою очередь, сослался на стряпчего Юдина. Всем троим тотчас устроили очную ставку. В результате выяснилось, что в полдень 15 мая Юдин стоял в верхних покоях «у поставца» и от нечего делать смотрел в окно, выходявшее на задний двор. По словам Юдина, царевич играл в тычку и наколол-

ся на нож, а «он (Юдин. — Р. С.)... в те поры стоял у поставца, а то видел»¹¹. Юдин знал, что Нагие толковали от убийстве, и благоразумно решил уклониться от дачи показаний следственной комиссии. Если бы его не вызвали на допрос, он так ничего бы и не сказал.

Версия нечаянной гибели царевича содержит два момента, каждый из которых поддается всесторонней проверке.

Во-первых, болезнь Дмитрия, которую свидетели называли «черным недугом», «падучей болезнью», «немочью падучей». Судя по описаниям припадков и их периодичности, царевич страдал эпилепсией. Как утверждали свидетели, «и прежде тово... на нем (царевиче. — Р. С.) была ж та болезнь по месяцам беспрестанно». Сильный припадок случился с Дмитрием примерно за месяц до его кончины. Перед «великим днем», показала мамка Волохова, царевич во время приступа «объел руки Ондрееве дочке Нагого, одва у него... отнели». Андрей Нагой подтвердил это, сказав, что Дмитрий «ныне в великое говенье у дочери его руки переел», а прежде «руки едал» и у него, и у «жильцов», и у постельниц: царевича «как станут держать, и он в те поры ест в нецывенье, за что попадется». О том же говорила и вдова Битяговского: «Многажды бывало, как ево (Дмитрия. — Р. С.) станет бити тот недуг и станут его держати Ондрей Нагой и кормилица и боярони, и он... им руки кусал или, за что ухватит зубом, то отъест».

Последний приступ эпилепсии у царевича длился несколько дней. Он начался во вторник. На третий день царевичу «маленько стало полех-

че», и мать взяла его к обедне, а потом отпустила на двор погулять. В субботу Дмитрий второй раз вышел на прогулку, и тут у него внезапно возобновился приступ¹².

Во-вторых, версия о самоубийстве предполагала, что царевич в момент приступа забавлялся с ножичком. Свидетели описали забаву подробнейшим образом: царевич «играл через черту ножом», «тыкал ножом», «ходил по двору, тешился сваею (остроконечный нож. — Р. С.) в кольцо». Правила игры были несложными: в очерченный на земле круг игравшие поочередно втыкали нож, который следовало взять за острие вверх и метнуть так ловко, чтобы он, описав в воздухе круг, воткнулся в землю торчком. Следовательно, когда с царевичем случился припадок, в руке у него был остроконечный нож. «Жильцы», стоявшие подле Дмитрия, показали, что он «набросился на нож». Василиса Волохова описала случившееся еще точнее: «...бросило его о землю, и тут царевич сам себя ножом поколол в горло». Остальные очевидцы утверждали, что царевич покололся «бьучися» или «летячи» на землю¹³. Таким образом, все очевидцы гибели Дмитрия единодушно утверждали, что эпилептик уколол себя в горло, и расходились только в одном: в какой именно момент царевич укололся — при падении или во время конвульсий на земле. Могла ли небольшая рана повлечь за собой гибель ребенка? На шее непосредственно под кожным покровом находятся сонная артерия и яремная вена. При повреждении одного из этих сосудов смертельный исход неизбежен. Прокол яремной вены влечет за собой почти мгновенную смерть,

при кровотечении из сонной артерии агония может затянуться.

Среди иностранцев наибольшую осведомленность в обстоятельствах гибели Дмитрия проявили австриец Л. Паули и англичанин Д. Горсей. В 1595 г. Паули писал из Москвы в Вену: «Между тем случилось так, что брат великого князя Дмитрий, которому шел двенадцатый год и резиденция которого находилась в Угличе, погиб (лишился жизни)»¹⁴. Осторожное свидетельство австрийца допускает двоякое толкование, хотя и не содержит прямого намека на убийство угличского князя.

Значительно большей определенностью отличается письмо посланника Д. Горсея. Волею случая Горсей оказался в мае 1591 г. неподалеку от Углича. В письме из Ярославля в Лондон от 10 июня 1591 г. Горсей конфиденциально сообщил лорду Бэрли, что девятилетний царевич «был жестоко и изменнически убит: ему перерезали горло в присутствии его дорогой матери императрицы...»¹⁵. Я. С. Лурье, впервые опубликовавший письмо, считал его важным документом ввиду беспристрастности Горсея в вопросе об угличских событиях. Чтобы оценить информацию Горсея, надо возможно точнее определить ее источник. В мемуарах англичанина есть многозначительный эпизод, касающийся его пребывания в Ярославле. Однажды глухой ночью Горсея разбудил стук в ворота, и при свете луны он увидел подле изгороди хорошо известного ему А. Ф. Нагого. Нагой поведал «другу», что «царевич Дмитрий скончался, в шестом часу дьяки перерезали ему горло,

слуга одного из них сознался под пыткой, что они посланы Борисом, царица отравлена и при смерти...», и просил какого-нибудь снадобья для нее¹⁶. «Записки» Горсея, несомненно, свидетельствуют о том, что его письмо от 10 июня 1591 г. лишь произвело версию Нагих об убийстве Дмитрия.

Несмотря на полноту и ясность свидетельских показаний угличского дела, многие историки выражали сомнения по поводу их достоверности. Два обстоятельства полностью обесценивали «обыск» в их глазах. Через семь лет после смерти Дмитрия корона досталась Годунову. Считая такой исход дела заранее predetermined, историки оказывались в плену ретроспективного подхода и выражали уверенность в том, что устранение последнего отпрыска московской династии расчистило путь к трону Борису Годунову. Правитель помешал следствию выяснить истину. Угличан посредством пыток вынудили дать показания насчет нечаянной смерти законного наследника престола.

В действительности за семь лет до смерти Федора никто не мог предсказать в точности, кому достанется московская корона. Наибольшими правами на трон обладал не Годунов, а двоюродный брат царя Федор Романов. Мир и согласие между правителем и Романовым в период угличского кризиса лучше всего доказывают, что династический вопрос был в то время не слишком злободневным. Царская семья надеялась на рождение наследника, и не без оснований: год спустя Ирина Годунова родила дочь.

Доказывая предвзятость следственного дела, историки ссылаются на жестокое наказание посад-

ских людей – угличан¹⁷. Гонения на угличан подробно описаны в «Сказании Авраамия Палицына», «Сказании о Самозванце» и в других поздних источниках, составленных много десятилетий спустя на основании воспоминаний и слухов. Они могут дать лишь приблизительное представление о последовательности событий. В угличском судном деле, основанном на показаниях очевидцев, нет и намека на аресты или применение пыток комиссией Шуйского. В виде исключения следователи арестовали царицына конюха, что и было оговорено в протоколах допросов. Свидетели обличили конюха в краже вещей убитого Битяговского. Угличан подвергли преследованиям после того, как Шуйский доложил в Москве о результатах расследования причин гибели Дмитрия, и власти учинили новое расследование об измене Нагих и поджоге Москвы.

Оппозиция пыталась использовать смерть Дмитрия, чтобы опорочить правителя Бориса Годунова и добиться его отстранения от власти. Едва весть об «убийстве» царевича Дмитрия достигла Ярославля, противники Бориса распорядились среди ночи будить город. Поднятым с постели жителям объявили, что сына благоверного царя Ивана предательски зарезали подосланные убийцы. Поднявшие ночную тревогу рассчитывали, что ярославцы последуют примеру угличан, но они опшиблись в своих расчетах. Д. Горсей находился в Ярославле и описал происшествие как очевидец. Он не назвал по имени инициаторов обращения к посадку, но из его рассказа можно заключить, что инициатива исходила от Нагих. Находившийся в яро-

славской ссылке А. Ф. Нагой первым получил от братьев весть о гибели Дмитрия и тотчас явился к Горсею за снадобьями для своей племянницы Марии Нагой. Затем он поднял тревогу.

Главной ареной борьбы между Годуновым и оппозицией стала Москва. Положение в столице приобрело тревожный, даже критический характер задолго до смерти Дмитрия. На московских улицах со 2 мая появились военные отряды, получившие приказ «беречь город от огня и ото всякого воровства». Охрана порядка в Москве была возложена на знатных дворян – князя В. П. Туренина, А. Ф. Головина, князя В. Г. Звенигородского и др¹⁸. Власти не забыли о недавних народных волнениях, когда им пришлось сидеть в Кремле «в осаде», и со страхом ждали повторения «воровства». Народное недовольство могло вырваться наружу в любой момент.

Тревога по поводу народного возмущения углублялась внешнеполитическим кризисом. Крым и Швеция угрожали России одновременным нападением с юга и севера. В начале года шведы сконцентрировали свою армию на псковских рубежах. Со дня на день ждали нападения на Москву всей Крымской Орды¹⁹.

Смерть Дмитрия была выгодна не столько Годунову, сколько его противникам. Они обвинили правителя в преднамеренном убийстве младшего сына Грозного. По всей столице «тайно шептали, что все устроено Годуновыми». Среди знати и простонародья толковали об «измене» Годуновых и их стремлении завладеть тронном. Царь Федор был испуган: при дворе «опасались смуты и сильного вол-

нения в Москве»²⁰. Восстание могло обернуться для Годуновых катастрофой.

В 20-х числах мая неизвестные лица в трех местах подожгли Москву, в результате чего выгорел весь Белый город²¹. Противники правителя обвинили его и в этом преступлении, чтобы спровоцировать москвичей, оставшихся без крова, на выступление. Слухи, порочившие Годуновых, не только распространились по всей России, но и проникли за рубеж. Тем же летом в Литву были посланы гонцы с официальным заданием опровергнуть подозрения, будто Москву «зажгли Годуновых люди»²².

Власти отдали приказ о повальных арестах подозрительных лиц. В руки следователей попали слуга Нагих Иван Михайлов, некий банщик Левка и другие лица. Банщик сознался, что поджег Москву после того, как получил деньги от Ивана Михайлова. 28 мая правительство предупредило население об опасности новых поджогов в столице и провинциальных городах. Афанасий Нагой, гласила царская грамота, велел своим слугам «накупить многих зажигальников, а зажигати им велел московский посад во многих местах... и по иным по многим городам Офанасей Нагой разослал людей своих, а велел им зажигальников накупать, города и посады зажигать»²³.

Официозная версия насчет поджога Москвы Нагими не внушала большого доверия современникам. Ее истинность не поддается проверке. Очевидно лишь одно. Пожары накалили обстановку в столице до предела, и каждая из противоборствующих сторон пыталась направить народное воз-

мущение против соперников. Нагие и прочие противники Годунова провоцировали мятеж, обвиняя Бориса во всех бедах. Правитель возложил ответственность за пожары на Нагих.

Комиссия Шуйского вернулась в Москву в конце мая, в разгар борьбы между правителем и оппозицией. Она тотчас же представила властям отчет о своей деятельности. 2 июня главный дьяк Щелкалов зачитал текст угличского «обыска» высшим духовным чинам, собравшимся в Кремле. Устами патриарха Иова собор одобрил работу комиссии и полностью согласился с выводом о нечаянной смерти царевича. Упомянув мимоходом, что «царевичу Дмитрию смерть учинилась божьим судом», патриарх посвятил свою речь «измене» Нагих, которые вкупе с угличскими мужиками побили «напрасно» государева дьяка Битяговского и других приказных людей, стоявших «за правду». По существу, глава церкви санкционировал прямую расправу с Нагими и другими заводчиками угличского бунта. Закрывая собор, он заявил, что мятеж Михаила Нагого и мужиков-угличан – «дело земское, градцкое, в том ведает бог да государь... все в его царской руке»²⁴. На основании патриаршего приговора царь Федор приказал схватить Нагих и угличан, «которые в деле объявились». Дворянин Ф. А. Жеребцов, служивший до этого приставом у ссыльного А. Ф. Нагого в Ярославле, получил приказ арестовать в Угличе ряд лиц и немедленно доставить их в Москву.

Началось новое расследование «измены» Нагих. Материалы его не сохранились. Но источники позволяют воссоздать в общих чертах ход ро-

зыска. Наибольшую осведомленность обнаружил автор «Нового летописца», широко использовавший подлинные документы царского архива. По его словам, события развивались в следующем порядке. Когда Василий Шуйский с товарищами вернулся в Москву и доложил о «самозаклании» Дмитрия, царь вызвал Нагих в Москву и положил на них опалу. Михаила Нагого вкуче с его братом Андреем взяли к пытке. Сам правитель Борис вместе с другими боярами присутствовал на Пыточном дворе. Описанные события имели место в Москве после доклада Шуйского 2 июня. Последующий ход розыска о поджоге Москвы Нагими кратко изложен в официальных заявлениях Посольского приказа. Не позднее середины июля 1591 г. дьяки поручили послам выступить за рубежом со следующим разъяснением насчет московских пожаров: «... то поворовали мужики-воры и Нагих Офанасея з братьею люди, то на Москве сыскано, да еще тому делу сыскному приговор не учинен». Новые заявления, сделанные за рубежом в 1592 г., гласили, что розыск по делу о пожарах закончен и «приговор им (виновным. — Р. С.) учинен... хто вор своровал, тех и казнили...»²⁵.

Завершив следствие, правительство произвело массовые казни «мужиков»-угличан. На современников это произвело страшное впечатление. А. Палицын утверждал, будто в Угличе погибло до 200 человек. Составитель «Нового летописца» отметил, что одним угличанам вырезали язык, других разослали по темницам или казнили, многих ссыльных увезли в Сибирь и там поселили во вновь построенном городке Пельме, «и отгово-де Углич

запустел». Мария Нагая тщетно молила пасынка — царя Федора — о прощении своих братьев. Власти конфисковали имущество у Нагих, а их самих подвергли тюремному заключению. Духовенство благословило правителя на расправу со вдовой Грозного. Царицу Марию насильственно постригли в монахини и сослали в пустынь на Белоозере²⁶.

Власти не простили угличанам страха, пережитого ими в майские дни. Разве что страхом можно объяснить такой жест, как «казнь» большого колокола в Угличе: сначала у него вырвали язык и урезали «ухо», а затем отправили в Сибирь.

Глава 3. Татарский набег на Москву

Русское правительство воздерживалось от активных действий в Прибалтике, пока его военные силы были прикованы к восточным и южным границам и существовала опасность совместных действий Речи Посполитой и Швеции.

Шведский король Юхан III, сосредоточив свои войска на русской границе, угрожал России войной. Его сын Сигизмунд III, занявший польский трон, рассчитывал оказать отцу прямую военную помощь. Но ему не удалось преодолеть традиционное польско-шведское соперничество из-за Ливонии. К тому же политика войны не вызвала энтузиазма у польско-литовской шляхты. В результате Речь Посполитая отклонила проекты анти-русского вооруженного выступления, и Швеции

вскоре пришлось пожинать плоды спровоцированного ею конфликта¹.

Распад польско-шведского союза создал почву для пересмотра итогов проигранной Ливонской войны. Россия попыталась вернуть себе русские города — Ивангород, Ям и Копорье, захваченные Швецией, и вернуться в Ливонию. При Грозном ливонский порт Нарва в течение 25 лет служил морскими воротами страны. Девять лет шведского владычества привели нарвскую торговлю в полный упадок. Предпринимая поход в Прибалтику, московское правительство ставило целью захват Нарвы и возрождение «нарвского мореплавания». Русское командование использовало для наступления все имевшиеся в его распоряжении силы. Формально во главе похода стояли Ф. И. Мстиславский и Ф. М. Трубецкой. Фактически возглавил наступление против шведов самый выдающийся из воевод — боярин князь Д. И. Хворостинин, назначенный вторым воеводой передового полка².

23 января 1590 г. русские войска окружили город Ям. После трехдневной осады местный гарнизон капитулировал. Сдавшиеся в плен шведы получили разрешение вернуться на родину, но часть солдат перешла на царскую службу. 30 января воевода Хворостинин с передовыми силами достиг окрестностей Ивангорода. В районе Нарвы и Ивангорода находился четырехтысячный шведский корпус. Шведы пытались остановить продвижение русских, но Хворостинин умелыми действиями парализовал их усилия. Он атаковал шведов, не дожидаясь подхода главных сил. Сражение продолжалось с 2 часов дня до вечера и закончилось

победой русских. Шведы отступили за реку Нарву. Крепость Нарва располагала первоклассными укреплениями, и шведское командование отвело конницу и часть пехоты к Раквере. В крепости осталось около 1600 солдат³.

В ночь с 4 на 5 февраля русские завершили установку батарей и приступили к методичному обстрелу крепости. Превосходство русской артиллерии было несомненным. После двухнедельной бомбардировки в западной и северной стенах образовались большие проломы. На рассвете 19 февраля русская армия предприняла генеральный штурм. Крепостные стены подверглись атаке сразу в семи пунктах. Колонна, устремившаяся в главный пролом, насчитывала, по неполным данным, 5230 человек, в том числе 1850 стрельцов, 1 тыс. казаков и других ратных людей, 2380 боярских холопов⁴. Несмотря на громадное численное превосходство, русский осадный корпус после четырех-пяти часов боя потерял множество людей и был вынужден прекратить штурм⁵. На другой день русская артиллерия возобновила бомбардировку крепостной стены в районе Северных ворот. Пролом был значительно расширен. Воеводы подвели к крепости свежие силы и приготовились к новому штурму⁶. Обороняя крепость, шведы понесли тяжелые потери. Восполнить их они уже не могли. Не надеясь на благоприятный исход борьбы, шведский главнокомандующий К. Горн обратился к царю с предложением мира.

Правитель Борис Годунов сам руководил обстрелом крепости, а затем возглавил мирные переговоры. Однако современники неодобрительно

отнесли к его вмешательству в боевые действия. По словам псковского летописца, Годунов направил весь огонь артиллерии на стены крепости, «а по башням и по отводным боем бити не давал»⁷. В итоге огонь с башен нанес тяжелый урон штурмовым колоннам. Современники беспочвенно подозревали, будто Борис, «норовя» немцам, помешал воеводам занять Нарву. На самом деле распоряжения Бориса объяснялись не его симпатиями к неприятелю, а полным отсутствием опыта. Правитель не покидал дворца, в то время как его сверстники участвовали в сражениях Ливонской войны.

Шведский наместник в Ливонии К. Горн соглашался возвратить России Ивангород, но русские отвергли его предложение. 22 февраля они возобновили обстрел. Последующие дни ушли на переговоры. Между тем зима была на исходе. Поверх льда на Нарве появились талые воды. В такой ситуации Борис Годунов приказал своим представителям на переговорах в последний раз «съехатца (со шведами. — Р. С.) и покачати их про Ругодив» (Нарву. — Р. С.), чтобы принять их условия в случае, если шведы откажутся сдать Нарву⁸. По условиям перемирия 1590 г., шведы очистили захваченные ими русские территории с крепостями Ям, Копорье и Ивангород.

Наступление в Ливонии было успешным. Россия вернула себе морское побережье между Нарвой и Невой. Однако главная цель кампании — овладение Нарвой и восстановление «нарвского мореплавания» на Балтике — так и не была достигнута.

Шведы не примирились с поражением и потерей захваченных ими крепостей. Правда, без военной поддержки Речи Посполитой они не решались на крупные военные операции против России, но в 1590 г. их отряды совершали набеги на Кольский полуостров и окрестности Ивангорода⁹.

Готовясь к продолжению шведской войны, Россия искала примирения с Речью Посполитой. Еще в конце 1589 г. московское правительство предприняло попытку возобновить переговоры с поляками, прерванные после избрания королем Сигизмунда III. 10 января 1591 г. польские послы в Москве подписали соглашение о перемирии на 12 лет. Русское правительство обязалось в «перемирные годы» не нарушать границ шведских владений в Прибалтике¹⁰. Король Сигизмунд III попытался аннулировать соглашение, поскольку послы в нескольких пунктах отступили от ряда данных им инструкций. После ряда проволок 15 декабря 1591 г. договор все же был ратифицирован Речью Посполитой. В условиях резкого ухудшения военного положения в России в начале 1591 г., когда над страной нависла угроза одновременного вторжения со стороны Крыма и Швеции, перемирие с Речью Посполитой явилось крупным успехом русской дипломатии.

Заключив военный союз с Крымом, шведский король Юхан III сосредоточил на русской границе большую армию под командованием К. Флеминга. По шведским данным, она насчитывала 17 882 солдата¹¹.

Крымское ханство и стоявшая за его спиной Османская империя мобилизовали для войны с

Россией еще более крупные силы. Целью татарского вторжения стала Москва. В случае успеха татары и турки получили бы возможность значительно расширить сферу экспансии в Восточной Европе. 10 июня 1591 г. сторожевые станицы донесли с поля о движении хана Казы-Гирея со всей ордой к русским границам. Крымские перебежчики показали, что с ханом идет к Москве 100 тыс. всадников. Во вторжении помимо крымской орды участвовали Малая Ногайская орда (Казыев улус), турецкие отряды из Очакова и Белгорода и янычары. В распоряжении хана находилась также полевая артиллерия с турецкими пушками¹².

Татары сожгли незащищенные предместья Тулы и 26 июня вышли на берег Оки. Бояре с полками заблаговременно выступили на Оку, оставив в Москве небольшой гарнизон. Командование предполагало остановить татарское вторжение на переправах через Оку. Но царь Федор и его окружение проявляли беспокойство по поводу возможного прорыва подвижной татарской конницы и выхода ее в тыл русской армии. Следуя указу из Москвы, главнокомандующий князь Ф. И. Мстиславский 28 июня отдал приказ об отходе армии на Пахру, чтобы надежнее прикрыть подступы к столице.

На другой день из Москвы на помощь Мстиславскому выступил Борис Годунов. В его подчинении находился «государев двор», наспех собранные подкрепления и вся артиллерия. Татар ждали со стороны Серпухова и Калуги. Поэтому Борис расположил свой укрепленный обоз — «гуляй-город» — в Замоскворечье, между Серпуховской и

Калужской дорогами, за пределами посада. 1 июля Мстиславский провел смотр своих полков на лугах под селом Коломенским. На другой день он получил приказ перейти к Котлам, поближе к Годуновскому обозу. 3 июля для наблюдения за движением татар воеводы выслали на Пахру отряд в 200 человек. Спустя два часа дозорный воевода прискакал к обозу весь израненный и сообщил о переходе татар через Пахру. Мстиславский спешно оставил Котлы и отошел к Данилову монастырю, куда прибыл также и Годунов со всем обозом и артиллерией¹³. В третьем часу дня 4 июля хан Казы-Гирей занял Котлы. Воеводы выслали по серпуховской дороге навстречу татарам конные дворянские сотни. Ожесточенные стычки продолжались до глубокого вечера. Крымцы потеснили конные сотни и подошли вплотную к «гуляй-городу».

«Государев разряд 1598 г.» утверждал, будто крымский хан «приступал» к русскому «гуляй-городу» «со всеми людьми». Бояре и воеводы, «спедчися полки», с ханом и «с царевичи» бились весь день, с утра и до вечера, и «у крымского царя, у Казы-Гирея, многих людей побили»¹⁴. Пространная редакция Разрядных книг описывает события иначе: сам крымский хан не подступал к «гуляй-городу», а направил «царевичев со многими крымскими людьми травиться против Даниловского монастыря». Бояре и воеводы выслали людей из «гуляй-города», конные сотни и «велели им с крымскими людьми травиться». Стычки («травля») у «гуляй-города» были не более чем пробой сил. Недоброжелательный по отношению к Годунову автор

«Нового летописца» записал, что «люди... государевы бяху с ним (ханом. — Р. С.) из обозу и не можаху их одолети, они же, погани, топтаху московских людей и до обозу». Однако более осторожные свидетели отмечали, что «крымские люди к обозу прилазили, и, бог сохранил, бой был равно...»¹⁵.

Пространная редакция категорически утверждала, что под стенами Данилова монастыря генерального сражения не произошло: «А сами государевы бояре и воеводы по государственному наказу стояли в обозе наготове, а из обозу в то время вон не выходили для того, что ждали самого крымского царя с его полками, хотели к нему тогда вытти из обозу... на премое дело не пошел и полков своих не объявил, а стоял на Котле в оврагах в крепостях»¹⁶.

Списки Пространной редакции, по-видимому, сохранили записи Разрядного приказа в их первоначальном виде, тогда как «Государев разряд 1598 г.» подвергся правке в канцелярии царя Бориса, имевшей целью возвеличить боевые заслуги Бориса-правителя.

Получив решительный отпор, Казы-Гирей не посмел атаковать русских главными силами. С приближением ночи он отвел свои отряды к Коломенскому и расположил их на лугах по обе стороны Москвы-реки. Сам хан разбил свой стан за Москвой-рекой. Проведя ночь под Коломенским, Крымская орда под утро, за час до рассвета, поспешно отступила в степи. Причины бегства татар получили неодинаковое объяснение в русских источниках.

В царском приказе по армии честь победы над ханом приписывалась решительным действиям командования. Годунов и воеводы побили крымских людей и вынудили их отойти за Коломенское, а хан, «слыша звук полков наших, побежал, что вышли на него со всеми людьми»¹⁷. Приказ, известный по Разрядным книгам Пространной редакции, не был включен в краткий «Государев разряд 1598 г.», но нельзя не заметить, что текст разряда переработан в полном соответствии с версией приказа. Государев разряд подробно описывал, как воеводы «тое ночи пошли из обозу со всеми людьми и с нарядом на крымского царя, на Казы-Гирей, на его станы... и на походе блиско крымского царя полков учаи из наряду стрелять»¹⁸.

Воеводы обороняли «гуляй-город» весь день, и вряд ли у них появились основания покинуть укрепления с наступлением ночи. Управлять полками и перевозить артиллерию в темноте было практически невозможно. Но все же почему татары бежали из своего лагеря «с великим страхованьем и ужасем»?

Обратимся к показаниям участников события. Дьяк Иван Тимофеев служил в момент татарского вторжения в Пушкарском приказе в Москве. По его словам, отступление татар было вызвано не ночной атакой Годунова, а сильной артиллерийской канонадой, которая вспугнула крымцев посреди ночи. Согласно «Новому летописцу», русские открыли огонь после того, как в полках произошел «всполох великий». Пискаревский летописец подтверждает, что ночная тревога в царском лагере была нечаянной. Разбуженные по тревоге

пушкари, опасаясь ночного нападения, бросились к орудиям. Началась «стрельба многая отовсюду и осветиша города все от пушек»¹⁹. Первыми открыли огонь пушкари «гуляй-города», вслед за ними ударили тяжелые пушки, установленные на крепостных стенах. По словам патриарха Иова, и днем, и «в ночь со всех стен градных из великих огнедыхающих пушек непрестанно стреляху и изо всех обителей, иже близ царствующего града Москвы, такоже непрестанно стреляюще...». Перед отступлением хан узрел «великие каменоградные стены», «паче же слышав великий тресковенный гром... иже бысть... от великого... пушечного стреляния»²⁰. Один летописец XVII в. добавляет к этой картине любопытную деталь. Оказывается, воеводы из-за возникшей тревоги «в ночи послали на царевы станы в Коломенское Василя Янова 1000 человек, и царь, послыша приход, пошел назад...»²¹.

Артиллерийская канонада и приближение отряда, численность которого в темноте нельзя было определить, вызвали смятение в татарском стане. В памяти крымцев жили воспоминания о жуткой для них сечи на Молодях. В страхе перед внезапным ночным нападением татары «бежаху и друг друга топтаху». Прекратить панику и остановить бегство слабо дисциплинированных нерегулярных отрядов хану не удалось²².

Для преследования противника воеводы выделили несколько дворянских сотен. Они достигли не успевшие отойти за Оку татарские арьергарды и разгромили их наголову. По различным сведениям, в руки победителей попало от 200 до 1 тыс.

пленных²³. Много крымцев было перебито либо потонуло на переправе. Из Оки русские извлекли возок, на котором Казы-Гирей бежал из Москвы. Немало награбленной рухляди татары побросали на дороге. Отряд донских казаков настиг крымские «коши» и разгромил их²⁴. Русские послы сообщали из Крыма: после похода «прибежал калга скорым делом», а вслед за ним в Бахчисарай «пришел царь из войны... в ночи в телеге, а сказывают про царя, что он ранен»²⁵. Казы-Гирей не участвовал в бою под Даниловым монастырем и руку себе повредил, скорее всего, в ночной суматохе.

Борис Годунов постарался приписать себе всю славу победы над татарами. Столица и двор чествовали правителя как героя. На пиру в Кремле царь Федор снял с себя золотую «гривну» (цепь) и надел на шею шурина. Среди прочих наград Годунов получил золотой сосуд, захваченный в стане Мамайя после Куликовской битвы, шубу с царского плеча, новые почетные титулы и земельные владения²⁶.

Поражение Крымской Орды под стенами Москвы резко изменило военную ситуацию и обрекло на неудачу шведское вторжение. Армия фельдмаршала Флеминга разграбила окрестности Пскова, а затем отступила в шведские пределы. В конце 1591 г. на границах Финляндии русское командование сосредоточило значительные силы. 30 января 1592 г. царские полки подступили к Выборгу. Выступавший навстречу им фельдмаршал Флеминг был вынужден укрыться в крепости. Воеводы «втоптали» шведов в город и двинулись в глубь Финляндии. Поход продолжался две недели²⁷. «Лег-

кие воеводы» достигли окрестностей Корелы и сожгли ее посад, после чего ушли к Новгороду.

Поход в Финляндию носил характер военной демонстрации. Свои главные силы Россия по-прежнему держала на южных границах. Стремясь усыпить бдительность русских, хан Казы-Гирей прислал в Москву гонцов с предложением о переговорах. Доверившись мирным заявлениям хана, Боярская дума решила послать в Крым послов для заключения мира и не позаботилась о сосредоточении на Оке сил, достаточных для отражения татарского нашествия. Воспользовавшись оплошностью русских, крымские царевичи в 20-х числах мая 1592 г. «безвестно» напали на тульские, каширские и рязанские земли и произвели там страшные опустошения²⁸. В дальнейшем, в связи с участием в австро-турецкой войне Крым прекратил набеги на русские земли. 14 ноября 1593 г. в Ливнах был подписан договор о мире и дружбе с Крымом. Текст договора включал пункт о союзе против «недругов», обращенный острием против Речи Посполитой²⁹. Казы-Гирей потребовал уплаты поминок и «запроса» в 30 тыс. рублей, но московское правительство выслало лишь половину запрошенной суммы. 14 апреля 1594 г. хан ратифицировал мирный договор с Россией³⁰.

Лишившись союзника в лице Крыма, Швеция отказалась от активных военных действий против России. В 1592 г. после смерти Юхана III шведское правительство предложило начать мирные переговоры. Несмотря на обострение польско-шведских противоречий в Ливонии, личная уния между Швецией и Речью Посполитой сохраняла силу, что

создавало потенциальную угрозу возрождения мощной антирусской коалиции в Прибалтике. Подобная перспектива побудила Россию искать пути к мирному урегулированию отношений со шведами. В начале мая 1595 г. русские послы подписали в Тязвино договор о «вечном мире» со Швецией. Швеция отказалась от притязаний на русские земли, захваченные ею в конце Ливонской войны, и обязалась вернуть город Корелу с уездом. Таким образом, русское государство добилось пересмотра итогов неудачной войны и вернуло все утраченные западные земли. Швеция пошла на весьма важную дипломатическую уступку России, обязавшись соблюдать нейтралитет в случае русско-польской войны. Со своей стороны Россия отказалась от притязаний на Нарву и другие крепости и порты в Ливонии. Шведские представители настояли на включении в текст договора пункта, подтверждавшего принцип морской блокады Ивангорода. Тем самым Швеция сохранила контроль за внешней торговлей России на Балтике. Планы превращения Ивангорода в морские ворота страны потерпели неудачу. Хотя русские располагали естественными выходами в Балтийское море через устье Невы и Наровы, но пока на Балтике господствовал шведский флот, они не могли основать здесь собственные морские гавани.

Московская дипломатия пошла на уступки Швеции из-за неверной оценки ситуации, сложившейся в Восточной Прибалтике. Уния между Швецией и Речью Посполитой оказалась менее прочной, чем полагали в Москве. Острое соперничество из-за Ливонии практически исключило возмож-

ность совместного выступления против России. Когда русское правительство убедилось в своей ошибке, оно отказалось ратифицировать Тязвинский договор³¹.

Достигнув мира на северных рубежах, русское правительство приступило к укреплению западных границ. Задолго до истечения срока перемирия с Речью Посполитой русские начали возводить мощную каменную крепость в Смоленске, на путях возможного вторжения с запада. Смоленскую крепость строили ремесленники из всех крупнейших городов страны. В период сооружения крепости власти запретили каменное строительство по всей стране³².

На юге усилия московской дипломатии были направлены на подчинение вольных казачьих окраин. Ликвидация Казанского и Астраханского ханств, строительство русских крепостей на Тереке, разгром Крымской орды у стен Москвы в 1572 г. создали благоприятные условия для возникновения вольных казачьих поселений в глубинах так называемого Дикого поля. Следуя по речным долинам, поросшим лесом, казаки селились на Нижней Волге, в бассейне Дона и Северного Донца, на Яике, Иргизе и Тереке. Их станицы отстояли от пограничных засечных черт на сотни верст. Потеснив степняков, донские казаки основали свой городок на Нижнем Дону, на некотором расстоянии от Азова — главного опорного пункта турок в Восточном Причерноморье.

Московское правительство внимательно следило за продвижением вольных казаков на юг, надеясь со временем использовать их силы для борьбы с татарами.

Глава 4. Высший круг

Оппозиция была разгромлена, удельное княжество в Угличе ликвидировано. Острый политический кризис остался позади. Светской власти удалось преодолеть раздор с церковным руководством. Воспользовавшись визитом в Москву константинопольского (царьградского) патриарха Иеремии, правительство в 1589 г. учредило московское патриаршество. Патриарший престол занял Иова, один из самых рьяных сторонников Бориса. То был крупный политический успех правителя. Покончив с оппозицией, Борис использовал благоприятную ситуацию, чтобы окончательно забрать в свои руки все нити управления. Он наводнил Боярскую думу своими родственниками и приверженцами.

Одно из первых мест в думе занял бывший опричник Д. И. Годунов. Боярство получили троюродные братья Бориса — Степан, Григорий и Иван, начинавшие свою карьеру в качестве рядовых новгородских помещиков¹. В чине окольного в думе стал заседать Я. М. Годунов. За Годуновыми потянулись в думу их однородцы — «великие» Сабуровы и худородные Вельяминовы. Боярский чин был возвращен Б. Ю. Сабурову, долгие годы находившемуся в ссылке. С титулом окольного в думу вошли И. И. Сабуров (в 1585 г.), С. Ф. Сабуров (в 1591 г.), Д. И. Обиняков-Вельяминов (к 1593 г.). В ведение семьи Годуновых перешли важнейшие приказные ведомства: Б. Ф. Годунов возглавил Конюшенный приказ, Г. В. Годунов — Большой дворец².

Положение Годунова в качестве правителя государства подкреплялось громадным личным состоянием. Вместе с должностью конюшего Борис получил от казны крупные земельные и денежные пожалования. Несколько позже царь Федор пожаловал шурина в кормление («в путь») Важскую землю. В конце XVI в. русское Поморье относилось к числу самых процветающих областей России. Этим и объяснялся выбор Годунова. Уже в феврале 1585 г. в Важской земле распорядился слуга Б. Годунова М. Косов. По словам Горсея, Важская земля перешла в наследственное владение Бориса и его семьи. Помимо земельной ренты Годунов получал разнообразные доходы с Твери, Рязани, Торжка, с московских бань и т. д. Сказочные богатства правителя ослепили современников. Согласно сведениям, опубликованным Горсеем в 1589 г., ежегодные доходы Годуновых составляли 175 тыс. рублей; они могли выставить в поле 100 тыс. вооруженных воинов. Более осторожный наблюдатель Джильс Флетчер исчислял доход правителя в 100 тыс. рублей³. Как бы ни были преувеличены эти сведения, остается непреложным факт, что всего за несколько лет Борис, обладавший посредственным состоянием, превратился в неслышанно богатого человека.

Свой успех Борис Годунов старался закрепить с помощью титулов. В феодальном обществе титулы весьма точно отражали положение того или иного лица в системе феодальной иерархии. Титулатура Бориса Годунова воспроизвела всю историю его восхождения к власти.

В Российском государстве дворяне незнатного

происхождения не могли претендовать на высокие чины и звания. Бояре открыто противились притязаниям Бориса. Чтобы преодолеть аристократические препоны, Годунов решил добиться признания сначала за рубежом, а потом на родине. Жившие в Москве иноземцы помогли правителю осуществить его замыслы. Горсей постарался внушить английскому двору мысль о необыкновенном могуществе Годунова. Так, он ознакомил Елизавету с частными письмами Бориса, лично ему адресованными. В вольном переводе услужливого англичанина титул Годунова звучал следующим образом: «От Бориса Федоровича, волей божьею правителя знаменитой державы всея России», «от наместника всея России и царств Казанского и Астраханского, главного советника (канцлера)». Накануне решительного столкновения с Испанией Елизавета была заинтересована в союзе с Россией, поэтому ее ответ правителю мог удовлетворить самое пылкое честолюбие. Королева назвала Бориса «пресветлым княже и любимым кузеном»⁴.

В Вене тайная дипломатия принесла Борису не меньший успех, чем в Лондоне. Доверенный эмиссар Лука Паули помог ему вступить в личную переписку с Габсбургами и подсказал австрийцам титулатуру правителя. Братья императора адресовали свои письма «навышнему тайному думному всея Русские земли, навышнему моршалку тому светлейшему (!), нашему оприченному любительному Борису Федоровичу Годунову». Годунов постарался узаконить свои личные переговоры с австрийским двором и придать им официальное значение. Прибывший в Москву австрийский по-

сол Н. Варкоч в апреле 1589 г. получил приглашение посетить его дворец. Церемония приема как две капли воды походила на царскую аудиенцию. Во дворе, от ворот до крыльца, стояла стража, в зале собрались дворяне Бориса в «платье золотном и в чепях золотных». Послы Н. Варкоч и Л. Паули целовали руку Борису и вручили ему послания императора⁵.

После аудиенции Годунов запросил царя и думу, следует ли ему ответить на обращение австрийцев. Боярская дума подтвердила принятое годом ранее решение, санкционировавшее право Годунова на самостоятельные сношения с окрестными государствами. 7 августа 1588 г. царь Федор приговорил «с бояры», что Б. Ф. Годунову в Крым «грамоты писати пригоже, то его царскому имени к чести и к прибавлению»⁶. Приговоры 1588 и 1589 гг. установили круг «великих государей», с которыми мог поддерживать переписку Борис. В числе их значились «цесарь и шпанский король» (австрийские и испанские Габсбурги), английская королева Елизавета, персидский шах, бухарский эмир и крымский хан. «Против их грамот, — гласил приговор, — от конюшего и боярина Бориса Федоровича Годунова — писати грамоты в Посольском приказе», и все его «ссылки» с теми великими государями заносить в посольские книги с государевыми грамотами⁷. Примечательно, что Борису не дозволялось вести личную переписку лишь со Швецией и Речью Посполитой, стоявшими в то время на пороге войны с Россией.

Решение Боярской думы по поводу внешнеполитического сношений Бориса подтверждало его

значение в качестве фактического главы правительства.

Борис давно добивался титула «высшего держателя всего царства» — соправителя царя. Но его претензии не находили сочувствия в думе и Посольском приказе. В 1590–1591 гг. австрийский посол направил две грамоты на имя Годунова. Титул Бориса был переведен польскими дьяками следующим образом: «... многожунному пану Борису Федоровичу», великого государя «шурину и навышнему справце всех великих государств»⁸. Во второй грамоте тот же титул выглядел иначе: «Тому пресветлому и высокородному государю Борису Федоровичу, вельможнейшего государя... шурину и навышнему здержателю и наместнику царств Казанского и астраханского»⁹. Судя по стилю, первый перевод принадлежал толмачу Посольского приказа шляхтичу Я. Заборовскому, доверенному лицу Годунова¹⁰. Второй перевод осуществили помощники А. Я. Щелкалова, отнесшие титул «держателя» (правителя) не ко всем царствам Великой России, а только к Казанскому и Астраханскому царствам.

Как бы ни величали Бориса иноземные дворы, Посольский приказ в своих документах строго, без малейших отклонений, придерживался его официального титула¹¹. Однако внешнеполитические успехи и изгнание из Боярской думы открытых противников правителя изменили ситуацию. По случаю отражения Крымской орды от стен Москвы Борис был введен в ранг царского слуги. Царские дипломаты за рубежом так разъясняли значение этого титула: «То имя честнее всех бояр,

а дается то имя от государя за многие службы». Со времени Ивана III только три лица удостоились этого титула: князь С. И. Ряполовский и двое удельных князей Воротынских. Согласно заявлению Посольского приказа, Борис получил титул слуги «за многие его службы и землестроенья и за летошний царев (ханский. – Р. С.) приход»¹².

Хотя Борису удалось объединить два высших боярских чина – конюшего и слуги, знать по-прежнему не считала его равней себе. Во время татарского нашествия в 1591 г. царь адресовал указы в армию боярам Ф. И. Мстиславскому и Б. Ф. Годунову с товарищами. Но главные воеводы заявили протест против предоставления правителю такого местнического преимущества. Они настаивали на том, чтобы донесения царю шли от имени Мстиславского «с товарищи», без упоминания имени Бориса «глухо»¹³. За подобную строптивость Федор наложил на бояр словесную опалу. На большее он был неспособен. Претензии Годуновых не нашли поддержки даже у ближайших их соратников по дворовой службе – князей Трубецких, которые сами не могли претендовать на первые места. Боярин Ф. М. Трубецкой заместничал с Годуновыми в период войны со шведами в 1592 г., за что после возвращения в Москву был посажен под домашний арест¹⁴.

Отставка А. Я. Щелкалова окончательно упрочила единоличную власть Бориса Годунова. Никто не мог более противиться его домогательствам. Новый «печатник» В. Я. Щелкалов в феврале 1595 г., во время аудиенции в Кремле в честь персидских послов, обнаружил окончательный

титул Бориса: «По милосердию бог ему, государю (царю Федору. – Р. С.), дал такова ж дородна и разумна шюрина и правителя, слугу и конюшего боярина, и дворowego воеводу, и содержателя великих государств царства Казанского и Астраханского Бориса Федоровича»¹⁵.

Титул правителя не имел прецедента в Русской истории. Никто до Бориса не смел назвать себя правителем при московских «самодержцах». Даже знаменитый Адашев, пользовавшийся громадным влиянием при молодом Грозном, не помышлял о нем. Смысл громких и звучных титулов Годунова был понятен всем, хотя он объявил себя соправителем царя, но Федор Иванович был у него в полном послушании.

Писатели, пережившие трагедию «смутного времени», были склонны идеализировать последнего законного самодержца. Они придавали Федору, по меткому замечанию В. О. Ключевского, привычный и любимый облик: «... в их глазах он был блаженным на престоле»¹⁶. По словам одного московского автора, Федор «благоуродив бяше от чрева матери своя и ни о чем попечения не имея... токмо о душевном спасении помышляя...»¹⁷. Некоторые восторженные апологеты царя Федора даже наделяли его пророческим даром, хотя и не очень явным и незаметным для неосведомленных людей: «...яко и пророческа дара часть, аще и не зело явленне, но довлении сведят»¹⁸. В действительности Федор, будучи слабоумным, не мог быть пророком.

Царь Федор Иванович мало чем походил на своего царственного отца. По словам современни-

ков, близко наблюдавших последнего государя из династии Калиты, Федор отличался болезненностью, слабым телосложением, нетвердой походкой. В 30 лет он производил впечатление человека не деятельного и тяжелого. Нос у него ястребиный, голос тихий и противный, на лице, пораженном своей бледностью, постоянно бродила улыбка. Царь «прост и слабоумен», — отмечал английский посол, — но весьма любезен и хорош в обращении, тих, милостив, мало способен к делам политическим и до крайности суверен»¹⁹. Еще резче об умственных способностях Федора отзывался папский нунций А. Поссевино, который говорил, что его умственное ничтожество граничило с идиотизмом, почти с безумием. «Простоту» царя Федора отмечали и русские источники. «Сей же благ и препрост и милостив», — писал новгородский летописец. Из иностранцев наиболее осторожным в оценках был Я. Маржарет, но и по его словам Федор был весьма недалекого ума, нередко сам трезвонил на колокольне и большую часть времени проводил в церкви²⁰.

Федор плохо подходил для роли наследника грозного царя. Даже исполнение внешних ритуалов и участие в придворных церемониях давались ему с трудом. Однажды на официальном приеме английского посла Федор стал креститься и громко заплакал. (Ему передали отзыв посла о его персоне: «Не царем ему быть, а монахом»²¹.)

Ничтожество Федора едва не погубило дело, начатое его предшественниками. Разрушение сильной государственной власти казалось неминуемым. Но разгром боярской оппозиции и сосре-

доточение власти в руках Годунова затормозили начавшийся процесс и привели к возрождению централизаторских тенденций. Итогом была знаменательная перемена в официальном титуле царя. В письмах и устно царь Иван охотно именовал себя самодержцем, но только при его преемнике титул приобрел законченный вид: «царь и великий князь Федор Иванович, всея Руси самодержец»²². Усвоение нового титула было в наименьшей мере связано с личными достижениями царя Федора. Как раз наоборот. Глава монархии получил титул, указывающий на его неограниченную власть, в то самое время, когда могущественный правитель окончательно лишился возможности оказывать влияние на дела управления. Однако изменение в царском титуле явилось симптомом серьезных перемен в политической ситуации. Полоса исторического развития, связанная с аристократической реакцией, осталась позади. Формирование самодержавной формы правления завершилось.

Труды и заботы управления тяготили Федора, и он искал спасения в религии. Каждый день он подолгу молился, простаивал у обедни, раз в неделю ездил на богомолье в ближние монастыри²³. «Тело же убо свое повсегда удручаше церковными пениями, и дневными правилами, и всеюнощном бдении, и воздержанием, и постом...»²⁴, — писали московские современники о Федоре. Но наряду с благочестием Федор унаследовал от отца и пристрастие к диким забавам и кровавым потехам. Более всего привлекали Федора медвежьи бои. Вооруженный рогатиной охотник отбивался, как

мог, от дикого медведя в круге, обнесенном стеной, из которого некуда было бежать. Потеха нередко заканчивалась трагически для «гладиатора»²⁵.

Борис Годунов был полной противоположностью царю Федору. Он, бесспорно, обладал качествами выдающегося политического деятеля. Современники единодушно отмечали его острый и живой ум. Наделенный от природы хорошими способностями, Борис, по-видимому, был одним из лучших ораторов своего времени. Дневник датских послов, посетивших Москву в 1602 г., сохранил удивительные образцы его красноречия. Но у современников сложилось впечатление, будто он был человеком необразованным и даже неграмотным. Так, Джером Горсей, многие годы пользовавшийся дружбой правителя, утверждал, что Борис склонен к чернокнижию, не учен, но быстрого ума, от природы красноречив и имеет звучный голос. Члены датского посольства в Москве в 1602 г. отмечали, что царские письма к герцогу писал под диктовку отца царевич Федор, «ибо сам царь не умел ни читать, ни писать». Их свидетельство подкрепляется заверениями дьяка Ивана Тимофеева, будто Борис смолоду и до конца дней своих не проходил стези буквенного учения «и, чудо, яко первый таков царь не книгочей нам бысть»²⁶.

Современники, однако, ошибались. Вопреки их уверениям, Борис был, несомненно, грамотным человеком. Сохранились собственноручные подписи Бориса на данных грамотах Ипатьевскому монастырю 7084 г. («Яз Борис... руку приложил») и

25 марта 7080 Г. «Яз Борис селцо Присково с деревнями в Ыпацкой манастырь дал и руку приложил»²⁷. После восшествия на престол Борис не подписывал грамот и предпочитал диктовать сыну свои письма не по причине безграмотности, а из уважения к древней московской традиции, в силу которой православные государи никогда не «рукоприкладствовали» наравне со своими подданными — холопами.

Отзывы современников о Борисе, в первую очередь, определялись собственными симпатиями и антипатиями. Князь И. А. Хворостинин, сохранивший к нему тайную симпатию, упоминал о необразованности Бориса, но с похвалой отзывался о его природных дарованиях: «...аще и не научен сий писаниям и вецем книжным, но природное свойство целостно имея». Значительно строже судил о Годунове Авраамий Палицын, поплатившийся за участие в антигодуновской оппозиции заточением в монастырь. Подобно дьяку Ивану Тимофеевичу, он обвинил Бориса в незнании священного писания. Этим незнанием, по его мнению, объясняются неблагоприятные дела правителя Российского государства: «Но аще и разумен бысть Борис в царских правлениях, но писания божественного не навык и того ради в братолюбии блажен бываше»²⁸.

Источники сохранили крайне противоречивые отзывы о личности и деяниях Годунова. Опираясь на них, В. О. Ключевский заключил, что Борис, несмотря на все свои таланты и добродетели, не внушал доверия соплеменникам, и они постоянно подозревали его в двуличии, бессердечии и бессо-

вестности²⁹. Про Бориса толковали, будто он отравил царя Ивана, убил царевича Дмитрия и царевну Федосью Федоровну, умертвил царя Федора и свою сестру царицу Ирину, сжил со свету жениха дочери; его подручные якобы подожгли Москву, а потом навели на столицу татар и т. д. На совети Годунова было несколько тайных казней. Его причастность к смерти прославленного воеводы И. П. Шуйского более чем вероятна. Но большинство обвинений против него носило фантастический характер. Факт остается фактом: воспитанник опричнины, Борис никогда не делал упор на политику открытого насилия.

Претензии Годунова на обладание короной возникли, вопреки легендам, сравнительно поздно. Переговоры относительно возможного брака Ирины Годуновой с одним из австрийских Габсбургов подтверждают это мнение.

Династические переговоры с венским дворцом получили новое направление с того момента, как в 1592 г. в царской семье родилась дочь – царевна Федосья Федоровна. У правителя были свои виды насчет племянницы. Федосье едва исполнился год, а дядя уже хлопотал о ее будущем браке. В 1593 г. канцлер Щелкалов в доверительной беседе с австрийским послом Н. Варкочем передал австрийскому императору необычную просьбу. Согласно отчету посла, дьяк и некоторые другие советники царя Федора изъявили желание пригласить в Москву одного из австрийских принцев не старше четырнадцати-восемнадцати лет, с тем чтобы обучить его языку, обычаям и нравам страны, имея в виду престолонаследие. Новый династический проект

преследовал цель обеспечить трон царевне Федосье. По московским обычаям, женщина не могла царствовать самостоятельно. Именно поэтому правитель и намеревался выписать из Австрии отпрыска Габсбургского дома в качестве жениха для Федосьи.

Династические переговоры с австрийцами имели важный политический аспект. Они должны были облегчить заключение союза с Австрией, которому московская дипломатия отводила важное место в своих планах.

В нарушение ритуала посольской службы Щелкалов посетил посла Варкоча на его подворье и беседовал с ним с глазу на глаз добрых два часа. Со слезами на глазах он убеждал посла, что является искренним союзником Австрии и клялся, что будет верно служить императору. Канцлер неоднократно подчеркивал, что выполняет поручение Годунова, но в то же время старался создать впечатление, будто главным творцом австрийского проекта является он сам. Как бы мимоходом Щелкалов заметил: «Наши великие государи на благо христианского мира начали возделывать вместе пашню; Борис Федорович, ты и я – страдники и сеятели. Ежели мы усердно будем возделывать землю, бог нам поможет, чтобы быстро взопло и произрастало то, что мы посеяли. А мы, работники, сообща пожнем с божьей помощью плоды здесь, на земле, и там – в другой жизни»³⁰. Называя Бориса «страдником» и ровней себе и малознатному послу, А. Я. Щелкалов невольно обнаружил свое истинное отношение к притязаниям сопровителя на обладание высшей властью.

Проект передачи московского трона царевне Федосье и одному из габсбургских принцев был одинаково приемлемым и для Годунова, и для Щелкалова. Первый рассчитывал играть при дворе племянницы такую же роль, как и при дворе сестры. Второй полагал, что австрийский царь не сможет управлять незнакомой страной без его помощи. Но Федосья оказалась нежизнеспособным ребенком и умерла в двухлетнем возрасте³¹. С ее кончиной рухнул проект династического компромисса, и Борис поспешил отделаться от слишком влиятельного дьяка.

С. Ф. Платонов полагал, что карьеру Щелкалова погубило участие в прогабсбургской интриге, скомпрометировавшее его в глазах Бориса³². Но такое предположение неосновательно. В тайных переговорах с австрийцами Щелкалов выступал не против Годунова, а заодно с ним. Конфликт между Борисом и Щелкаловым нарастал исподволь, в течение многих лет, но до поры до времени правитель не мог обойтись без услуг главы приказной иерархии.

Современники охарактеризовали канцлера Щелкалова как человека, превосходившего разумом других москвитов и отличавшегося к тому же пронырством и лукавством. Дьяк обладал удивительной работоспособностью. Не зная покоя ни днем ни ночью, он работал как вол. В первые годы правления Борис был непрочь польстить Щелкалову и говаривал, что ему прилично было бы служить самому Александру Македонскому, но и весь мир был бы для него слишком мал³³. Щелкалов обладал большим опытом в делах управления и

не знал себе равных в искусстве политических интриг. Писатель «смутного времени» дьяк Иван Тимофеев считал Щелкалова наставником Бориса, научившим его «одолевать благородных»³⁴. В самом деле, поддержка Щелкалова сыграла исключительную роль в момент столкновения Годунова с регентами. Неудивительно, что в первые годы совместного правления Борис заискивал перед хундордным канцлером и даже называл его отцом. Для «родословного» дворянина, каким был Годунов, большего унижения трудно было придумать.

Время отставки «великого» дьяка можно определить довольно точно. В апреле 1594 г., во время приема крымского гонца, он в последний раз исполнял обязанности главы Посольского приказа. 30 июля того же года очередной гонец вручил грамоты его брату, Василию Щелкалову³⁵.

Обстоятельства отставки А. Я. Щелкалова в точности неизвестны. Джером Горсей утверждал, что «дьявольской и ненавистной жизни дьяка был положен самый несчастный конец»³⁶. Что скрывалось за эпитафией раздраженного человека — смертельного врага Щелкалова, трудно сказать.

Дьяк Иван Тимофеев, многие годы служивший в подчинении у Щелкалова, знал больше Горсея. Но он составил свои записки на склоне лет и многое забыл. Судьба младшего из братьев Щелкаловых явно заслонила в его глазах судьбы старшего. Когда Борис достиг царства, повествует Тимофеев, «клятву же преступив двобратном (Щелкаловым. — Р. С.) и, кроме убивства (т. е. не убивал их. — Р. С.), зло сотворити возможе... обих, яко же зверь некий обратився навспять, зубы

своими угрызну, многолетно бесчестным... житием живот их продолжив, изнутри и отнятием имени лишив»³⁷. Из рассказа Тимофеева следует, что отставка Щелкалова сопровождалась опалой и конфискацией имущества. Против версии об опале А. Я. Щелкалова как будто свидетельствует тот факт, что его место в думе и в приказах занял В. Я. Щелкалов, его родной брат, который к июню 1597 г. получил думный чин печатника³⁸. Впрочем, надо учитывать, что в правление Бориса опалы, как правило, носили персональный характер³⁹. После отставки Андрей Щелкалов прожил еще несколько лет. В 7105 (1596–1597) г. он отказал в Боголюбов монастырь сельцо Сурвоцкое: «А к отписи в Андреево место Щелкалова отец его духовный Пречистые Введенския, что за торгом, поп Федор руку приложил»⁴⁰.

С падением А. Я. Щелкалова власть в государстве сосредоточилась в руках правителя Бориса Годунова.

Смерть царевны Федосьи расколола правящий кружок, к которому, помимо Годуновых и Щелкаловых, принадлежали еще и Романовы. Родня царя Федора – Годуновы и Романовы, объединившись вокруг трона, преодолели династический кризис, сопутствовавший утверждению у власти недееспособного сына Грозного. Старший из сыновей Никиты Романовича, Федор, сделал блестящую карьеру еще в то время, когда «завещательный союз» между опекуном Н. Р. Юрьевым и Б. Ф. Годуновым сохранял силу.

Двоюродного брата царя Ф. Н. Романова знали в Москве как красавца и щеголя, человека

обходительного и любезного⁴¹. Смолоду Федор Никитич любил псовую охоту. Близко знавшие боярина люди утверждали, что ему был не чужд интерес к западной культуре и европейским новшествам. Принятый в доме боярина англичанин Д. Горсей составил для него славянскими буквами и латинскими словами и фразами род грамматики, которая доставляла ему большое удовольствие⁴².

В соответствии с традицией высший думный чин могли получить лишь люди почтенного возраста. Поскольку Ф. Н. Романов попал в думу будучи молодым человеком, он не сразу вошел в число начальных бояр думы. В списке двора царя Федора 1588–1589 гг. имя Ф. Н. Романова значится одиннадцатым. В то время он уступал «местами» Мстиславскому, Трубецким, Годуновым и Скопину-Шуйскому⁴³. Однако в самом конце 1589 г., во время похода на Нарву, Ф. Н. Романов получил высокий пост второго дворового воеводы⁴⁴. Спустя три года в дипломатических документах Ф. Н. Романов уже фигурировал как один из главных руководителей ближней думы. В 1593 г. грамоты к польской Раде подписали трое ближних бояр – Ф. И. Мстиславский, Б. Ф. Годунов и Ф. Н. Романов⁴⁵.

Союз Годуновых с Никитичами сохранялся, по видимому, до смерти царевны Федосьи в 1594 г. Местнические дела, служившие своего рода барометром политических бурь, очень точно зафиксировали момент, когда влияние Никитичей резко пошло на убыль.

Когда 28 марта 1596 г. Разрядный приказ назначил Ф. Н. Романова вторым воеводой полка

правой руки, со всех сторон посыпались местнические возражения. Первым отказался служить с ним Петр Шереметев – дальний родственник Романовых. Но он слишком поспешил. 13 апреля царь Федор велел заковать Петра Шереметева в колодки, вывезти в телеге за посад и послать на службу. Позже челобитчика посадили в тюрьму за дерзость. Но наказание Шереметева не произвело впечатления на других воевод – князей В. К. Черкасского и Ф. А. Ноготкова-Оболенского. Не обладая ни думными чинами, ни заслугами, они наперебой стремились потягаться с двоюродным братом царя. На приеме во дворе князь Ф. А. Ноготков дерзко заявил, что «мочно ему быть больше боярина Федора Никитича, дяди Данила да отца ево Никиты Романовичей Юрьевых». Даже у кроткого царя челобитье Ноготкова вызвало раздражение: «...Данила и Микита были матери нашей братья, мне дяди; и дядь моих... давно не стало; и ты чево дядь моих, Данила и Микиту, мертвых бесчестишь?» Челобитчик попал в московскую тюрьму на «пять ден». Отсидев в тюрьме, Ноготков выехал на службу. Но назначение Ф. Н. Романова, несмотря на заступничество самого царя, было отменено. «...Потому что, – значилось в книгах Разрядного приказа, – государь то по Разрядам сыскал, что князю Федору Ноготкову не доведетца менши быть боярина Федора Микитича Романова»⁴⁶.

Поражение Романовых было очевидным. Разрядный приказ получил предписание составить новую роспись, по которой воевода Ф. А. Ноготков был повышен несколькими рангами (второй

воевода сторожевого полка стал вторым воеводой полка левой руки), а место второго воеводы правой руки Ф. Н. Романов уступил С. В. Годунову. Новые воеводские начальники показали, что вдохновителями местнической интриги против Романовых были Годуновы.

Со смертью царевны Федосьи отпала кандидатура на трон как для Годуновых, так и для Романовых. Вопрос: «Кто из ближайших родственников бездетного царя возьмет после него корону?» – оставался открытым.

Среди прежних союзников Годунова наибольшим политическим опытом и авторитетом обладал Б. Я. Бельский. Разделавшись со Мстиславским и Шуйским, Борис не спешил с возвращением Бельского из деревенской ссылки. Судя по дворовому списку 1588–1589 гг., регент в то время еще находился «в деревне». Лишь к 1591 г. он получил, наконец, возможность вернуться в столицу⁴⁷.

Ссылка не умерила честолюбия Бельского. Он пережил всех прочих опекунов царя Федора, и, следовательно, к нему должны были перейти все те полномочия, которыми Грозный наделил регентский совет. Близкое родство с семьей Годунова давало Бельскому еще один шанс на самое высокое положение в правительстве. Но надежды оружничьего не сбылись. Служебные назначения, полученные Бельским после возвращения в столицу, никак не соответствовали его регентским полномочиям. В 1596 г. Разрядный приказ послал окольных, думных дворян и воевод «дозирать» засечную черту на южной окраине государства. Как значилось в Разрядных книгах, «пятую засе-

ку дозировал оружничей Богдан Яковлевич Бельский»⁴⁸.

Бывший покровитель Годунова не скрывал своего недовольства. Со временем он стал одним из самых опасных противников Бориса.

Сокрушив открытую оппозицию в среде правящего боярства, Годунов прекратил репрессивную политику и стал добиваться примирения с аристократией. В связи с рождением наследницы в царской семье московские власти объявили о прощении заключенных, даже тех, «кои мятеж творили о безчадия благоверная царицы»⁴⁹. Общая политическая амнистия имела важное значение. Напомним, что в соборном приговоре о разводе царя с Ириной Годуновой участвовали влиятельные столичные чины.

Власти возобновили пожалования высших думных чинов, приостановленные после распада опекунского совета. Вернулись в думу бояре Василий и Дмитрий Ивановичи Шуйские. Первый из них в 1591 г. возглавил расследование обстоятельств гибели царевича Дмитрия в Угличе. К 1597–1598 гг. боярство получили младшие братья князя Василия – Алексей и Иван Ивановичи Шуйские⁵⁰. В думу вернулись Морозовы и Плещеевы, лишившиеся высших чинов еще при Иване Грозном.

Стремясь завоевать популярность в среде мелкого «оскудевшего» дворянства, правительство объявило о прощении всех «нетчиков» – уклонявшихся от службы детей боярских. В случае возвращения на службу им обещали вернуть поместья. В указе подчеркивалось, что эта мера была проведена по «печалованию» конюшего Годунова.

В XVI в. в жизни русского общества произошли крупные социальные перемены, связанные, в первую очередь, с эволюцией земельной собственности. До конца XV в. на Руси безраздельно господствовала вотчина (частная земельная собственность). После экспроприации всех боярских земель при Иване III образовался колоссальный фонд государственной земельной собственности. Новгородские вотчины были розданы сначала московским боярам, а затем отобраны у них и переданы казной московским дворянам и детям боярским в условное владение. Пока помещик нес службу, он владел выделенным ему государственным имением. В XVI в. поместная система была распространена на всю территорию государства, кроме Севера и Поморья. Аристократия сохранила в своих руках огромные вотчинные богатства и получила в дополнение к ним крупные поместья. Мелкие уездные землевладельцы, измельчавшие вотчинники стали владельцами небольших поместий. Поместья были для них основным источником получения доходов. Государственная земельная собственность, таким образом, не уравнила боярскую аристократию и мелкое дворянство. Превращение государственной собственности в доминирующую форму позволило властям ввести принцип обязательной службы с земли.

Сближение поместной и вотчинной форм собственности началось уже при Иване Грозном. Поместье оставалось казенной собственностью и одновременно приобретало черты наследственного

владения дворянской семьи. Наследование поместья в трех и более поколениях вело к фактическому перерождению государственной собственности. Опричина грубо оборвала этот процесс, задержав его на целое столетие. Надежды помещиков на то, что им удастся закрепить за собой в собственности полученные из казны имения, развеялись в прах. Конфискация владений у многих тысяч дворян без всякой повинности с их стороны подтвердила тот факт, что реальным собственником всех поместных земель в государстве остается монарх.

Господство государственной собственности породило первую «великую утопию» в истории России. При отсутствии майората и многодетности дворянских семей неизбежные разделы имения между сыновьями грозили землевладельцу разорением и нищенской сумой. Впервые в XVI в. государство взяло на себя обязательство обеспечить поместьями тех, кто несет государственную службу, и не только дворян, но и их потомков на все обозримое будущее. Со своей стороны, дворянство приняло принцип обязательной службы с земли, который не мог быть навязан землевладельцам силой. Однако принцип государственного обеспечения и регулирования не приостановил процесс дробления земельных владений. Разруха конца XVI в. знаменовала полное крушение утопии.

Современники отметили факт дворянского «оскудения» уже при Грозном. В неотправленном письме к царю Курбский мрачными красками рисовал положение обнищавшего дворянства: «Воинской же чин строев ныне хуеишии строев обрете-

ся, яко многим не имети не токмо коней, ко бра-нем уготовленных, или оружия ратных, но и дневныя пищи...»¹.

Одной из главных причин упадка боярства в XV в. было дробление боярских вотчин. Наделение московских служилых людей поместьями помогло преодолеть кризис старого боярства. Однако стремительное расширение фонда государственных поместных земель прекратилось после присоединения Новгорода и Пскова. Московские власти не осмелились провести массовых конфискаций вотчин в других присоединенных землях – Твери и Рязани. Упадок поместья явственно обозначился уже при Грозном. За первую половину XVI в. удельный вес мелких поместий (до 150 га пашни) в Новгородской земле увеличился почти вдвое². Во второй половине века процесс биологического размножения дворян сохранил свою интенсивность, следствием чего явилось дальнейшее дробление поместья. Однако явление приобрело новые черты. В начале века разделу подвергались сравнительно крупные поместья, и наследники имели возможность продолжать службу. Во второй половине столетия огромное число измельчавших поместий разорилось и перешло в разряд пустующих государственных земель³. К 1580 г. в Новгороде запустело более 40 процентов «обеж» (обжа – единица обложения в Новгороде). Подавляющая часть опустевших и заброшенных имений приходилась на долю мелких поместий. К концу XVI в. запустело более 90 процентов пашни, которую крестьяне и помещики обрабатывали в первой половине столетия⁴. Таким был итог столетнего господства

государственной собственности в новгородских владениях Москвы.

Новгородское поместное ополчение получило в Разрядах наименование «кованой рати». Владельцы процветающих поместий исправно несли службу в тяжеловооруженной коннице, закованные в железные, «кованые» доспехи. Во второй половине XVI в. их называли дворянами «полковой службы». Кризис поместной системы привел к появлению рядом с помещиками, несшими «полковую службу», нового социального персонажа — «сына боярского с пищалью»⁵. Такие люди либо имели совсем небольшие поместья, либо были безземельными. Они не могли содержать боевого коня и не имели рыцарского вооружения, а потому не могли служить в «кованой рати». Ружье было традиционным оружием в руках горожан (пищальников) и стрельцов, но не дворян. Для детей боярских отказ от традиционного рыцарского вооружения и переход из конного ополчения в пехоту означал нечто большее, чем смену оружия. Стрельцы не принадлежали к привилегированному сословию. Служба детей боярских «с пищалью» приравнивала их к стрельцам — служилым людям «по прибору», не принадлежавшим к дворянству, — служилым людям «по отечеству».

Подвергшиеся дроблению и растерявшие крестьянское население, поместья не могли противостоять экономическим бедствиям, поразившим страну дважды на протяжении трех десятилетий. «Великое разорение» 70–80-х годов XVI в. и голод 1601–1603 гг. нанесли громадный ущерб не только крестьянству, но и низшим, наиболее многочис-

ленным слоям дворянства. Мелкопоместные дети боярские подверглись разорению в неслыханных ранее масштабах.

Своеобразное положение сложилось во вновь освоенных южных уездах, где власти пытались заново насадить поместную систему. Возникшая там военно-служилая система отличалась от традиционной рядом черт. Во-первых, в степных уездах не было достаточных дворянских контингентов. Во-вторых, в «диком поле» количество распаханых земель было невелико, а крестьянское население отличалось малочисленностью. Особенностью южных «украин» было то, что казацкая колонизация «дикого поля» опережала правительственную. Казацкое население имело опыт борьбы с кочевниками, и власти, испытывая острый недостаток в воинских людях, стали привлекать для охраны южных границ казаков, предоставляя им земельное обеспечение.

Сожжение Москвы крымцами в 1571 г. послужило толчком к реорганизации сторожевой службы в южных уездах государства. Многие «сторожа» из мелкопоместных детей боярских (рязанцев и пр.) были отставлены от пограничной службы и переведены на городовую, а на их место определены служилые люди «по прибору», прежде всего казаки. Организация казачьих гарнизонов по замыслам властей должна была резко сократить денежные расходы казны на содержание воинских отрядов. Конные казаки, прибранные в степные гарнизоны, получали небольшие поместья и служили (согласно боярскому приговору) «з земли без денег»⁶.

Согласно росписи 1604 г., Орловский уезд выставил «в поле» 129 детей боярских полковой службы и 287 детей боярских с пицальями (самопалами). Помимо того, в уезде было им помещено несколько сот казаков. Их высший земельный оклад составлял 50 четвертей⁷. Среди орловских служилых людей преобладали низшие категории — дети боярские с пицальями и казаки, что было связано с преимущественным распространением в уезде мелкопоместного землевладения. Такое положение следует признать типичным для большинства южных городов. Этот вывод находит подтверждение в разнообразной документации.

В 1597 г. охрану Засечной черты на пространстве от Брянских лесов до Рязани несли 78 детей боярских конных с пицальями, 160 засечных сторожей, 460 казаков и стрельцов (преимущественно из ближайших городов) и другие ратные люди⁸.

Среди помещиков Рязского уезда, явившихся на смотр в 1597 г., только 44 человека числились детьми боярскими полковой службы, зато прочие дети боярские — 301 человек — служили с пицальями. Рязская десятня с полной очевидностью доказывает, что службу с огнестрельным оружием несли наименее обеспеченные помещики, утратившие возможность служить «конно, людно и оружно»⁹.

После голода 1601–1603 гг. численность высшей категории служилых людей сократилась, а низших — увеличилась. В походе против самозванца 1604 г. участвовало «ряшан полковых 28 человек, да с пицальми 336 человек», а также казаков из Рязска «500 человек конных с пицальми»¹⁰.

Службу в степных уездах несли, в основном, ратники «с пицалью». Степным помещикам сплошь и рядом нарезали крохотные поместные «дачи», наполовину состоявшие из нераспаханного «дикого поля». Писцовые книги по Орлу, Путивлю и другим городам указывают на полное отсутствие крестьян в мелких имениях. Дети боярские низшего разряда имели минимальные поместные оклады и служили «с пицалью без денег»¹¹. Иначе говоря, они не получали ни ренты, ни казенного жалованья.

В конце XVI в. правительство осуществило важную социальную реформу. Оно освободило от податей барскую запашку в помещичьих усадьбах, тем самым проведя резкую разграничительную черту между привилегированным высшим и тяглыми низшими сословиями. Однако преимущества, вытекавшие из законов об «обелении» пашни, распределялись очень неравномерно среди различных групп, или «чинов», дворянского сословия. Наименьшие привилегии получили мелкопоместные дворяне, более всего нуждавшиеся в льготах. Владелец поместья в 50 четвертей мог претендовать на «обеление» (освобождение от государевых податей) лишь 5 четвертей пашни. Чем большим был поместный оклад (а следовательно, и благосостояние) служилого человека, тем большими преимуществами он пользовался¹². Правительство представляло наибольшие преимущества и привилегии средним и высшим слоям поместного дворянства, исправно несшим конную полковую службу, содержавшим боевых холопов, обеспечивавшим поступление в казну податей со своих крестьян. Их обеспечивали землями и денежным жалованьем в

первую очередь. Совершенно иной была политика в отношении степных помещиков, служивших в пицальниках.

Московское правительство не жалело сил на то, чтобы насадить поместную систему в южных уездах и тем самым создать себе прочную опору на вновь присоединенных землях. Однако эти усилия не привели к желаемым результатам, поскольку власти не смогли обеспечить новых помещиков пашней и крестьянами.

Распаханных земель в степных уездах было немного, и казне приходилось везти хлеб из Черноземного центра на плодородные земли Юга. Чтобы ускорить распашку пашни в «диком поле» и снабдить Юг собственным хлебом, власти завели там государеву десятинную пашню. Податное «черное» население в южных крепостях оставалось малочисленным, а потому обязанность обрабатывать десятинную пашню была возложена на служилых людей.

Наиболее интересны сведения об организации государственного барщинного зернового хозяйства в Ельце. Согласно приказной справке 1620 г., возобновив после «Смуты» десятинную пашню в Ельце, «что пахали при царе Борисе», власти распорядились обрабатывать ее «по-прежнему детьми боярскими ельчаны, и елецкими стрельцы, и казаки, и пушкари, и затинчики и всякими служилыми и жилецкими людьми». Совершенно так же, как и в Ельце, было организовано государственное барщинное зерновое хозяйство в Курске¹³.

Итак, в таких степных городах, как Курск, Елец, правительство Годунова привлекало к от-

быванию барщинных повинностей наряду с казаками и стрельцами местных помещиков. Получая крохотный поместный надел, такие землевладельцы обрабатывали пашню своим трудом. Не случайно, Юг России стал главным очагом Смуты в начале XVII в. Кризис мелкопоместного дворянства приобрел здесь наиболее резкие черты. Попытка расширить государственный земельный фонд за счет «дикого поля» не привела к результатам, на которые рассчитывало правительство. Кризис московской военно-служилой системы стал важнейшей предпосылкой гражданской войны начала XVII в.

Полагают, что «Великое разорение» 70–80-х годов XVI в. было вызвано такими причинами, как неслыханно тяжелые налоги, неурожай, эпидемии, голод, военная разруха и опричные грабежи¹⁴. В приведенном перечне отсутствует фактор государственной собственности. Будучи собственником поместных земель, казна реализовала право собственности, повышая подати и расширяя натуральные повинности. Самое резкое повышение налогов имело место в первый период Ливонской войны. Не имея средств для уплаты податей, крестьяне стали сокращать свои пашенные наделы¹⁵. Сборщикам податей приходилось класть в обжу вместо 1–2 дворов 3–5 и более. К концу войны реальные платежи с одного крестьянского двора сократились в 4 раза¹⁶. Власти не помышляли о том, чтобы снизить ставки налогов, а в итоге и казна и подданные несли огромные убытки.

Господство государственной собственности определило особенности налоговой системы России.

Наделяя дворян поместьями, власти неукоснительно взыскивали с них подать со всех распаханых земель. Пока крестьянское население поместья было достаточно многочисленным, а размеры барской запашки невелики, налоги не были для дворян слишком обременительны. Катастрофическая убыль крестьянского населения в конце века изменила ситуацию. Вслед за крестьянами помещики сократили свою запашку, но при этом удельный вес господской пашни (по отношению ко всей распаханной земле) многократно вырос¹⁷. Помещики не могли служить с разоренных поместий и одновременно платить цареву подать со своей запашки наравне с крестьянами. В конце XVI в. Борис Годунов приступил к проведению крупной социальной реформы, способствовавшей консолидации дворянского сословия. Впервые на новгородских поместных землях власти стали «обелять» (освободить от податей) запашку в дворянских усадьбах. Реформа наметила разграничительную линию между привилегированным дворянским сословием и низшими податными сословиями¹⁸. Преимущества, вытекавшие из распоряжений об «обелении» господской пашни, очень неравномерно распределялись между различными группами дворянства. Наименьшие привилегии получили мелкопоместные дети боярские, наибольшие – крупные помещики, несшие службу в конном ополчении.

Развитие государственной земельной собственности в XVI в. оказало влияние на становление крепостнического режима. Наиболее обстоятельно история закрепощения крестьян изложена в Уложении царя Василия Шуйского о крестьянах

1607 г. Как значится в преамбуле Уложения, «при царе Иоанне Васильевиче... крестьяне выход имели вольный, а царь Федор Иоаннович, по наговору Бориса Годунова, не слушая совета старейших бояр, выход крестьяном заказал и, у кого колико тогда крестьян было, книги учинил...»¹⁹. Уложение 1607 г. сохранилось в пересказе В. Н. Татищева, что значительно снижает ценность этого памятника. В. О. Ключевский признавал подлинность памятника в целом, но полагал, что Татищев сократил и изложил своими словами преамбулу Уложения, посвященную отмене Юрьева дня. Очевидно, ни одно слово преамбулы не может быть использовано без всесторонней критической проверки.

Взаимоотношения землевладельца и крестьянина на Руси регулировали нормы Юрьева дня, сложившиеся в конце XV в. Один раз в году – за неделю до Юрьева дня 26 ноября и в течение недели после Юрьева дня – крестьянин мог расплатиться по оброчным и налоговым обязательствам и покинуть имение. По свидетельству Уложения 1607 г., царь Федор отменил Юрьев день и приказал составить писцовые книги, закрепив тем самым крестьян за их землевладельцами. Данные о проведении переписи при Федоре требуют проверки. В литературе было высказано предположение, что власти уже в 1580-х годах провели описание основной части территории России²⁰. Новейшие исследования обнаружили, что из 100 уездов государства в конце XVI в. была описана треть, при этом описание затронуло по большей части земли, лежавшие к западу от Москвы и наиболее по-

страдавшие от Ливонской войны и стихийных бедствий. К числу таких земель относят, прежде всего, Новгородскую землю²¹. Указание на Новгород, на первый взгляд, противоречит известию о проведении валовой переписи при царе Федоре. В самом деле, писцы приступили к составлению новгородских писцовых книг в 1582 г. при царе Иване IV. Однако они смогли завершить перепись и утвердить книги в приказе лишь в 1584 г. при Федоре. Новгород был описан в первую очередь не только потому, что подвергся наибольшему разорению в ходе войны. Южнорусские уезды были разорены татарами в меньшей мере. Власти начали с описания Новгорода, потому что государственная собственность образовала тут громадный цельный массив, составлявший ядро всего поместного фонда страны. Можно сделать следующее наблюдение. В Ярославском, Суздальском, Шуйском и Ростовском уездах до конца XIV в. сохранялось значительное количество княжеских вотчин, а поместный фонд был ограниченным. Валовое описание названных уездов при царе Федоре вообще не было проведено. Установив этот факт можно выявить наиболее характерную особенность валового описания конца XVI в. Власти проявляли заботу, прежде всего, об уездах с наиболее развитым государственным землевладением. Описание было проведено не одновременно, а на протяжении многих лет. Нередко крупные уезды описывали по частям в промежуток времени между 1585 и 1597 гг.²² Приведенные факты полностью подтверждают достоверность свидетельства Уложения 1607 г. о составлении писцовых книг при царе Федоре.

Проведение общей переписи требовало крупных расходов и было обременительно и для пустующей казны и для населения. Но из-за массового бегства крестьян с тяглых земель писцовые книги устаревали еще до того, как Поместный приказ успевал их исправить и утвердить. Чтобы не допустить обесценения поземельных кадастров и стабилизировать доходы казны, власти ввели в действие режим «заповедных лет». Полагают, что режим «заповедных лет» был введен на всей территории России особым указом царя Ивана IV в 1581 г. Главным содержанием указа была формальная отмена Юрьева дня²³. Первым документом, четко сформулировавшим нормы «заповедных лет», была царская жалованная грамота городу Торопцу 1590 г. Правительство разрешило властям Торопца вернуть в город старинных тяглых людей, которые «с посаду разошлись в заповедные леты»²⁴. Обращение к грамоте 1590 г. опровергает изложенную выше гипотезу. Действие «заповедных лет» распространялось на городское население, которое к Юрьеву дню не имело никакого отношения. Следовательно, содержание «заповедных лет» невозможно свести к формальной отмене Юрьева дня. Вернее будет сказать, что «заповедные лета» означали временное прикрепление податного населения – крестьян и посадских людей – к тяглу, т. е. к тяглым дворам и наделам.

В 1581 г. Новгородскую землю разоряли польские и шведские войска. Начинать перепись на театре военных действий было бессмысленно. Режим «заповедных лет» мог функционировать лишь при наличии. Отсюда следует, что в 1581 г. до про-

ведения валового описания режим «заповедных лет» не действовал даже в пределах Новгородской земли. Замечательно, что ни один документ, составленный при жизни царя Ивана, не употребляет термин «заповедные лета». Самая ранняя из известных грамот с указанием на «заповедь» датирована 12 июля 1585 г. В этот день новгородский помещик Борис Сомов получил в поместье деревню Мошня с населенными и пустыми крестьянскими дворами. В выданной Сомову грамоте было помечено, что из пустых дворов крестьяне «разошлись в заповедные лета» с 7090 по 7093 (1581–1585 гг.)²⁵ «Заповедные лета», обозначенные в грамоте Сомова, точно совпадали с годами составления новгородских писцовых книг и их утверждения в Приказе. На основании грамоты Сомов получал возможность вернуть в пустые дворы ушедших из поместья крестьян. В 1588 г. новгородский помещик Иван Непейцын потребовал возвратить ему двух крестьян Гавриловых на том основании, что они сбежали из его деревни «в заповедные годы 90-м году»²⁶. С аналогичными исками в суд обратились тогда же князь Богдан Крапоткин, Тимофей Пестриков и некоторые другие новгородские помещики разных пятин. Режим «заповедных лет» распространялся на городское население Новгородской земли²⁷.

Указанные случаи возврата податных людей опирались на одни и те же юридические нормы. Но термин «заповедные годы» употреблен лишь в немногих документах. Как видно, это понятие не приобрело устойчивого и всеобщего значения в виду того, что нормы «заповедных лет» не были

облечены в форму закона. Речь шла о практических распоряжениях властей, носивших временный характер.

Система временных мер по прикреплению крестьян к тяглу оказалась недостаточно гибкой. Прежде всего, она перестала соответствовать той цели, ради которой была создана. Эта цель заключалась в том, чтобы предотвратить полное запустение государственного фонда земель и поддерживать финансовую систему. Многие крестьяне, ушедшие из старых поместий в «заповедные лета», успели отсидеть льготный срок у новых землевладельцев и превратились в исправных налогоплательщиков. Вторично срывать их с тяглого надела и переселять на прежнее местожительство значило нанести ущерб казне и государственной военно-служилой системе. Чем продолжительнее оказывались сроки «заповедных лет», тем менее способен был приказной аппарат распутать клубок помещичьих тяжб из-за крестьян. Власти нашли выход из положения, ограничив срок сыска беглых крестьян пятью «урочными годами». Введение в Новгородской земле «урочных лет» в 1594 г. знаменовало решительный поворот в ходе закрепощения. Чрезвычайные и временные меры стали превращаться в постоянно действующее установление²⁸. В 1595 г. старцы Пантелеймоновского монастыря в Деревской пятине смогли сослаться на указ Федора: «Ныне по нашему (царскому. – Р. С.) указу крестьяном и бобылем выходу нет»²⁹. Монастырские старцы направили грамоту в приказ, и их слова о выходе были процитированы в ответной грамоте из приказа. Таким обра-

зом, их ссылка на «указ» царя Федора о крестьянах как бы прошла апробацию приказных властей. Прочитированные грамоты сохранились в подлиннике XVI в. Более авторитетный источник трудно найти, и этот источник подтверждает достоверность свидетельства Уложения 1607 г. о том, что выход крестьянам «заказал» царь Федор. Надо иметь в виду особенность московской приказной практики. Не только законодательные акты, но и любые другие распоряжения, приказы издавали от имени царя. По этой причине слова пантелеймоновских старцев об «указе» царя Федора, вероятно, не были цитатой из законодательного акта. Скорее всего, эти слова отразили перелом в правосознании современников, связанный и с длительной практикой возвращения крестьян их землевладельцам в рамках режима «заповедных лет», а также с превращением сугубо временных мер в постоянное установление в связи с введением «урочных лет».

Крепостной режим стал формироваться в пределах Новгорода при царе Федоре в 1585–1593 гг., т. е. после составления новгородских писцовых книг. К 1593–1597 гг. писцы завершили валовое описание главнейших уездов страны. Лишь после этого власти получили возможность издать общерусский закон о прикреплении крестьян к земле, действовавший по всей территории России. Закон о крестьянах 1597 г. не содержал пункта, формально упразднявшего Юрьев день. Но он подтвердил право землевладельцев на розыск беглых крестьян в течение пяти «урочных лет.»

Крепостное право связывали с развитием при-

митивной отработочной ренты. (К. Маркс). Следуя марксистской схеме, Б. Д. Греков заключил, что установление крепостного права на Руси было следствием широкого развития барщины в XVI в.³⁰ Однако последующие исследования показали неосновательность такого заключения³¹. Можно утверждать, что крепостное право на Руси развилось в тесной связи с превращением государственной (поместной) земельной собственности в господствующую форму собственности в XVI в., а, вернее, с упадком этой формы собственности на рубеже XVI–XVII вв. Крепостнические порядки стали своего рода подпорками для государственной собственности, средством поддержания относительно экономического благополучия поместья.

Глава 6. Земское собрание

Царь Федор умер 6 января 1598 г. Древнюю московскую корону – шапку Мономаха – надел на себя Борис Годунов. Среди современников многие сочли его узурпатором. Но такой взгляд был поколеблен благодаря работам В. О. Ключевского. Известный русский историк утверждал, что Годунов был избран правильным Земским собором¹.

Документация избирательного собора, доставшего венец Борису, хорошо известна. Авторы ее подробно описали восшествие Годунова на престол. Но им не удалось избежать недомолвок и противоречий. Историки до сих пор не могут ответить на простейший вопрос: сколько членов собора

участвовало в утверждении Бориса Годунова на царстве? Одни считали, что на соборе 1598 г. присутствовало 500 членов, другие – 600². Расхождение подобного рода порождает сомнения насчет подлога в избирательной документации Годунова.

Сохранилось не одно, а два соборных постановления об утверждении Бориса в царском чине. На первом документе имеется дата – «июль 1598 г.», на втором – «1 августа 1598 г.»³. Если верить этим датам, неизбежным будет вывод, что обе «утвержденных грамоты» были составлены практически в одно и то же время. Однако сопоставление текстов двух соборных постановлений колеблет такой вывод. Во-первых, в грамотах не совпадают имена членов собора – «выборщиков», якобы утвердивших избрание Бориса Годунова на трон. Во-вторых, грамоты по-разному освещают ход избирательной борьбы.

Ранняя «утвержденная грамота» явно состоит из частей, составленных в разное время. Ее основная часть имеет традиционную концовку, включающую формулу о присяге членов собора на верность Годунову и формулу проклятия по адресу всех непослушных. Затем следует заключительная фраза: «А у сей утвержденной грамоты сидели...» (иначе говоря, эту грамоту обсуждали и утвердили в качестве соборного приговора). Ниже следовал список членов избирательного собора.

Со временем грамоту дополнили обширной припиской. Приписка имела совершенно такую же концовку, как и основной текст. Ее составители повторили формулу верности Борису и проклятия по адресу слушников. Они же датировали грамо-

ту, пометив, что она «уложена и написана бысть лета 7106 июля в... день»⁴.

Можно предположить, что эта дата указывала на время составления приписки, а не основного текста.

К какому же времени относится основной текст приговора об избрании Бориса? В грамоте можно обнаружить самые точные данные на этот счет. Патриарх Иов, сказано в ней, 9 марта 1598 г. предложил собору составить грамоту об утверждении Бориса на царство: «...да будет впредь неколебимо, как во утвержденной грамоте, написано будет». 30 апреля Борис въехал в царский дворец, после чего «сию утвержденную грамоту, по мале времени написавши, принесоша к Иеву». Значит, утвержденная грамота была составлена в марте – начале мая 1598 г. В пользу этой даты говорит и то, что соборный приговор день за днем описывает избирательную кампанию с января до апреля, но полностью умалчивает о последующих событиях. Так обнаруживается первый подлог в избирательной документации Годунова. Вопреки точным указаниям начального текста, редакторы произвольно передвинули время ее составления с весны на июль, выставив эту дату в приписке к тексту грамоты.

Второй приговор об избрании Бориса помечен 1 августа. В отличие от первого он скреплен подписями не только церковников, но и всех светских чиновников, участвовавших в выборах. В. О. Ключевский первым заметил несоответствие между списками и подписями избирателей Годунова и попытался объяснить расхождение тем, что списки

были составлены в момент созыва собора в февралемарте, а подписи собраны при закрытии собора в августе. Такое предположение кажется неудачным.

Тщательная проверка списков и подписей избирателей позволила установить иную дату. После коронации, в первых числах сентября, Борис пожаловал чинами многих знатных дворян, участвовавших в выборах⁵. Парадокс состоит в том, что избирательная грамота Бориса Годунова отразила состав Боярской думы не на 1 августа 1589 г., а на январь 1599 г. Новые бояре и окольные именованы в грамоте с теми чинами, которые они получили от нового царя в конце 1598 г.

Становится понятными расхождения списков церковного собора в двух утвержденных грамотах. Не две-три недели, а год разделил две редакции грамоты, и за это время сменились настоятели нескольких монастырей. Возникла даже новая епископская кафедра в Короле, впервые упомянутая в поздней утвержденной грамоте.

Приведенные факты позволяют выявить второй подлог в избирательной документации Годунова. Цели и мотивы этого подлога очевидны. Окружение Бориса ориентировалось на прецедент — избрание царя Федора. Земский собор «избрал» на трон слабоумного царского отпрыска ровно за месяц до его коронации. Годуновская канцелярия старалась доказать, что и Борис короновался на царство через месяц после избрания на Земском соборе.

В последние годы жизни Федор полностью устранился от дел управления. Он стал первым го-

сударем, умершим без завещания. Неясно, помещал ли ему правитель или по своему умственному убожеству он и не настаивал на необходимости «совершить» духовную. В последние часы жизни, когда приближенные просили Федора назвать имя преемника, он по обыкновению сослался на волю Божью⁶. Будущее жены тревожило слабоумного царя больше, чем будущее трона. В ходе избирательной кампании Годуновы выступили с утверждением, будто Федор «учинил» после себя на царстве Ирину Годунову⁷. Показания современников начисто опровергали их версию. По словам очевидцев, царь «не повеле ей (жене. — Р. С.) царствовать, но повеле ей принять иноческий образ». «Како ей жити, и о том у нас уложено», — объявил Федор патриарху и боярам. Аналогичные сведения находим в «Сказании о смерти царя Федора и воцарении Бориса», составленном, по-видимому, еще при жизни Годунова. Автор «Сказания» повествует, что Федор приказал жене после его «живота» удалиться «от мирского жития и принять «ангельский образ». Ирина была готова последовать приказу «благоуродивого» мужа и дала обещание постричься в монахини, что засвидетельствовано патриаршей канцелярией и Посольским приказом⁸.

Борис прекрасно понимал, что пострижение сестры-царицы уменьшит его шансы на избрание, и потому, вопреки воле Федора, пытался учредить правление царицы. В силу традиции Русского государства присяга вдове-царице была делом неслыханным, поэтому современники восприняли ее как временную и чрезвычайную меру. После смер-

ти Федора, повествует автор Пискаревского летописца, царица Ирина приняла власть «на малое время, покамест бог царство строит от мятежей и царя даст». По обычаю, церемонией присяги могли руководить лишь начальные бояре. Власти и тут отступили от правил. «Царский синклит» (дума) целовал крест Ирине по велению не начальных бояр, а «изрядного правителя» Бориса Годунова. Принимал присягу боярин И. В. Годунов⁹.

Вслед за столицей к присяге была приведена провинция: крест «целоваша вся земля Расийского государства», – свидетельствует автор Пискаревского летописца. 18 (28) февраля 1598 г. некий немецкий агент направил из Пскова подробное донесение об избирательной борьбе в России. Его фактические показания имеют большую ценность. Агент получил возможность ознакомиться с текстом присяги, обнародованным в провинции. По его словам, присяга обязывала жителей пограничной крепости не поддаваться полякам и шведам и хранить верность православной вере, патриарху, царице Ирине, ее брату Борису Федоровичу, его сыну-наследнику и другим детям, которые когда-нибудь у него родятся¹⁰. Жители Смоленска, вероятно, принесли аналогичную присягу в то же самое время. Литовские лазутчики, побывавшие в Смоленске в первых числах февраля, донесли, что в тамошних церквях служили службу «за великую княгиню царицу и сына». Не разобравшись, что речь шла о сыне Бориса Годунова, они высказали нелепое предположение о беременности царицы Ирины¹¹.

Современники понимали, какие цели преследовала январская присяга. По мнению телохранителя Бориса капитана Якова Маржарета, Годунов только старался создать впечатление, что задумал «возвести на престол свою сестру, вдову покойного Федора (вопреки государственным законам)», а на самом деле он «начал домогаться короны» для себя. Важные подробности можно обнаружить на страницах церковного сборника XVI в. На протяжении 1598 г. владелец сборника сделал пять записей о событиях, непосредственным очевидцем которых он был. Его сведения отличаются исключительной точностью, вплоть до указания дня и часа. Первая из записей свидетельствует, что царь Федор скончался 7 января, в седьмом часу ночи, и «того же лета и того же месяца воцарился Борис Федорович, января 12, час 2-й дня, в четверг»¹². Приведенная запись позволяет судить о том, как восприняли современники присягу бояр и населения столицы Борису и Ирине Годуновым.

В провинции реагировали на присягу совершенно так же, как и в столице. Немецкий агент писал из Пскова в середине февраля: «Со всех сторон в Псков постоянно приходят письма, что помещики, горожане и крестьяне уже вынуждены были присягнуть новому великому князю, но некоторые от нее уклонились; простолюдины весьма недовольны Годуновым и его шайкой, которую он поставил во главе людей при принесении присяги». В Пскове утверждали, что присяга на имя правителя не имела законной силы, поскольку в столице важнейшие не захотели признать Годунова великим князем. Примечательно, что московский

очевидец событий 12 января вскоре убедился в том, что неверно истолковал их, и вычеркнул строки о «воцарении» Бориса¹³.

Современников возмущала бесцеремонная поспешность, с которой Борис рвался к трону и старался учредить правление вдовы царицы. При жизни Федора имя Ирины нередко называли подле имени ее мужа, после его смерти вдову охотно именовали «великой государыней». Но такое звание было не равнозначно царскому титулу. До Лжедмитрия и после него цариц не только не короновали, но и не допускали к участию в царском венчании. На коронации Федора Ирина Годунова не присутствовала. Ей позволили наблюдать за церемонией из окошка светлицы. Не будучи коронованной особой, Годунова не могла ни обладать властью, ни передать ее своему брату.

Православный люд был изумлен, услышав в церквях многолетие царице. Летописцы отметили этот факт как неслыханное новшество. «А первое богомолие [было] за нее, государыню,— записал один из них,— преж того ни за которых цариц и великих кнеинь бога не молили ни в охтенях, ни в многолетье». Дьяк Иван Тимофеев пояснял, что до Бориса многолетие пели за одних только царствующих особ и первопастырей, а Борис велел петь ему многолетие вместе с женой. До Марии Скуратовой такой же чести сподобилась одна Ирина. Как истинно православный человек, Тимофеев назвал такое нововведение бесстыдством, нападением на святую церковь. Его гнев разделяли многие современники¹⁴.

Правление Ирины и Бориса Годуновых продержалось недолго. На третий день после присяги царица объявила о своем пострижении в присутствии многочисленной толпы. На площади перед дворцом, повествует официоз, собрался весь «многочеловечный народ царствующего града Москвы и всеа Русския земли с женами, и с детми, и с сущими младенцы». Годуновская канцелярия старалась изобразить дело так, будто толпа в порыве верноподданнических чувств слезно просила вдову принять царство. Однако неофициальные наблюдатели отмечали, что после смерти Федора в России сложилось напряженное положение. В Москве «из-за нового царствования возникла великая смута», произошло «великое замешательство», «по всей стране было беспокойно». И. Масса в таких выражениях описал беспорядки по случаю смерти Федора: «Простой народ, всегда в этой стране готовый к волнению, во множестве столпился около Кремля, шумел и вызывал царицу»; та вышла на Красное крыльцо, «дабы избежать великого несчастья и возмущения», и объявила, что хочет исполнить «волю покойного царя и свое обещание о пострижении». Из донесения австрийского дипломата М. Шилиа, получившего информацию о московских происшествиях в сентябре 1598 г., следует, что вдова отказалась от власти в пользу Боярской думы. «У вас есть князь и бояре, — заявила она, — пусть они начальствуют и правят вами»¹⁵. Заявление Годуновой отвечало политическим чаяниям бояр и, скорее всего, было сделано по их указке. В толпе, заполнившей дворцовую площадь, были не только сторонники,

но и противники правителя. Царица живо помнила народные возмущения, происшедшие при воцарении ее мужа, и опасалась их повторения.

Согласно записям Разрядного приказа, 15 января Ирина Годунова, «оставя Российское царство московское, поехала с Москвы в Новодевичий монастырь». В обстановке междуцарствия руководство Боярской думы и столичные чины взяли на себя инициативу созыва избирательного Земского собора. После смерти Федора, записал московский летописец, «града Москвы бояре и все воинство всего царства Московского, всякие люди от всех градов и весей збираху людей и посыллаху к Москве на избрание царское»¹⁶.

Наиболее подробные сведения о начальном этапе деятельности собора заключает в себе так называемое «Соборное определение об избрании Бориса Годунова» – самый ранний избирательный документ, отложившийся в составе Строгановского сборника начала XVII в. Определение начинается с указания на то, что после смерти Федора решено было, «по правилу спешшимся собором, поставляти... царя». Это решение приняли «по благословению» патриарха Иова, митрополита Варлаама Новгородского и Гермогена Казанского, «по челобитию государевых бояр, князя Федора Ивановича Мстиславского, и всех государевых бояр, и окольных, и всего царского синклиту, и всех... воевод, и дворян, и стольников, и стряпчих, и жильцов, и дьяков, и детей боярских, и голов стрелецких, и сотников стрелецких, и всяких служилых людей, и гостей, и торговых людей, и черных людей, и всего многобесчисленного народного хри-

стиянства от конец до конец всех государств Российского царствия»¹⁷.

По поводу царских похорон в Москве собралось все высшее духовенство, много знати и дворян, что, очевидно, облегчило принятие согласованного решения о созыве избирательного собора. Решение поддержали, с одной стороны, правитель и патриарх, а с другой – глава Боярской думы князь Ф. И. Мстиславский, митрополит Гермоген и другие лица. Обсуждался, кажется, и вопрос о нормах представительства от городов. По словам Я. Маржарета, Борис «хотел надлежащим образом [voulait denement] созвать государственные чины [les Etats], т. е. от каждого города по 8 или 10 человек, дабы вся страна единодушно обсудила, кого возвести на трон...». Письмо немецкого агента из Пскова подтверждает тот факт, что уже в январе 1598 г. правительство предприняло практические шаги к созыву собора и затребовало из провинции для участия в выборах нового царя именитых бояр, воевод и высших духовных лиц. Но затем всех приглашенных задержали в пути: Годунов перекрыл дороги и велел пропускать в столицу только своих доброжелателей¹⁸.

В ходе подготовки к собору сторонники правителя разработали проект «Соборного определения» об избрании Бориса на трон. Составление этого документа обычно относят к марту 1598 г. Представляется возможным уточнить эту дату. Проект соборного приговора не упоминает о шествии в Новодевичий монастырь к царице Ирине. Очевидно, он возник до 17–21 февраля. Как это ни парадоксально, но в черновике «Соборного оп-

ределения», в отличие от всей прочей избирательной документации Годунова, вообще не упоминается имя Ирины. Этот факт может иметь лишь одно объяснение: по-видимому, «Соборное определение» появилось на свет сразу после пострижения Годуновой, 15 января 1598 г. Черновой проект отразил, как в зеркале, ту полосу избирательной кампании Бориса, когда попытка учредить правление вдовы потерпела сокрушительный провал и пострижение царицы, казалось бы, навсегда покончило с ее политической карьерой в Московском государстве.

Центральное место в «Соборном определении» занимает пункт о присяге членов собора, который гласит: «И по сему избранию (на соборе. – Р. С.) служить нам ему, государю своему царю... Борису Федоровичу... и на том им, государем своим, и души свои даем, все крест целуем от мала и до велика»²⁰.

Годуновский проект постановления не был, однако, утвержден и подписан членами Земского собора. Очевидно, кандидатура правителя не получила на соборе единодушной поддержки. При жизни Федора Годунов умел добиваться повиновения высшей знати. После смерти царя бояре перестали скрывать свою неприязнь к временщику. Аристократия и слышать не желала о передаче ему короны. Ее непреклонность подкреплялась вековыми традициями. В феодальные головы плохо укладывалась мысль об избрании в цари не слишком знатного дворянина. Никто не сомневался в том, что на троне может сидеть лишь наследник «царского корени». Ближайшими родственниками

московского дома были князья Рюриковичи, среди которых первенствовали «принцы крови» Шуйские. Калита вел род от Александра Невского, Шуйские – от его старшего брата. Знать помнила это даже при Грозном. По некоторым сведениям, князья Шуйские надеялись завладеть опустевшим тронном и деятельно интриговали против Бориса. После смерти Федора, утверждал «Новый летописец», патриарх и власти, «со всей землею советовав», решили посадить на царство Бориса, «князи же Шуйские едины его не хотяху на царство»²¹.

«Новый летописец» возник в окружении Филарета Романова, и, по меткому замечанию С. Ф. Платонова, имя Шуйского было вставлено в эту летопись лишь для отвода глаз. В действительности главными противниками Годунова были не Шуйские, а Романовы. Княжеская знать склонила голову под тяжестью опричного террора, а гонения Годунова довершили дело. Шуйские не осмелились выступить с открытыми притязаниями на корону и предпочли выждать исход борьбы. С января 1598 г. в Литву стали поступать сведения о том, что в Москве определились четыре главных претендента: Ф. И. Мстиславский, Ф. Н. Романов, Б. Я. Бельский и Б. Ф. Годунов²². Шуйских среди них не было.

Знаменитый любимец Грозного Б. Я. Бельский явился в Москву «со множеством народа». Но его шансы на избрание были столь же невелики, как и шансы Ф. И. Мстиславского. В жилах Мстиславского текла королевская кровь; он был праправнуком Ивана III и занимал пост главы Боярской думы. Но среди коренной русской знати

литовские выходцы Мстиславские не имели престижа.

Самыми серьезными претендентами на корону были Борис Годунов и Федор Романов. Как правитель, Годунов обладал более прочными политическими позициями, но он не состоял в кровном родстве с династией и поэтому не имел никаких прав на престол. Проект соборного решения, подготовленный Годуновыми, показывает, каким образом они рассчитывали преодолеть это формальное препятствие. Авторы проекта старались убедить членов Земского собора, будто на Борисе «бысть обоих царей вкупе благословение», ибо уже Иван IV «приказал» своему любимцу сына Федора «и царство», а затем Федор «вручил» ему «царство свое»²³.

Агитация Годуновых, по-видимому, не имела успеха. Более того, по всей стране распространились слухи, начисто опровергавшие ложь по поводу завещания Федора. По сведениям литовских лазутчиков, полученным в самом начале февраля 1598 г., Федор отказался назначить Бориса своим преемником. «Ты не можешь быть великим князем, разве только тебя выберут по общему согласию, но сомневаюсь, чтобы тебя избрали, потому что ты приходишь от подлого народа», — якобы сказал царь Борису и указал на Федора Романова, «предполагая, что скорее изберут его». В конце января литовцы дознались, что из четырех претендентов «больше всего сторонников» у Федора Романова, «как родственника великого князя». В начале февраля лазутчики подтвердили, что в Москве действительно... думают скоро избрать великого князя, но ни на кого не указывают, только

на князя Федора Романовича: все воеводы и думные бояре согласны избрать его...»²⁴.

Агитация в пользу Ф. Н. Романова имела успех не только потому, что он доводился двоюродным братом царю Федору. У Романовых было много родни и приверженцев в Боярской думе и среди столичных дворян (бояре Черкасские, Шестуновы, Сицкие, Репнины, Карповы и пр.).

На стороне Бориса, по сведениям литовской разведки, выступали «меньшие бояре», т. е. младшие члены Боярской думы, и дворяне, а также стрельцы и «чернь». Но ни стрельцы, ни народ, по феодальным канонам, не имели права голоса в таком деле, как избрание царя.

Избирательная борьба в Москве вступила в решающую стадию. За рубеж проникли слухи о том, что противники Бориса открыто обвинили его в измене «своим государям», убийстве Дмитрия Угличского и отравлении царя Федора. Среди общезамешательства Ф. Н. Романов схватился за нож и бросился на Бориса, но «остальные удержали его». В середине февраля в Литву поступила новая информация, подтвердившая, что в Москве думные бояре, воеводы, стрельцы, чернь «никак не могут помириться» и избрать царя: «между ними великое разногласие и озлобление»²⁵. Очень скоро дело дошло до формального раскола избирательного собора. Из-за открытых нападок Романовых правитель перестал ездить в думу и укрылся на своем дворе, куда стали съезжаться «на совет» его приверженцы. Шуйские пытались взять на себя роль миротворцев. Свояк правителя Д. И. Шуйский выступил перед боярами с призывом не изби-

рать царя в отсутствие Годунова и его сторонников. Но посредничество Шуйских не достигло цели. Правителю пришлось покинуть свое кремлевское подворье и искать убежища в хорошо укрепленном Новодевичьем монастыре.

Вопреки официальным легендам, отъезд правителя был вынужденным шагом. Годунов потерпел поражение на избирательном Земском соборе. Кроме того, агитация его противников резко осложнила положение в столице. По всему городу толковали, будто правитель отравил благочестивого царя Федора, чтобы завладеть короной. Трудно было придумать обвинение более тяжкое, чем цареубийство, и найти лучшее средство, чтобы поднять против Годунова посадские низы. Непосредственный участник избирательной борьбы дьяк Иван Тимофеев со всей определенностью писал о причинах, побудивших правителя покинуть столицу в критический момент. Годунов, по его словам, опасался в сердце своем, не поднимется ли против него вдруг восстание и не поспешит ли народ отомстить за смерть царя, подняв руку на его убийцу²⁶.

Отъезд Годунова из Кремля мог привести к его немедленной отставке с поста правителя, если бы Земский собор продолжил свою работу. Однако на помощь правителю пришло руководство церкви. Патриарх Иов добился отсрочки выборов под предлогом, во-первых, 40-дневного траура по усопшему царю, а во-вторых, необходимости дожидаться, пока в Москву съедутся духовные чины и «всяких чинов, великих государств, многих родов служивые и всякие люди»²⁷.

Отъезд Годунова в Новодевичий монастырь знаменовал крутой поворот в его избирательной кампании. Сторонники правителя задались целью вновь опереться на авторитет постриженной царицы.

Официозные легенды гласили, что после пострижения вдова Федора приняла в монастыре «тихое и безмолвное иноческое житие». В жизни было иначе. Еще до своего пострижения царица издала 8 января указ о всеобщей и полной амнистии. Она приказала без всякого промедления выпустить из тюрем всех опальных изменников, татей, «разбойников» и прочих сидельцев. Указ царицы был исполнен — темницы узилища «отверзты», но не во всех городах. Будучи в Новодевичьем монастыре, старица обратилась в Яренск и Вымские волости с облеченным в форму именного указа распоряжением о неукоснительном проведении амнистии. Библиотекарь А. Попов, скопировавший грамоту, утверждал, что подлинник был скреплен собственноручной подписью старицы, именовавшей себя «государыня царица и великая княгиня Александра Федоровна всеа Руси»²⁸.

Патриарх взялся убедить столицу в том, что Годунова, несмотря на пострижение, сохранила царский титул и все вытекающие из него полномочия. Отправившись в Новодевичий монастырь, глава церкви обратился к старице Александре с упреком, что она покинула мир, «царя не устроив в свое место никого». Одновременно Иов просил Бориса вернуться в столицу и вновь встать у кормила государства: «...буди нам милосердный государь и правитель благоприятный всего Рос-

сийского государства». Ответ Бориса изложен неодинаково в утвержденных грамотах о его избрании на трон. В документе первоначальной редакции значилось, что Борис послушал патриарха и согласился вернуться в Кремль: он «с бояры радети и промышляти рад не токмо по-прежнему, но и свыше первого»²⁹. В грамоте поздней редакции сказано, что правитель объявил о своем решении удалиться от дел и передать управление патриарху и боярам. Патриарх пытался выполнять несвойственные ему функции, рассылал от своего имени грамоты по поводу местнических споров и пр. Однако бояре отказались подчиняться его распоряжениям³⁰. На голову Иова посыпались упреки и брань. В те дни, вспоминал патриарх, я впал «во многие скорби и печали», и на меня «озлобление и клеветы, укоризны, рыдания и слезы, сия убо вся меня смиренаго достигоша»³¹.

17 февраля истекло время траура по Федору, и Москва приступила к выборам нового царя. Иов созвал на своем подворье собор. Как значится в утвержденной грамоте ранней редакции, на соборе присутствовали бояре, христолюбивое воинство и «всяк возраст бесчисленных родов Российского государства»³². Под пером сторонников Бориса собрание в патриарших хоромах превратилось во вселенский собор с участием «бесчисленных родов» всякого возраста. Поздний редактор нарисовал более прозаическую картину. Но эта картина была столь же далека от действительности. Иов будто бы созвал правильный Земский собор с участием бояр, дворян, служилых людей, «всего христолюбивого воинства», гостей и «всех православных

крестьян всех городов Российского государства»³³. Иначе говоря, на патриаршем дворе собрались представители от столичного посада, гости и даже представители от городов.

Деятельность собора возглавили некие бояре, принесшие к патриарху письменное «свидетельство» в пользу избрания на трон Бориса. Они, как отметил очевидец дьяк Иван Тимофеев, не поленились встать на заре и вручили Иову хартию³⁴. Текст «свидетельства» или «хартии» приведен в майской утвержденной грамоте. Его авторы не упустили ни одной детали, которая могла бы подкрепить претензии Годунова на трон. С детства Борис «был питаем» от царского стола. Во время болезни Годунова царь Иван посетил его дом и на пальцах показал, что царевич Федор, невестка Ирина и сам Борис для него равны и дороги, как три перста и пр.

«Хартию» написали, по-видимому, те же лица, которые ранее сочинили январский соборный приговор об избрании Бориса, отвергнутый думой³⁵. Рассказав о посещении больного Бориса Грозным, составители «хартии» подчеркнули: «а с ним, мы, холопи его, были»³⁶. Ивана сопровождали самые близкие к нему лица. К 1598 г. эти люди либо умерли, либо оказались в числе противников Бориса. Исключение составляли постельничий царя Дмитрий Годунов с братьями и И. П. Татищев. Очевидно, в этом круге лиц и была составлена «хартия».

На январском соборе недруги правителя без труда разоблачили вымыслы насчет завещания царя Федора, якобы избравшего своим преемником Годунова. По этой причине авторы «хартии»

не решились повторить старую выдумку. Миф о благословении Федора уступил место мифу о благословении Ивана IV.

После прочтения «хартии» избирательный Земский собор в тот же день вынес решение организовать всенародное шествие к старице Александре, с тем чтобы просить ее усадить на царство правителя.

Утвержденная грамота сообщает о единодушном избрании Бориса, но ее показания решительно расходятся с неофициальными данными. В то время как Годуновы собрали собор на патриаршем дворе, Боярская дума провела заседание в Кремлевском дворце. В ходе совещания бояре приняли важное решение, содержание которого передал в своем донесении австрийский посланник М. Шиль, посетивший Москву в сентябре 1598 г. По словам Шиля, едва истекло время траура, бояре собрались во дворце и после прений обратились к народу с предложением принести присягу на имя думы.

Лучший оратор думы дьяк В. Я. Щелкалов дважды выходил на Красное крыльцо и настойчиво убеждал толпу, что присяга постриженной царице утратила силу и теперь единственный выход – целовать крест боярам³⁷.

Достоверность известия М. Шиля подтверждается источником более раннего происхождения – донесением неизвестного лица из Польши в Англию, датированным июлем 1598 г. и полученным в Англии 3-го августа того же года. Ссылаясь на письма польского гонца из Москвы, автор донесения сообщал, что «супруга покойного великого

князя (в Москве. – Р. С.) поставила на управление княжеством своего брата Бориса до тех пор, пока не будет поставлен настоящий князь. Канцлер, наоборот, перед сословиями провозгласил, что Борис еще не утвержден в качестве великого князя и знатные москвиты ему противятся; даже некоторые утверждают, что Бориса следует убить»³⁸. Информация австрийского и польского происхождения совпадает в самом существенном пункте. Против избрания Бориса выступил дьяк В. Я. Щелкалов, за спиной которого стояли «знатные господа» – руководство Боярской думы. Обращение думы, однако, не вызвало воодушевления в народе. Попытка ввести в стране боярское правление провалилась.

В XVI в. ни один Земский собор не функционировал без участия Боярской думы, составлявшей своего рода «верхнюю палату» собора. Низшие соборные чины – представители дворян, приказной бюрократии и посада – могли конституировать свое совещание как государственный орган, только присоединившись к Боярской думе. Именно так учреждался избирательный собор, который начал действовать в январе 1598 г. Однако 17 февраля дума и собор распались на два противостоявших друг другу лагеря. К одному принадлежали Ф. И. Мстиславский, братья Романовы и их родня (Б. К. Черкасский, Ф. Д. Шестунов, И. В. Сицкий), князь И. И. Голицын, оружничий Б. Я. Бельский, печатник В. Я. Щелкалов; к другому – Д. И. Годунов, С. В. и И. В. Годуновы, князь И. В. Гагин, С. Ф. Сабуров, Я. М. Горю-

нов, А. П. Клепшин, думный дворянин И. П. Татищев и др.

Старшие бояре, заседавшие в традиционном помещении Боярской думы во дворце, имели полномочия для руководства избирательным собором. Но их не поддержала добрая половина «младших» бояр и руководство церкви. По донесениям литовской разведки, на стороне Годуновых выступили также стрелецкие командиры и «чернь»³⁹. Стрелецкие войска несли охрану Кремля, и их поддержка имела весьма существенное значение для годуновского собора. Раскол в верхах создал новую ситуацию в столице. Противоборствующие партии были вынуждены искать поддержку у той самой «черни», которая в обычной ситуации не могла участвовать в царском избрании.

Для думы едва ли не основная трудность состояла в том, что «великие» бояре, решительно отказавшиеся признать права Бориса на трон, никак не могли преодолеть собственные разногласия. Братья Романовы, хотя и унаследовали от отца популярность имени, не смогли сплотить оппозицию. Проект учреждения в стране боярского правления свидетельствовал о том, что ни Романовы, ни Мстиславский не собрали в думе большинства голосов. Отклонение популярных кандидатов и разногласия обрекли думу на бессилие.

Боярскому руководству не удалось заручиться поддержкой столичного населения. Годуновский собор действовал более успешно. 20 февраля его руководители организовали шествие к Борису и Александре в Новодевичий монастырь. Годунов благосклонно выслушал речи соборных чинов, но

на предложение занять трон ответил отказом. Со слезами на глазах правитель клялся, что никогда не мыслит посягнуть на «превысочайший царский чин». Мотивы отказа Бориса от короны можно понять. Он хотел покончить с клеветой насчет царевубийства. Чтобы вернее достичь этой цели, Борис распустил слух о своем скором пострижении в монахи. Под влиянием умелой агитации настроение столицы стало меняться.

Патриарх и члены собора постарались использовать наметившийся успех. Они с удвоенной энергией взялись за подготовку новой манифестации. Церковь пустила в ход весь свой авторитет. По распоряжению патриарха столичные церкви открыли двери перед прихожанами с вечера 20 февраля до утра следующего дня. Ночное богослужение привлекло множество народа. Наутро духовенство вынесло из храмов самые почитаемые иконы и со всей «святостью» двинулось крестным ходом в Новодевичий⁴⁰. Расчет оказался правильным. Приверженцам Бориса удалось увлечь за собой внушительную толпу.

После смерти Бориса недоброжелатели, пытаясь очернить его избирательную кампанию, утверждали, будто годуновская администрация насильно согнала народ на Новодевичье поле и специально назначенные приставы следили за тем, чтобы он с великим усердием вопил и «слезы точил», а уклонявшихся били по шее. Все эти меры, по словам летописца, были призваны поколебать праведную старицу Александру, отказавшую брату в благословении⁴¹. Последнее замечание обнаруживает и малую осведомленность, и

полное пренебрежение к истине автора памфлета на Бориса.

Очевидец событий дьяк Иван Тимофеев, отнюдь не принадлежавший к числу его почитателей, ни словом не помянул о штрафах и приставах⁴². Зато он видел, как Борис, выйдя на паперть, обернул шею тканым платком и подал знак, что скорее удавится, чем согласится принять корону. Этот жест, замечает дьяк, произвел большое впечатление на толпу. Тимофеев запомнил на всю жизнь оглушительные крики народа, приветствовавшего правителя. Дьяк отметил, что более всех старались «средние люди и меньшие», кричавшие «нелепо с воплем многим... не в чин»⁴³. Борис смог наконец пожать плоды многодневных усилий. Общий клич создавал видимость всенародного избрания. Поначалу казавшийся непреклонным, правитель расчетливо выждал минуту и великодушно объявил толпе о согласии принять корону. Не теряя времени, патриарх повел правителя в ближайший монастырский собор и нарек его на царство.

Самое раннее по времени описание наречения Бориса на царство содержится в патриаршей грамоте от 15 марта и наказе Посольского приказа от 16–17 марта 1598 г. Авторы этих документов стремились обосновать тезис о преемственности передачи власти. Согласно посольскому наказу, старица Ирина благословила брата «по приказу» царя Федора. В патриаршей грамоте этот недостоверный штрих отсутствует. По свидетельству Иова, царица от своего имени повелела брату «быти на своих государствах». Обе версии акцентировали внимание на соборном характере избрания. Иов

подчеркивал, что в «умолении» царицы участвовали священный собор, «боляре», «христоролюбивое воинство» и «всенародное множество». Посольские дьяки утверждали, что Борис принял корону по прошению патриарха и всего священного вселенского собора и «за многими прозбами бояр, и окольных, и князей, и воевод, и дворян, и приказных людей, всяких служилых людей всех городов Московского государства и всего народа христианского множества людей»⁴⁴.

Поздние летописцы сохранили предание о том, что во время шествия в Новодевичий монастырь переговоры с Борисом вели соборные чины. Церковники первыми высказали мнение в пользу избрания Бориса и пригрозили, что затворят церкви и положат свои посохи, если их ходатайство будет отклонено. Их поддержали бояре, заявившие: «А мы именоватися бояры не станем», т. е. не будем управлять государством, если Борис не примет корону. Последними высказались дворяне. Они заявили, что, в случае отказа Бориса от короны, они перестанут служить и биться с неприятелями «и в земле будет кровопролитие».

Манифестация 21 февраля сыграла важную роль в ходе избирательной борьбы. Вероятность введения в стране боярского правления уменьшилась, тогда как позиции приверженцев Годунова окрепли. Чтобы сломить сопротивление знати, правитель должен был искать непосредственной поддержки у столичного посадского населения. Однако одолеть бояр было не так-то легко.

26 февраля правитель покинул свое убежище и отправился в Москву. Столица была готова к

торжественному приему. Народ встречал Бориса на поле за стенами города. Те, кто был победнее, несли хлеб и соль. Бояре и купцы явились с золочеными кубками, соболями и другими дорогими подарками, подобающими «царскому величеству». Правитель отказался принять дары, кроме хлеба с солью, и милостиво позвал всех к царскому столу. В Кремле патриарх проводил Годунова в Успенский собор и там благословил его «на царство». По замыслу сторонников Бориса служба в соборе должна была окончательно утвердить его на троне. Присутствовавшие «здравствовали» правителя на «скифетроцарствия превзятии». Однако к концу дня стало ясно, что торжественная церемония не достигла цели. Годунов долго совещался с патриархом с глазу на глаз, после чего объявил о намерении предаться посту и вернулся из Кремля в Новодевичий. Согласно версии майской грамоты, Борис покинул Кремль под предлогом, что его сестра «бысть в велицей болезни»⁴⁵.

Поздний редактор вычеркнул ссылку на болезнь и внес в текст исправление, из которого следовало, что Годунов ездил к сестре до беседы с патриархом и, таким образом, его отъезд в Новодевичий был заранее согласован с инокиней-царицей. После возвращения в Кремль ничто, казалось бы, не мешало Борису немедленно въехать в царский дворец. Редактор 1599 г. именно так и попытался изобразить дело. Он внес в текст утвержденной грамоты указание на то, что в свой февральский приезд Борис «иде в свои царские палаты». В более достоверном отчете майской редакции грамоты ничего подобного не было⁴⁶. Вместо

переселения в Кремлевский дворец правитель вторично удалился в Новодевичий. Постигшая его неудача может иметь лишь одно объяснение: очевидно, новый царь не мог утвердиться на троне без присяги в Боярской думе. После «наречения» в Успенском соборе Годунов ждал верноподданнического ходатайства со стороны официального руководства думы, но его, судя по всему, не последовало.

В начале марта 1598 г. патриарх вновь созвал соборные чины на своем подворье. Майская утвержденная грамота сообщала, что на мартовском совещании Иов обратился с речью «к бояром, и дворяном, и приказным людем», а затем «ко всему сигклиту бояром, и окольниковым, и князем, и воеводам, и дворяном, и выборным, и лучшим детем боярским». Позднего редактора этот рассказ не удовлетворил. Он попытался представить дело так, будто мартовское совещание, как и февральское, имело более широкий круг представительства. С этой целью он дополнил текст майской грамоты указанием на то, что патриарх держал речь «ко всем бояром, и дворяном, и приказным, и служилым людем, и гостем»⁴⁷. Так, одним росчерком пера редактор 1599 г. сделал московских гостей – представителей третьего сословия – участниками мартовского собора.

Опираясь на постановление мартовского собора, патриарх 15 марта направил провинциальным епископам окружное послание с повелением созвать в главных соборах духовенство, дворян, стрельцов, посадских людей и зачитать им грамоту об «избрании» Бориса, а затем петь многолетие

царице – старице Александре (на всякий случай ее имя ставили первым) и Борису во всех церквах «по три дни со звоном». Следом за посланцами патриарха в провинцию выехали эмиссары правителя. Особое внимание патриарх и Годуновы уделили Казанскому краю, где позиции правителя были непрочными. На воеводстве в Казани сидел удельный князь Воротынский – давний противник Бориса. Архиепископскую кафедру занимал Гермоген. Представителем Бориса в Казань выехал боярин князь Ф. И. Хворостинин. Он должен был нейтрализовать влияние Воротынского и привести к кресту казанских дворян, торговых и прочих людей. В Смоленск, Псков и Новгород выехали окольный князь И. В. Гагин, окольный С. Ф. Сабуров и думный дворянин князь П. И. Буйносов-Ростовский⁴⁸. Эмиссары Бориса явились в провинцию не с пустыми руками. Раздача денежного жалованья дворянам стала немаловажным аргументом в избирательной борьбе.

В течение марта правитель оставался в Новодевичьем монастыре, но все чаще наезжал в свою «вогчину». Во время наездов он «с бояры своими о всяких земских делах и о ратных делах советоваше со всяцем великим прилежанием и, разсуждая люди... добре управляше». Это показание майской грамоты полностью согласуется с фактами. Так, известно, что 19 марта Борис вместе с патриархом и боярами утвердил приговор о временной отмене местничества в войсках, расположенных на крымской границе. В тот же день бояре «по государеву указу» разрешили накопившиеся к тому

времени местнические тяжбы. 22 марта Борис утвердил решение об отдаче на оброк земли Антониеву-Сийскому монастырю на Двине и т. д.⁴⁹.

После некоторого перерыва Борис вернулся к исполнению функций главы государства, что не могло не сказаться на деятельности всего приказного аппарата. Руководителям приказов, не желавшим лишиться своих постов, волей-неволей приходилось обращаться за решением дел к некоронованному царю. В марте на сторону Бориса перешел государственный печатник и главный думный дьяк В. Я. Щелкалов.

Успехи правителя оживили оппозицию. Бояре осознали, что дальнейшее промедление окончательно погубит их дело. Выступление оппозиции возглавил последний законный душеприказчик царя Ивана Боцан Бельский, которому удалось примирить претендентов на трон и уговорить их действовать сообща. Известия об этом проникли за рубеж. Литовские лазутчики донесли, что в апреле «некоторые князья и думные бояре, особенно же князь Бельский во главе их и Федор Никитич со своим братом, и немало других, однако не все, стали советоваться между собой, не желая признать Годунова великим князем, а хотели выбрать некоего Симеона»⁵⁰. Романовы согласились поддержать кандидатуру Симеона, потому что утратили надежду на собственное избрание. Примечательно, что среди инициаторов выступления не было официального главы думы князя Ф. И. Мстиславского. Руководители оппозиции, однако, могли рассчитывать на его сочувствие: Симеон был шурином Мстиславского.

Крещеный татарский хан Симеон по прихоти Грозного занимал некогда московский трон, а затем был объявлен великим князем Тверским. После смерти Грозного Годунов свел служилого «царя» с тверского княжения, и он прозябал в деревенской глуши в полном забвении. «Царская кровь» и благословение Ивана IV давали Симеону большие преимущества перед худородным Борисом. Симеон понадобился боярам, чтобы воспрепятствовать коронации правителя. Сам по себе этот чужеродец не пользовался и тенью авторитета. Знать рассчитывала сделать его послушной игрушкой в своих руках. Ее цель по-прежнему сводилась к установлению боярского правления, правда на этот раз посредством подставного лица.

Чтобы нейтрализовать боярскую интригу, руководители земского собора решили организовать новое шествие к старице Александре. В сопровождении верных бояр патриарх явился в Новодевичий монастырь и настойчиво просил Бориса, не мешкая, переехать в Кремль и сесть «на своем государстве». В знак полной покорности просители стали перед ним на колени и «лица на землю положиша». В ответ Годунов неожиданно объявил об отказе от трона: «царские власти паки отрицаются со слезами и на престоле не хотяше сидети»⁵¹. «Отречение» Бориса следует, по-видимому, связать с новыми осложнениями в его взаимоотношениях с влиятельными боярскими кругами. При редактировании утвержденной грамоты в 1599 г. царская канцелярия старательно вычеркнула все сведения об «отречении».

Новая акция правителя отвечала заранее со-

ставленному сценарию. Она позволила патриарху вновь обратиться к царице-инокине за указом. Старица Александра без промедления «повелела» брату ехать в Кремль и короноваться. Свой указ Годунова облекла в самые недвусмысленные выражения. «Приспе время облещися тебе в порфиру царскую», — заявила она брату. Новый ход годуновской партии был хорошо рассчитан. Поскольку патриарх не мог короновать претендента без согласия всей Боярской думы (а между тем некоторые влиятельные руководители думы продолжали упорствовать), необходимый боярский приговор был заменен указом постриженной царицы.

30 апреля правитель во второй раз торжественно въехал в Кремль⁵². Церемония повторилась во всех подробностях. За Неглинной Бориса ждали духовенство и народ. Правитель выслушал службу в Успенском соборе, а затем водворился в царских палатах. Очевидец переселения Бориса записал: «Апреля в 30-й день поселился во дворце вместе с царицей и чадами»⁵³. Пока нареченный царь не утвердился в Кремле, положение его оставалось двусмысленным. Переезд в царский дворец покончил с неопределенным положением.

Борис не осмелился применить санкции против влиятельных членов Боярской думы, но постарался ловким маневром связать им руки.

С начала марта Москву наводнили слухи о больших военных приготовлениях в Крыму, направленных против России. 1 апреля Разрядный приказ объявил, что хан идет на Русь «часа том». Сведения оказались недостоверными. Тем не

менее 20 апреля Разряд подтвердил, что Крымская орда «идет на государевы украинны»⁵⁴. Татары готовились к походу в Венгрию. Однако возможность их внезапного вторжения нельзя было исключить полностью. Впрочем, если бы угрозы нападения и вовсе не существовало, Годунову выгодно было ее выдумать. В условиях военной опасности правитель рассчитывал сыграть роль спасителя отечества и добиться полного послушания от бояр. 20 апреля Годунов заявил, что сам лично возглавит поход на татар. В начале мая военные силы были собраны, а бояр поставили перед выбором: либо занять высшие командные посты в армии, либо отказаться от участия в обороне границ и навлечь на себя обвинения в измене. В такой ситуации руководство Боярской думы было вынуждено капитулировать. Борис добился своей цели.

По замыслу инициаторов апрельского шествия Борис должен был короноваться тотчас после переезда в Кремль. Поход против татар помешал осуществлению их планов. Отсрочка с коронацией тревожила сторонников Годунова, и они решили завершить работу над утвержденной грамотой об избрании Бориса на трон. Замысел состоял в том, чтобы изобразить воцарение правителя как свершившийся факт. 30 апреля патриарх возложил на Бориса крест Петра Чудотворца. Возложение креста, писали авторы грамоты, и «есть начало царского государева венчания и скипетродержания». Таким образом, составители грамоты предлагали рассматривать церемонию в Успенском соборе как предварительную коронацию Бориса. В том же

духе они интерпретировали и переезд правителя в царский дворец, когда тот «сяде на царском своем престоле»⁵⁵.

В текст майской утвержденной грамоты после некоторой редакционной переработки была включена вся многочисленная прогoduновская документация, составленная в ходе деятельности избирательного Земского собора.

После того как работа над утвержденной грамотой была завершена, ее текст зачитали на священном соборе, а затем, как значилось в документе, патриарх и епископы к «грамоте руки свои приложили и печати свои привесили... а бояре, и окольниковые, и дворяне, и диаки думные руки ж свои приложили»⁵⁶. Было бы наивным принять это свидетельство источника за чистую монету. Формула подписания (в прошедшем времени) была вполне уместна в проекте документа, предназначенного для формальной заверки. Но был ли осуществлен проект на самом деле?

Архивариусы, осматривавшие и скопировавшие текст майской грамоты, засвидетельствовали, что на документе не было печатей, а стояли лишь подписи духовных лиц. Светские чины не подписали утвержденную грамоту. Патриаршая канцелярия не смогла составить даже списки мирских членов собора, которых следовало привлечь для «рукоприкладства». Причины отсутствия на утвержденной грамоте боярских подписей можно объяснить. Текст документа был написан и принесен к патриарху «по мале времени» после переезда Бориса в Кремль, иначе говоря, вскоре после 30 апреля. Между тем почти все члены думы покинули

Москву 7 мая в связи с военной опасностью — походом против татар.

Анализ текста утвержденной грамоты обнаруживает один поразительный факт. Составители документа намеревались собрать подписи у бояр, окольных, дворян и дьяков думных, т. е. только у членов Боярской думы. Следовательно, в мае власти не считали необходимым вновь созывать низшие и наиболее многочисленные курии собора, включавшие недумных дьяков, детей боярских, приказных людей и гостей, для заверки документа. Стало быть, утвержденную грамоту предполагалось скрепить не как соборный приговор, а как постановление Боярской думы и духовенства.

Отдав приказ о сборе под Москвой всего дворянского ополчения, Борис в начале мая выехал к полкам на Оку. Русской армии не пришлось отражать неприятельское нашествие, тем не менее она пробыла на Оке два месяца. Это время Годунов использовал, чтобы завоевать на свою сторону симпатии всей массы уездных дворян, детей боярских и ратных людей. Дворян щедро потчевали за «царским столом», а затем им раздали денежное жалование. Серпуховский поход стал важным этапом в избирательной кампании Бориса Годунова. Шум военных приготовлений помог заглушить голос оппозиции. Раз подчинившись правителю, бояре в своих неизбежных местнических счетах должны были прибегать к его суду, а это было равнозначно признанию за ним царского ранга. Борис поступил очень умно, постаравшись удовлетворить самолюбие своих главных противников. Все они получили самые высокие посты в армии.

Во время серпуховского похода Борис исполнял функции самодержца в полном объеме. В мае он подтвердил жалованную грамоту новгородского Юрьева монастыря, отписал деревеньку у другого монастыря под Серпуховом и т. д. Это было время и первых дипломатических признаний. В мае английская королева Елизавета официально поздравила Годунова с восшествием на престол. В том же месяце ливонские «державцы» признали за Борисом царский титул. В июне полномочные крымские послы вели переговоры с Борисом как с царем⁵⁷. Не позднее июля польский король Сигизмунд III уведомил папского нунция о том, что «Борис назначен правителем Московии как великий князь». При дворе ссылались на письмо королевского гонца А. Вирского из Москвы, в котором сообщалось, что Борис уже стал правителем и умирил противников. Вместе с тем в Речь Посполитую поступили сведения, что «супруга покойного великого князя поставила на управление княжеством своего брата Бориса до тех пор, пока не будет поставлен настоящий князь»⁵⁸.

Неблагоприятная информация заключала в себе лишь долю истины. Без коронации избрание Бориса на трон не было делом законченным. Но решающий этап борьбы за власть был уже позади. Успех Бориса объяснялся тем, что его политика отвечала чаяниям и нуждам феодального дворянства. В серпуховском лагере правитель добился того, что его признали царем как столичные дворяне, так и вся масса уездного дворянства. Провинциальная служилая мелкота составляла подавляющую массу господствующего сословия. Ее

энтузиазм помог Борису преодолеть колебания в среде столичного дворянства, почти в полном составе участвовавшего в серпуховском походе. Как только провинция сыграла отведенную ей роль, она должна была вновь уйти в тень.

С окончанием серпуховского похода правитель немедленно распустил по домам «детей боярских всех московских городов» и ратных людей, а всем столичным чинам — «боярам, и окольниковым, и приказным людям, и столникам, и стряпчим, и жильцам, и дворянам большим, и дворянам из городов» — указал идти к Москве⁵⁹. Возвращение высших дворянских чинов в столицу создало потенциальную возможность для возобновления работы представительного Земского собора. Однако трудно сказать, в какой мере власти ею воспользовались⁶⁰. Предположение о том, что летом 1598 г. деятельность избирательного собора вступила в решающую фазу, опирается главным образом на дату 1 августа в тексте утвержденной грамоты последней редакции. Но подложность этой даты выяснена выше.

Патриарх Иов ждал возвращения Бориса Годунова из серпуховского похода и тщательно готовился к этому торжественному моменту. К июлю патриаршая канцелярия завершила сбор подписей под текстом майской грамоты. Помимо иерархов, традиционно входивших в священный собор, грамоту скрепило многочисленное «несоборное» духовенство: 30 протопопов и игуменов из церквей и второстепенных монастырей столицы и 30 игуменов из провинциальных монастырьков и пустыней. В июле канцелярия сочла необходимым про-

комментировать майские списки, чтобы оправдать как чрезмерное расширение духовного собора, так и отсутствие на нем некоторых видных иерархов — архиепископа Гермогена и его главных архимандритов — казанского и свияжского. В официальной иерархии Гермоген считался третьим лицом после патриарха, а его архимандриты числились в списке десяти главных настоятелей России. Чтобы объяснить их отсутствие в майском списке, редакторы пояснили, что казанские церковники в то время были заняты «великими церковными потребками и земскими делами» и потому не смогли явиться в столицу для царского избрания⁶¹. Оправдания патриаршей канцелярии никого не могли убедить. Более того, они с полной очевидностью доказывали, что патриарх в течение длительного времени не допускал Гермогена и его людей в столицу. Недостаточно авторитетный Иов, полностью подчинивший церковь видам правителя, опасался, что Гермоген, человек непреклонный и влиятельный, возглавит оппозицию против Годунова.

В обычных условиях власти никогда не собирали Священный собор и думу в полном составе, а довольствовались созывом особо доверенных лиц и тех, кто оказывался под рукой в столице. Точно так же не все участники соборов собственноручно скрепляли соборные постановления. Однако царское избрание было делом экстраординарным, и поэтому власти собрали под списком из 115 лиц 126 подписей. Списочный состав «вселенского» собора заметно расходился с подписями. Заверка утвержденной грамоты растянулась на много ме-

сяцев. Только этим можно объяснить, что документ подписали два игумена псковского Святогорского монастыря (старый игумен Исайя, названный в списке, и его преемник игумен Игнатий), а также два игумена новгородского Вяжецкого монастыря (игумен Закхей и «новой игумен Закхей»). Разумеется, смена властей в далеких монастырях не могла произойти мгновенно.

Провинциальные церковники заверяли утвержденную грамоту по мере приезда в Москву. Со столичным духовенством дело обстояло иначе. Казалось бы, нет ничего проще, как собрать подписи старцев, находившихся под рукой, даже в самом Кремле. На деле подписи и в этом случае расходились со списочным составом. Вряд ли эти расхождения были случайными, как может показаться на первый взгляд. Притч Успенского собора, верный патриарху Иову, участвовал в многократных церемониях наречения Бориса на царство. Неудивительно, что пятеро главных священников собора попали в списки и приложили руку к грамоте. Зато семейный храм царя Федора, Благовещенье, был представлен в списке только двумя иерархами, причем ни один из них не поставил своей подписи под грамотой. Благовещенский протопоп обычно исполнял роль царского духовника. Отсутствие его подписи трудно объяснить. Из десяти столичных протопопов четверо не подписали майскую грамоту. В ряде случаев руки приложили не те лица, которые были поименованы в печене.

На основании приписки к тексту утвержденной грамоты можно заключить, что в июле патри-

аршая канцелярия вернулась к проекту подписания документа светскими чинами. Свидетельством тому служат следующие строки приписки: к «сей... грамоте патриарх... и епископы руки свои приложили... а бояре руки ж свои приложили, а архимандриты... и честные соборные старцы, и протопопы, и дворяне, и приказные люди руки свои приложили...»⁶². В традиционной соборной документации духовные и светские чины всегда писались отдельно. И в основном тексте майской грамоты формула подписания грамоты соборными чинами строго соответствовала протоколу. Однако составители приписки второпях грубо нарушили традицию, смешав светскую и духовную «лестницы» чинов. В результате бояре оказались записанными под епископами, а дворяне и приказные – после протопопов. В жизни бояре и дворяне никогда бы не потерпели такого унижения.

Проект подписания утвержденной грамоты членами думы не был осуществлен ни в мае, ни в июле. В дни серпуховского похода Борис окончательно добился повинения от боярского руководства. Последние препоны к присяге в думе и коронации пали. Надобность в особой утвержденной грамоте, казалось бы, отпала.

Вековой обычай предписывал проводить присягу в зале заседания высшего государственного органа – Боярской думы. Церемонией могли руководить только старшие бояре. Дума цепко держалась за старину. Но Борис не посчитался с традицией и велел целовать себе крест не в думе, где у него было слишком много противников, а в церкви, где распоряжался преданный Иов.

Москва целовала крест царю «в пору жатвы», т. е. в конце июля–августе. Участник церемонии Иван Тимофеев рассказывает, что собравшиеся в Успенском соборе москвичи громко выкрикивали слова присяги, так что от их воплей не слышно было молитв и приходилось затыкать уши. По словам дьяка, население собралось в соборе потому, что боялось послушаться грозного предписания⁶³. Текст летней присяги содержал пространный перечень обязательств подданных по отношению к «богоизбранному» царю. Подданные обещали «ни думати, ни мыслити, ни семьитись, ни дружитись, ни ссылатись с царем Семионом» и немедленно выдавать Борису всех, кто попытается «посадити Семиона на Московское государство». Летняя присяга положила конец планам оппозиции относительно передачи трона «царю» Симеону.

Вступая на трон, Борис был крайне угнетен возможностью тайных злоумышлений недоброжелателей. Казалось, он, предугадывая грядущие потрясения, старался оградить от них себя и свою семью. Присягавшие принимали обязательство «не соединяться на всякое лихо и скопом и заговором (на Годуновых. – Р. С.) не приходити». Новые пункты присяги призваны были убедить всех, что новый царь намерен водворить в стране порядок и справедливость. Чиновники клялись, что будут судить без посулов «в правду»⁶⁴.

Подготавливая почву для коронации, власти 1 сентября организовали еще одно торжественное шествие в Новодевичий монастырь с участием духовенства, бояр, гостей, приказных людей и жителей столицы. Борис, заранее прибывший в мо-

настырь, милостиво согласился венчаться царским венцом «по древнему обычаю»⁶⁵. Два дня спустя Годунов короновался в Успенском соборе в Кремле. По этому случаю многие знатные лица получили думные чины. В числе удостоенных особых милостей были Романовы и Бельские. Бояре получили гарантии против возобновления казней. Государь дал обет не проливать крови в течение пяти лет.

По случаю «воцарения» Борис пожаловал всяких служилых людей своей царской казной: «на один год вдруг три жалованья велел дать». Ряд временных податных льгот получило население посадов. Так, 15 сентября 1598 г. правительство «отарханило» новгородский посад, сложив «денежные всякие доходы» со дворов, с торгов и мелких промыслов. Разоренная дотла Корела, только что возвратившаяся в состав Русского государства, получила льготу от всяких податей на десять лет. В Сибири власти пожаловали сибирских людей, сложив с них ясак на 7108 (1599/1600) г.⁶⁶

После коронации положение Годунова на первых порах оставалось неустойчивым. В начале января 1599 г. в Польше и Ливонии упорно ходили слухи о том, что новый царь убит своими боярами. Король Сигизмунд III получил известия об этом сразу из нескольких источников. Из Орши ему сообщали, что Годунова убил «некий царек» (Симеон – ?). Из Вильны доносили, будто во время аудиенции в Кремлевском дворце Борис ударил посохом одного из Никитичей (Романовых), за что тот поколол его ножом⁶⁷. Сведения оказались недостоверными, но в них слышался отзвук продолжавшихся раздоров между Годуновым и знатью.

Политическая ситуация в Москве была лишена стабильности, и в Кремле вновь вспомнили об «утвержденной грамоте». Майская грамота включала документы, составленные в разгар избирательной борьбы. Некоторые из них (например, «хартия» в пользу Бориса) имели характер предвыборных памфлетов. Неудивительно, что они окончательно устарели после коронации Годунова. Царской канцелярии пришлось немало потрудиться, чтобы составить новый текст «утвержденной грамоты», радикально отличавшийся от старого.

В дни избирательной кампании сторонники Бориса старались убедить народ, будто сам Грозный, а затем Федор благословили его на царство. Со временем Посольский приказ отказался от этой версии, по крайней мере в своих разъяснениях, адресованных союзникам. В январе 1599 г. русские дипломаты сообщили венскому двору, что Борис Годунов «учинился» на государстве «по благословению великой государыни сестры нашей царицы и великие княгини Александры и по челобитью и по прошению святейшего Иова патриарха, и всего вселенского собора, и всех чинов всяких людей государства нашего»⁶⁸. Посольская версия получила отражение в последней редакции утвержденной грамоты.

Из майской грамоты следовало, что царь Федор, умирая, приказал Борису свою душу, свою супругу и «все великие государства Российского царствия». Отредактированный текст гласил, что Федор приказал свою душу «отцу своему и богомольцу» Иову и «шурина своему царскому». Авто-

ры майской грамоты «цитировали» следующее предсмертное обращение Ивана IV к Годунову: «Тебе приказываю душу свою, и сына своего Федора Ивановича, и дочь свою Ирину, и все царство наше великаго Российского государства». Согласно новой редакции, царь заявил любимцу Борису: «Тебе приказываю сына своего Федора и Богам дарованную дочь свою Ирину, ты же соблюди их от всяких зол»⁶⁹.

После завершения работы над утвержденной грамотой власти собрали членов Земского собора, которые скрепили документ своими подписями. Церемонии предшествовало ознакомление участников собора с текстом вновь подготовленного документа.

До коронации Бориса в документах фигурировал некий «вселенский собор» самого широкого и неопределенного состава. После воцарения Годунова он уступил место традиционному священному собору. Несоборные иерархи были исключены из перечня утвержденной грамоты, и лишь некоторым из них в виде исключения разрешили подписать документ. Патриаршая канцелярия не скрывала причин, побудивших ее аннулировать подписи членов собора на майской грамоте. Старые списки, пояснила канцелярия, были написаны по памяти, «а не по степенным книгам уложению». Старые книги не успели разыскать в архиве, поскольку утвержденную грамоту составляли в спешке. В июле церковные власти сделали приписку к тексту грамоты насчет того, что духовные чины не должны использовать майский список в местных спорах. «И впредь им (духовным иерар-

хам.— Р. С.) о местех как царь государь и великий князь Борис Федорович всея Руси укажет»⁷⁰.

Последнее замечание объясняет, почему в мае патриаршая канцелярия не смогла составить списки светских членов собора. Главным камнем преткновения были местнические порядки. Любая неточность в расположении имен могла повлечь вереницу местнических тяжб. Без привлечения Разрядного приказа задача не могла быть решена. Лишь с помощью разрядной документации власти могли составить такие списки членов собора, которые не нарушили бы сложной системы местнических отношений и в то же время учли бы перемены, связанные с утверждением новой династии. Наличие особой редакции перечня участников собора, сохранившейся в составе Плещеевской разрядной книги, свидетельствует о том, что Разрядный приказ, возможно, не сразу решил стоявшую перед ним задачу.

Оценивая деятельность собора 1599 г., не следует упускать из виду, что он был создан уже после того, как Борис прочно «сел» на царство. По существу, члены собора не обсуждали вопрос, кого избрать на трон. У них не было выбора. Деятельность собора свелась к тому, что его участники заслушали текст утвержденной грамоты и поставили подписи на документе, не слишком точно излагавшем историю воцарения Годунова. Подписание грамоты заняло продолжительное время, и властям не удалось добиться соответствия между перечнем и подписями членов собора. Можно насчитать много десятков случаев, когда лица из списочного состава не участвовали в «рукоприклад-

стве». Зато другие лица, не фигурировавшие в списках членов собора, скрепили грамоту подписями. Во многих случаях один человек расписывался за другого либо сразу за два — четыре лица. Трудно решить, кто из них присутствовал на соборе в самом деле, а кто расписался на соборном приговоре задним числом.

Утвержденная грамота 1599 г. имела значение своего рода поручной записи. Ее списки четко очерчивают тот круг лиц, от которых Борис требовал особых доказательств лояльности. К нему принадлежали, помимо высших духовных иерархов, боярство и столичная знать.

Деятельностью ранних, избирательных соборов руководили Годуновы и их сторонники. На послекоронационном соборе Боярская дума присутствовала почти в полном составе. Пропуск некоторых имен в списках носил, по-видимому, случайный характер. В перечне отсутствовали как известные противники Годунова (князь А. П. Куракин, Голицыны), так и его рьяные приверженцы (Ф. И. Хворостинин). Не будучи поименованы в перечне участников собора, почти все эти лица, включая Куракина, Голицыных, И. И. Шуйского и Хворостинина, со временем поставили свои подписи на тексте утвержденной грамоты.

Помимо думных чинов власти пригласили на собор значительную часть столичного дворянства, высшие дворцовые чины, стольников, стряпчих, жильцов», приказную бюрократию, стрелецких голов. Цвет столичной знати и служилые верхи были представлены на соборе с наибольшей полнотой. Они решительно преобладали в составе служилых

курий собора. Что касается провинциального дворянства, то некоторое представительство на соборе получили, прежде всего, его верхи, организованные в так называемый выбор из городов. Помимо того, на грамоте можно прочесть подписи Второго Тыртова «во всей Шеломянские пятины место», Никиты Львова «и в Воцкие пятины место», Варшуты Дивова «и во всех ржевич место», Андрея Ивашова «и во всех белян место»⁷¹. Шелонский помещик Второй Федоров Тыртов успешно служил в последние годы Ливонской войны и был известен в своей местности. Подобно Тыртову, Никита Львов, Варфаломей (Варшута) Константинович Дивов и Андрей Ивашов также принадлежали к разряду провинциальных служилых людей. Их участие в Земском соборе не было запланировано заранее: власти не включили ни одного из них в список приглашенных на собор. Тем не менее они смогли поставить свои подписи под утвержденной грамотой. В отличие от всех прочих дворян, подписывавшихся только за себя, названные дети боярские выступали как представители всех служилых людей своего уезда. Какие полномочия они получили от своих уездных помещиков — сказать трудно. На соборе присутствовали 22 гостя и 2 гостиных старосты (все они, за единственным исключением, поставили свои подписи на грамоте), а также 14 соцких, возглавлявших тяглые «черные» сотни Москвы. За многих соцких подписи поставили рядовые тяглецы из состава посада.

По традиции ядром любого собора XVI в. была Боярская дума. Сама соборная форма возникла из

практики приглашения на государственные совещания представителей различных чиновных групп, составлявших низшую курию при думе и «освященном соборе». В связи с расколом собора Боярская дума, следуя вековой традиции, пыталась взять на себя всю полноту власти и ввести в стране на время междуцарствия боярское правление. Но эта попытка потерпела провал.

Итогом противостояния Боярской думы и Земского собора явилось то, что высшее духовенство и сторонники Годунова решили искать поддержку у «всенародного множества». Они развернули агитацию в народе и организовали несколько народных шествий в поддержку Бориса Годунова. Соборная практика вышла из рамок традиций. Опираясь на поддержку руководства церкви, «младших» бояр и столичного населения, годуновский собор одержал верх над Боярской думой и утвердил на троне царя Бориса.

Глава 7. Боярская крамола

Короткое междуцарствие, последовавшее за смертью Федора, сопровождалось всплеском аристократической реакции. Борис должен был осознать, что будущее его династии зависит от Боярской думы. Он не жалел усилий, чтобы привлечь на свою сторону знать. Прежде всего он постарался убедить боярство, что утверждение худородной династии не несет перемен в сложившуюся систему местничества, гарантировавшую первенство аристократическим боярским фамилиям.

В XVI в. у кормила стояла суздальская знать, среди которой выделялись князья Шуйские. Князь Василий III не допускал эту фамилию в ближнюю думу. Но перед смертью он должен был назначить сразу двух бояр Шуйских опекунами малолетнего сына Ивана. Отстранив других регентов, Шуйские в конце концов ввели в стране боярское правление. Иван IV с раздражением писал о всевластии Шуйских в период его малолетства. Но перед кончиной он назначил И. П. Шуйского регентом при сыне Федоре.

Значение аристократии в жизни государства обнаруживалось при всяком серьезном кризисе. Царь Борис не забыл, что именно Шуйские пытались покончить с его властью. Но он помнил также и тот кризис, который вызван был их опалой. Взойдя на трон, Годунов не избавился от прежнего недоверия к Шуйским, но всячески старался избегать раздора с ними.

Борис сохранил пост главы Боярской думы за удельным князем Ф. И. Мстиславским. Но Мстиславский не обладал ни энергией, ни характером, ни авторитетом в среде коренной русской знати. Поэтому фактически наибольшим влиянием в думе пользовался не он, а бояре братья Василий, Дмитрий, Александр и Иван Шуйские.

Опричнина ослабила, но не покончила с политическим влиянием прочей суздальской знати — князей Ростовских и Стародубских. Царствование Грозного завершилось почти полным изгнанием этих фамилий из Боярской думы. Борис Годунов стремился к тому, чтобы в его думе были представлены все влиятельные политические силы

страны. Он пожаловал высший боярский чин князю М. П. Катыреву-Ростовскому, чин окольничего — князю Д. И. Хилкову-Стародубскому. Князь П. И. Буйносов-Ростовский стал при нем сначала думным дворянином, а затем боярином. Меры Годунова позволили суздальской знати по крайней мере отчасти восстановить свое традиционное политическое значение, поколебленное опричниной.

Вернувшиеся в думу князья обладали блестящим родословием, но, чтобы вернуть себе прежнее значение, они неизбежно должны были вступить в борьбу с преуспевшей на службе знатью. Получив боярство, князь Катырев возобновил давнюю тяжбу с Мстиславским¹. Видимо, это отвечало политическим расчетам Годунова.

Стремясь создать возможно более широкую опору своему трону, царь Борис не побоялся ввести в думу некоторых влиятельных лиц из числа своих давних противников. При нем чин боярина носил князь А. П. Куракин, немало повредивший Годуновым при царе Федоре и поплатившийся за то долгой ссылкой. Борис не доверял Голицыным и тем не менее сделал боярином князя В. В. Голицына. В боярском чине в годуновской думе заседали «служилые» князья А. В. Трубецкой, Б. К. Черкасский, В. К. Черкасский, С. Волошский. Однако Годунов упорно отказывался пожаловать высший чин удельному князю И. М. Воротынскому, который мог претендовать на самое высокое положение в иерархии московских чинов.

Современники называли Александра Никитича Романова не только соперником Годунова в

борьбе за трон, но и личным врагом правителя Бориса. Однако после коронации Годунова Александр получил боярство, а его брат Михаил — окольничество. В целом, старомосковская знать была представлена в думе Годунова значительно менее полно, чем высшая титулованная знать. Некоторых успехов на службе у Бориса добились Плещеевы и Морозовы.

Царь Борис наводнил думу своей родней. Его дядя Дмитрий Иванович Годунов получил титул конюшего — старшего боярина думы, боярин Степан Васильевич Годунов занял пост главы Большого дворца. В разное время в качестве бояр в думе царя Бориса заседали Иван Васильевич, Семен Никитич и Матвей Михайлович, в качестве окольничих — Никита Васильевич, Степан Степанович, Иван Иванович и Петр Васильевич Годуновы. Таким образом, на долю Годуновых приходилась почти треть состава двух высших «чинов» думы — бояр и окольничих.

Писатели «смутного времени» утверждали, будто царь Борис всеми силами стремился унижить и истребить высокородную знать². Приведенные данные о назначениях в Боярскую думу не подтверждают их слов. При Годунове княжеская аристократия, казалось, вновь обрела влияние в думе, которым она пользовалась до опричнины³. Ее представительство в думе расширилось⁴.

Годунов заботился о воинском чине. Но он был далек от того, чтобы распахнуть двери Боярской думы перед представителями дворянства. Думные дворяне не вернули себе того влияния, которым они пользовались при Грозном.

Видными членами старой, опричной думы были любимец Грозного Богдан Яковлевич Бельский и Игнатий Петрович Татищев. Даже Иван IV не решился дать высший думный чин Б. Я. Бельскому из-за его редкого худородства. Однако Бельский был двоюродным братом царицы Марии Скуратовой-Годуновой и по этой причине получил от родни чин окольничего. Борис пытался привлечь племянника Малюты на свою сторону, хотя постоянно опасался интриг с его стороны.

И. П. Татищев был произведен в казначеи, а его сын М. И. Татищев стал думным дворянином. Членами курии думных дворян стали также выдвинувшийся в опричнине Е. М. Пушкин, а позже его брат И. М. Большой Пушкин. В самом конце царствования Бориса чин думного дворянина получили В. Б. Сукин и А. М. Воейков, влияние которых на дела было невелико⁵.

Бывшие сподвижники Годуновых по опричнине рассчитывали на то, что утверждение новой династии перевернет вверх дном устоявшуюся систему местнических отношений, но их надежды не оправдались. Когда Пушкины дерзко заместничали с «великими» Морозовыми-Салтыковыми, их сразу одернули и наказали⁶.

Годунов получил трон вопреки воле боярских верхов, и потому поводов к раздору и взаимным подозрениям было более чем достаточно. Многие аристократические семьи, открыто боровшиеся за власть либо тайно помышлявшие о короне, не считали свое дело окончательно проигранным. Особые надежды они возлагали на недолговечность Бориса, удрученного старостью и болезнями.

В конце 1599 г. царевич Федор известил монахов Троице-Сергиева монастыря о том, что его отец недомогает и не сможет прибыть на богомолье. В 1600 г. здоровье Бориса резко ухудшилось. Польские послы, прибывшие в Москву осенью 1600 г., записали в дневнике, что русским властям не удалось сохранить в тайне болезнь царя и в городе по этому поводу поднялась большая тревога. Для обсуждения сложившейся ситуации была срочно созвана Боярская дума, после чего Бориса по его собственному распоряжению отнесли на носилках из дворца в церковь, чтобы показать народу, что он еще жив⁷.

Польским послам пришлось задержаться в Москве. Причиной тому, отмечал француз Яков Маржарет, была болезнь Бориса. Она тянулась долго: после заключения перемирия в марте 1602 г. Борис не смог проститься с польскими послами «за болезнью»⁸.

Ввиду близкой кончины Бориса возобновление борьбы за трон казалось неизбежным. Польские послы, наблюдавшие развитие кризиса, утверждали, будто у Годунова было очень много недоброжелателей среди подданных; число строгостей против них росло ото дня ко дню, но гонения не спасли положения. «Не приходится сомневаться, — писали поляки, — что в любой день там должен быть мятеж»⁹.

Кризис породил ряд сыскных дел о боярской измене. Подозрения пали на представителей ряда самых аристократических фамилий.

В государственном архиве хранилось «дело доводное — извещали княж Ивановы Ивановича

Шуйского люди Янко Иванов сын Марков и брат его Полуехтко на князя Ивана Ивановича Шуйского в корень и в ведовском деле»¹⁰. Царь Борис тяжело болел, и в это самое время боярские холопы донесли ему, что Шуйский наводит на него порчу с помощью «кореня» и колдовства. О «деле» Шуйских бегло упоминает опись царского архива 1626 г. Имеются основания предполагать, что после «Смуты» сохранился лишь небольшой фрагмент судного дела об измене Шуйских.

Свидетель происшедшего дьяк Иван Тимофеев отметил, что при царе Борисе Шуйские подверглись всеродному бесчестью. В угоду царю Борису и ради получения сана «чести», повествует Иван Тимофеев, Михалка Татищев всеродно бесчестил Василия Шуйского, «даже и до рукоблания всеродно той досаждая». Дело И. И. Шуйского имело место в 1599–1600 (7108) гг. М. И. Татищев получил от царя Бориса чин думного дворянина к февралю 1599 г. Отмеченное совпадение косвенно подтверждает рассказ Тимофеева. О гонениях на Шуйских сообщают не только русские, но и иностранные источники. Француз Я. Маржарет, поступивший на службу ко двору Бориса как раз в 1600 г., сообщает, что царь подозревал Шуйских более всех остальных и многих подвергал пытке только за то, что они навещали Шуйских в их доме¹¹. Среди прочих иностранных мемуаристов Маржарет выделяется своим осторожным и трезвым отношением к описываемым событиям.

Итак, дело об измене бросило тень на всех братьев Шуйских. Видимо, во время обсуждения в думе они подверглись шельмованию и даже пре-

терпели побои. Извет холопов и последовавший затем допрос в думе дали Годунову повод во второй раз подвергнуть род Шуйских опале и ссылке. Но Борис желал избежать раздора с аристократией и ограничился тем, что изгнал из Боярской думы младшего из братьев – Ивана Шуйского.

Некоторое время спустя боярские холопы подали донос на князя Ивана, сына боярина М. П. Катырева-Ростовского. Царь Борис оставил донос без внимания¹².

Наибольшую угрозу для неокрепшей годуновской династии таили в себе притязания Романовых. По сравнению с Годуновыми они имели гораздо больше прав на трон в качестве двоюродных братьев последнего законного царя. Именно по этой причине извет на Романовых имел самые серьезные последствия. Царю Борису приходилось учитывать, что Романовы располагали сильными позициями в Боярской думе. Возглавляли романовскую партию бояре Федор и Александр Никитичи, окольничий Михаил Никитич Романовы. Их ближайшей родней и сторонниками были бояре князь Борис Камбулатович Черкасский, князь Иван Васильевич Сицкий, князь Федор Шестунов, знатные дворяне князь Александр Репнин, Карповы и пр.¹³

За время царствования Ивана Грозного и его сына Федора Романовы приобрели огромные вотчины и стали богатейшими землевладельцами своего времени. Борис Годунов обвинил бояр Романовых в заговоре с целью уничтожения царской семьи и захвата короны. Очевидец событий Конрад Буссов записал, что братья Никитичи искали подходящего случая, чтобы извести Бориса ядом,

но они были преданы своими собственными людьми. Близкий к Романовым Исаак Масса утверждал, будто душой антигодуновского заговора была боярыня Ксения Ивановна Шестова-Морозова, жена Федора Никитича. Ее замыслы разделял Александр Никитич, тогда как Федор Никитич занял более осторожную позицию. Заговорщики советовались, как бы им известить царскую семью. Стремясь оправдать Романовых, Масса допустил явное противоречие. Повествуя о расправе над Романовыми, он старательно подчеркнул, будто сведения о злоумышлении А. Романова, К. Шестовой и других были основаны на ложном свидетельстве нескольких негодяев, действовавших по наущению Годунова¹⁴.

Русские летописи, составленные в окружении Федора (Филарета) Никитича Романова, называют имя главного доносчика, погубившего Романовых. По рассказу летописца, сам дьявол подучил боярского холопа Бартенева предать своего господина Александра Никитича: «Потом же вложи враг в раба в Олександрова человека Никитича во Второво Бартенева, той же Второй баше у Александра Никитича казначей». Бартенева принадлежали к дворянскому сословию и владели небольшими вотчинами. С государевой службы Бартенева Второй поступил во «двор» к Федору Никитичу, а затем получил место казначея у Александра Никитича. В соответствии с законами о холопах Бартенева после нескольких лет добровольной службы у Никитичей должен был дать им на себя служилую кабалу. Летописец определенно указывает на то, что Бартенева предал господ по собственно-

му почину. Явившись с доносом к окольному Семену Годунову, возглавлявшему сыскное ведомство, казначей договорился с ним обо всех последующих действиях. Семен будто бы сам вручил предателю мешочек с волшебными корешками, который тот принес на двор к Романовым и спрятал в «казну» своего господина¹⁵.

Сохранившийся отрывок дела о ссылке Романовых подтверждает свидетельство летописца о том, что они стали жертвами колдовского процесса. Пристав, сопровождавший Василия Никитича Романова в ссылку, сказал ему однажды: «Вы, злодей-изменники, хотели достать царство ведовством и кореньем»¹⁶.

Русские источники не содержат точных указаний насчет времени падения Романовых. Из иностранцев лишь Исаак Масса отметил, что розыск об их измене начался в ноябре 1600 г.¹⁷

Наиболее подробные сведения о расправе Бориса с боярской оппозицией заключает в себе «Дневник» польского посольства в Москву. Его автором был третий посол Г. Пелгжимовский, составивший сначала прозаический, а затем рифмованный рассказ о пребывании в Москве в 1600–1601 гг. Текст «Дневника» в прозе сохранился в виде отдельных отрывков¹⁸. Один из фрагментов «Дневника» хранится в Государственном архиве в Вене. Ф. П. Аделунг снял с него копию, которая находится в настоящее время в Рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Наибольший интерес представляет дневниковая запись, датированная 23 октября (2 ноября)

1600 г. «Этой ночью, – записал один из членов посольства, – его сиятельство канцлер сам слышал, а мы из нашего двора видели, как несколько сот стрельцов вышли ночью из замка (Кремля. – Р. С.) с горящими факелами, и слышали, как они открыли пальбу, что нас испугало». Польские послы наблюдали за нападением правительственных войск на подворье Романовых. «Дом, в котором жили Романовы, – продолжал автор, – был подожжен; некоторых (опальных. – Р. С.) он (Борис. – Р. С.) убил, некоторых арестовал и забрал с собой...»¹⁹

Обвинения в колдовстве послужили не более чем поводом к гонениям на Романовых. Подлинные же причины санкций были значительно глубже. Болезнь Бориса возродила призрак династического кризиса. В такой обстановке любые действия вождей оппозиции в Боярской думе внушали подозрения властям. Между тем Романовы собрали в столице многочисленную вооруженную свиту. В случае смерти Бориса эти меры были чреватые серьезными политическими осложнениями.

Польские послы потратили немало усилий на то, чтобы установить причины опалы Романовых. Собранный ими информация особенно интересна потому, что она исходила от людей, симпатизировавших родне царя Федора. «Нам удалось узнать, – читаем в польском «Дневнике», – что нынешний великий князь (Борис. – Р. С.) насильно вторгся в царство и отнял его от Никитичей-Романовичей, кровных родственников умершего великого князя. Названные Никитичи-Романовичи усилились и, возможно, снова предполагали заполучить правление в свои руки, что и было справедливо, и при

них было достаточно людей, но той ночью великий князь (Борис) на них напал»²⁰.

Дневниковая запись раскрывает подлинные причины гонений на братьев царя Федора. Тяжелая и продолжительная болезнь Годунова подала Романовым надежду на то, что они вскоре смогут вновь вступить в борьбу за обладание короной. Малолетний наследник Бориса имел совсем мало шансов удержать трон после смерти отца. Новая династия не укоренилась, и у больного царя оставалось единственное средство ее спасения. Он должен был устранить с политической арены главных претендентов на корону²¹. Летописцы из ближайшего окружения Федора Никитича прекрасно понимали это обстоятельство. Объявив опалу на Романовых, отметили они, Борис рассчитывал «достальной корень царской известь», погубить «последнее сродствие» законных государей Ивана Грозного и Федора Ивановича²². Летописец забыл упомянуть, что Романовы, настаивая на своих правах «царского» происхождения, готовились свергнуть выборную земскую династию, что и явилось причиной гонений на них.

В дни междуцарствия в 1598 г. Романовы пытались противодействовать Борису Годунову, опираясь на поддержку Б. Я. Бельского. Подобно Романовым, Бельский ждал кончины царя Бориса, чтобы возобновить борьбу за власть. Опасаясь интриг племянника Малюты, правительство в 1599 г. отослало его в экспедицию на Северский Донец, где предполагалось выстроить новую степную крепость Царев-Борисов.

Экспедиция на Донец началась в июне 1599 г.

Располагая огромными земельными богатствами, Богдан Бельский снарядил в поход собственную вотчинную армию – «двор». Едва войска прибыли в урочище под Святой горой, Бельский «град нача делати преже своим двором и здела своими людьми башню и городни и укрепил великою крепостию. Потом же с тово образца повеле и всей рати делати»²³.

В подчинении Бельского находилась внушительная военная сила: 46 выборных дворян, 214 детей боярских – рязанцев, тулян, каширян и белевцев, 2600 русских и украинских казаков, стрельцов и «немцев»²⁴. Рязанцы, каширяне и отчасти туляне приняли самое активное участие в антигосударственных восстаниях, происшедших через несколько лет. Вероятно, настроения недовольства возникли в их среде много раньше, доказательством чего служит участие рязанцев в уличных беспорядках 80-х годов XVI в.

В Цареве-Борисове воевода Б. Я. Бельский не воспользовался случаем пожить за счет казенных средств, отпущенных на жалованье служилым людям и оплату строительных работ. Окольный велел доставить в Царев-Борисов много припасов из собственных вотчин и щедро ссужал своих подчиненных. «Ратных же людей поил и кормил по вся дни множество и бедным давал деньги, и платье, и запасы». Бельский явно стремился завоевать популярность среди служилых людей, и он достиг цели. «Прииде же на Москве, – записал летописец, – про ево от ратных людей хвала велия...»²⁵

Благодаря энергии и распорядительности Бельского, крепость Царев-Борисов была воздвигнута

очень быстро. Но воевода вел себя крайне неосторожно. Щедро угощая ратных людей, Бельский заявлял, что теперь он царь в Цареве-Борисове, как Борис Федорович царь в Москве. Служилые немцы, находившиеся в отряде, тотчас послали донос в Москву. Б. Н. Флоре удалось разыскать подлинное следственное дело об «измене» Богдана Бельского, из которого следует, что он подвергся опале не сразу. Будучи оружничим в течение 20 лет, Бельский ведал Аптекарским приказом: участвовал в изготовлении лекарств, один имел право подносить снадобья царю. В то время как оружничий был занят строительством крепости на границе, царь Борис приблизил к себе шотландского капитана Габриэля, человека бывалого и смыслившего в медицине. По свидетельству Конрада Бусова, Годунов выписал себе врача из-за рубежа, а пока «за неимением лучшего Габриэль был назначен лейб-медиком Бориса». В конце октября 1600 г. в Москву в свите английского посла Р. Лея прибыл медик Кристофер Рихтингер. В апреле 1601 г. посол покинул Россию, а медик был зачислен на службу в Аптекарский приказ. По ходатайству Р. Лея Борис пожаловал ему чин придворного доктора²⁶. Габриэль и Кристофер принялись лечить царя сообща, но тут в дело вмешался Бельский.

«Дохтур Христофор» с Габриэлем составили два зелья, которые Борис должен был выпить одно за другим. Но, вопреки их предписанию, Бельский «того зелья государю не подносил, а подносил то зелье, что составлено канун того дни». Габриэль осмелился пожаловаться Годунову и «про те оба зелья извещал государя». Узнав об этом, Бельский

велел немедленно арестовать Габриэля. Находясь под стражей, шотландец нашел способ известить власти, что «ведает государево дело на Богдана на Бельсково». Габриэль не осмелился назвать влиятельного вельможу государевым изменником, но заявил, что Бельский обладает искусством как лечения, так и порчи людей, а вредные зелья он даже пробует на себе: «Богдан Бельской обтекарское дело знает гораздо и ведает, чем человека испортить и чем его опять излечить, да и над собою Богдан то делывал, пил зелье дурное, а после того пил другое». Не выдвигая никаких конкретных обвинений против Бельского, Габриэль тем не менее подчеркивал, что получение лекарств из его рук – дело опасное: «Богдан Бельский знает всякие зелья, добрые и лихие, да и лечебники все знает же, да и то знает, что кому добро зделать, а чем ково испортить, и для того Богдану у государя блиско быти нельзя»²⁷.

Здоровье Бориса продолжало ухудшаться, поэтому донос Габриэля не был оставлен без внимания. Бельского отстранили от руководства Аптекарским приказом, перешедшим к 1603 г. в прямое ведение главы сыскного ведомства Семена Годунова. Надо полагать, что новый «аптекарский боярин» и позаботился о суде над Бельским. Как и Романовых, Бельского обвинили в том, что он желал себе царства. После осуждения его вывели на рыночную площадь и подвергли позорному наказанию. Палачом ему был назначен капитан Габриэль, побывавший в тюрьме по его милости. Габриэль вырвал у опального клок за клок всю его длинную, окладистую бороду, тем самым полностью обесчестив его²⁸.

После суда Бельский был сослан, по одним сведениям, в Сибирь, по другим – «на Низ (в пониженные волжские города. – Р. С.) в тюрьму»²⁹.

Бельский был связан с правящей династией узами родства, потому опала на него носила, по видимому, персональный характер. Младший сын окольного Постник был сослан на службу в Сибирь³⁰. Но и он, и его брат Иван сохранили свои обширные поместья в Вязме и продолжали нести государеву службу.

Был ли Бельский в Сибири – трудно сказать. Достоверно известно, что длительное время опального держали в ссылке в его нижегородском имении. В конце 1602 – начале 1603 г. приставом у Бельского числился видный нижегородский дворянин Василий Анучин. Годуновы не спешили с возвращением опального в Москву. В описи царского архива упомянут документ – «столп 112-го год, как сослан был Богдан Бельский в село Никольское, и был у него в приставех Ондрей Ржевский да Василий Онучин»³¹. Как видно, Бельского держали в деревне вплоть до 1603–1604 (7112) гг.

Дьяк Иван Тимофеев намекал, что осуждение Романовых было связано с делом Бельского: «...ины с ним в тождество единомыслие ему приплетоша, и сих такожде... по странам развея». Однако новые данные, открытые Б. Н. Флорой, опровергают подозрения Тимофеева. Даже после ареста Романовых Бельский оставался при дворе и продолжал подносить лекарства больному Борису. Романовы долгое время не знали об аресте Бельского. Будучи в ссылке, опальный Федор Романов говорил, что у Бориса в думе не осталось умных и «досу-

жих» людей, способных решать дела государства. Потому, говорил Филарет, «не станет-де их дело некоторое, нет-де у них разумово, один-де у них разумен Богдан Бельский к посольским и ко всем делам досууж»³².

Оба политических процесса – Романовых и Бельского – ничем не отличались между собой по своему характеру.

Бельский обладал огромным политическим опытом и осмелился выступить против Годунова в период междоусобия после смерти Федора. Устранение его с политической арены было продиктовано теми же причинами, что и расправа с Романовыми. Гонения явились закономерным завершением борьбы за трон в 1598 г.

Романовы подверглись еще более суровому наказанию, чем Бельский. Для суда над ними Боярская дума выделила особую комиссию во главе с окольным Михаилом Глебовичем Салтыковым. Ему царь поручил дело, которое должно было послужить отправным пунктом суда над оппозицией. Естественно предположить, что именно Салтыкову пришлось руководить штурмом подворья Романовых, когда те отказались допустить царских посланцев для проведения обыска.

После ареста братьев Романовых власти поручили рассмотреть дело духовенству и боярам. Как и во все трудные минуты, Борис прибегнул к помощи верного ему патриарха. По этой причине судебное разбирательство проводилось не в помещении думы, а на патриаршем дворе. Туда явились Михаил Салтыков с членами комиссии и в присутствии арестованных Никитичей выложили на

стол главную улику — мешок с волшебными корешками. Боярину Александру Романову была устроена очная ставка с его казначеем Бартеневым.

Никто не посмел поднять голос в защиту опальных. Напротив, все спешили выразить преданность Борису, чтобы отвести от себя подозрения в измене. «Бояре же многие, — записал летописец, — на них (опальных Никитичей. — Р. С.) аки зверие пыхаху и кричаху». Романовы были ошеломлены нападками тех, кто многие годы заседал в них в думе. Будучи в ссылке, Федор Романов с горечью говорил: «Бояре-де мне великие недруги, искали-де голов наших, а ныне-де научили на нас говорить людей наших, а я-де сам видел то не однажды». Того же мнения придерживались и его братья. Василий Романов сказал однажды в присутствии пристава: «Погибли, деи, мы внапрасне, ко государю в наносе, от своей братьи бояр»³³.

Годуновы щедро вознаградили тех, кто помог им расправиться с Никитичами. Михаил Салтыков тотчас после суда получил боярство. Князь Петр Иванович Буйносов-Ростовский, распорядившийся «на опальном дворе» Романовых, был вскоре произведен из думных дворян в бояре. Глава сыскного ведомства Семен Никитич Годунов тоже получил боярство.

Бывший опричник, Борис действовал в отношении противников совсем не так, как действовал Грозный. Тем не менее расправами он немало скомпрометировал себя в глазах современников. После воцарения Романовых летописцы не жалели красок, чтобы расписать злодеяния Бориса и

представить членов опальной семьи в ореоле мученичества. На самом деле меры Годунова весьма мало напоминали террористические методы управления Ивана IV. Как политик Борис оказался много выше своего предшественника и даже в критические моменты не прибегал к погромам, резне и кровопролитию.

Политический кризис 1600 г. оказался кратковременным. Борису удалось потушить мгновенно вспыхнувший конфликт и стабилизировать обстановку в то самое время, когда на страну обрушились тяжкие испытания.

Глава 8. Голод

В начале XVII века Россия пережила трехлетний голод. Бедствие оказало значительное влияние на развитие кризиса в русском обществе. Проблема «великого голода» получила отражение в историографии¹. В. И. Корецкий подверг эту проблему специальному исследованию². Однако некоторые вопросы нуждаются в дополнительном рассмотрении.

Исследование вековых колебаний климата показывает, что самое значительное похолодание в Европе (за последнюю тысячу лет) падает на начало XVII в³. В странах с более благоприятными почвенно-климатическими условиями и высоким для своего времени уровнем агрокультуры отмеченные колебания не привели к серьезным экономическим последствиям. Однако в ряде стран Се-

верной и Восточной Европы похолодание вызвало подлинную аграрную катастрофу. Лето 1601 г. было холодным и сырым. На огромном пространстве от Пскова до Нижнего Новгорода дожди не прекращались в течение 10–12 недель⁴. Хлеба на полях не созрели. Из-за нужды и голода крестьяне начали уборку незрелого хлеба – «жита на хлеб», но они не успели пожать рожь. «На Семен день» – 1 сентября 1606 г. – начались морозы. В некоторых местах заморозки начались еще раньше – в конце июля и середине августа⁵. С наступлением холодов дожди сменились обильными снегопадами. Крестьянские поля и огороды покрыли глубокие снежные сугробы. С октября морозы и снежные метели усилились. Замерз Днепр в среднем течении и верховьях, «и ездили по нем яко средь зимы». В стужу земледельцы раскладывали костры на полях, разгребали сугробы и пытались спасти остатки урожая⁶.

После суровой зимы наступила теплая весна 1602 г. Озимые хлеба там, где поля были засеяны старыми семенами, дали обильные всходы. Но в середине весны, как писал летописец из Южной Белоруссии, грянул «великий, страшный мороз» и побил хлеб и прочие посадки «на цвету». Тот летописец записал слух, «якобы серед лета на Москве снег великий и мороз был, колко недель на санех в лете ездили»⁷.

Слухи были преувеличенными. Но в Великороссии весенние и летние заморозки принесли крестьянам еще худшие бедствия, чем в Южной Белоруссии. Потеряв озимые, жители деревни пытались «заново засеять поля, используя «зяблую

рожь», спасенную из-под снега. Однако новые посевы не взошли – вместо ржи «родилось былье: кто сеял сто мер жита, и он собрал едину меру...»⁸.

Весной 1603 г. зелень на полях не погибла. Лето выдалось «велми» сухое и жаркое. Год был благоприятным для сельскохозяйственных работ. Но крестьяне давно израсходовали запасы хлеба. У них не было семян, им нечего было есть.

После первого неурожая цены на хлеб поднялись до 1–2 руб. за четверть, к концу голода – до 3–4 руб. По данным Хронографа редакции 1617 г., до «Смуты» рожь продавали по 3–4 коп. за четверть. Приняв эти данные как исходные, В. И. Корецкий заключил, что во время голода цены «возросли в 80–120 раз!». Однако надо иметь в виду, что данные Хронографа носят случайный характер. Как показал А. Г. Маньков, устойчивое повышение хлебных цен произошло уже во второй половине XVI в. На протяжении 1594–1597 гг. власти Новгорода продавали конфискованную рожь по цене, равной 15 коп., или 30 денег, за четверть. По сравнению с названной средней ценой рожь вздорожала в годы голода в 20 раз, по сравнению с дешевыми ценами – еще больше. Любопытные сведения о ценах сообщают служилые иноземцы Яков Маржарет и Конрад Буссов, владевшие поместьями в центральных уездах и осведомленные насчет хлебной торговли. По словам Маржарета, мера ржи, стоившая прежде 15 солей (6 коп., или 12 денег), в годы голода продавалась почти за 20 ливров, или за 3 руб. Хлебные цены, писал Буссов, держались на высоком уровне до 1604 г., когда кадь ржи продавали в 25

раз дороже, чем в обычное время⁹. Таким образом, и Маржарет, и Буссов одинаково считали, что хлеб подорожал примерно в 25 раз.

Начиная с весны 1602 г., население стало гибнуть от голода. Люди поедали кошек и собак, мякину и сено, коренья и траву. Отмечены были случаи людоедства. В городах не успевали подбирать мертвые тела. На сельских дорогах трупы становились добычей хищных зверей и птиц¹⁰.

Некоторые современники пытались определить общее число жертв «великого голода» в России. Не позднее второй половины 1602 г. житель Важской земли записал на полях богослужебной книги Четьи Минеи за октябрь: «А людей от голоду мерло по городом, и посадом, и по волостем две доли, а треть оставалась»¹¹. Жителю разоренных северных мест казалось, что по всей стране вымерло две трети жителей.

На юге жить было легче, и здесь летописцы определяли число умерших в одну треть. Незвестный житель Почепа записал: «Лета 7110 году 7111 (1601–1603 гг. – Р. С.) глад бысть по всей земли и по всему царству Московскому при благоверном царе Борисе Федоровиче всея Руси и при святейшем патриархе Иеве, и вымерла треть царства Московского голодною смертью»¹². Приведенные записи не содержат точной информации. В них запечатлелось лишь чувство ужаса очевидцев, пораженных масштабами бедствия.

Даже правительство не имело точных данных о количестве умерших по всей стране. «Счисление» умерших систематически проводилось лишь в пределах столицы. Специально выделенные команды

ежедневно подбирали трупы на улицах и хоронили в огромных братских могилах. Царь Борис велел обряжать мертвецов в казенные саваны, и, по-видимому, приказные вели счет холсту, отпущенному из казны¹³. «И за два лета и четыре месяца, – записал Авраамий Палицын, – счисляющие по повелению цареву погребоша в трех скудельницах 127 000, толико во единой Москве». Близкую цифру – 120 тыс. – сообщает Яков Маржарет¹⁴.

В начале XVII в. население Москвы не превышало 50 тыс. человек. Отсюда следует, что основную массу умерших составляли беженцы. Очевидцы засвидетельствовали тот факт, что в столице искали спасения голодающие из многих подмосковных городов и деревень¹⁵.

Борис Годунов занял трон вопреки воле аристократии. Он использовал раскол в Боярской думе и сумел опереться на Земский собор и столичное население. В годуновских «утвержденных» грамотах старательно проводилась мысль о том, что Борис был избран на трон соборными чинами и «всенародным множеством»¹⁶. В речи по случаю коронации Годунов поклялся перед всем народом, что в его царстве не будет нищих¹⁷. В дальнейшем Борис не раз повторял, что готов поделиться с бедными последней рубашкой¹⁸. Податное население было на год освобождено от налогов. Финансовые меры Годунова клонились к тому, чтобы облегчить участь «черных» людей, сделать обложение более равномерным и справедливым, чтобы народу «впредь платить без нужи, чтоб впредь (всем. – Р. С.) состоятельно и прочно и без нужи было». Доктри-

на всеобщего благоденствия получила отражение в дипломатической документации. Характеризуя деятельность Бориса Годунова, Посольский приказ подчеркивал, что новый царь «всероссийской земле облегчение, и радость, и веселие показал... всю Русскую землю в покое, и в тишине, и во благоденственном житии устроил»¹⁹.

Накануне голода Годунов организовал систему общественного призрения, учредив богадельни в Москве. Чтобы обеспечить заработок нуждавшимся, царь приказал расширить строительные работы в столице²⁰.

В годы «великого голода» доктрина общего благоденствия подверглась подлинному испытанию. Власти не жалели средств, чтобы помочь голодающим. Столкнувшись с неслыханной дороговизной, московское население жило надеждами на продажу дешевого хлеба из царских житниц. Москвич Д. Яковлев в письме от 18 марта 1602 г. сообщал родным: «...рож на Москве дорога ноне ча, а сказывают, что будет рож государева на прасухи по полуполтине...». Казна поставляла на рынок дешевый хлеб, голодающим раздавались бесплатно хлебцы. Раздачами в 1601–1602 гг. ведал Приказ Большого прихода. По поручению властей сын боярский С. И. Языков «на Тверской и на Никитской и по ленивым торжкам весил хлебы и калачи». Раздаточные ведомости он сдавал в приказ. Помимо припасов голодающие могли получить небольшие денежные пособия. Ежедневно на четырех больших площадях столицы чиновники раздавали беднякам в будний день по полупшке, в воскресенье по деньге, т. е. вдвое. Как отме-

чали очевидцы, казна расходовала на нищих по 300–400 руб. и больше в день²¹. Иначе говоря, помощь ежедневно получали до 60–80 тыс. голодающих.

Аналогичные меры проводились в Смоленске, Новгороде, Пскове и в других городах. «Мне известно, – писал Маржарет, – что он (Борис. – Р. С.) послал в Смоленск с одним моим знакомым 20 000 руб.». Таковы были масштабы казенных затрат на нужды «всенародного множества». Однако надо иметь в виду, что власти оказывали помощь преимущественно городскому населению. Льготы, предоставленные деревне, не шли ни в какое сравнение с благотворительностью в городах²². Крестьянские подати имели стать важное значение для государственного бюджета, что власти не сочли возможным отказаться от них, как то было сделано при коронации Бориса. Не располагая достаточными средствами, казна не пыталась прокормить миллионы голодающих крестьян.

Современники по-разному оценивали значение мер помощи голодающим. Исаак Масса, откровенно чернивший дела Бориса Годунова, считал, что раздача милостыни лишь усилила голод в Москве, ибо в столицу потянулся нуждающийся люд со всей округи. Сверх того, милостинные деньги попадали не в те руки: их разворовывали приказные и пр. Совершенно иную оценку мерам Годунова дали русские летописцы, избежавшие предвзятого отношения. Один современник в таких выражениях описал положение дел в Москве: «А на Москве и в пределах ея ели конину, и псы, и кошки, и людей ели, но царскою милостынею

еще держакуюся убогии...»²³. Помощь голодающей бедноте в самом деле имела неопределимое значение.

Стремясь не допустить роста дороговизны в городах, правительство Годунова предприняло первую в русской истории попытку государственного регулирования цен. Осенью 1601 г. посадские люди Соль-Вычегодска обратились в Москву с жалобой на то, что местные торговцы подняли цены на хлеб до рубля за четверть и выше. 3 ноября 1601 г. царь Борис указал ввести в Соль-Вычегодске единую цену на хлеб, обязательную для всех. Государственная цена была вдвое меньше рыночной. Чтобы покончить со спекуляциями, указ вводил нормированную продажу хлеба. Запрещалось продавать в одни руки более 2–4 четвертей хлеба. Посадский «мир» получил право отбирать хлебные излишки у торговцев и без промедления пускать их в розничную продажу. Торговые люди, отказывавшиеся продавать хлеб по государевой цене, подлежали тюремному заключению и подвергались 5-рублевому штрафу.

Правительство не желало прибегать к крайним мерам по отношению к богатым купцам, располагавшим крупными хлебными запасами. Наказание не лишало нарушителей торговой прибыли.

Даже те люди, которые подлежали тюремному заключению, должны были получить все деньги, вырученные от продажи изъятого у них хлеба.

Блюдя интересы купеческих верхов, власти проявляли гораздо меньше снисхождения к мелким спекулянтам. Им грозила «торговая казнь», т. е. наказание кнутом²⁴.

Некоторые современники высказывали мысль, что в такой обильной хлебом стране, как Россия, люди могли бы избежать неслыханных бедствий голода. По утверждению Исаака Массы, наличных запасов хлеба было больше, чем требовалось для прокормления всего народа в течение четырех лет голода. Запасы гнили от долголетнего лежания и не использовались владельцами даже для продажи голодающим²⁵.

Возникает вопрос: можно ли доверять показаниям подобного рода? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к монастырской документации. Монастыри были крупнейшими держателями хлебных запасов. На основании монастырских книг конца XVI – начала XVII в. Н. А. Горская установила, что наибольшими хлебными излишками располагал Иосифо-Волоколамский монастырь. Подавляющую часть зерна монастырь получал с собственной запашки, часть его монахи пускали в продажу. В неурожайные годы Иосифо-Волоколамский монастырь либо имел минимальные излишки, либо закупал недостающий хлеб. После недорода 1590 г. келарь монастыря подсчитал, что на «обиход» монахам, ссуды крестьянам и пр. потребуется на ближайший год 12 тыс. четвертей ржи, тогда как в закромах имеется всего лишь 1982 четверти. При среднем урожае в 1599 г. монахи выделили на покрытие годовых нужд 7362 четверти ржи, после чего у них осталось 7792 четверти ржи из старых запасов и нового урожая, молоченой и немолоченой в кладях на полях. Подобным же образом расходовались овес и прочие яровые. Из 23 718 четвертей на семена и монас-

тырский обиход выделялись 13 594 четверти. В остатке оставалась меньшая часть «нового и старого жита». На полях в скирдах хранился овес из урожая 1596/97 г., но в общем запасе его доля была невелика²⁶.

Кирилло-Белозерский монастырь принадлежал к числу крупнейших феодальных землевладельцев России. Его земли не отличались плодородием, и необходимый хлеб монастырь получал, в основном, со своих крестьян. В 1601 г. наличные запасы ржи и овса в обители не превышали 30 тыс. четвертей. Ввиду неурожая на долю вновь собранного хлеба приходилось менее 12 тыс. четвертей. Ежегодный расход монастыря, учитывая поправку Н. А. Горской, составлял более 10 тыс. четвертей ржи и овса. Таким образом, монахи имели в излишках столько хлеба, сколько им надо было для удовлетворения собственных нужд в течение всего лишь двух-трех лет²⁷.

Накануне голода хлебные запасы Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря составляли 2834 четверти ржи и овса. Год спустя они сократились до минимума – 942 четверти. Монахи вынуждены были начать закупки зерна²⁸.

Современники имели все основания упрекать монахов, богатых дворян и купцов в том, что они спекулировали хлебом и обогащались за счет голодающего народа. Спекуляции отягощали бедствия населения. Но не они были главной причиной губительного голода в России в начале XVII в. Суровый климат, скудость почв, феодальная система земледелия делали невозможным создание таких запасов зерна, которые могли бы обеспе-

чить страну продовольствием в условиях трехлетнего неурожая.

Недоброжелатель Годунова Исаак Масса утверждал, будто царь мог, но не повелел строжайшим образом знатым господам, монахам и прочим богатым людям, имевшим полные амбары хлеба, продать свой хлеб. Сам патриарх, располагая большим запасом продовольствия, якобы объявил, что не хочет продавать зерно, за которое со временем можно выручить еще больше денег²⁹. В литературе можно найти многократные ссылки на приведенные слова Массы. Однако их достоверность вызывает сомнения. Сочиненная Массой «патриаршая речь» проникнута торгашеским духом, характерным для голландского негоданта, но не для Иова. Ближайший помощник Бориса не мог выступить как открытый сторонник хлебных спекуляций, когда власти принимали все меры для их обуздания.

По словам Петра Петрея, Борис издал строгий приказ, адресованный землевладельцам, о продаже хлеба за полцены. Как писал Конрад Буссов, царь Борис воззвал к «князьям, боярам и монастырям, чтобы они приняли близко к сердцу народное бедствие, выставили свои запасы зерна и продали их несколько дешевле, чем тогда запрашивали...». Царские посольные отправились во все концы страны, чтобы отписать в казну старый хлеб, хранившийся на полях в скирдах. Конфискованный хлеб отправляли в казенные житницы. Чтобы предотвратить массовую гибель бедноты, Годунов приказал «во всех городах открыть царские житницы и ежедневно продавать тысячи ка-

дей за полцены»³⁰. (Очевидно, твердые государственные цены были вдвое меньше рыночных.)

Правительство понимало, что одними указами невозможно покончить с дороговизной, и пыталось использовать экономические средства. Торговля дешевым казенным хлебом могла бы стабилизировать хлебный рынок, если бы подъем цен оказался кратковременным. Но голод оказался куда более продолжительным, чем того ждали. Под конец бедствия достигли таких чудовищных масштабов, что власти были вынуждены признать свое бессилие и прекратили продажу дешевого хлеба и раздачу денег бедноте, чтобы не привлекать в город новые толпы беженцев.

Итак, в начале XVII в. правительство впервые в русской истории пыталось осуществить широкую программу помощи голодающему народу. Новые меры Борис старался обосновать с помощью новых идей. Как значилось в указе о введении твердых цен в Соль-Вычегодске, царь Борис «оберегает крестьянский (православный. — Р. С.) народ во всем», жалеет о всем «православном крестьянстве», ищет «вам всем — всего народа людям — полезная, чтоб... было в наших во всех землях хлебное изобилие, житие немятежное и невредимый покой у всех равно»³¹.

Признание того, что не только верхи, но и низы общества — «всенародное множество» — имеют равное право («у всех равно») на хлебное изобилие, благоденствие и покой, явилось одним из важных принципов «земской политики» Бориса Годунова.

Многие годы закрепощенные крестьяне жили надеждами на «государевы выходные лета». Своим

указом о сыске беглых Борис в 1597 г. нанес смертельный удар их надеждам. Но четыре года спустя он выказал гибкость, отступив от принятого курса. 28 ноября 1601 года страна узнала о восстановлении сроком на год крестьянского выхода в Юрьев день.

Не следует думать, что голод сам по себе мог привести к столь крутому социальному повороту. К осени 1601 года последствия первого неурожая не обнаружили себя в полной мере. Население еще не исчерпало старых запасов. Трехлетний голод был впереди, и никто не мог предвидеть его масштабов. Годунов боялся не голода, а социальных потрясений, давно предсказанных трезвыми наблюдателями. Крестьянство оставалось немым свидетелем смены династии. Никто не думал спрашивать его мнение в деле царского избрания. Каким бы ничтожным ни был царь Федор, народ верил ему. Администрация всех рангов сверху донизу правила его именем. Все ее распоряжения исходили от законного государя. Борис же не был прирожденным царем. Как мог он при этом претендовать на место «земного бога»? Неторопливый крестьянский ум не сразу сумел найти ответ на столь трудный вопрос. Борис постарался одним ударом завоевать привязанность сельского населения. Его указ как нельзя лучше отвечал такой цели. Именем Федора у крестьян отняли волю. Теперь Борис восстановил Юрьев день и взял на себя роль освободителя. Его указ понятными словами объяснял крестьянам, сколь милостив к ним «великий государь», который пожаловал их и «во всем своем государстве от налога и от продажи велел крестьяном давати выход»³².

Боясь вызвать гнев знати, Борис сопроводил закон о восстановлении Юрьева дня множеством оговорок. Действие закона не распространялось на владения бояр, столичных дворян, князей церкви. Жившие на этих землях крестьяне оставались крепостными. Право выхода получили лишь жители мелких провинциальных имений. Речь шла не столько о выходе крестьян, сколько о свозе их уездными дворянами. Можно было ожидать, что с восстановлением Юрьева дня крестьяне хлынут на земли привилегированных землевладельцев, имевших возможность предоставлять новоприходцам большие ссуды и льготы. Правительство отвело эту угрозу, запретив богатым землевладельцам звать к себе крестьян. Что касается провинциальных дворян, то они получили право вывозить разом не более одного-двух крестьян из одного поместья. Такое распоряжение заключало в себе определенный экономический смысл.

При Борисе Годунове Россия впервые пережила общий голод в условиях закрепощения крестьян, что создало особые трудности для мелкого крестьянского производства. На протяжении века Юрьев день играл роль своего рода экономического регулятора. При неурожае крестьяне немедленно покидали помещиков, отказывавшихся помочь им, и уходили к землевладельцам, готовым ссудить их семенами и продовольствием. В условиях закрепощения небогатые поместья превращались в своего рода западню: крестьянин ни подмоги не получал, ни разрешения уйти прочь. Законы Годунова открыли двери ловушки. В то же время они мешали предприимчивым дворянам перема-

нить к себе от соседей многих крестьян, на подмогу которым у них не было средств.

Дворяне противились любым уступкам в пользу крепостных. Их бесчинства достигли таких масштабов, что при повторном издании закона о восстановлении Юрьева дня в 1602 году власти внесли в него пункт против помещичьего самоуправства: «Сильно бы дети боярские крестьян за собой не держали и продаж им некоторых не делали, а кто учнет крестьян грабити и из-за себя не выпуска-ти, и тем от нас быти в великой опале»³³. Все эти угрозы не могли испугать дворян, коль скоро дело касалось доходов. Без крестьян мелкого помещика ждала нищенская сума. А о каких-либо серьезных санкциях против дворянской массы, составлявшей социальную опору крепостнического государства, не могло быть и речи. Попытки облегчить положение голодающей деревни, как видно, не удалась.

В 1603 году закон о Юрьеве дне не был подтвержден. Борис Годунов признал неудачу своей крестьянской политики. Знать оценила меры царя, всецело отвечавшие ее интересам. Зато в среде мелкого дворянства популярность династии Годуновых стала быстро падать. Это обстоятельство немало способствовало успеху самозванца.

Борису не удалось завоевать народные симпатии. Голод ожесточил население городов и деревень.

В 1602–1603 гг. во многих уездах появились вооруженные отряды. Летописцы называли их разбойниками, холопами, «злодейственными гадами». Самый крупный из этих отрядов во главе с атаманом Хлопком (очевидно, выходцем из холопов)

действовал в окрестностях Москвы. Одни историки полагают, что выступления холопов заключали угрозу для крепостного строя и были предвестником первой крестьянской войны в России³⁴. Другие историки утверждают, будто восстание Хлопка знаменовало первый этап крестьянской войны.³⁵ Первые опираются на показания современников о том, что разбоем занимались холопы, которых господа отказались кормить и прогнали со двора в годы голода. По предположению других, на первом месте среди «повстанцев» были будто бы крестьяне. Такое мнение не опирается на показания источников.

Разрядные книги начала XVII в. сохранили сведения о том, что власти отправили на борьбу с разбойниками по крайней мере два десятка воевод и дворян. Возникло предположение, что в «движении» Хлопка 1603 г. участвовали повстанцы многих уездов, включая Владимир, Рязань, Вязьму, Можайск, Волок Ламский, Коломну, Ржеву, Белую. Возникла гипотеза, согласно которой мощное антифеодальное восстание охватило разом весь Центр России. Ближайшее рассмотрение фактов обнаруживает, что представление о грандиозном «восстании» — всего лишь мираж.

Достаточно проверить служебные назначения дворян, ловивших разбойников, чтобы убедиться в том, что действия разбойничьих шаек в разных уездах не были связаны с Хлопком. Дворян посылали в разные города на короткое время, в разное время — за год, за полгода, за месяц до появления Хлопка в Подмосковье осенью 1603 г.³⁶ Грабежи беглых холопов вовсе не были выражением борь-

бы угнетенных низов против феодального гнета. «Повстанцы» заняты были разбоем и убийствами.

В 1602–1603 гг. население России переживало страшный голод. Толпы умирающих от голода крестьян стекались в Москву, привлеченные слухами о раздаче хлеба из царских житниц. Борис Годунов распорядился отыскать и свезти в столицу весь хлеб из дворцовых сел. Но отчаянные попытки обеспечить хлебом Москву не дали результатов. Запасы хлеба, хранившиеся в казенных закромах, были истрачены, а то немногое, что удалось заготовить в уездах, невозможно было доставить в столицу из-за действий разбойников, в большом числе появившихся на дорогах. Они отбивали и грабили обозы с продовольствием, убивали обозников. Действия «борцов против феодального гнета» послужили причиной гибели многих тысяч людей в Москве, преимущественно из числа крестьян-беженцев, не имевших в Москве ни прибежища, ни средств к существованию.

Борис Годунов пытался спасти голодающих. С этой целью он и направил дворян со стрелецкими отрядами на главнейшие дороги — владимирскую, смоленскую, рязанскую — связывавшие столицу с провинцией. Разбойники бесчинствовали как на дорогах, так и у стен Москвы. 14 мая 1603 г. царь поручил охрану порядка в столице виднейшим членам Боярской думы. Москва была разделена на одиннадцать округов. Кремль стал центральным округом, два округа были образованы в Китай-городе, восемь — в Белом и Деревянном «городах». Округа возглавили бояре князь Н. Р. Трубецкой, князь В. В. Голицын, М. Г. Салтыков,

окольничие П. Н. Шереметев, В. П. Морозов, М. М. Салтыков, И. Ф. Басманов и трое Годуновых. Бояре вместе со своими помощниками – дворянскими головами – регулярно совершали объезды отведенных им кварталов³⁷.

Описанные меры носили чрезвычайный характер. Они явились прямым следствием той критической ситуации, которая сложилась в Москве к 1603 году. Возможности помощи голодающим были исчерпаны, и раздача денег бедноте полностью прекращена. В наихудшем положении оказались беженцы, которых было едва ли не больше коренных жителей Москвы. Беженцы заполнили площади и пустыри – «полые места», пожарища, овраги и лужки. Они жили либо под открытым небом, либо в наспех сколоченных будках и шалашах. Лишенные помощи, беженцы были обречены на мучительную смерть. Каждое утро по московским улицам проезжали повозки, в которых увозили трупы умерших за ночь людей.

Угроза голодной смерти толкала отчаявшихся людей на разбой и грабеж. Летописцы очень точно охарактеризовали положение, сложившееся в разгар голода, когда «бысть великое насилие, много богатых домов грабили, и разбивали, и зажигали, и бысть страхование великое и умножишася неправды»³⁸. Беднота громила хоромы богачей, поджигала дома, чтобы легче было грабить, набрасывалась на обозы, едва те появлялись на столчных улицах. Перестали функционировать рынки. Стоило торговцу показаться на улице, как его мгновенно окружала толпа, и ему приходилось думать лишь об одном: как спастись и не быть раз-

давленным. Голодающие отбирали хлеб и тут же поедали его.

Грабежи и разбои в Москве по своим масштабам превосходили все, что творилось в уездных городах и на дорогах. Именно это и побудило Бориса возложить ответственность за поддержание порядка в столице на высший государственный орган – Боярскую думу. Бояре получили наказ использовать любые военные и полицейские меры, чтобы «на Москве по всем улицам, и по переулкам, и по полым местам, и подле городов боев, и грабежов, и убийства, и татьбы, и пожаров, и всяково воровства, не было никоторыми дель»³⁹. Пока в окрестностях столицы действовали малочисленные шайки «разбоев», правительство гораздо больше опасалось восстания в городе, нежели нападения шаек извне. Но положение переменилось, когда «разбои» объединились в крупный отряд. Его предводителем был Хлопко. По словам современников, среди «разбоев» преобладали беглые боярские холопы. Прозвище атамана указывает на то, что он также был холопом. В сентябре 1603 года Хлопко действовал на смоленской и тверской дорогах. В то время в Москве порядок в западных кварталах «по Тверскую улицу» охранял воевода Иван Басманов. Понадеявшись на свои силы, он вышел из городских ворот и попытался захватить Хлопко. Пятьсот повстанцев приняли бой. Басманов был убит. Лишь получив подкрепление из Москвы, правительственные войска разгромили восставших. Хлопко и других пленных привезли в столицу и там повесили⁴⁰.

В выступлениях 1602–1603 годов трудно про-

вести разграничительную черту между разбойными грабежами и голодными бунтами неимущих. Социальный характер движения проявлялся, прежде всего, в том, что порожденное голодом насилие было обращено против богатых. В разгар восстания Хлопка царь Борис издал указ о немедленном освобождении всех холопов, незаконно лишенных пропитания их господами. Царский указ подтверждает слова современников о том, что на разбой шли, прежде всего, холопы, служившие в вооруженных боярских свитах.

Среди зависимого населения боевые холопы были единственной хорошо вооруженной и имевшей боевой опыт группой. События 1603 года показали, что при определенных условиях боевые холопы могут стать ядром повстанческого движения. Это обстоятельство и вынудило власти пойти на уступки холопам в ущерб интересам дворян.

После разгрома Хлопка многие повстанцы бежали на окраины – в Северскую землю и в Нижнее Поволжье.

Глава 9. Мир на границах

В начале XVII в. Русское государство все больше втягивалось в дела Кавказа. Местным народам и племенам приходилось вести борьбу с турецкими завоевателями. Османская империя подчинила Азербайджан, ее флот появился на Каспийском море. Кахетия с трудом отражала нападения турок. Угроза османского владычества заставила ка-

хетинского царя Александра обратиться в Москву за помощью и принять русское подданство. Россия предприняла попытку занять Ширван, чтобы обеспечить себе надежные пути на Закавказье¹. В 1590 г. русские вновь обосновались на Тереке и построили там укрепленный Сунженский острог. Тем самым они преградили туркам дорогу из Азова к «железным воротам» – Дербенту.

Военное столкновение с Османской империей казалось неизбежным, и Россия решила заключить союз с Ираном, чтобы общими усилиями изгнать турок из Дербента, Шемахи и Баку. Русские дипломаты получили наказ добиваться передачи всех названных городов под власть царя. В 1600 г. Годунов направил к шаху посла князя А. Засекина. Осенью следующего года воевода князь И. П. Ромодановский получил приказ готовиться к походу в Дагестан². Обстоятельства помешали выполнению этого плана. Но как только осенью 1603 г. война между Турцией и Ираном возобновилась, Москва вернулась к планам наступления на Кавказ.

Летом 1604 г. один из лучших московских воевод, окольный И. М. Бутурлин, выступил из Москвы в Астрахань. С ним были посланы значительные воинские силы – несколько тысяч ратных людей. Осенью русские полки прибыли на Терек, а с наступлением зимы заняли городище Тарки. Именно этот пункт был указан кахетинским царем Александром, как наиболее удобное место для постройки русской крепости. Построив «город» в Тарках, русские взяли под свой контроль дороги, ведущие в Дербент, а также в Шемаху и Баку.

В 1605 г. в Дагестане произошли крупные столкновения между русскими и османскими войсками. В окрестности города Тарки прибыл паша с янычарами и многочисленной ратью. Турки засыпали рвы и возвели «примет» из песка и хвороста на уровень крепостной стены. После трех дней осады Бутурлин был вынужден вступить в переговоры с турками. По договору, скрепленному «шертью», русские получили право беспрепятственно уйти на родину. Однако условия соглашения не были выполнены. При отступлении русская рать была окружена в степях и подверглась почти поголовному истреблению. По русским данным, погибло более 7 тыс. воинов, «окромя боярских людей»³.

Русские сожгли Сунженский острог и сосредоточили свои силы в Терском городке, чтобы отразить нападение врага. Однако турки отказались от похода на Терек.

В Москве понимали, что в случае столкновения с Османской империей Крымское ханство не останется в стороне от конфликта. События 1591 г. показали, что татарские вторжения по-прежнему угрожали не только южным уездам, но и столице государства.

В связи с активизацией восточной политики Борис Годунов приказал возобновить строительство крепостей на южных границах государства. В 1599 г. Разрядный приказ снарядил крупнейшую военную экспедицию, руководство которой было поручено окольному Б. Я. Бельскому. Воевода получил наказ выстроить крепость у впадения реки Оскол в Северский Донец, в самом

сердце Донецкого бассейна. В подчинении Б. Я. Бельского находились 3 дворянские сотни и 2600 человек стрельцов и казаков, а также «даточные» боярские люди с пищалями, «посошные люди», проводившие строительные работы, обозная прислуга и прочий люд. Наряду со служилыми гарнизонными казаками в походе участвовали волжские и донские казаки⁴.

Направляя экспедицию на Северский Донец, русское командование предусматривало опасность немедленной войны с Крымом и готовилось отразить нападение Орды. Вновь заложенная крепость получила претенциозное название «Царев-Борисов». Она располагалась на наибольшем расстоянии от всех построенных ранее оборонительных линий. Строительство Царева-Борисова поставило прочные барьеры на пути опустошительных вторжений кочевников в южные уезды государства. Хан не осмелился принять вызов, брошенный ему Годуновым. Появление крупных русских сил на Северском Донце создало военную угрозу Крыму и, кроме того, способствовало разъединению орд, кочевавших в Причерноморье, на Северном Кавказе и в Поволжье.

Стремясь предотвратить вспышку военных действий на южных границах, Борис Годунов в 1602 г. направил в Крым посла Г. К. Волконского с «поминками», оценивавшимися в 14 тыс. руб. Посол добился того, что хан Казы-Гирей подтвердил мир с Россией. Впервые за много лет прекратились почти повсеместно нападения татар на русские земли. Для Москвы отпала необходимость держать в течение лета крупные силы на Оке⁵.

Мир на южных границах создал условия для активизации русской политики в Прибалтике. Попытка Речи Посполитой и Швеции подкрепить антирусский военный союз личной унией не удалась. Польский король Сигизмунд III Ваза не смог удержать в своих руках шведскую корону. Шведским правителем стал герцог Карл, успешно отразивший попытку польского короля восстановить свою власть над Швецией. Распад польско-шведской унии и назревавшее столкновение Польши и Швеции из-за Ливонии радикально изменили положение в Прибалтике.

Тявзинский договор 1595 г. между Россией и Швецией означал для русских прекращение борьбы за выход на Балтику. В силу договора шведы получили возможность установить контроль за русской торговлей на Балтийском море, однако Москва в конце концов не ратифицировала договор. Не отказываясь от «вечного мира» со Швецией, русская дипломатия предпринимала усилия для того, чтобы изменить невыгодные для России пункты Тявзинского договора. В конфликте между Сигизмундом III и Карлом Москва стала на сторону последнего. Борис Годунов предложил Швеции помощь против Речи Посполитой на условиях уступки России морского порта Нарвы⁶. Одновременно в Москве был выработан проект образования под эгидой России вассального королевства в Ливонии. В 1599 г. Борис Годунов пригласил в Москву из Риги шведского королевича Густава, сына низложенного короля Эрика XIV. Ему предстояло занять ливонский трон в качестве царского вассала.

Подготавливая почву для возобновления борьбы

за Прибалтику, царь Борис объявил милость пленным ливонским купцам, находившимся в России со времен Грозного. Некоторые из них получили чин московских гостей, или членов гостиной сотни, вместе с правом беспошлинной торговли в России и в ливонских городах. На заведение торгов казна ссудила им 5,5 тыс. руб. Услуги немецких купцов понадобились русскому правительству для того, чтобы ослабить торговые барьеры, воздвигнутые шведами в Прибалтике, а также активизировать сторонников России из числа ливонских бюргеров. Эта последняя цель была отчасти достигнута. Посланец Нарвы заявил в Москве в 1600 г., будто все нарвские немцы решили перейти под покровительство царя, а жители Таллина готовы признать власть королевича Густава⁷. В среде ливонских бюргеров-протестантов возникла партия сторонников России, опасавшихся оккупации со стороны католической Речи Посполитой.

В трудных для себя условиях шведский правитель согласился передать России Нарву, но обещание Карла было всего лишь уловкой. Расчеты на то, что союз со Швецией позволит России возродить «нарвское мореплавание», четверть века продержавшееся при Грозном, оказались беспочвенными. Когда дьяк А. Власьев в 1600 г. привел в устье Нарвы два нанятых в Любеке корабля, шведский флот немедленно блокировал их⁸.

Королевич Густав оказался ненадежным вассалом. Он пытался вести переговоры с ливонцами втайне от царя и в ущерб интересам России. Обнаружив это, русские власти отправили его в почетную ссылку в Углич.

Как только Карл Шведский упрочил свои позиции в Ливонии, он учинил жестокую расправу со сторонниками царя и его вассала⁹. Проект образования вассального Ливонского королевства рухнул сам собой. Тогда Россия попыталась обеспечить себе союз с Данией – второй державой, располагавшей первоклассным флотом на Балтике. Русско-датский союз предполагалось скрепить браком царевны Ксении Годуновой с датским герцогом Гансом. Вместе с рукой царевны Ганс должен был получить в России обширное удельное княжество – «Тверское великое княжение» (без города Твери). Датский герцог прибыл в Москву, однако в разгар свадебных приготовлений в 1602 г. он внезапно умер. Переговоры о заключении союза с Данией так и не были доведены до конца.

Речь Посполитая пыталась вмешаться в избирательную борьбу, развернувшуюся в Москве в 1598 г. Ее сейм выдвинул Сигизмунда III в качестве кандидата на царский трон. В письмах к Годунову король обещал сохранить за ним положение правителя, русским дворянам сулил шляхетские вольности¹⁰. Однако его обращения не имели успеха.

В связи с близким истечением срока русско-польского перемирия Борис Годунов выступил с предложением о возобновлении мирных переговоров. Необходимость союза между Россией и Речью Посполитой диктовалась долговременными интересами. Народам Восточной Европы угрожала турецко-татарская экспансия. Османская империя оставалась крупнейшей военной державой своего времени. В 1592–1606 гг. австрийские Габсбурги

с трудом отражали вторжения турок. Наиболее дальновидные политики в Кракове и Москве все чаще обращались к проектам объединения сил для борьбы против османской угрозы.

Существенное влияние на ориентацию польской внешней политики оказало наметившееся русско-шведское сближение. Осенью 1600 г. литовский канцлер Лев Сапега привез в Москву проект «вечного мира», а также проект о федеративном объединении двух государств. Согласно польским предложениям, в качестве членов федерации Речь Посполитая и Россия должны были выработать единую внешнюю политику, совместно оборонять южные границы от татар, завести общий флот на Балтийском и Черном морях, иметь общий порт в Нарве и Ивангороде; купцы получали право свободно торговать в пределах двух государств¹¹.

Во время переговоров русские дипломаты подержали предложения о совместной обороне против татар, развитии торговли и пр. Однако в целом проект федерации не был принят. Бояре категорически отвергли пункт, предоставлявший шляхте право на приобретение вотчин в России, отказались разрешить строить костелы, венчать православных с католиками. Много споров вызвал вопрос о выборах главы федерации. Королевская дипломатия строила расчеты на том, что Сигизмунд III был достаточно здоровым человеком в свои 34 года, тогда как 50-летнего Бориса одолевали тяжелые болезни и ему предрекали близкую смерть. О наследнике Бориса в Польше толковали, что он слаб здоровьем и к тому же слабоумен. Условия наследования трона носили не-

равноправный характер. В случае бездетной смерти царя московский трон отходил к Сигизмунду III. В случае же бездетной кончины Сигизмунда III польская сторона не исключала возможности «выбрать паном господаря Руского». Но на королевский трон мог взойти и любой другой кандидат в силу свободного выбора¹². Таким образом, русскому дворянству было отказано в роли равноправного участника избрания главы государства.

Московские переговоры завершились 1 марта 1602 г. подписанием договора о двадцатилетнем перемирии.

Русское правительство не добилося благоприятного решения балтийского вопроса, но его усилия все же принесли плоды. На всех границах государства воцарился мир. Система договоров с соседями должна была гарантировать России длительную передышку. Однако мирная система, старательно воздвигнутая Борисом, очень скоро обнаружилась своей непрочностью.

Глава 10. Самозванческая интрига

Самозванчество расцвело в России пышным цветом после появления Лжедмитрия I. Под личной царевича скрывался, по преданию, московский сын боярский Гришка Отрепьев. Предание вызвало споры в историографии¹.

Вопрос о личности Лжедмитрия I, писал С. Ф. Платонов, не поддается решению. Нельзя считать, что самозванцем был Отрепьев, но нельзя также ут-

верждать, что Отрепьев им не мог быть: истина от нас пока скрыта, – в таких словах Платонов подвел итог своим многолетним разысканиям по истории Смуты². Столь же осторожной точки зрения придерживался и другой замечательный историк В. О. Ключевский. Личность неведомого самозванца, писал он, доселе остается загадочной, несмотря на все усилия ученых разгадать ее; трудно сказать, был ли то Отрепьев или кто-то другой, что, впрочем, менее вероятно. Анализируя ход Смуты, В. О. Ключевский с полным основанием заключил, что дело было не в личности лжецаревича, а в роли, им сыгранной, и в исторических условиях, которые сообщили самозванческой интриге страшную разрушительную силу³.

Последующие историки сосредоточили внимание на остром общественном кризисе начала XVII в., породившем самозванство. В Лжедмитрии стали видеть крестьянского царя, его успехи связывали с волной крестьянского движения или, во всяком случае, с появлением в крестьянской среде утопической веры в «доброе» монарха, наивным монархизмом русских крестьян⁴.

Кровавая борьба с боярством, церковная проповедь, окружавшая престол ореолом святости, ухудшение жизни крестьян – все это благоприятствовало рождению легенды о добром царе-избавителе. Героем легенды стал царевич Дмитрий – сын природного государя Ивана Грозного, прославившегося непримиримой борьбой с лихими боярами⁵.

В силу своеобразия положения крестьяне значительно дольше других сословий сохраняли веру

в «доброто» царя. Однако это не значит, что вера в пришествие «хорошего» царя возникла как своеобразная крестьянская утопия. В начале XVII в. взгляды такого рода были распространены не только среди простого народа, служилых людей – провинциальных детей боярских, помещиков, для которых царская власть была источником всех благ. Иван Грозный пролил немало крови своих подданных. Он навлек на свою голову проклятие знати. Но ни казни, ни поражение в Ливонской войне не могли уничтожить популярность, приобретенную им в народе и служилой дворянской среде после «казанского взятия». В фольклоре Иван IV остался грозным, но справедливым царем. В глазах народа Иван IV был не только представителем старой, законной династии Ивана Калиты, но и последним царем, при котором масса народа – феодально зависимые крестьяне – не утратила традиционной «воли» – права выхода в Юрьев день. Популярности Грозного способствовало и то, что он публично казнил «изменных» бояр, всенародно объявлял их вины и обращался к толпе за одобрением⁶. Иван IV наказывал приказных правителей и судей, обличенных во взятках и мошенничестве.

Бедствия, обрушившиеся на страну при Годунове в начале XVII в., придали особую устойчивость воспоминаниям о благоденствии России при «хорошем» царе Иване Васильевиче. Чем мрачнее становилось время, чем меньше оставалось места для надежд, – тем пышнее расцветали всевозможные утопии.

Борис Годунов пытался играть роль царя-«из-

бавителя», предприняв попытку оказать широкую помощь голодающему народу и временно возобновив Юрьев день. Но его попытка завершилась полной неудачей, что и подготовило почву для торжества самозванца.

Царевич Дмитрий унаследовал от отца его жестокость. Дикие забавы Дмитрия приводили в смущение современников. Восемилетний мальчик приказывал товарищам игр лепить снежные фигуры и называл их именами первых бояр в государстве, а затем рубил им головы или четвертовал⁷. Дворянские писатели осуждали подобные «детские глумления». Однако в народе жестокость по отношению к лихим боярам воспринималась совсем иначе. Дмитрий обещал стать таким же «хорошим царем», как и его отец.

Когда отношения между царским двором в Москве и удельным двором в Угличе окончательно испортились, Борис Годунов запретил упоминать имя Дмитрия в молитвах о здравии членов царской семьи. Царевич был рожден в седьмом браке, а значит, был, по тогдашним представлениям, незаконнорожденным⁸.

Подверженные суевериям современники Годунова считали, что большие эпилепсией («черным недугом») одержимы нечистой силой. Сын Грозного страдал жестокой эпилепсией, тем не менее даже это обстоятельство не помешало развитию легенды о добром Дмитрии.

Смерть Дмитрия вызвала многочисленные толки в народе. Но в Москве правил законный царь, и династический вопрос никого не занимал. О царевиче забыли очень скоро. Однако едва умер Фе-

дор, как в народе вновь заговорили о Дмитрии. Литовские лазутчики подслушали в Смоленске и записали толки, в которых можно было угадать все последующие события «смутного времени». Пересуды были на редкость противоречивыми. Одни говорили, будто в Смоленске были подобраны письма от Дмитрия, известившие жителей, что «он уже сделался великим князем» на Москве. Другие доказывали, что появился не царевич, а самозванец, «во всем очень похожий на покойного князя Дмитрия»; Борис будто бы хотел выдать самозванца за истинного царевича, чтобы добиться его избрания на трон, если не захотят избрать его самого.

Толки, подслушанные в Смоленске, носили недостоверный характер. Боярин Нагой, говоря о смерти Дмитрия, будто бы сослался на мнение своего соседа «астраханского тиуна» (?) Михаила Битяговского. «Тиуна» вызвали в Москву и четвертовали после того, как он под пыткой признался, будто сам убил Дмитрия⁹.

Литовские лазутчики записали, скорее всего, молву простонародья, имевшего самые смутные представления о том, что происходило в столичных верхах. Как бы то ни было, слухи о царевиче порочили правителя Бориса Годунова и были проникнуты явным сочувствием к Романовым. Очевидно, их распускали люди, живо симпатизировавшие Романовым.

Имя Дмитрия оживили, по-видимому, борьба за обладание тронem и вызванные ею политические страсти. После избрания Бориса на трон молва о самозванном «царевиче» лишилась почвы и

умолкла сама собой, зато версия о чудесном спасении сына Грозного получила самое широкое распространение в народе. Служивый француз Яков Маржарет, прибывший в Москву в 1600 г., отметил в своих записках: «прослышав в тысяча шестисотом году молву, что некоторые считают Дмитрия Ивановича живым, он (Борис. — Р. С.) с тех пор целые дни только и делал, что пытал и мучил по этому поводу»¹⁰.

Новую волну слухов о спасении Дмитрия едва ли следует связывать с заговором Романовых в 1600 г. Романовы пытались заполучить корону в качестве ближайших родственников последнего законного царя Федора. К сыну Грозного от седьмого брака они относились резко отрицательно. Пересуды о наличии законного наследника Дмитрия могли помешать осуществлению их планов. Совершенно очевидно, что в 1600 г. у Романовых было не больше оснований готовить самозванца «Дмитрия», чем у Бориса Годунова в 1598 г.

Можно указать на обстоятельства, питавшие слухи о Дмитрии в 1600 г. Главной причиной явилась, по-видимому, смертельная болезнь Бориса Годунова. Кончины Бориса ждали со дня на день. Тут-то и вспомнили о младшем сыне «хорошего» царя. Если бы слухи о царевиче распространял тот или иной боярский круг, покончить с ними для Годунова было бы нетрудно. Трагизм положения заключался в том, что молва сделалась народной и потому никакие гонения не могли искоренить ее.

Как подчеркнул К. В. Чистов, легенда о Дмитрии не сразу получила социальную окраску и превратилась в силу, способную объединить выступ-

ления низов. Именно по этой причине повстанческое войско Хлопка не воспользовалось именем Дмитрия в 1603 г.¹¹

Народные толки и ожидания создали почву для появления самозванца. В свою очередь, деятельность самозванца оказала огромное воздействие на дальнейшее развитие народных утопий.

Самозванец объявился в пределах Речи Посполитой в 1602–1603 гг. Им немедленно заинтересовался Посольский приказ¹². Не позднее августа 1603 г. Борис обратился к покровителю самозванца князю Константину Острожскому с требованием выдать «вора»¹³. Но «вор» уже переселился в имение Адама Вишневецкого. В Москве и в дальнейшем следили за каждым шагом самозванца.

Неверно мнение, будто Годунов назвал самозванца первым попавшимся именем. Разоблачению предшествовало самое тщательное расследование, после которого в Москве объявили, что имя царевича принял беглый чернец Чудова монастыря Гришка, в миру носивший имя Юрия Отрепьева.

Московским властям нетрудно было установить историю беглого чудовского монаха. В Галиче жила вдова Варвара Отрепьева, мать Григория, а родной дядя Смирной Отрепьев служил в Москве как выборный дворянин. Смирной преуспел при новой династии и выслужил чин стрелецкого головы¹⁴. Накануне бегства племянника он был «на Низу голова стрельцов». Как только в ходе следствия всплыло имя Отрепьева, царь Борис вызвал Смирного в Москву. Власти использовали показания Смирного и прочей родни Отрепьева как при

тайном расследовании, так и при публичных обличениях «вора». Как значилось в Разрядных книгах, Борис посылал в Литву «в гонцах на обличенье тому вору Ростриге дядю ево родного галеченина Смирного Отрепьева». Современник Отрепьева троицкий монах Авраамий Палицын определенно знал, что Гришку обличали его мать, родные брат и дядя и, наконец, «род его галичане вси»¹⁵.

Московские власти сконцентрировали внимание на двух моментах биографии Отрепьева: его насильственном пострижении и соборном осуждении «вора» в московский период его жизни. Но в их объяснениях по этим пунктам были серьезные неувязки. Одна версия излагалась в документах, составленных для внутреннего пользования, другая – в дипломатических наказах, адресованных польскому двору. В дипломатических письмах значилось буквально следующее: Юшко Отрепьев, «як был в миру, и он по своему злодейству отца своего не слушал, впал в ересь и воровал, крал, играл в зерню и бражничал и бегал от отца многожда и заворовався, постригсе у чернцы...»¹⁶.

Нетрудно установить, с чьих слов составлен был этот убийственный отзыв о Юрии Отрепьеве. Незадолго до посылки наказа в Польшу в Москву вернулся Смирной Отрепьев, ездивший за рубеж по заданию Посольского приказа для свидания с Григорием-Юрием. Со слов Смирного, очевидно, и была составлена назидательная новелла о беспутном дворянском сынке.

Юшка отверг сначала родительский авторитет, а потом авторитет самого бога. После постриже-

ния он «отступил от бога, впал в ересь и в черно-книжье и призыване духов нечистых, и отречения от бога у него выняли». Узнав об этих преступлениях, патриарх со всем вселенским собором, по правилам святых отцов и по соборному уложению, якобы приговорили сослать Гришку на Белоозеро в заточение на смерть¹⁷.

Посольский приказ фальсифицировал биографию Отрепьева. Цели фальсификации предельно ясны. Властям важно было представить Отрепьева как одиночку, за спиной которого не было никаких серьезных сил, а заодно обосновать версию о соборном суде над преступником, чтобы иметь основание потребовать от поляков выдачи «вора».

С дружеским венским двором царь Борис поддерживал куда более доверительные отношения, чем с польским. Поэтому в письме австрийскому императору Годунов позволил себе некоторую откровенность по поводу Отрепьева. Русский оригинал послания Бориса Рудольфу 11 (ноябрь 1604 г.) хранится в Венском архиве и до сих пор не опубликован¹⁸. Приведем здесь полностью разъяснения Бориса по поводу личности Отрепьева. До своего пострижения, утверждал Борис, Юшка «был в холопех у дворянина нашего у Михаила Романова и, будучи у него, учал воровать, и Михайло за его воровство велел его збити з двора, и тот стражник учал пуще прежнего воровать, и за то его воровство хотели его повесить, и он от тое смертныя казни сбежал, постригся в дальних монастырех, а назвали его в чернцах Григорием».

Почему царь Борис решил связать имя Отрепьева с именем Романовых? Быть может, он

желал скомпрометировать своих противников? Но почему он не назвал тогда имена старших братьев — знаменитых бояр Федора и Александра Никитичей Романовых, — а указал на младшего брата Михаила, которого даже в России мало кто знал и который два года как умер в царской тюрьме?

В венском наказе видно то же настойчивое стремление, что и в польском. Царские дипломаты решительно опровергали самую возможность заговора и старались рассеять подозрения насчет того, будто за спиной самозванца могли стоять влиятельные боярские круги. От поляков вовсе скрывали, что Отрепьев служил Романову. Австрийцев убеждали в том, что Романов не был пособником «вора», а, напротив, изгнал Юшку за его воровские проделки.

Внутри страны появление самозванца долго замалчивалось. Толки о нем пресекались беспощадным образом. Но когда Лжедмитрий вторгся в пределы страны и молчать стало невозможно, с обличением Отрепьева выступила церковь. Жизнеописание Отрепьева, составленное в патриаршей канцелярии, разительно отличалось от заявлений Посольского приказа.

Враг оказался гораздо опаснее, чем думали в Москве. Он терпел поражение в открытом бою, но посланная против него многочисленная армия не могла изгнать его из пределов страны. Попытки представить Отрепьева юным негодяем, которого пьянство и воровство довели до монастыря — мало кого могли убедить. Дипломатическая лож рушилась сама собой. Патриаршие дьяки были вынуждены более строго следовать фактам. Патри-

арх Иов известил паству о том, что Отрепьев «жил у Романовых во дворе и заворовался, от смертные казни постригся в чернцы и был по многим монастырям», позже побыл во дворе у него, патриарха, «а после того сбежал в Литву с товарищами своими с чюдовскими чернцы»¹⁹.

Власти не настаивали на первоначальной версии, будто Отрепьева постригли из-за его безобразного поведения и восстания против родительской власти. Юшка заворовался, живя на дворе у Романовых. Как видно, патриарх умышленно не назвал имени окольного Михаила: он хотел бросить тень разом и на старших Романовых! Но подобные побуждения имели все же второстепенное значение. Царские опалы, казалось бы, навсегда покончили с могуществом Романовых: старший из братьев принял монашество и сидел под стражей в глухом монастыре, трое его братьев погибли в ссылке. Никто не предвидел, что один из уцелевших сыновей Никитичей взойдет со временем на трон.

Посольский приказ старался скрыть от заграницы определенную связь между пострижением Отрепьева и службой его опальным Романовым, но в разъяснениях патриарха уже можно уловить намек на такую связь.

После смерти Годунова и гибели Лжедмитрия I царь Василий Шуйский произвел новое дознание по поводу самозванца. Его следователи имели одно важное преимущество перед Борисовыми – они видели самозванца наяву. Новый царь опубликовал результаты расследования с большими подробностями, чем Борис. Однако разъяснения при поль-

ском дворе отличались сдержанностью: любые неточности в пояснениях Москвы могли быть легко опровергнуты в Кракове. Между тем сам вопрос о самозванце приобрел теперь государственное значение.

В инструкциях дипломатам Посольский приказ больше не скрывал факта службы Отрепьева у Романовых. Царь Василий IV позволил сообщить полякам даже больше того, о чем поведала патриаршая канцелярия. Юшка, писали дьяки, «был в холопех у бояр у Микитиных детей Романовича и у князя Бориса Черкаскова и, заворовав, постригся в чернцы...»²⁰. Выпад против Романовых и Черкасских носил политический характер. Едва приверженцы Шуйского выкрикнули на площади имя нового царя, как в боярской среде возник заговор. К нему примкнули Романовы, не оставившие надежду занять трон. Тогда на их голову посыпались удары. Филарет Романов, которого прочили в патриархи, лишился царской милости. Подозрение пало на ближайших родственников Филарета князей Черкасских.

Все это объясняет, почему Шуйский решился бросить тень не на одних Никитичей, но и на их шурина боярина Черкасского. Наказы Шуйского называют Отрепьева боярским холопом. Можно ли верить этому полемическому выпад против лжецаря?

Юрий Отрепьев поступил на службу к Михаилу Романову как добровольный слуга. Однако царское уложение о холопах 1597 г. предписало всем господам в принудительном порядке составить кабальные грамоты на всех добровольных «холопов»,

прослуживших у них не менее полугода. Боярин Черкасский стоял в боярской иерархии значительно выше молодого окольного Михаила Романова. Поэтому Отрепьев имел причины для перехода во двор к Черкасскому. Там он, возможно, и дал на себя кабальную запись. Поздние летописи предпочитали умалчивать о службе Отрепьева у Романовых и их родни. В царствование Романовых было небезопасно или, во всяком случае, неприлично вспоминать этот факт из биографии «вора» и богоотступника. Вследствие этого история пострижения Юрия Отрепьева получила совершенно превратное истолкование в летописных сочинениях. Автор «Иного сказания» сочинил романтическую сказку о том, как 14-летний Юшка случайно повстречал в Москве безвестного игумена с Вятки Трифона и под влиянием душевспасительной беседы с ним принял схиму²¹.

Отзвук подлинных событий находим в одном компилятивном «Сказании», автор которого пользовался какими-то ранними источниками. В «Сказании» причины пострижения Юшки изложены следующим образом. Царь Борис воздвиг гонение на великих бояр, послал в заточение и на смерть Федора Никитича Романова и Бориса Камбулатовича Черкасского. Юшка часто приходил в дом к Черкасскому и был у него в чести, «и тоя ради вины на него царь Борис негодова, той же лукав сый, вскоре избежав от царя, утаився во един монастырь и пострижеся...»²². в «Сказании» заметно усердное старание смягчить неприятные Романовым факты. Автор умалчивает о том, что Юшка служил Михаилу Никитичу и его шурина Черкас-

скому. Юшка будто бы лишь бывал при дворе боярина Бориса Черкасского и в то же время от него «честь приобретал».

И все же в намеках «Сказания» проглядывает истина. Юшка не затерялся среди многочисленной холопской дворни, а сделал карьеру при дворе боярина Черкасского и вошел у него в честь. При боярских дворах дети боярские такого ранга и происхождения служили обычно дворецкими, конюшими, воеводами в боярских городках. После ареста Романовых и Черкасского их слуга Юрий Отрепьев, не желая разделить участь своих господ, постригся в монахи и принял имя Григория. За пострижением последовали скитания по монастырям. Этот эпизод из жизни чернеца Григория Отрепьева стал предметом всевозможных легенд.

Поздние летописи противоречат друг другу, едва только начинают перечислять обители, в которых побывал новоиспеченный монах. Современники не знали толком, где постригся Юшка Отрепьев. Близкий к Романовым «Новый летописец» откровенно признает, что Юшка «во младости пострижеся на Москве, не вем где». Даже Пюсольский приказ, расследовавший дело по свежим следам, не мог добиться истины. При Шуйском установили только, что постригал Юшку «с Вятки игумен Трифон»²³. Обряд был совершен, как видно, в спешке на каком-нибудь монастырском подворье.

Трифон более 20 лет жительствовавший в основанном им монастыре в Вятке. Заслуги Трифона получили признание — его возвели в сан архимандрита. Но после 1602 г. он лишился сана. Что было

причиной отставки? Пострижение ли Отрепьева, дружба с опальными боярами или старость? Трудно сказать.

Посольский приказ был лучше всего осведомлен о столичном периоде жизни чернеца Григория. Тут его жизнь протекала у всех на глазах. Имея под рукой множество свидетелей, приказ уточнил обстоятельства пребывания чернеца в Кремлевском Чудове монастыре. Отрепьев, значилось в посольской справке 1606 г., был «в Чудове монастыре в дияконех 3 год»²⁴. Это известие следует признать единственной достоверной хронологической вехой в ранней биографии Отрепьева.

Если обратиться к сказаниям современников, то можно увидеть, какие любопытные метаморфозы претерпели в них сведения о чудовском периоде жизни Отрепьева. «Пискаревский летописец» утверждал, будто Гришка «пребываша и безмолвствоваше в Чудове года два». Те же данные приводит «История о первом патриархе Иове», составленная после 1652 г. Троицкий монах Авраамий Палицын считал, что чернец Григорий два лета стоял на клиросе в Чудове монастыре, а потом служил во дворе у патриарха более года²⁵. Тенденция приведенных свидетельств очевидна. Летописцы продлили срок пребывания Отрепьева в столичном монастыре с одного года до двух лет.

Аналогичным образом современники описывали «житие» монаха Григория в провинциальных обителях. По свидетельству «Нового летописца», чернец Отрепьев жил год в Спасо-Ефимьеве монастыре и еще «двенадцать недель» в соседнем монастыре на Куксе. По словам другого летописца,

Григорий прибыл «во обитель Живоначальные Троицы на Железный Борок ко Иякову святому и в том монастыре пострижается, и пребыша ту три лета». Летописец ошибся, назвав монастырь на Железном Борку Троицким. На самом деле то был монастырь Иоанна Предтечи²⁶. Ошибка выдает малую осведомленность автора летописи.

Пребывание в провинциальных монастырях явилось в действительности лишь кратким эпизодом в жизни Григория Отрепьева. Посольская справка, составленная при Василии Шуйском, сообщала без особых подробностей о том, что «был он, Гришка, в чернцах в Суздале в Спаском в Еуфимьева монастыре, и в Галиче у Иоанна Предтечи, и по иным монастырем...»²⁷.

Посольская справка 1606 г. не сообщает, сколько времени провел Отрепьев в провинциальных монастырях. Заполнить этот пробел биографии помогает хорошо осведомленный современник Гришки — автор повести, приписываемой князю И. М. Катыреву-Ростовскому. Он категорически утверждает, что до водворения в столичном монастыре Григорий носил рясу очень недолго: «По мале же времени пострижения своего изыде той чернец во царствующий град Москву и тамо доиде пречистые обители архистратига Михаила». Обителью архистратига Михаила называли Чудов монастырь²⁸. Если верно то, что пишет названный автор, значит, Отрепьев не жительствовавал в провинциальных монастырях, а бегал по ним.

Приведенные факты позволяют установить главнейшие хронологические даты в жизни Отрепьева. Чудовский монах отправился в Литву в фев-

рале 1602 г., после того как пробыл год в Чудове монастыре. Значит, он обосновался в Чудове в начале 1601 г. Поскольку Отрепьев прибыл в Москву «по мале... времени» после своего пострижения, значит, он постригся в конце 1600 г., т. е. именно тогда, когда Борис Годунов разгромил заговор бояр Романовых и Черкасских. Но в таком случае приведенные факты полностью подтверждают версию, согласно которой Отрепьев вынужден был уйти в монастырь в связи с гонениями на Романовых в ноябре 1600 г.

В то время Отрепьеву было примерно 20 лет. По понятиям XVI в. молодые люди достигали совершеннолетия и поступали на службу в 15 лет. Это значит, что до своего пострижения Григорий успел прослужить на боярских подворьях около пяти лет.

Установив все эти факты, попробуем заполнить самые первые страницы биографии Отрепьева.

Юрий Богданович Отрепьев родился в небогатой дворянской семье. Предки Отрепьева выехали на Русь из Литвы. Прадед Юшки Матвей Третьяк служил в Боровском уезде и как дворовый сын боярский был записан в Дворовом списке в 1552 г. Между 1552 и 1566 гг. в тот же Дворовый список был занесен «Третьяков сын Замятня» — дед Юшки, в то время «новик»²⁹. Прошло примерно 20 лет, и на службу поступили двое сыновей Замятни: Смирной и Богдан. Как установил И. А. Голубцов, отец Юшки Богдан Отрепьев получил поместье в Коломенском уезде в феврале 1577 г.³⁰ В Боярском списке он назван «новиком неслужилым». В то время Богдану было не более 15–16 лет. Его определили на службу одновременно со

старшим братом Никитой Смирным. Сын Богдана Юрий не мог родиться ранее чем на рубеже 70–80-х годов XVI в., а это значит, что он был примерно одного возраста с царевичем Дмитрием. Юшка достиг совершеннолетия в самые последние годы царствования Федора.

Отец Юшки Богдан служил в стрелецких войсках, но выслужил только чин стрелецкого сотника. Он рано умер. Согласно посольской справке 1606 г., Богдана зарезал литвин на Москве в Немецкой слободе. Там, где иноземцы свободно торговали вином, нередко случались уличные драки. Московские летописцы помнили, что Юшка «остался после отца своего млад зело» и воспитанием его занималась мать. От нее мальчик научился читать божественное писание, «часовник и псалмы Давидовы». Как видно, возможности домашнего образования были быстро исчерпаны, и Юшку послали «к Москве на учение грамоте». Семья Отрепьевых имела прочные связи в столице: там обретался дед Юшки, там служили его родной дядя Смирной и «своjak» семьи — дьяк Семейка Ефимьев³¹. Видимо, кто-то из приказных и выучил Юшку писать. В приказах ценили хороший почерк, и при них существовали школы, готовившие писцов-каллиграфов. Отрепьев усвоил изящный почерк, что позволило ему позже стать переписчиком книг на патриаршем дворе.

Только ранние посольские наказы изображали юного Отрепьева беспутным негодяем. При Шуйском такие отзывы оказались забыты, а поздние писатели не скрывали удивления по поводу способностей Отрепьева. Правда, при этом они

выражали благочестивые подозрения: не вступил ли Юшка в союз с нечистой силой, будучи еще подростком? Так, автор «Нового летописца» писал: «Грамота же ему дая не от бога, но дияволу сосуд учинися...». Авраамий Палицын отмечал: «Сей юн еще навыче чернокнижию»³².

Учение, очевидно, давалось Отрепьеву очень легко. В непродолжительное время Юшка стал «зело грамоте горазд»³³. Но бедность и сиротство отнимали у способного ученика надежды на выдающуюся карьеру. На царской службе он едва ли мог надеяться выслужить воеводский чин. Честолюбивый провинциал искал более легких путей и поступил на службу к брату царя Михаилу Никитичу. В то время, когда многие считали Никитичей единственными законными претендентами на царский трон, служба при их дворе сулила массу выгод.

Выбор Юшки кажется случайным. Так ли было на самом деле? Отрепьевы издавна сидели целым гнездом на берегах Монзы, притока Костромы. Там же располагалась знаменитая костромская вотчина боярина Федора Никитича село Домнино. Родители Отрепьева жительствоваали подле монастыря на Железном Борку. В 10 верстах от монастыря стоял романовский починок Кисели³⁴.

Все, что мы знаем о личности Отрепьева, заставляет предполагать, что за несколько лет службы у Никитичей он занял при их дворе достаточно высокое положение.

Опала на Романовых едва не погубила Юшку Отрепьева. Для ареста опальных бояр Борис послал отряд стрельцов, но вооруженная боярская свита оказала им отчаянное сопротивление. Под

стенами романовского подворья произошло форменное сражение. Царь Иван в таких случаях подвергал дворню поголовному истреблению. Годунов не хотел следовать его примеру. Он ограничился тем, что подверг пыткам и казни ближних слуг опальных Романовых. Подобная участь грозила и Юрию Отрепьеву. По словам патриарха, Отрепьев постригся, спасаясь «от смертныи казни». Царь Борис выражался еще более определенно. Боярского слугу ждала виселица!

Не благочестивая беседа с вятским игуменом, а страх перед виселицей привел Отрепьева в монастырь. Двадцатилетнему дворянину, полному сил и надежд, пришлось покинуть свет и забыть свое мирское имя. Отныне он стал смиренным чернцем Григорием.

После пострижения Отрепьев побоялся остаться в столице и скрылся в провинции. Из посольской справки 1606 г. следует, что Отрепьев побывал в Суздальском Спасо-Ефимьеве монастыре и монастыре Иоанна Предтечи в Галиче. Оба монастыря лежат на одной прямой, связывавшей Москву с имением семьи Отрепьевых в Галичском уезде. Итак, чернец Отрепьев посетил названные монастыри не для жительства в них, а как места временного пристанища во время бегства из Москвы в свое имение.

Искал ли Отрепьев спасения в романовской вотчине близ Железного Борка? Или вернее будет другое предположение: что слуга опальных бояр искал спасения в родных краях?

Сохранились глухие известия, будто во время пребывания Отрепьева в Суздальском Спасо-Ефи-

мье в монастыре тамошний игумен, видя его «юна суца», отдал «под начал» духовному отцу. Жизнь «под началом» оказалась стеснительной, и чернец поспешил проститься со спасскими монахами. В прочих обителях Отрепьев задерживался и вовсе ненадолго.

Переход от жизни в боярских теремах к прозябанию в монашеских кельях был разительным. Очень скоро чернец Григорий решил вернуться в столицу. Как мог опальный инок попасть в аристократический кремлевский монастырь? Поступление в такую обитель обычно сопровождалось крупными денежными вкладами.

Дядки Шуйского дознались, что при поступлении в Чудов монастырь Гришка Отрепьев воспользовался протекцией: «...бил челом об нем в Чудове монастыре архимандриту Пафнотию... (что ныне Крутицкой митрополит, добавили от себя дядки. — Р. С.) богородицкой протопоп Еуфимий, чтоб его велел взяти в монастырь и велел бы ему жити в келье у деда у своего у Замятчи»³⁵.

Дед Григория Елизарий Замятня был примечательной фигурой. Полгода спустя после коронации Бориса Годунова он получил самое ответственное в своей жизни поручение. Новый царь назначил его «объезжим головой» в Москве. Замятня должен был охранять порядок в «меньшой» половине Белого города — от Неглинной реки до Алексеевской башни³⁶. «Объезжими головами» в столице служили обычно дворяне, хорошо зарекомендовавшие себя по службе и лично известные государю. Вскоре после московской службы Замятня, по-видимому, по старости, удалился на покой

в Чудов монастырь. Неизвестно, в каких отношениях находился Замятня с протопопом кремлевского Успенского собора Евфимием. Но именно помощь Евфимия помогла Замятне определить внука Григория в Чудов.

Как свидетельствует посольская справка 1606 г., «архимарит Пафнотий для бедности и сиротства взял его (Григория. — Р. С.) в Чудов монастырь»³⁷.

Отрепьев недолго прожил под надзором деда. Архимандрит вскоре перевел его в свою келью. Там чернец, по его собственным словам, занялся литературным трудом. «Живучи-де в Чудове монастыре у архимарита Пафнотия в келии, рассказывал он знакомым монахам, — да сложил похвалу московским чудотворцам Петру, и Алексею, и Ионе». Пафнотий поспешил отличить инока, не достигшего 20 лет, и дал ему чин дьякона. «...По произволению тоя честныя лавры архимарита Пафнотия, писали летописцы, — (Отрепьев. — Р. С.) поставлен бысть во дьяконы рукоположеньем святейшаго Иова патриарха...»³⁸.

История последующего взлета Отрепьева описана одинаково в самых различных источниках. Патриарх Иов в своих грамотах писал, будто взял Отрепьева на патриарший двор «для книжного письма». На самом деле Иов заметил способного инока не только из-за его отличного почерка. Чернец вовсе не был простым переписчиком книг. Его ум и литературное дарование доставили ему более высокое положение при патриаршем дворе. У патриарха Григорий продолжал «сотворяти каноны святым»³⁹.

Прошло совсем немного времени, с тех пор как

Отрепьев являлся во дворец в свите окольного Михаила Никитича, и перед ним вновь открылись двери кремлевских палат. На царскую думу и в совет князей церкви патриарх являлся с целым штатом писцов и помощников. Отрепьев оказался в их числе. Патриарх в письмах утверждал, что чернеца Отрепьева знают и он сам, святейший патриарх, и епископы, и весь собор. По-видимому, так оно и было. Сам Отрепьев, беседуя с приятелями, говорил им, что «патриарх-де, видя мое досужество, учал на царские думы вверх с собою водити и в славу-де есми впол великую»⁴⁰.

Фраза Отрепьева насчет «славы» не была простым хвастовством. Карьера его на поприще монашеской жизни казалась феерической. Сначала он был служкой у монаха Замятни, затем келейником архимандрита и дьяконом и, наконец, стал придворным патриарха. Чтобы сделать такую карьеру в течение одного только года, надо было обладать незаурядными способностями. Не подвиги аскетизма помогли выдвинуться юному честолюбцу, а его необыкновенная восприимчивость к учению. Способности чернеца были необычны для монашеской среды, в которую он попал нечаянно. В несколько месяцев он усваивал то, на что у других уходила вся жизнь. Примерно в 20 лет Отрепьев стал заниматься литературными трудами, которые доверяли обычно убежденным сединой подвижникам.

При царе Борисе Посольский приказ пустил в ход версию, будто чернец Григорий бежал от патриарха, будучи обличен в ереси. Церковные писатели охотно подхватили официальную выдумку.

Согласно «Истории о первом патриархе Иове», Отрепьев «рассмотрен бысть» как еретик «от неких церковных» (имена их не уточнялись), и тогда патриарх отослал чернеца обратно в Чудов монастырь в соблюдение до сыску царя Бориса. Летописи снабдили описанный эпизод множеством подробностей. По «Пискаревскому летописцу», явление великого еретика предсказал ростовский митрополит Варлаам. Автор «Нового летописца» вложил в уста ростовского митрополита яркую обличительную речь. Но, сочинив суровое обличение, как нельзя лучше подходившее случаю, летописец не мог правильно назвать даже имени ростовского митрополита. Он назвал Варлаама Ионой⁴¹.

Последующая история осуждения Отрепьева сводилась к тому, что царь Борис поверил доносу митрополита и велел сослать чернеца под крепкое начало. Получив царское повеление, дьяк Смирной Васильев поручил дело дьяку Семейке Ефимьеву, но тот, будучи свояком Гришки, умолил Васильева отложить на некоторое время высылку Отрепьева. Прошло время, и Смирной будто бы забыл о царском указе. После объявления в Литве самозванца Борис призвал к ответу Смирного, но тот, «аки мертв, пред ним стояша и ничего не мог отвещати». Тогда царь велел забить Васильева до смерти на правеже⁴². История, которую поведал «Новый летописец», вполне легендарна.

Предания об осуждении Отрепьева не выдерживают критики. Борисова версия (наказ 1604 г.) сводилась к тому, что патриарх, уведен воровство чернеца, «со всем вселенским собором, по правилом святых отец и по соборному уложению, приго-

ворили сослать с товарищи его... на Белое озеро в заточенье на смерть»⁴³. Однако уже при Шуйском власти сильно смягчили прежнюю версию. В новых посольских наказах весь эпизод изложен как бы скороговоркой в единственной строчке: злодей впал в еретичество, и его «с собору хотели сослать в заточенье на смерть». Тут нет и речи о формальном соборном суде и приговоре «по соборному уложению». Еретика хотели сослать, и не более того! Но одно дело – дипломатические разъяснения за рубежом, и другое дело – справки внутреннего назначения.

Сразу после переворота в пользу Шуйского посольские дьяки составили подборку документов, включавшую секретную переписку Лжедмитрия. Эту подборку они сопроводили следующей краткой справкой о самозванце: «...в лето 7110-го (1602 г. – Р. С.) убежал в Литву из обители архангела Михаила, яже ся нарицает Чудов, диакон черной Григорей Отрепьев, и в Киеве и в пределах его и там во иноцех дьяконствующу, и в чернокнижество обратися, и ангельский образ сверже и обруга, и по действу вражю отступив зело от бога»⁴⁴.

Итак, в документах, составленных для внутреннего использования, посольские дьяки вовсе отбросили ложную версию осуждения еретика. Отрепьев отступил от бога и занялся чернокнижием после побега за рубеж, а следовательно, до побега у патриарха и освященного собора попросту не было оснований для осуждения Отрепьева «на смерть».

Почему же московские епископы и при Шуйс-

ком продолжали писать в Польшу, будто Отрепьев перед ними на соборе был обличен и осужден на смерть⁴⁵? Отцы церкви грешили против истины. В их показания закралась неточность. Они в самом деле осудили и прокляли Отрепьева, но не в лицо, а заочно. Произошло это, когда в Польше объявился самозванец, которого в Москве назвали именем Отрепьева.

На том же соборе выступили свидетели, «проважавшие» Отрепьева за рубеж и общавшиеся с ним в Литве. Ими были бродячие монахи Пимен из Днепровского монастыря и Венедикт из Троице-Сергиева монастыря. Из их показаний следовало, что Отрепьев ушел в Литву не один, а в компании двух своих «товарищей» – попа Варлаама и крылошанина Мисаила. Пимен «познался» с Отрепьевым и его компанией в Спасском монастыре в Новгороде Северском и сам проводил их в Стародуб, а оттуда за литовский рубеж до села Слободки. Монах Венедикт стал свидетелем метаморфозы Отрепьева в Литве. Он видел «вора» Гришку в Киево-Печерском монастыре, в Никольском монастыре и в дьяконах у князя Острожского. Как видно, он довольно точно назвал места скитаний Отрепьева в Литве. Но в самом важном пункте его показаний угадывается вымысел. Бродячий троцкий монах, сбежавший в Литву, явно сочинил историю того, как он пытался изловить «вора» Гришку. По его словам, печерский игумен послал старцев, слуг и его, Венедикта, «имать» Гришку, но тот ушел к Адаму Вишневецкому, по воровскому умыслу которого и стал зваться князем Дмитрием⁴⁶.

Помимо старцев перед собором выступил еще один беглец, вернувшийся из-за рубежа, — Степанко-иконник. Когда-то он жил на посаде в Ярославле, но затем ушел в Литву и завел лавочку в Киеве. Степанко сказал, что Гришка заходил в его лавку, будучи в чернеческом платье, что он был в дьяконах в Печерском монастыре. Обо всем же остальном он знал, очевидно, с чужих слов.

Власти выступили с разоблачением самозванца как Гришки Отрепьева на основании показаний двух беглых монахов. Но бродяги, неизвестными путями попавшие из-за рубежа в руки властей, были ненадежными свидетелями. Если они и знали кремлевского дьякона, то знали плохо, в течение совсем недолгого времени. Монахи не внушали доверия никому, включая правительство, которое, не церемонясь, звало бродяг «ворами».

Нужны были более авторитетные свидетели, но они объявились в Москве только через два года. В Москве произошел переворот, покончивший с властью и жизнью Лжедмитрия I. Новому царю Василию Шуйскому нужны были материалы, неопровержимо доказывавшие самозванство свергнутого «Дмитрия». В этот момент в Москве появился чернец Варлаам, подавший царю Василию «Извет» с обличением зловредного еретика Гришки. Продолжительное время историки считали сочинение Варлаама литературной мистификацией, предпринятой в угоду власти предержавшим. Но под влиянием новых находок эти сомнения в значительной мере рассеялись. Прежде всего, в старинных описях архива Посольского приказа обнаружилось прямое указание на подлинное след-

ствие по делу Варлаама: «Роспрос 113 (1605. — Р. С.) году старца Варлаама Ятцкого про Гришку ростригу, как он пошел с ним с Москвы и как был в Литве»⁴⁷. Очевидно, Варлаам Яцкий именно в ходе «роспроса», или следствия, и подал властям знаменитую челобитную, которая получила не вполне точное наименование «Извет».

Со временем текст челобитной был включен в состав летописи, автор которой подверг его литературной обработке и снабдил обширными цитатами из грамот Лжедмитрия. Именно эти дополнения и побуждали исследователей считать «Извет» скорее любопытной сказкой, чем показанием достоверного свидетеля. Именно так оценивал «Извет» С. Ф. Платонов. Отношение к «Извету» решительно переменялось после того, как Е. Н. Кушева и И. А. Голубцов доказали, что «Извет» — подлинная челобитная Варлаама, и обнаружили текст челобитной в списке ранней редакции⁴⁸.

Историки выражали крайнее удивление по поводу того, что Варлаам помнил точную дату выступления самозванца из Самбора в московский поход — «августа в пятый на десять день». На этом основании автора «Извета» подозревали в использовании документов и в литературной мистификации. Но точность Варлаама в этом случае легко объяснима. Старец не мог забыть день выступления самозванца из Самбора, так как именно в тот день за ним захлопнулись двери самборской тюрьмы.

В рассказе Варлаама можно обнаружить одну второстепенную деталь, которая позволяет окон-

чательно опровергнуть предположение о том, что «Извет» – литературная мистификация. Речь идет о 5-месячном сроке заключения Варлаама в самборской тюрьме. Варлаам считал, что своим освобождением из тюрьмы после пяти месяцев заключения он был обязан доброте жены Мнишка⁴⁹. Тюремный сиделец не догадывался о подлинных причинах происшедшего. Самозванец выступил из Самбора в середине августа, а через пять месяцев потерпел сокрушительное поражение под Добрыничами. Его армия перестала существовать. Казалось, авантюре пришел конец. При таких обстоятельствах вопрос о безопасности самозванца перестал волновать Мнишков, и они «выкинули» Варлаама из самборской тюрьмы. Таковы были подлинные причины освобождения московского монаха, оставшиеся неизвестными ему самому.

Варлаам оказался сущим кладом для московских судей, расследовавших историю самозванца. Выгораживая себя, Варлаам старался более точно передать внешние факты.

После перехода границы Отрепьев и его товарищи, по словам Варлаама, жили три недели в Печерском монастыре в Киеве, а затем «летовали» во владениях князя Константина Острожского в Остроге. В этом пункте показания Варлаама подтверждаются неоспоримыми доказательствами. В свое время А. Добротворский обнаружил в книгохранилище Загоровского монастыря на Волыни книгу, отпечатанную в типографии князя Острожского в Остроге в 1594 г., со следующей надписью: «Лета от сотворения миру 7110-го, месяца августа в 14-й день, сию книгу Великого Василия дал нам,

Григорию с братею с Варлаамом да Мисаилом, Константин Константинович, нареченный во святом крещении Василей, божиею милостию пресветлое княже Острожское, воевода Киевский»⁵⁰.

Примечательно, что дарственная надпись на книге была сделана не Острожским, не его людьми, а самими монахами. Со временем неизвестная рука дополнила «дарственную» надпись на книге Василия Великого: над словом «Григорию» появилась помета «царевичу Московскому». Поправка к надписи чрезвычайно интересна, но сама по себе не может помочь установлению тождества самозванца и Отрепьева. Скорее всего, надпись по поводу «царевича» сделал один из трех бродячих монахов. Надпись на книге замечательна как подтверждение достоверности рассказа Варлаама о литовских скитаниях Отрепьева.

Рассказ Варлаама находит поразительную аналогию в «Исповеди» Лжедмитрия, записанной его покровителем Адамом Вишневецким в 1603 г.⁵¹ В «Исповеди» самозванца причудливо соединялись наивные вымыслы и реальные сведения биографического характера. «Царевич» знал очень многое из того, что касалось угличской трагедии и дворцовых дел в целом. Но едва он начинал излагать обстоятельства своего чудесного спасения, как его рассказ превращался в неискusstную сказку. По словам «царевича», его спас некий воспитатель, имя которого он не называет. Проведав о планах жестокого убийства, воспитатель подменил царевича другим мальчиком того же возраста. Несчастный мальчик и был зарезан в постельке царевича. Когда мать-царица прибежала в спальню, она

смотрела на свинцово-серое лицо убитого, обливаясь слезами, и не могла распознать подмены.

В момент, когда решалась судьба интриги, «царевич» должен был собрать воедино все доказательства своего царского происхождения, какие у него только были. Однако оказалось, что доказательствами он не располагал. «Дмитрий» не мог назвать ни одного свидетеля. Он имел возможность сослаться на мнение бояр, убитых или заточенных Борисом, которые не могли опровергнуть его вымысел, но он не сделал и этого. В его рассказе фигурируют двое безымянных воспитателей, заблаговременно умерших до его побега в Польшу, да такой же безымянный монах, который «узнал» в нем царевича по царственной осанке!

Самозванный «царевич» избегал называть какие бы то ни было точные факты и имена, которые могли быть опровергнуты в результате проверки. Он признавал, что его чудесное спасение осталось тайной для всех, включая его собственную мать, томившуюся в монастыре в России.

Знакомство с «Исповедью» самозванца обнаруживает тот поразительный факт, что он явился в Литву, не имея хорошо обдуманной и достаточно правдоподобной легенды. Как видно, на русской почве интрига не получила достаточного развития, а самозванец — достаточной подготовки. Его рассказы кажутся неловкой импровизацией. На родине ему успели подсказать одну только мысль о царственном происхождении.

В речах «царевича» были, конечно, и достоверные моменты. Он не мог скрыть некоторых фактов, не рискуя прослыть явным обманщиком. В

частности, в Литве знали, что он явился туда в монашеской одежде, служил в киевских монастырях службу и, наконец, сбросил рясу. Расстрижение ставило претендента в очень щекотливое положение. Не имея возможности скрыть этот факт, он должен был как-то объяснить возвращение в мир. Прежде всего, он сочинил сказку, будто Годунов убедил царя Федора сложить с себя государственные заботы и вести монашескую жизнь в Кирилло-Белозерском монастыре и будто Федор сделал это тайно, без ведома опекунов. Таким образом, младший «брат» лишь шел по стопам старшего «брата». О своем пострижении «царевич» рассказал в самых неопределенных выражениях. Суть его рассказа сводилась к следующему. Перед смертью воспитатель вверил спасенного им мальчика попечению некоей дворянской семьи. «Верный друг» держал воспитанника в своем доме, но перед кончиной посоветовал ему, чтобы избежать опасности, войти в обитель и вести жизнь монашескую. Следуя благому совету, юноша принял монашеский образ жизни, и так им пройдена была почти вся Московия. Когда один монах опознал в нем царевича, юноша решил бежать в Польшу.

Можно констатировать совпадение биографических сведений, относящихся к Отрепьеву и самозванцу, почти по всем пунктам. Оба воспитывались в дворянской семье, оба приняли вынужденное пострижение, оба исходили Московию в монашеском платье.

Описывая свои литовские скитания, «царевич» упомянул о пребывании у князя Острожского в Остроге, о переходе сначала к пану Гавриле Хой-

скому в Гощу, а затем к Адаму Вишневецкому в Брачин. В имени Вишневецкого в 1603 г. и был записан его рассказ.

Замечательно, что спутник Отрепьева Варлаам, описывая странствия с ним в Литве, назвал те же самые места и даты. П. Пирлинг, впервые обнаруживший это знаменательное совпадение, увидел в нем бесспорное доказательство тождества личности Отрепьева и Лжедмитрия. В самом деле, с одной стороны, имеется полная возможность проследить за историей реального лица — Григория Отрепьева — вплоть до того момента, как он пересек границу. С другой стороны, хорошо известен путь Лжедмитрия от Брачина до Московского Кремля. Превращение бродячего монаха в царевича произошло на отрезке пути от границы до Брачина. По словам Варлаама, Григорий Отрепьев прошел через Киев, Острог, Гощу и Брачин, после чего объявил себя царевичем. Лжедмитрий подтвердил, что он после пересечения границы прошел те же самые пункты, в той же последовательности и в то же время. Возможность случайного совпадения исключается, как и возможность сговора между автором «Извета» и Лжедмитрием. Варлаам не мог знать содержания секретного доклада Вишневецкого королю, а самозванец не мог предвидеть того, что напишет Варлаам после его смерти.

По образному выражению В. О. Ключевского, Лжедмитрий «был только испечен в польской печке, а заквашен в Москве»⁵².

Царь Борис нимало не сомневался в том, что самозванца подготовили крамольные бояре. Один

из царских телохранителей, Конрад Буссов, передает, что Годунов при первых же известиях об успехах самозванца сказал в лицо своим боярам, что это их рук дело и задумано оно, чтобы свергнуть его, в чем он и не ошибся, добавил от себя Буссов⁵³.

Известный исследователь «Смуты» С. Ф. Платонов возлагал ответственность за самозванческую интригу на бояр Романовых и Черкасских. «...Подготовку самозванца, — писал он, — можно приписывать тем боярским домам, во дворах которых служивал Григорий Отрепьев»⁵⁴. Мнение С. Ф. Платонова остается не более чем гипотезой. Отсутствуют какие бы то ни было данные насчет того, что Романовы непосредственно участвовали в подготовке Лжедмитрия. Однако следует иметь в виду, что именно на службе у Романовых и Черкасских Юрий Отрепьев получил весь запас политических взглядов и настроений. Именно от Никитичей и их родни Юшка усвоил взгляд на Бориса как на узурпатора и проникся ненавистью к «незаконной» династии Годуновых.

Множество признаков указывает на то, что самозванческая интрига родилась не на подворье Романовых, а в стенах Чудова монастыря. В то время Отрепьев уже не пользовался покровительством могущественных бояр и мог рассчитывать только на свои силы.

Авторы сказаний и повестей о «смутном времени» прямо указывали на то, что уже в Чудове чернец Григорий «нача в сердце своем помышляти, како бы ему достигнути царскова престола», и сам сатана «обеща ему царствующий град пору-

чити». Автор «Нового летописца» имел возможность беседовать с монахами Чудова монастыря, хорошо знавшими черного дьякона Отрепьева. С их слов летописец записал следующее: «Ото многих же чудовских старцев слышав, яко (чернец Григорий. — Р. С.) в смехотворие глаголаше старцем, яко царь буду на Москве»⁵⁵.

Кремлевский Чудов монастырь оказался подходящим местом для всевозможных интриг. Расположенный под окнами царских теремов и правительственных учреждений, он давно попал в водоворот политических страстей. Благочестивый царь Иван IV желчно бранил чудовских старцев за то, что они только по одежде иноки, а творят все, как миряне. Близость к высшим властям наложила особый отпечаток на жизнь чудовской братии. Как и в верхах, здесь царил раскол и было много противников новой династии, положение которой оставалось весьма шатким⁵⁶.

Со слов монахов, знавших Отрепьева, летописец записал любопытный рассказ о том, что в Чудове «окаянный Гришка многих людей вопрошаше о убиении царевича Дмитрия и проведаша накрепко»⁵⁷. Однако Отрепьев мог знать об угличских событиях не только из рассказов чудовских монахов. В Угличе жили близкие родственники Григория Отрепьева. При поступлении на службу братья Смирной и Богдан Отрепьевы поручились за своего родственника Андрея Игнатьевича Отрепьева. Против имени Андрея в дворянском списке было помечено: «служит с Углича». Имеются данные о том, что угличские Отрепьевы владели двором в Угличе и что Борис Годунов купил себе

место дворовое подле их усадьбы. В 1598 г. голова Тихон Отрепьев, родной дядя Гришки, привез в Соловецкий монастырь вклад Бориса Годунова на помин души царя Федора⁵⁸. Такое поручение свидетельствовало о том, что Годунов лично знал Отрепьевых и доверял им. Таким образом, можно полагать, что Отрепьевы обладали некоторым запасом семейных преданий об угличской драме.

Зная традиционную систему мышления в середине века, трудно представить, чтобы чернец, принятый в столичный монастырь «ради бедности и сиротства», дерзнул сам по себе выступить с претензией на царскую корону. Скорее всего, он действовал по подсказке людей, остававшихся в тени.

В Польше Отрепьев наивно рассказал, как некий брат из монашеского сословия узнал в нем царского сына по осанке и «героическому нраву». Безыскусность рассказа служит известной порукой его достоверности. Современники записали слухи о том, что монах, подучивший Отрепьева, бежал с ним в Литву и оставался там при нем. Московские власти уже при Борисе объявили, что у вора Гришки Отрепьева «в совете» с самого начала были двое сообщников — Варлаам и Мисаил Повадьин⁵⁹. Из двух названных монахов Мисаил был, кажется, ближе к Отрепьеву. Оба жительствовавали в Чудовом монастыре, оба числились крылопанами. Они договорились отправиться за рубеж, а Варлаам, по его собственным словам, лишь присоединился к ним.

Наибольшую осведомленность по поводу Мисаила проявил автор «Сказания и повести, ежесодеяся в царствующем граде Москве и о расстри-

ге Гришке Отрепьеве». «Сказание» – единственный источник, назвавший полное мирское имя Мисаила – Михаил Трофимович Повадьин, сын боярский из Серпейска. Автор «Сказания» несколькими штрихами рисует портрет Мисаила. Когда Отрепьев позвал его в Северщину, тот обрадовался, так как был «прост сый в разуме, не утвержден»⁶⁰. Сказанное рассеивает миф, будто интригу мог затеять Мисаил. Чудовский чернец был первым простаком, поверившим в Отрепьева и испытанным на себе его влияние.

Варлаам был человеком совсем иного склада, чем Мисаил. Его искусно составленный «Извет» обличает в нем изощренный ум. Варлаам, по его собственным словам, постригся «в немощи». Отсюда можно заключить, что он был много старше 20-летнего Отрепьева. Подобно Мисаилу Повадьину и Юрию Отрепьеву, Варлаам Яцкий происходил из провинциальных детей боярских. Яцкие служили по Малому Ярославцу и Коломне. Любопытно, что в Коломенской десятне 1577 г. против имен двух Яцких (Романа Васильева и Бажена Яковлева) были сделаны однотипные записи: «Бегают в разбое»⁶¹. Подлинные обстоятельства, заставившие Варлаама покинуть службу и постричься в монахи, неизвестны.

Официальное расследование в Москве позволило установить, что поп Варлаам Яцкий и крылошанин Мисаил Повадьин были «чюдовскими чернцы». В своей челобитной Варлаам намекал на то, что был вхож в самые знатные боярские дома столицы. С чудовским монахом Мисаилом он встретился в доме князя Ивана Ивановича Шуйского,

подвергнувшегося царской опале двумя годами ранее⁶².

Рассказ Варлаама о том, что он впервые увидел Отрепьева на улице накануне отъезда в Литву и что последний назвался царевичем только в Брачине у Вишневецкого, выглядит как неловкая ложь. «Извет» буквально проникнут страхом автора за свою жизнь. Ожидание суровой расправы как нельзя лучше подтверждает предположение, что именно Варлаам подсказал Отрепьеву его роль.

Низшее духовенство, по-видимому, неслучайно стало той средой, где окончательно сформировалась утопия о «добром» царе.

Во-первых, духовенство принадлежало к наиболее образованной части общества, способной выдвинуть новые идеи. Во-вторых, низшая монашеская братия, скитавшаяся по обителям, имела возможность первой оценить народную молву о том, что сын «хорошего» царя Ивана IV жив и от него следует ждать избавления от всех несчастий. В-третьих, кремлевские инок поддерживали тесные связи с боярами. В «Извете» царю Василию Шуйскому Варлаам, по понятным причинам, назвал лишь имя опального князя Ивана Шуйского. Кем были другие покровители Варлаама и кто из них инспирировал его действия, установить невозможно. Враждебная Борису знать готова была использовать любые средства, чтобы в случае смерти царя решить династический вопрос в свою пользу. Монахи оказались подходящим орудием, чтобы обратить народную утопию в политическую интригу. Однако инициаторы авантюры были столь далеки от народной почвы, породившей уто-

пию, что их планы потерпели полное крушение при первых же попытках практического осуществления.

Когда Отрепьев пытался «открыть» свое царское имя сотоварищам по монастырю, те отвечали откровенными издевательствами — «они же ему плеваху и на смех претворяху»⁶³. В Москве претендент на «царство» не нашел ни сторонников, ни сильных покровителей. Отъезд его из столицы носил, по-видимому, вынужденный характер. Григория гнал из Москвы не только голод, но и страх разоблачения.

В своей челобитной Варлаам Яцкий старался убедить власти, будто он предпринял первую попытку изловить «вора» Отрепьева уже в Киево-Печерском монастыре. Но его рассказ не выдерживает критики. В книгах московского Разрядного приказа можно найти сведения о том, что в Киеве Отрепьев пытался открыть печерским монахам свое царское имя, но потерпел такую же неудачу, как и в Кремлевском Чудове монастыре. Чернец будто бы прикинулся больным (разболелся «до умертвия») и на духу признался игумену Печерского монастыря, что он — царский сын, «а ходит бутто в ыскусе, не пострижен, избегаючи, укрываяся от царя Бориса...». Печерский игумен указал Отрепьеву и его спутникам на дверь⁶⁴.

В Киеве Отрепьев провел три недели в начале 1602 г. Будучи изгнанными из Печерского монастыря, бродячие монахи весной 1602 г. отправились в Острог «до князя Василия Острожского». Подобно властям православного Печерского монастыря, князь Острожский не преследовал самозванца, но велел прогнать его.

С момента бегства Отрепьева из Чудова монастыря его жизнь представляла собой цепь унижительных неудач. Самозванец далеко не сразу приоровился к избранной им роли. Оказавшись в непривычном для него кругу польской аристократии, он часто терялся, казался слишком неповоротливым, при любом его движении «обнаруживалась тотчас вся его неловкость»⁶⁵.

Будучи изгнанным из Острога, самозванец нашел прибежище в Гоще. Лжедмитрий не любил вспоминать о времени, проведенном в Остроге и Гоще. В беседе с Адамом Вишневецким он упомянул кратко и неопределенно, будто он бежал к Острожскому и Хойскому и «молча там находился». Совсем иначе излагали дело иезуиты, заинтересовавшиеся делом «царевича». По их словам, «царевич» обращался за помощью к Острожскому-отцу, но тот якобы велел гайдукам вытолкать самозванца за ворота замка⁶⁶.

После того как самозванческая интрига вышла наружу, Острожский пытался уверить Годунова, а заодно и собственное правительство в том, что он ничего не знает о претенденте. Сын Острожского Януш был более откровенным в своих «объяснениях» с королем. 20 февраля (2 марта) 1604 г. он писал Сигизмунду III, что несколько лет знал москвитянина, который называл себя наследственным владельцем Московской земли: сначала он жил в монастыре отца в Дермане, затем у ариана⁶⁷. Письмо Януша Острожского не оставляет сомнения в том, что уже в Остроге и Дермане Отрепьев называл себя московским царевичем.

Самозванцу надо было порвать нити с про-

шлым, и поэтому он решил расстаться с двумя своими сообщниками, выступавшими главными свидетелями в пользу его «царского» происхождения. Побег из Дерманского монастыря объяснялся также тем, что Отрепьев изверился в возможности получить помощь от православных магнатов и православного духовенства Украины.

Покинув Дерманский монастырь, Отрепьев, по словам Варлаама, скинул с себя иноческое платье и «учинился» мирянином. Порвав с духовным сословием, он лишился куска хлеба. Иезуиты, интересовавшиеся первыми шагами самозванца в Литве, утверждали, что расстриженный дьякон, оказавшись в Гоще, вынужден был на первых порах прислуживать на кухне у пана Гаврилы Хойского⁶⁸.

Гоща была центром арианской ереси. Последователи Фауста Социна, гощинские ариане принадлежали к числу радикальных догматиков-антитринитариев. Местный магнат пан Хойский был новообращенным арианином. До 1600 г. он исповедовал православную веру. Отрепьев недолго пробыл на панской кухне — Хойский обратил внимание на московского беглеца. Из своих скитаний по монастырям Отрепьев вынес чувство раздражения и даже ненависти к православным ортодоксам — монахам. Проповеди антитринитариев, видимо, произвели на него потрясающее впечатление. По словам современников, расстриженный православный дьякон пристал к арианам и стал отпирать их обряды, чем сразу снискал их благосклонность⁶⁹.

В Гоще Отрепьев получил возможность брать уроки в арианской школе. По словам Варлаама,

расстриженного дьякона учили «по-латынски и по-польски». Одним из учителей Отрепьева был русский монах Матвей Твердохлеб, известный проповедник арианства. Происки ариан вызвали гнев у католиков. Иезуиты с негодованием писали, что ариане старались снискать расположение «царевича» и даже «хотели совершенно обратить его в свою ересь, а потом, смотря по успеху, распространить ее и во всем Московском государстве»⁷⁰. Те же иезуиты, не раз беседовавшие с Отрепьевым на богословские темы, признали, что арианам удалось отчасти заразить его ядом неверия, особенно в вопросах о происхождении святого духа и обряде причащения, в которых взгляды ариан значительно ближе к православию, чем к католичеству.

По словам Варлаама, Отрепьев жил у еретиков в Гоще до марта—апреля 1603 г., а «после Велика дни [из] Гощи пропал». Судя по всему, самозванец нашел прибежище у запорожских казаков. По некоторым данным, Гришка будто бы бежал к запорожским казакам в роту старшины их Герасима Евангелика и был там с честью принят⁷¹. Если приведенные сведения достоверны, то на основании их можно заключить, что связи с гощинскими арианами помогли Отрепьеву наладить связи с их запорожскими единомышленниками. Когда начался московский поход, в авангарде армии Лжедмитрия I шел небольшой отряд казаков во главе с арианином Яном Бучинским. Этот последний был ближайшим другом и советником самозванца до его последних дней.

Помощь ариан помогла Отрепьеву преодолеть последствия его разрыва с православным духовен-

ством, но в то же время нанесла огромный ущерб его репутации. Православные люди, наслышанные о «царевиче», к великому своему смущению убедились в том, что он пренебрегает обрядами православной церкви. Свидетель обвинения старец Венедикт, давший показания перед освященным собором в Москве, резко осуждал Отрепьева за то, что тот грубо нарушил пост⁷². Примкнув к арианам, Отрепьев явно не предвидел последствий своего шага. В глазах русских людей «хороший» царь не мог исповедовать никакой иной религии, кроме православия. Для московских властей переход Отрепьева в арианскую «веру» был сущей находкой. Они навеки заклеили его как еретика.

Отрепьев не порвал с арианами. Ничто не мешало ему вернуться в Гошу и продолжать обучение в арианских школах. Однако самозванец должен был уразуметь, что он не имеет никаких шансов занять царский трон, будучи еретиком. Столкнувшись в первый раз с необходимостью уладить свои отношения с православным духовенством, «царевич» решил искать покровительства у Адама Вишневецкого — ревностного сторонника православия. «Новый летописец» подробно рассказывает, как Отрепьев прикинулся тяжелобольным в имени Вишневецкого и на исповеди открыл священнику свое царское происхождение. История о «болезни» самозванца, однако, слишком легендарна. В письме Вишневецкого нет никаких намеков на этот эпизод⁷³. Вишневецкий признал «царевича» не потому, что поверил его бессвязным и наивным басням. В затеянной игре у князя Адама были свои цели. Вишневецкие враждовали с мос-

ковским царем из-за земель. Приняв самозванца, князь Адам получил сильное средство нажима на русское правительство.

В конце XVI в. отец Адама князь Александр завладел обширными украинскими землями по реке Сула в Заднепровье. Сейм утвердил за ним его приобретения на праве собственности. Занятие порубежных мест, издавна тяготевших к Черниговщине, привело к столкновению между Александром Вишневецким и царем. Вишневецкие отстроили город Лубны, а затем поставили слободу на Прилуцком городище. Прибывшие из Чернигова головы прогнали их из Прилуцка, но вскоре сами подверглись нападению литовцев⁷⁴. Московские власти отдали приказ о прекращении военных действий, не желая провоцировать войну с Речью Посполитой.

После заключения русско-польского перемирия стороны вскоре приступили к уточнению линии границ. Размежевание рубежей сопровождалось многими спорами («задорами»). Работа по размежеванию началась в 1602 г. и в некоторых местах продолжалась в 1603 г. Разрядный приказ неоднократно направлял дворян с ратными людьми в Великие Луки, Торопец, Чернигов, Путивль и другие пограничные пункты. Московские дипломаты жаловались, что в ряде мест литовские судьи учинили при размежевании земель «кроворазлитие», «воинским обычаем» переходили рубеж «в нашу землю». В районе Белой, записал местный летописец, литовские люди «положили рубежи мимо договора... зашедши многие места московских городов». В свою очередь, литовские межевые

судьи предъявили русской стороне аналогичные обвинения⁷⁵. Самые крупные инциденты произошли на Северщине из-за городков Прилуки и Снетино. Русские власти утверждали, что эти городки издавна «тянули» к Чернигову и что «Вишневецкие воровством своим в нашем господстве в Северной земли Прилуцкое и Снетино городище освоюают»⁷⁶. Дело закончилось тем, что в 1603 г. Борис Годунов велел сжечь спорные городки. Люди Вишневецкого оказали сопротивление. С обеих сторон были убиты и ранены⁷⁷.

Вооруженные стычки во владениях Вишневецкого могли привести к более широкому военному столкновению. Надежда на это и привела Отрепьева в Брачин. Самозванец рассчитывал, что Вишневецкий поможет ему втянуть в военные действия против России татар и запорожских казаков.

Борис Годунов обещал князю Адаму щедрую награду за выдачу «вора». Получив отказ, царь готов был прибегнуть к силе. Опасаясь этого, Вишневецкий увез Отрепьева подальше от границы, в Вишневец, где тот «летовал и зимовал»⁷⁸.

Первыми домогательства самозванца признали ариане. Но их признание не принесло выгоды Отрепьеву, а, напротив, поставило его в затруднительное положение. В имении Адама Вишневецкого Отрепьев добился более прочного успеха. Магнат велел прислуге оказывать московскому «царевичу» полагавшиеся ему по чину почести. По свидетельству Варлаама, он «учинил его (Гришку) на колестницах и на конех и людно»⁷⁹. Князь Адам имел репутацию авантюриста, бражника и безумца, но он был известен также и как рьяный

поборник православия. Семья Вишневецких состояла в дальнем родстве с Иваном Грозным. Родня князя Адама – Дмитрий Вишневецкий – был троюродным братом московского царя. Признание со стороны Адама Вишневецкого имело для Отрепьева неоценимое значение. Оно устраняло все сомнения в приверженности «царевича» православной вере и обеспечивало ему важные преимущества. Вишневецкий признал безродного проходимца «своим» по родству с угасшей московской династией.

Народные толки и ожидания создали почву для появления самозванца. В свою очередь, появление «доброего» царя в Литве произвело огромное впечатление на население России.

Глава 11. Подготовка московского похода

В конце XVI в. Речь Посполитая переживала острый внутренний кризис. Магнаты и шляхта, жестоко угнетавшие украинских и белорусских крестьян, столкнулись с открытым сопротивлением масс. В 1591 г. гетман Косинский возглавил восстание казаков, продолжавшееся два года. Летом 1593 г. Косинский погиб при осаде Черкасс. По некоторым сведениям, он был предательски убит людьми черкасского старосты Александра Вишневецкого. Летом 1594 г. Наливайко и Лобода возглавили новое восстание. На этот раз движение приобрело более грозный размах. По всей Украине прокатилась волна крестьянских восстаний,

запылали феодальные усадьбы. С Украины движение перебросилось на Белоруссию. Речи Посполитой пришлось собрать все свои военные силы, чтобы нанести решительное поражение казакам.

К 1602–1603 гг. брожение вновь охватило украинские земли. Можно было ждать взрыва в любой момент. Наибольшее беспокойство властей вызывала Запорожская Сечь – центр казацкой вольницы. Запорожцы закупали оружие, вербовали охотников, запасались продовольствием. Самозванец рассчитывал использовать недовольство казаков.

Польское правительство опасалось, как бы выступление запорожцев не стало сигналом к новым массовым восстаниям на Украине. 2 (12) декабря 1603 г. Сигизмунд III издал грозный универсал, воспредавший под страхом смертной казни продавать казакам оружие и боеприпасы. Власти пытались затруднить приток добровольцев в Сечь¹. Однако запорожцы не обратили на королевский универсал никакого внимания.

Появление претендента на русский трон в пределах Речи Посполитой стало вскоре предметом сложной политической борьбы. Наиболее дальновидные политики Польши во главе с коронным гетманом Яном Замойским оценили действия Адама Вишневецкого как авантюру. Замойский пользовался огромным авторитетом в государстве, и князь Адам был вынужден представить ему свои объяснения. В письме от 27 сентября (7 октября) 1603 г. Вишневецкий принес свои извинения за то, что с запозданием дал знать гетману о появлении московского «царевича». «Поскольку в мой

дом, – писал князь Адам, – попал человек, который доверился мне, что он сын Ивана, этого тирана... и хочет попросить помощи [у короля]... прошу Вашего совета, что с этим делать». Оправдывая свои действия, Вишневецкий выдвинул на первый план два момента: получение из России новостей, благоприятных для претендента, и показания перебежчиков. «Причина того, – писал князь Адам, – что я не сразу оповестил Вас о нем, та, что я сам в этом весьма сомневался, а теперь, когда к нему прибежали совсем недавно более 20 москалей, признавшие, что царство по естественному праву принадлежит ему, то, воспринимая это как доказательство, посылаю Вашей милости новости из Московии»².

Замойский немедленно посоветовал Вишневецкому известить обо всем короля, а затем отправить и самого претендента либо к королю, либо к нему, гетману³.

22 октября 1603 г. Сигизмунд III пригласил папского нунция Рангони и уведомил его о появлении в имени Адама Вишневецкого москвитянина, который называет себя царевичем Дмитрием и намеревается вернуть себе наследственный трон при помощи казаков и татар. Король приказал Вишневецкому привезти претендента в Краков и представить подробное донесение о его личности⁴. Князь Адам переслал Сигизмунду III подробную запись рассказа Лжедмитрия. Однако переписка с Замойским убедила его в том, что правительство Речи Посполитой не склонно поддерживать самозванческую интригу, и поэтому он не спешил передать самозванца в руки официаль-

ных властей. Имеются сведения, что А. Вишневецкий уже в январе 1604 г. стал собирать армию для самозванца в пределах своей вотчины в Лубнах, на Суле⁵. Собранных сил было слишком мало, чтобы помышлять о серьезном вторжении в Россию. Но Лжедмитрий и его покровитель рассчитывали найти союзников на Украине и за ее пределами. Особые надежды они возлагали на крымского хана.

Отношения между Россией и Крымом были неустойчивыми. В любой момент можно было ждать войны. Угроза татарского вторжения резко усилилась в 1604 г. В Москве уже весной получили известие о том, что крымский хан разорвал мир с царем и готовится идти на Русь⁶.

Приступив к сбору армии в Лубнах, Вишневецкий рассчитывал вторгнуться в пределы России в тот момент, когда ее воинские силы будут связаны борьбой с татарами или понесут серьезное поражение в этой борьбе. По-видимому, самозванец и его покровитель пытались завязать сношения с ханом. В 1604 г. крымский гонец сообщил царю, что Вишневецкий уведомил хана о прибытии к нему «царевича» и заявил, что он, в отличие от короля, не связан присягой о мире с Борисом и может действовать, не считаясь с мирным договором⁷. Лубны находились на кратчайшем расстоянии от сожженных царскими воеводами Прилук. Вишневецкий вел свою особую войну с Борисом. Однако его расчеты на столкновение между Россией и Крымом не оправдались.

В значительной мере успех авантюры зависел от того, найдет ли идея «добраго царя» поддержку

среди казацкой вольницы и православного населения Украины. Семья Вишневецких сохранила связи с казацкой старшиной и церковными православными иерархами. Эти связи были пущены в ход. Самозванец не жалел обещаний, чтобы привлечь на свою сторону запорожцев⁸.

Однако вольные казаки не проявляли особого энтузиазма. Они предпочитали иметь дело с подлинным царем на Москве, откуда по временам приходило государево жалованье. Отрепьев жаловал их лишь на словах. 2 февраля 1604 г. годуновские агенты доносили с Украины, что «Дмитрий» вел переговоры с посланцами из Запорожья и «им имелся у Путивли за их службы их жаловат, как, кажет, мене на Путивль насадите»⁹. Как видно, военные планы Вишневецкого и Отрепьева определились в конце 1603 г. Самозванец рассчитывал с помощью казаков занять Путивль. Однако его обращение к казацкой вольнице не имело успеха (см. гл. 20).

Лжедмитрий пытался втянуть в авантюру не только запорожских, но и донских казаков. Он обратился к ним в Раздоры с грамотой. Содержание грамоты подробно пересказано в ответном послании атаманов. Аутентичность казацкого письма и грамоты не вызывает сомнения, однако его текст сохранился в испорченном польском переводе. Письмо с Дона было составлено от имени «донского низового атамана Ивашки Степанова, и всех атаманов казацких, и всего войска»¹⁰. Упомянутого Ивана Степанова можно отождествить со Смагой Степановым Чертенским — главным атаманом войска в годы «Смуты»¹¹. В своих грамотах в Мос-

кву атаман именовал себя Смагой Чертенским. В царских грамотах его называли Смагой Степановым¹². Лишь в письме Лжедмитрию атаман назвал свое подлинное имя – Иван.

Самозванец ссылался на авторитет своего много отца и обещал казакам «полную волю». Атаманы процитировали его обращение в своем письме: «Писал ты до нас через запорожских казаков: святой памяти отца своего, а нашего государя прирожденного царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси и всего достоинства царского относительно полных вольных лет, что тебя, государя, бог укрыл от неповинной смерти». Обещание насчет полной воли произвело большое впечатление на донских казаков. С удивительной наивностью они адресовали свой ответ «по воле и благословию бога дарованному государю царевичу, воскресшему, как Лазарь, из мертвых...». Донцы были готовы признать себя подданными законного царевича: «Мы, холопы твои или подданные твои, государя прирожденного, все радуемся такому долгожданному утешению и, выполняя волю бога и твою, государеву... послали до тебя, государя, двух атаманов...». В Литву выехали атаманы Корела, Михаил Межаков и пять казаков. При них находилась войсковая грамота, датированная 15 ноября 1603 г.¹³

Когда послы с вольного Дона появились в пределах Украины, князь Януш Острожский велел арестовать их. «Некоторые из них, – писал о захваченных казаках Острожский, – лица важные, именно: один – старший среди них; другой – который ездил к ним (донским казакам. – Р. С.) за

союзом (конфедерацией); третий – который их туда (на Дон) провожал...»¹⁴.

Обнаруженные у послов пакеты Острожский немедленно отослал Замойскому. 2(12) января 1604 г. князь Януш известил короля, что на Украине «ширится волнения своевольных людей, которые собираются в Лубнах (резиденции Вишневецких за Днепром. – Р. С.) и желают возвести того москвитянина на московское княжество». 9(19) февраля 1604 г. Острожский сообщил королю об отобранных у донских атаманов документах, сделав по этому поводу следующее пояснение: «...их, думаю, гетман переслал теперь к Вам... и Вы поэтому познакомились с содержанием союза (конфедерации), который он (Дмитрий. – Р. С.) имеет с низовцами». Письмо, которое везли послы, было составлено от имени «донских низовых атаманов». Очевидно, их и имел в виду Острожский, упоминаемая о «низовцах». Рассчитывая на поддержку Замойского, Острожский предлагал королю принять срочные военные меры против казаков еще до того, как вскрыется лед на Днепре. Иначе, писал Острожский, произойдет «воровство», которое приведет к тому, что казаки, соединившись, или вторгнутся в Московскую землю, или получают возможность произвести великие беспорядки на Украине¹⁵. Однако письмо Острожского осталось без ответа. В правительственных кругах Речи Посполитой произошел крутой поворот. Немногочисленные, но влиятельные сторонники войны с Россией взяли верх при королевском дворе.

Неожиданно для своих подданных Сигизмунд III приказал освободить послов с Дона и доставить

их в Краков к Лжедмитрию. 13 марта 1604 г. король обратился к коронному гетману Яну Замойскому за советом, а фактически предложил ему возглавить поход на Москву¹⁶. Гетман, возглавлявший Оппозицию королю в Польше, решительно отверг это предложение.

В письме от 14(24) марта 1604 г. Замойский отверг план похода в Россию как «противозаконный» и отметил, что силы предполагаемой экспедиции, имевшей целью водворить «Дмитрия» в Россию, невелики, а русское правительство уже осведомлено об этом плане, так что дело может закончиться только поражением; успех был бы возможен, если бы против Бориса выступили сами бояре, но и в таком случае успех проблематичен. Будучи дальновидным политиком, Замойский подчеркивал, что авантюра не принесет никакой пользы Речи Посполитой: «Самое большее, на что может рассчитывать князек, что тамошние бояре свергнут московского князя» (Бориса). «Однако, — продолжал гетман, — давно мы имеем о том сведения, что Борис одних видных людей приказал казнить, других посадил» (в темницу), что он хорошо платит двору, при поддержке которого сел на трон и которому принадлежит «всей земли сила». Замойский призвал короля трезво рассудить «о земле Московской, ее порядках и мощи ее князя»¹⁷.

Мир был настоятельной необходимостью не только для Русского государства, но и для Польши. Польско-литовские войска вели трудную борьбу со шведами в Ливонии. Канцлер Ян Замойский уже в конце 1602 г. предложил заключить союз с Россией и скрепить его браком короля с Ксенией Го-

дуновой. Однако Сигизмунд III решительно отклонил предложения канцлера. Король подозревал, что Москва попытается доставить шведскую корону своему ставленнику королевичу Густаву, сыну свергнутого шведского короля Эрика XIV. Подозрения были беспочвенными, поскольку в 1601 г. Густав был сослан из Москвы в Углич и подвергся царской опале. Следуя личным расчетам, Сигизмунд III постарался убедить сенат и шляхту, будто Россия угрожает Речи Посполитой и ее интересам в Ливонии, что никак не соответствовало действительности¹⁸.

Решительная позиция, занятая гетманом Замойским и другими сенаторами, оказала влияние на королевский двор. Сигизмунд III вынужден был отказаться от официальной поддержки дела самозванца и не предлагал более послать свою армию в пределы России. В письмах к разным лицам король не скрывал тревоги по поводу возможной войны с царем. В то же время Сигизмунд III старался убедить сенаторов в том, что вмешательство в русские дела сулит короне огромные выгоды: «Этот важный случай послужит к добру, славе и увеличению Речи Посполитой, ибо, если бы этот Дмитрий при нашей помощи был посажен на царство, много бы выгод произошло из этого обстоятельства: и Швеция в таком случае могла быть освобождена, и инфлянты были бы успокоены...»¹⁹. Выставляя на первый план свою заботу о Речи Посполитой, Сигизмунд III в действительности преследовал свои династические интересы. Он готов был помочь самозванцу, чтобы облегчить себе дело «возвращения» шведского трона.

Самым решительным сторонником немедленной войны с Россией выступил сенатор Юрий Мнишек, не принадлежавший к числу влиятельных государственных чиновников того времени. Гетман С. Жолкевский, наблюдавший за интригами сторонников войны, писал, что Мнишек действовал посредством лести и лжи, но особенно важна была для него помощь его родственника кардинала Б. Мациевского, имевшего в то время большой вес при дворе короля. Мнишек помог самозванцу заручиться поддержкой литовского канцлера Льва Сапеги. Канцлер во всеуслышание заявил, что «Дмитрий» очень похож на покойного царя Федора, и позже пообещал снарядить и прислать в помощь «царевичу» 2000 всадников²⁰.

Перед тем как представить королю самозванца, покровители Отрепьева организовали неловкую инсценировку.

На службе у Сапеги в течение двух лет подвизался некий холоп Петрушка, московский беглец, по происхождению лифляндец, попавший пленником в Москву в детском возрасте. Тайно потворствуя интриге, Сапега объявил, что его слуга, которого теперь стали величать Юрием Петровским, хорошо знал царевича Дмитрия по Угличу. Петрушка («Петровский») был спешно отправлен к Вишневецкому, чтобы удостоверить личность претендента. Встреча произошла в Жаложницах, куда самозванца доставил зять Мнишка Константин Вишневецкий. По словам Мнишка, «Петровский» сразу признал москвитя за истинного царского сына, указав на знаки, «которые он на его теле видел». На самом деле встреча в Жаложницах едва

не кончилась скандалом. При виде самозванца пан «Петровский» не нашелся что сказать. Тогда Отрепьев, спасая дело, громогласно заявил, что узнает бывшего слугу, и уверенно стал с ним беседовать. Холоп тут же «вызнал» царевича²¹.

Встреча в Жаложницах имела место, скорее всего, в конце января либо в начале февраля 1604 г. Результаты были тотчас доложены королю. В письме от 4 (14) февраля 1604 г. Сигизмунд III известил об этом Замойского, отметив, что «инфлянтец» («Петровский». – Р. С.) прислуживал царевичу Дмитрию и, более того, находился при нем, когда «совершили убийство истинного ли сына или подложного младенца»²².

Московские власти установили, что под именем «инфлянца Петровского» скрывался беглый холоп Петрушка, в младенчестве увезенный сыном боярским И. Михневым из Ливонии и выросший в его тульском поместье. Когда Михнев ездил в Вильну в посольской свите, холоп бежал от него. Сапега взял Петрушку к себе взамен своего холопа, сбежавшего от него в Москве, и держал его в «худых людех». При Шуйском московские дипломаты в глаза обличали Льва Сапегу за неловкий обман. «Тебе, Льву, – говорили послы, – самому про него ведомо: служил он на Москве у сына боярского у Истома Михнева, а звали его Петрушею, а не Юрьем Петровским... а на Угличе он николи не бывал, и царевича Дмитрия не видал, и у нас таких страдников ко государским детям не припускают»²³.

Из Жаложниц князь Константин, не теряя времени, отвез самозванца в Самбор. Там прове-

ли новые «смотрины», о которых Мнишек рассказал следующее: «В Самборе некоторый слуга господина воеводы (Юрия Мнишка. — Р. С.), который под Псковом пойман был и, несколько лет находясь в Москве в неволе, знал его (царевича Дмитрия. — Р. С.) еще в детстве и признал его (самозванца. — Р. С.) за того же»²⁴.

При Шуйском произошло любопытное объяснение между царскими и королевскими послами. Пояснив причины, побудившие короля поверить самозванцу, польские дипломаты отметили: «И для таковых всех мер, а не за свидетельством Петровского и двух чернцов (!) и хлопца пана воеводиного (Мнишка. — Р. С.) яко есте написали, склонившись веру дать тому» («Дмитрию») ²⁵.

Несколько иначе очертил круг свидетелей старец Варлаам. Князя Угличского, по его словам, узнали «пять братьев Хрипуновых, да Истомин человек Михнева Петрушка («Петровский». — Р. С.), да Ивашко, что вож, да мужики посадские киевляне»²⁶. Братья Хрипуновы покинули Россию в 1603 г. Их измена и бегство не имели никакого отношения к самозванческой интриге. В Литве они были приняты на королевскую службу. После появления самозванца в Кракове Хрипуновы оказали услугу Сигизмунду III, «вызнав» в Отрепьеве царевича. По понятным причинам Варлаам не назвал в числе главных свидетелей «двух чернцов», каковыми были он сам и старец Мисаил. Показания двух бродячих монахов, двух холопов и нескольких изменников-дворян были двусмысленными и зыбкими. Но сторонники войны с Россией готовы были принять на веру любые свидетельства.

Престарелый Юрий Мнишек пользовался дурной репутацией. Он снискал расположение слабого короля Сигизмунда II Августа, оказывая ему самые разные, подчас сомнительные услуги. После смерти короля из дворца исчезли все его драгоценности. Ораторы сейма открыто обвинили в грабеже Юрия Мнишка. Последнему с трудом удалось избежать судебного разбирательства.

Благодаря связям при дворе, Мнишек добился должности воеводы сандомирского и старосты львовского и самборского. Под его управление поступили доходные королевские имения в Червонной Руси. Однако Мнишек распорядился королевскими доходами столь плохо, а его страсть к роскоши и расточительству была столь велика, что к концу жизни он совершенно запутался в своих финансовых делах и оказался на грани полного разорения. Постоянные задержки с уплатой сборов в казну привели к тому, что в 1603 г. королевские чиновники явились в Самбор, угрожая наложить арест на имущество Мнишка. Воеводе пришлось спешно продать одно из своих имений, чтобы уплатить неотложные долги. Но поправить дела ему не удалось, и Мнишек обратился со слезным прошением к Сигизмунду III, умоляя позволить ему на год задержать выплату королевских доходов с Самбора²⁷.

Современники утверждали, что разорившийся магнат оказал покровительство самозванцу из меркантильных побуждений, «ослепленный корыстолюбием и гордостью»²⁸. Зная замыслы короля, Мнишек надеялся вернуть себе его милость и тем самым разрешить вопрос по недоимкам и долгам.

Его расчеты вполне оправдались. Сигизмунд III давно потерял надежду получить недоимки с Самборской экономии и потому охотно согласился предоставить «царевичу» помощь — 4000 флоринов в счет доходов с Самбора. Таким образом, вопрос о выплате очередных годовых сборов в королевскую казну и недоимок разрешался сам собой. Мнишек спешил взять в свои руки интригу. Он не только принял Отрепьева с царскими почестями, но и решил породниться с ним. Поощряемый Мнишком, самозванец сделал предложение его дочери Марине. Отец встретил новость благосклонно, но объявил, что даст ответ после того, как «царевич» будет принят королем в Кракове.

Сватовство дало Мнишку благовидный повод для обращения Отрепьева в истинную веру. Будучи ревностным католиком, воевода не желал иметь православного зятя. Находившиеся в Самборе бернардинцы пришли ему на помощь. Отрепьеву волей-неволей пришлось участвовать в ученых диспутах с ними. Отрепьев защищал православие без всякого воодушевления и, более того, дал понять собеседникам, что за ним дело не станет и вопросы веры могут быть решены к общему удовольствию²⁹. В своей рискованной игре Мнишек добился беспорного успеха. Воспитанник иезуитов, Сигизмунд III был ревностным поборником католической контрреформации. Обещания Мнишка относительно перехода московского «царевича» в католичество усилили интерес короля к интриге.

Признание самозванца означало войну. Но король не мог решить вопрос о войне без совета сенаторов и постановления сейма. К началу мар-

та 1604 г., когда Мнишек привез Отрепьева в Краков, большинство сенаторов четко выразили свое мнение по поводу затеваемой авантюры. Польский канцлер Замойский решительно высказался за необходимость соблюдения мирного договора с Россией. Его мнение разделяли лучшие из польских военачальников (Я. Ходкевич и С. Жолкевский) и многие другие сенаторы³⁰. Со всех сторон король получал настойчивые советы немедленно созвать сенат для рассмотрения вопроса. Партия войны не могла рассчитывать на поддержку в правительстве и сенате, и король прибегнул к методам тайной дипломатии, действуя вразрез с конституцией Речи Посполитой.

Поначалу Сигизмунд III пытался использовать для осуществления своих планов авторитет папского нунция Рангои и иезуитов. Король рассчитывал, что они, рассмотрев вопрос о московском «царевиче», признают его истинным сыном царя Ивана и объявят недействительным мирный договор с Борисом³¹. Однако Ватикан занял осторожную позицию в деле православного «царевича». Папа римский, получив донесение из Кракова, сделал на его полях скептическую помету с упоминанием о португальских самозванцах. Иначе повел себя кардинал Мациевский, двоюродный брат Мнишка. Он виделся с Отрепьевым и вручил ему книгу о соединении церквей, едва тот прибыл в Краков. Католикам не пришлось оказывать давление на самозванца. Он сам выражал нетерпение принять истинную, римско-католическую веру, признал папу главой христианской церкви, обещал выстроить костелы в Москве, клялся, что пешком

отправится на поклонение католическим святыням в Ченстохов. Наряду с краковским епископом покровительство самозванцу стали оказывать духовник короля и в особенности краковский воевода Николай Зебжидовский³².

Сигизмунд III вел дело к войне, не имея на то согласия сенаторов и сейма и грубо попирая интересы страны. 5 марта 1604 г. он велел арестовать московского «канцлера» дьяка А. Власьева, возвращавшегося из Дании в Россию через польские владения. Расчет состоял в том, чтобы осложнить русско-польские отношения. В тот же день Отрепьев получил частную аудиенцию в королевском замке в Вавеле.

Итальянец А. Чилли был очевидцем переговоров в Кракове. По его словам, папский нунций Рангони лишь делал вид, будто не имеет к самозванческой интриге никакого отношения. В действительности именно он передал самозванцу предложение о встрече и устроил ему аудиенцию во дворце. Претендент поцеловал руку короля, после чего, «дрожа всем телом, рассказал ему в кратких словах, за кого себя считает...». Выслушав сбивчивый рассказ, Сигизмунд III отослал самозванца и стал совещаться с глазу на глаз с Рангони. Затем Отрепьева повторно ввели в зал, и король обратился к нему с милостивым словом, обещая свое покровительство. Претендент не смог вымолвить ни слова в ответ и лишь угодливо кланялся³³.

Сигизмунд III согласился предоставить самозванцу помощь на определенных условиях, зафиксированных в письменных «кондициях». Этот до-

кумент обнаруживал всю лживость рассуждений короля о «русской угрозе», все лицемерие мирных заверений, адресованных Борису Годунову. С помощью самозванца Сигизмунд III рассчитывал перекроить русские границы и добиться от России значительных территориальных уступок, а кроме того, получить от Москвы военную помощь для овладения шведской короной³⁴.

Как доносил в Рим нунций Рангони, претендент взял на себя обязательство предоставить Сигизмунду III войска для борьбы со шведами. В случае необходимости «царевич» должен был лично повести войска на Стокгольм³⁵.

Позже в инструкции польскому послу в Риме королевские чиновники дали подробные разъяснения по поводу истинных планов Сигизмунда III на востоке. Посол должен был напомнить, что в свое время Ватикан выделил огромные пособия королю Баторию в связи с его намерением покорить Московию, а потом такое же намерение изъявил пресветлейший король Сигизмунд III «по другому случаю (в связи с появлением Лжедмитрия I. — Р. С.), который, можно сказать, был дан свыше, и тем с большим жаром, что, кроме других величайших выгод для всего христианства, которые могут быть от покорения Московии, он (король. — Р. С.) предвидит отсюда отчасти возможность возвратить королевство Швецию не столько под свою власть, сколько во власть сего святого апостольского престола»³⁶.

Перспективы победы католической контрреформации в Швеции и насаждения католичества в Московии встретили понимание в католических

кругах Кракова и Рима. 9 марта 1604 г. папский нунций Рангони имел длительную беседу с Отрепьевым³⁷. Воспользовавшись поддержкой Рангони и иезуитов, Ю. Мнишек и краковский воевода Н. Збжидовский быстро завершили дело обращения самозванца в католическую веру.

Противодействие Яна ЗамоЙского, самого влиятельного из польских политиков, поставило в трудное положение покровителей самозванца. Весной 1604 г. Юрий Мнишек засыпал ЗамоЙского градом писем. Некоторые из них были составлены за подписью «царевича». Владелец Самбора откровенно пытался прельстить гетмана выгодами, которые ему сулило участие в интриге. «Царевич, – писал Мнишек, – богобоязненный (письмо было написано после обращения Отрепьева в католичество. – Р. С.), легко соглашающийся на то, что ему разумно указывают, склонный к заключению всяких договоров и трактатов...»³⁸.

Тайный договор, подписанный самозванцем в Самборе 2 июня 1604 г., вполне раскрывает смысл слов Мнишка. В силу королевских «кондиций» самозванец обязался уступить короне Чернигово-Северскую землю. Обязательство было затем подтверждено особым договором о передаче короне и Речи Посполитой шести городов в княжестве Северском (очевидно, Чернигова, Новгорода Северского, Путивля и др.) «со всем, что к оным принадлежит». Однако раньше, как можно догадаться, Отрепьев обещал передать Северскую землю Юрию Мнишку: «То мы ему (Мнишку. – Р. С.) обещаем и ручаем и, что уже мы однажды присягою подтвердили, то ныне ни в чем неотменно и

ненарушимо подтверждаем»³⁹. Оказавшись в трудном положении, Отрепьев решил любой ценой удовлетворить обоих своих покровителей. Было выработано соглашение о разделе Северской земли между королем и Мнишком. Беглый монах согласился передать Мнишку в виде компенсации за северские города Смоленскую землю. Тогда Сигизмунд III в нарушение «кондиций» потребовал себе половину Смоленской земли.

Поскольку Мнишек находился ближе к самозванцу, чем король, он мог удовлетворить свою алчность в полной мере и должен был получить большую добычу при грядущем разделе России. «Царевич» подписал грамоту о передаче Мнишку и его наследникам на вечные времена Северской земли (без шести городов), Смоленской земли, включая «самый замок с городом Смоленском и со всем, что к половине онаго принадлежит», а также смежных земель «из другога государства, близь Смоленской земли, еще много городов, Городков, замков»⁴⁰. На какие именно города претендовал еще Мнишек – неясно. Как видно, он старался компенсировать себе «уступленную» королю половину Смоленщины.

Одним из пунктов «кондиций» Сигизмунда III был брак самозванца. Речь шла не столько о позволении, сколько об обязательстве Лжедмитрия жениться на подданной короля. «Позволяем ему жениться в наших государствах, чтобы с королевой (так Сигизмунд III привычным для него словом назвал будущую московскую царицу. – Р. С.) на то дал присягу». Имя будущей царской невесты не было названо в «кондициях». У короля были

свои замыслы, но в конце концов он дал самозванцу и Мнишку «полную свободу располагать их личными делами», хотя втайне и выражал свое неудовольствие⁴¹.

Соглашение в Кракове определило всю дальнейшую судьбу Марины Мнишек. По возвращении в Самбор Мнишек без помех довел дело до конца. Под страхом проклятия Лжедмитрий объявлялся жениться на панне Марине. «А не женюсь, — значилось в его записи от 15 (25) мая 1604 г., — яз проклятельство на себя даю». Условия брачного контракта сводились к следующему. Самозванец объявлялся выплатить Мнишку миллион польских злотых из московской казны на уплату долгов и переезд в Москву. Марина в качестве царицы должна была получить на правах удельного княжества Новгородскую и Псковскую земли с думными людьми, дворянами, духовенством, с пригородами и селами, со всеми доходами. Самозванец торжественно обещал Мнишкам, что Новгород и Псков фактически будут выведены из-под управления Москвы. «А мне (царю. Р. С.), — значилось в документе, — в тех обоих государствах, в Новгороде и во Пскове, ничем не владети и в них ни во что не вступаться». Удел закреплялся за Мариной «в веки». Царица получала право «приказати наместником своим (читай: родне. — Р. С.) владети ими (Новгородом и Псковом. — Р. С.) и судити», давать поместья и вотчины своим служилым людям с правом купли и продажи земли, строить римские монастыри и костелы, самой без помех исповедовать католическую веру.

В смысле религии набожные Мнишки поста-

вили беглому монаху самые строгие условия. Он должен был привести все православное царство Московское в католическую веру за год. В случае несоблюдения срока Мнишек и его дочь получали право «развестися» с «царем», разумеется сохранив при этом все земельные пожалования. Сандомирский воевода милостиво соглашался подождать обращения Московии в истинную веру «до другого году», но никак не позже⁴². Таково содержание удивительного брачного контракта, подписанного самозванцем в Самборе 15 мая 1604 г. Осуществление на практике самборских обязательств Лжедмитрия I привело бы к расчленению России. Однако интересы собственного народа и государства мало заботили авантюриста. Подобно азартному игроку, он думал лишь о ближайшей выгоде.

После свидания с королем самозванец через своих покровителей заказал парадный портрет. Надпись к портрету была продиктована, по-видимому, им самим. Она гласила: «Дмитрий Иванович, великий князь Московии. 1604. В возрасте своем 23». Надпись доказывает, что Отрепьев не знал точного времени рождения Дмитрия Угличского, которому летом 1604 г. было бы менее 22 лет. Не указал ли самозванец в надписи к портрету собственный возраст?⁴³

На портрете изображен молодой человек с темными волосами и волевым лицом. Облик претендента несколько идеализирован по сравнению с гравированным портретом. Судя по сохранившимся словесным портретам и гравюрам, Отрепьев обладал характерной внешностью. Приземистый, гораздо ниже среднего роста, он был непропорци-

онально широк в плечах, почти без талии, с короткой шеей. Руки его отличались редкой силой и имели неодинаковую длину. В чертах лица сквозили грубость и сила. Признаком мужества русские почитали бороду. На круглом лице Отрепьева не росли ни усы, ни борода. Волосы на голове были светлые с рыжиной, нос напоминал башмак, подле носа росли две большие бородавки. Тяжелый взгляд маленьких глаз дополнял гнетущее впечатление.

Во время переговоров с королевскими чиновниками в Кракове Отрепьев выразил пожелание, чтобы король приставил к нему своего сенатора (Мнишка) и позволил продолжать военные приготовления — собирать казаков и добровольцев из числа польских подданных. Столкнувшись с противодействием сенаторов и сейма, Сигизмунд III не смог использовать коронную армию для войны с дружественным соседним государством. Как писали польские хронисты, Юрий Мнишек, Константин Вишневецкий и другие паны собрали войско для самозванца «на свой счет»⁴⁴. Однако мнение, будто армию Лжедмитрия снарядили на частные средства, не вполне точно. Ни Сигизмунд III, ни член сената Речи Посполитой Ю. Мнишек не были частными лицами, а прямая поддержка короля имела решающее значение для успеха авантюры.

Военные приготовления в Самборе и Львове приобрели широкий размах. Коронный гетман Ян Замойский потребовал у Мнишка объяснений, почему тот собирает солдат без ведома его, гетмана, как высшего воинского начальника, «чего никогда не бывало»⁴⁵. Замойский строго предупре-

дил сенатора, что его своевольные действия могут нанести большой ущерб Речи Посполитой.

Незаконные действия Мнишка компрометировали короля, что не могло не вызвать тревогу при дворе. Стремясь успокоить Сигизмунда III, Мнишек писал ему 4(14) июня 1604 г.: «Я смиренно прошу ваше величество быть уверенным в том, что я выполняю свои планы с такими предосторожностями, как будто я никогда не нарушал свой долг»⁴⁶.

Самборская казна была постоянно пуста, и Мнишек не мог выделить Отрепьеву даже тех 4000 злотых, которые король пожаловал «царевичу» на содержание. Тем не менее сенатору удалось получить кое-какие ссуды, и он приступил к формированию наемной армии. К середине августа 1604 г. покровители самозванца собрали в окрестностях Львова некоторое количество конницы и пехоты. Под знамена самозванца слетались наемники, оставшиеся без дела после прекращения боевых действий в Ливонии. Среди тех, кто готов был продать оружие московскому «царевичу», можно было встретить и ветеранов Батория, и всякий сброд — мародеров и висельников. Ставки на наемных солдат стояли в Европе на очень высоком уровне, и Мнишку трудно было оплачивать услуги наемного воинства. Не получая денег, «рыцарство» принялось грабить львовских мещан. Дело дошло до убийств⁴⁷.

Несмотря на заверения канцлера Льва Сапегги, самозванец не получил никакой помощи из Литвы. Не желая войны с Россией, литовские магнаты решительно отказались поддержать авантюру. Общее настроение повлияло даже на рев-

ностного приверженца «Дмитрия» Льва Сапегу. Канцлер полностью отмежевался от его затей и заявил: «Царь извещен о готовящейся экспедиции (самозванца. — Р. С.) на Украину и готов в ответ послать войска на Литву»⁴⁸.

Коронный гетман Ян Замоиский не отвечал на обращения «царевича», но письменно предупредил Ю. Мнишка, что тот делает противозаконное дело, за которое может быть призван к ответу⁴⁹. В последний момент даже главный покровитель Отрепьева предался малодушию. Януш Радзивилл, будучи подо Львовом, видел, как там собиралось войско самозванца. В своих письмах он живо описал столкновение между Мнишком и наемниками. Когда Мнишек вдруг заколебался и был намерен отложить поход, писал Я. Радзивилл, то собравшиеся для войны с Москвой шляхтичи прямо заявили, что в таком случае они разместятся в его имениях на зимовку⁵⁰. В противовес знати мелкая шляхта с энтузиазмом поддержала планы войны с Россией. Обедневшие дворяне, находившиеся на грани разорения, надеялись поправить свои дела с помощью военной добычи и не желали слышать об отсрочке похода.

Московская дипломатическая переписка сохранила известия о том, что Сигизмунд III предпринимал попытки подтолкнуть к войне с Россией крымского хана. Не позднее лета 1604 г. крымский мурза А. Сулешев известил Москву, что король виделся с крымским гонцом Д. Черкашенином и пообещал уплатить Крыму казну за два года, если хан согласится помочь тому, кого Польша решила «возвышать», т. е. московскому «царе-

вичу». По возвращении в Крым гонец доложил о предложении короля, и Казы-Гирей «на той думе был»⁵¹. Но секретное обращение короля не имело успеха, ибо не было подкреплено посылкой денег в Крым. Без согласия сейма Сигизмунд III не мог выполнить своих щедрых обещаний.

Политика Сигизмунда III была двуличной и лицемерной. На словах глава государства выступал за соблюдение существующих мирных соглашений, а на деле — готовил войну. Пока наемное войско стояло во Львове, король оставлял без ответа жалобы местного населения на грабежи и насилия. Лишь спустя полторы недели после того, как Мнишек покинул Львов и выступил в поход, Сигизмунд III издал запоздалое распоряжение о роспуске собранной им армии. Папский нунций Рангони получил при дворе достоверную информацию о том, что королевский гонец имел инструкцию не спешить с доставкой указа во Львов⁵².

Тем временем армия самозванца медленно приближалась к русским границам. Отряды делали в день не более 2–3 миль. Сохранилась поденная записка похода, составленная неизвестным лицом из окружения Мнишка. Записка содержит полный перечень имений, в которых «рыцарство» останавливалось на постой. Мнишек владел селами в окрестностях Львова, но наемники отдыхали там не более одного дня. Значительно больше времени они провели во владениях князей К. Вишневецкого и Ружинского, киевского католического епископа и других лиц⁵³.

Самозванец щедро одаривал кредиторов долговыми расписками. Погасить их предполагалось

за счет богатой московской казны. Пока же все тяготы по содержанию наемного сброда должны были нести украинские крестьяне из тех имений, где останавливались солдаты.

Лжедмитрий рассчитывал на то, что в пути его войско пополнится вооруженными отрядами крупных магнатов – князей Вишневецких, Сапег, Ружинского и др., но его надежды не оправдались. Князь Ружинский письменно обязался присоединиться к Лжедмитрию с несколькими сотнями солдат. Пан Халецкий и пан Струсь обещали привести тысячу всадников. Однако выполнение своих обещаний они отложили на будущее⁵⁴.

К концу первых двух недель похода самозванец оставался в пределах Львовщины. Во время остановки в Глинянах в начале сентября 1604 г. был проведен смотр. Рыцарство собралось в «коло» и произвело выборы командиров. В полном соответствии с волей Мнишка сам он был избран главнокомандующим, Адам Жулицкий и Адам Дворжецкий – полковниками, а сын Мнишка Станислав стал командиром гусарской роты⁵⁵. Таким образом, Мнишек, его ближайшие друзья и родственники сосредоточили в своих руках все командование армией самозванца.

К началу сентября 1604 г. армия Мнишка насчитывала около 2500 человек. В нее входили 580 гусар, 500 человек пехоты, 1420 казаков и пятигорцев. К моменту перехода границы численность казаков увеличилась до 3000⁵⁶. В армию самозванца пошли некоторые «надворные» казаки, находившиеся на службе у магнатов. Таким образом, на долю украинцев приходилось две трети армии

самозванца. Кроме православного украинского населения, подле самозванца начали собираться московские люди. Уже в конце 1603 г. А. Вишневецкий сообщил королю о прибытии к «царевичу» 20 москалей. Если бы среди них были дворяне, покровитель самозванца непременно бы указал на это. Видимо, первые приверженцы «царевича» были выходцами из простонародья. Источники подтверждают подобное предположение. Один киевский житель, тайно служивший царю, жаловался черниговским воеводам в 1604 г., что не смеет возвращаться в Киев, где его разоблачил некий Васька, холоп сына боярского Чубарова. Холоп бежал в Литву из Монастыревского острога⁵⁷.

К началу похода в лагере самозванца собралось до 200 московитов, бежавших за рубеж «из разных городов». Польские источники называют по имени лишь одного из московских предводителей – Ивана Порошина. Семья Порошиных не принадлежала к «государеву двору». Но некий Ждан Порошин выслужил дьяческий чин в Приказе Большого прихода в 1592–1597 гг. После воцарения Бориса Годунова его карьера оборвалась. Не из дьяческой ли семьи происходил Иван Порошин? Среди дворян, узнавших «царевича», самыми видными были братья Дубенские-Хрипуновы. В России они служили как выборные дворяне из Зубцова. Не позднее лета 1603 г. дьяки сделали помету в Боярском списке: «Иван, да Кирило, да Данило Путятинны дети Хрипунова. Изменники». Хрипуновы бежали в Литву не потому, что решили поддержать Лжедмитрия, а потому, что были подкуплены канцлером Львом Сапегой. Они снабжали

канцлера всякого рода секретной информацией, но были разоблачены и, спасая жизнь, бежали за рубеж⁵⁸. Измена Хрипуновых была щедро оплачена: пять братьев – Иван, Кирилл, Данила, Прокофий и Иван Меньшой – получили земельные владения и 1000 злотых на год⁵⁹.

Православная церковь третировала католиков как худших врагов истинной веры. Поэтому православные люди, оказавшиеся в лагере Лжедмитрия, с тревогой наблюдали за появлением в его окружении иезуитов и прочих латынян. Неблагоприятные толки дошли до Юрия Мнишка, и он решил прибегнуть к строгостям, чтобы поставить московитов на место. Воспользовавшись доносом одного из русских, Мнишек велел схватить сына боярского Якова Пыхачева и без суда казнить его. Мнишек сам сообщил об этой казни папскому нунцию Рангони в письме от 8(18) сентября 1604 г. Согласно версии Мнишка, Пыхачев был будто бы подослан в Самбор Борисом Годуновым для убийства «царевича». Однако верить его утверждению трудно. Сандомирский воевода не упускал случая очернить тиранию Бориса, чтобы оправдать войну с ним. По словам Варлаама, Пыхачев пострадал из-за того, что называл «царевича» Гришкой Отрепьевым, иначе говоря, усомнился в его царственном происхождении⁶⁰.

Пособник самозванца Варлаам Яцкий поспешил в Самбор, привлеченный слухами о его успехе. Он рассчитывал пожать плоды затеянной интриги, но жестоко просчитался. Варлаам знал слишком много об Отрепьеве и его истинном происхождении, и тот решил отделаться от своего на-

ставника. Уезжая из Самбора, самозванец приказал бросить Варлаама в тюрьму⁶¹.

Не позднее июля 1604 г. из Самбора на Дон выехал литвин Счастный Свирский с запорожцами. Он отвез казакам «царское» знамя – красное полотнище с черным двуглавым орлом посередине⁶². Донцы снарядили в Польшу новых послов. Они явились в лагерь самозванца 25 августа 1604 г. В грамоте казаки вновь подтвердили свою готовность выступить на помощь своему «прирожденному государю»⁶³.

Московские власти своевременно узнали о появлении гонцов от самозванца на Дону и попытались предотвратить восстание казаков. С этой целью они направили к ним дворянина Петра Хрущева. Последний был хорошо известен казакам. Прошло лишь 12 лет с тех пор, как правитель Борис Годунов предлагал донцам принять Хрущева в столице их войска Раздорах в качестве головы. В то время вольные казаки категорически отвергли домогательства Москвы. В 1604 г. миссия Хрущева также завершилась провалом. Казаки связали царского посланца и увезли в Польшу, где выдали Отрепьеву. Как выяснилось на допросах, Хрущев должен был склонить донцов к участию в войне с «царевичем»⁶⁴.

Канцелярия Мнишка подвергла допросные речи Хрущева тенденциозной обработке, превратив их в памфлет. В Польше памфлет был немедленно использован для воздействия на общественное мнение. Авторы памфлета приписали Хрущеву басню о том, что вдова Федора царица Ирина признала «царевича» природным государем, за что,

по слухам, была убита своим братом Борисом Годуновым. В Москве тот же тиран приказал умертвить «двух главных господ» – Смирнова Васильева и Меньшого Булгакова – только за то, что те пили у себя дома за здоровье царевича Дмитрия⁶⁵.

«Главные господа» действительно были царскими дьяками: Васильев служил в приказе Большого дворца, а Булгаков – в Казенном приказе, но оба благополучно пережили и Годунова, и самозванца. Примечательно, что Булгаков пользовался полным доверием царя Бориса до самой его смерти. 19 марта 1605 г. «подказначей» (так именовали дьяка англичане) Меньшой Булгаков привез английским послам царские подарки. Приведенный факт обнаруживает лживость допросных речей Хрущева, составленных людьми Мнишка. Ни малейшего доверия не внушает воспроизведенная в памфлете запись разговора между Хрущевым и знатным воеводой Петром Шереметевым. «Трудно против прирожденного государя воевать», – якобы заявил Шереметев⁶⁶.

Небылицы насчет жестоких казней в Москве понадобились Мнишку для того, чтобы изобразить Бориса тираном и оправдать вторжение в Россию, предпринятое будто бы в защиту справедливости, в интересах законного государя московского.

Противники войны с Россией (Ян Замоиский и др.) не только протестовали против действий Мнишка, но и принимали практические меры, чтобы не допустить нарушения мирного договора с Москвой. Еще в мае 1604 г. Януш Острожский известил короля, что он употребит насилие, чтобы задержать продвижение отрядов самозванца к

русской границе. У краковского кастеляна были собственные войска, и его поддерживали другие магнаты с Украины. Не позднее июня Острожский обратился к «царевичу» с предупреждением, что он не допустит его к Днепру. Острожский подкрепил свою угрозу тем, что собрал южнее Киева значительные воинские силы. Он действовал, как видно, в полном согласии с Замоиским. Один из участников московского похода, служивший в «царской роте», записал в своем дневнике: «Идя к Киеву, мы боялись войска краковского кастеляна князя Острожского, которого (войска) было несколько тысяч и которое стерегло нас до самого Днепра, поэтому мы были очень осторожны, не спали по целым ночам и имели наготове лошадей»⁶⁷.

Киевский воевода Василий Острожский и его сын Януш опасались, как бы соединение воинства самозванца с казаками не вызвало нового взрыва казацко-крестьянского восстания по всей Украине. Расположив свои войска к югу от Киева, князь Януш перерезал пути, которые вели через Запорожье на Дон. Военные меры Острожских преследовали и другие цели. Зная о насилиях наемников во Львове, они пытались предотвратить грабежи и бесчинства в Киеве и его округе. В своих письмах Януш Острожский не раз выражал опасения по поводу того, что «Дмитрий» втянет Речь Посполитую в войну с Москвой, а казацкие отряды, поддерживающие «царевича», смогут затеять новый бунт на Украине наподобие недавнего бунта Наливайки⁶⁸. В посланиях королю Острожский предложил подвергнуть наказанию «своевольни-

ков», нарушивших мир и спокойствие на Украине. Опасения вызвать гнев Сигизмунда III и присутствие сенатора Мнишка в армии самозванца помешали осуществлению этого намерения. Угроза не допустить Лжедмитрия к московской границе была выполнена лишь отчасти. Князь Януш Острожский велел угнать все суда и паромы с днепровских переправ под Киевом.

В течение нескольких дней войско «царевича» стояло на берегу Днепра, не зная, как поступить. Самозванца выручили те самые «киевские мужики» – православные жители Киева, которые еще раньше признали его истинным московским царем. В грамоте самозванца, подписанной им после переправы, значилось, что «для перевозу войска нашего через реку Днепр тые же мещане киевские коштом и накладом своим перевоз зготоваше»⁶⁹.

Проделав за два месяца путь от Львова до Днепра, армия сенатора Мнишка собралась на берегах Десны, изготовившись к вторжению в пределы России.

Глава 12. Неосуществленные проекты

В виду нарушения Польшей договора о перемирии Борис Годунов начал искать союзников в разных концах Европы. Летом 1604 г. он обратился к австрийским Габсбургам. Царские дипломаты приступили к разработке проектов совместных действий против Сигизмунда III. Результатом их должна была быть передача польского коро-

левского трона австрийскому эрцгерцогу Максимилиану и присоединение Литвы к России. Союз предполагалось подкрепить браком между Максимилианом и Ксенией Годуновой¹.

Не имея сил вести борьбу с Речью Посполитой один на один, Швеция тоже домогалась союза с Габсбургами. Шведы предлагали австрийцам объединить усилия и изгнать Сигизмунда III из Польши. Согласно шведскому проекту, в отвоеванной у поляков Ливонии предполагалось образовать немецкое вассальное княжество, которое перешло бы под протекторат Габсбургов. Борис Годунов готов был согласиться со шведским проектом и взять на себя уплату военных издержек при условии, что «немецкий» князь из Габсбургской императорской фамилии вступит в брак с царевной Ксенией².

Планы заключения тройственного союза, однако, потерпели полную неудачу. Австрийские Габсбурги отклонили предложения России и Швеции.

С февраля 1605 г. шведский король Карл IX предложил прислать в Россию войска для совместных действий против Речи Посполитой. В обмен на «дружескую» помощь русские должны были уступить союзнику важнейшие пограничные крепости на северо-западе (Ивангород, Ям, Копорье и Корелу). Некоторое время спустя Карл IX составил новые инструкции послам, поручив им добиваться уступки Корелы³.

Борис Годунов неизменно отклонял все предложения шведов, хорошо понимая их истинную цель. Однако его сын и преемник Федор Борисович в мае 1605 г. оказался в безвыходном положении и начал переговоры о союзе с Карлом IX⁴.

Наибольших успехов московские дипломаты добились в переговорах с Данией. Зимой 1603 – 1604 гг. главный посольский дьяк А. Власьев ездил в Копенгаген, чтобы ускорить заключение русско-датского союза, имевшего антишведскую направленность⁵. Идея создания антишведской коалиции на Балтике вскоре утратила актуальность для России. Союз с Данией приобрел характер торгового соглашения.

Будучи фактическим преемником Ивана Грозного, Борис Годунов усвоил его взгляд на значение заморской торговли. Царь Борис сознавал, сколь необходимы для России торговые и культурные связи со странами Западной Европы, и деятельно заботился о расширении торговли с Западом. В 1603 г. русское правительство вело в Москве переговоры с посольством Любека и Штральзунда. Немецкие города добивались права беспошлинной и свободной торговли на всей территории России. Они желали открыть немецкие торговые дворы в Москве, Новгороде, Пскове, Ивангороде и просили разрешить немецким купцам чеканить монету на русских денежных дворах⁶.

От имени Бориса послам было заявлено, что ганзейским купцам будет предоставлено право свободно торговать по всей России, использовать русские пристани на Белом море, строить торговые дворы в городах, чеканить монету из своего серебра. Однако, когда Посольский приказ изготовил и вручил послам царскую грамоту в немецком переводе, те убедились, что «многие пункты, утвержденные на царской аудиенции, были опущены, другие изложены темно и двусмысленно»⁷.

С помощью ганзейских городов русское правительство надеялось наладить морские сообщения с западноевропейскими странами через Ивангород и устье Наровы. Однако Швеция, располагавшая первоклассным флотом на Балтике, решительно препятствовала всем попыткам такого рода. Ссылаясь на условия Тявзинского вечного мира, шведы блокировали Ивангород с моря⁸.

Главными морскими воротами страны в начале XVII в. оставались пристани в устье Северной Двины. По-прежнему основным торговым партнером России была Англия. Однако торговля английской компании в Москве клонилась к упадку. В 1602 г. Московская компания снарядила в Россию всего два корабля с товарами. Торговые обороты ее резко сократились. Спустя три года долги компании превысили 6000 ливров⁹.

Англичане предпринимали неоднократные усилия, чтобы избавиться от конкуренции со стороны других западноевропейских купцов, в первую очередь голландских. Но они не добились успеха. После воцарения Бориса Годунова некоторые из самых влиятельных голландских купцов получили разрешение торговать в Москве и во внутренних областях государства. В 1600 г. королева Елизавета направила в Москву посла Ричарда Лея. Добиваясь торговой монополии, посол обещал, что англичане «будут снабжать Московию всем необходимым, что их товары будут дешевле и лучше, нежели у голландцев и других народов». Царь Борис отклонил домогательства Ричарда Лея, указав ему на то, что он желает торговать со всеми нациями, ибо «все нации в этом отношении для

него равно любезны... сверх того, исправно платят подати и пошлины, составляющие доход государей московских, и, значит, имеют право вести торговлю так же, как и англичане»¹⁰.

Будучи осведомлен об убытках Московской компании, Борис был не прочь предоставить англичанам некоторые дополнительные льготы, с тем чтобы оживить англо-русскую торговлю. Кроме того, он подтвердил торговые привилегии, ранее предоставленные Московской компании. В начале XVII в. англичане держали свои торговые дома (фактории) в Москве, Ярославле, Вологде, Холмогорах и Архангельске. На севере за членами компании были закреплены пять пристаней (в Корельском Устье, на Печенге, Варзуге, Мезени и Шунге), тогда как за голландскими купцами – только две (на Коле и в Пудожском устье Двины). На Коле получили право приставать также и французские корабли¹¹.

Развитие торговли со странами Запада способствовало знакомству русских с успехами западно-европейской культуры. В Москве возникли проекты преобразований, имевшие целью развитие просвещения в России. По свидетельству современников, Борис Годунов лелеял планы учреждения в Москве университета и школ, в которых преподавали бы ученые, приглашенные из-за рубежа. По словам Конрада Буссова, Годунов предполагал выписать знающих людей из всех главнейших европейских стран – Англии, Германии, Испании, Италии, Франции, с тем чтобы с их помощью наладить преподавание в Москве и обучить русских людей всем основным европейским языкам¹². От-

пуская за рубеж разного рода иноземцев, царь нередко поручал им приискивать за границей ученых людей, согласных поехать в Москву.

Итальянец М. Бритий получил от Бориса «опасную грамоту» на проезд в Россию венецианских ученых – докторов, знающих разные науки и согласных выехать в Россию, дабы «облагодетельствовать ее своими познаниями»¹³.

Некий Ганс Крамер, подданный императора австрийского, в 1600 г. ездил с аналогичным поручением в Прагу. Посетив ученого правоведа Тобиаса Лонциуса, Крамер сообщил ему о поручении царя привезти из немецких земель ученых людей и художников и в подтверждение показал несколько паспортов – «опасных грамот». Крамер настойчиво просил Лонциуса принять предложение царя, намеревавшегося «учредить в своем государстве школы и университет». Когда Лонциус убедился в том, что намерения московского царя вполне серьезны, он направил в Москву обширное письмо – своего рода проект развития в России наук и художеств. Лонциус писал, что для развития наук в России надо не только отыскать и пригласить ученых, но и оказать им почет и помощь, «не опасаясь при том расходов»¹⁴. Переговоры с Лонциусом не были доведены до конца. В России начался трехлетний голод, поглотивший все внимание правительства.

Борис предпринимал настойчивые попытки вызова в Россию западных специалистов. Завязав переговоры с Любеком, царь немедленно направил туда своего агента Р. Бекмана. В наказе Бекману значилось: «Посланы с ним опасные грамо-

ты суконным мастерам, рудознатцам, которые умеют находить руду золотую и серебряную, часовникам; так ему промышлять накрепко, чтоб мастеровые люди ехали к царскому величеству своим ремеслом послужить»¹⁵.

Труд ученых и мастеров на Западе ценился очень высоко. Любые переговоры о найме начинались с вопроса о «подъемных» деньгах. В Праге Т. Лонциус сразу объявил царскому эмиссару Г. Крамеру, что он отправится в путь, если тот снабдит его «достаточной суммой денег на путевые издержки» для него лично и для его «имущества, товарищей и слуг»¹⁶. Однако Казенный приказ избегал оплачивать услуги иностранных ученых без предварительного их испытания. Даже медики, приглашенные двором, должны были занимать деньги на проезд. Казна оплачивала расходы иноземных врачей по прибытии их в Россию. На границе им давали «корм» и подводы для проезда в Москву. В столице приезжих тщательно расспрашивали об их учености и мастерстве и лишь после этого назначали денежные оклады¹⁷.

Приглашая иностранных специалистов в Россию, Борис использовал методы личной дипломатии. Он прибегал к посредничеству частных лиц, реже вел переговоры с западными властями. Впрочем, власти пограничных с Россией государств, опасаясь усиления ее военного могущества, слишком часто чинили помехи мастерам, пытавшимся пробраться в Москву. Даже медики, следовавшие в Россию, вынуждены были выдавать себя за купцов, оставлять на родине всякого рода медицинские книги, опасаясь разоблачения на границе¹⁸.

Лишь Англия, ценившая торговые привилегии, предоставленные ее купцам в России, неизменно оказывала помощь Москве в отношении специалистов. В 1600 г. из Англии в Москву прибыли трое ювелиров, в 1603 г. — опытные архитекторы и каменщики. Тогда же в Россию вторично приехал Френшэм, основавший одну из первых московских аптек во времена Ивана Грозного¹⁹. Аптекарь привез с собой всевозможные лечебные и другие препараты, включая шесть видов сахара, неизвестного тогда в России, семь видов «спиритуса», девять видов масел, всякого рода травы и кору.

Внутри России проекты учреждения университета и приглашения западных ученых неизменно наталкивались на сопротивление духовенства. Руководство православной церкви упорно не желало допустить в Москву иноверных ученых людей и доверить им дело образования и воспитания русской молодежи. По словам современников, монахи говорили, что земля Русская велика и обширна и ныне едина в вере, в обычаях и в речи; если же и иные языки, кроме родного, появятся среди русских, то в стране возникнут распри и раздоры²⁰.

В конечном итоге, попытки Годунова привлечь в Россию большое число западных специалистов не увенчались успехом. Немалую роль в этом сыграли финансовые трудности, вызванные трехлетним неурожаем. Затратив на борьбу с голодом огромные суммы, казна не смогла выделить средства для осуществления образовательных проектов. Не имея возможности пригласить видных западных

ученых, московские власти в ряде случаев довольствовались приглашением студентов из западноевропейских университетов.

С первых лет царствования Бориса в правительственных кругах обсуждались проекты посылки на Запад русских студентов²¹. В 1600 г. при обсуждении проекта унии России и Речи Посполитой польские дипломаты предложили включить в договор следующий пункт: «Свободно посылать в обе стороны для обучения юношей, как москвитов к нам, так и наших в Москву». В ходе переговоров русские выразили согласие на то, чтобы после заключения договора разрешить русским посылать детей в Речь Посполитую «в службу и в науку»²².

В связи с развитием русско-английских торговых и дипломатических отношений возник замысел обмена учащимися с целью подготовки знающих переводчиков. План был осуществлен благодаря усилиям Д. Мерика, агента торговой компании. В 1600 г. в Лондон с Мерилом выехали двое иностранных студентов, обучавшихся русскому языку в Москве. Через два года русские власти направили в Англию четырех русских студентов «для науки розных языков и грамотам». Царь Борис сам представил Мерику русских юношей и просил королеву, чтобы им позволено было получить образование и при этом сохранить свою веру. Мерик согласился взять на себя «заботу о их воспитании»²³.

Для учебы за рубеж были посланы Никифор Алферьев сын Григорьев, Софон Михайлов сын Кожухов, Казарин Давыдов, Федор Семенов Кос-

томаров. То были дети боярские из дьяческих семей. Московские приказные люди принадлежали к наиболее образованной части русского общества.

Личное обращение царя к королеве возымело действие. В Лондоне студентам из Москвы был оказан наилучший прием. Осенью 1602 г. Д. Чемберлен сообщил, что прибывшие юноши будут обучаться английскому языку и латыни и с этой целью их предполагается определить в различные школы, как-то: Винчестер, Итон, Кембридж и Оксфорд²⁴. Перед русскими «робятками» открылись двери лучших учебных заведений Англии.

Год спустя московское правительство решило направить за рубеж вторую группу учащихся. На этот раз местом обучения была избрана Германия. После успешных переговоров с царем послы города Любека в июне 1603 г. выехали на родину. В пути к ним присоединились пять студентов, имевших при себе грамоту от Бориса Годунова. Царь просил послов представить русских учащихся городскому совету в Любеке и поместить в школу для обучения немецкому и латинскому языкам. Царь выразил пожелание, чтобы русские юноши оставались в православной вере и не забывали русских обычаев, и сообщал, что берет на себя все расходы на их содержание. В ответном письме царю послы обещали, что московских учащихся поместят в учебные заведения в Любеке и они будут там под присмотром добрых и почтенных людей²⁵.

Учителя немецкой школы в Москве располагали достоверной информацией об образовательном проекте Годунова. С их слов Конрад Буссов

записал сведения о том, что русские студенты были посланы не только в Англию и Любек, но и во Францию. Однако никаких подробностей о лицах, посланных во Францию, не сохранилось. По данным Петра Петрея, несколько русских учеников находились в Стокгольме. Буссов засвидетельствовал, что один из учеников, по имени Дмитрий, позже вернулся на родину из Стокгольма²⁶.

Судьба русских студентов за рубежом сложилась неудачно. В России наступила «Смута», Борис Годунов умер, и царская казна перестала отпускать средства на содержание студентов за границей. Заброшенные на чужбину «робятки» вынуждены были искать свои пути в жизни.

Борис Годунов не жалел средств, когда речь шла о приглашении искусных докторов и аптекарей. При нем в Москве возник Аптекарский приказ, выделившийся из состава дворцового ведомства. По свидетельству Якова Маржарета, главой приказа был «аптечный боярин», ведавший всеми врачами и аптекарями в государстве. Новая должность считалась одной из высших в Боярской думе²⁷. Аптекарский приказ был придворным учреждением и обслуживал царскую семью и близкий к ней круг боярской знати.

Ведущим медиком Аптекарского приказа был Кристофер Рихтингер, венгр по происхождению. Он прибыл в Москву с рекомендательным письмом от королевы Елизаветы в свите ее посла. Рихтингер был практикующим врачом и не имел ученого диплома. Посол просил, чтобы в России ему дали «имя докторское», что и было исполнено. В дальнейшем Борис Годунов благодарил королеву

за доктора Кристофера Венгерца, излечившего его от опасной болезни²⁸.

В качестве служащих Аптекарского приказа врачи получали поместье с 30–40 крепостными крестьянами. По своему денежному окладу доктора приравнивались к окольныхчим. Из дворца медикам ежемесячно отпускали всякого рода натуральное обеспечение: четыре бочки меда, четыре бочки пива, 60 возов дров, примерно 150 руб. на приобретение свежих продуктов и пр. Каждый раз, когда прописанное врачом лекарство помогало царю, медик получал в награду 40 соболей либо бархат на кафтан²⁹.

Борис Годунов придавал деятельности Аптекарского приказа столь большое значение, что назначил руководить им боярина Семена Никитича Годунова – главу сыскного ведомства³⁰.

Функции Аптекарского приказа были весьма разнообразны. Во время переговоров о браке царевича Федора Годунова с английской принцессой посол Р. Барнс сослался на отсутствие у него хроники с родословными лучших английских фамилий. Канцлер А. Власьев тотчас сказал ему, что какая-то английская хроника хранится в Аптеке и он тотчас пришлет ее послу³¹.

Борис ценил своих ученых докторов и много времени проводил в их обществе. Он расспрашивал их об иноземных порядках, советовался о важных государственных делах, особенно религиозных³². Сближение православного царя с иноземными докторами вызывало осуждение со стороны приверженцев старины. Русские писатели считали этот грех Годунова едва ли не худшим: «Едино

же имея неисpravление и от бога отличие, ко-
врачем сердечное прилежание...»³³.

Правление Бориса было временем расцвета
Немецкой слободы на Кокуе, в предместье Моск-
вы³⁴. Среди нескольких сот жителей Немецкой
слободы преобладали выходцы из Ливонии, при-
надлежавшие к протестантскому вероисповеда-
нию. По просьбе немецких врачей Годунов позво-
лил им выстроить себе кирху³⁵. Члены немецкой
колонии в Москве собрали столь много денег на
строительство кирхи, что на оставшиеся после
окончания постройки деньги они открыли школу
в слободе³⁶.

Под влиянием «немцев» в московский быт ста-
ли проникать некоторые новшества³⁷. Самым па-
губным из них поборники православия считали
обычай брить бороду. К великому возмущению
монахов, Борис не только не осуждал, но и поощ-
рял брадобритие³⁸.

Годунов проявил исключительную заботу о бла-
гоустройстве столицы, строительстве и укреплении
городов. При нем в жизнь Москвы вошли неслы-
шанные новшества. В Кремле был сооружен водо-
провод с мощным насосом, благодаря которому
вода из Москвы-реки поднималась «великой муд-
ростью» по подземелью на Конюшенный двор.
Борис велел выстроить каменный мост «з зубцы»
через Неглинную против Тверской улицы. Соору-
жение использовали для устройства плотины и
мельницы, расположенной под мостом. По анало-
гичному проекту был построен мост-плотина че-
рез Волхов в Новгороде³⁹.

Архитекторы Бориса приступили к сооруже-

нию нового царского дворца в Кремле. Строители
успели заложить фундамент «взруб каменной за
Сретением, от Москвы-реки, а на том было взруб
ставити хоромы». Подле Архангельского собора
были выстроены обширные палаты для военных
приказных ведомств. За Неглинной мастера по-
ставили новый земский двор, служивший управой
благочиния, посреди Красной площади сделали
«лобное место каменное, резана, двери-решетки
железные». После большого пожара в Китай-городе
Годунов выделил из казны средства для по-
стройки там каменных торговых рядов⁴⁰.

Строительство превратилось в подлинную
страсть Бориса Годунова. По его приказу надстро-
или столп колокольни Ивана Великого и «подпи-
сали» на нем имя Бориса. Искусные мастера сли-
ли для колокольни огромный колокол — «таков
колокол весом не бывал». Из-за неслыханной тя-
жести его так и не смогли поднять наверх и сло-
жили для него особую деревянную «колокольницу».
Царские архитекторы приступили к возведению
грандиозного каменного собора «святая святых» на
площади за Иваном Великим. Рабочие успели за-
бить сваи и завезти на строительную площадку
камень и известь. Смерть Бориса помешала дове-
сти дело до конца⁴¹.

К числу шедевров русской архитектуры при-
надлежат каменные церкви, воздвигнутые в году-
новских вотчинах в селах Хорошево и Вяземы под
Москвой.

В строительной деятельности Годунова приме-
чательны два момента. Во-первых, некоторые из
его построек оставили заметный след в развитии

русской архитектуры. Во-вторых, Годунов нередко подчинял свои проекты благотворительным целям. В годы голода он продолжал строительство в столице, чтобы обеспечить заработок для неимущей бедноты.

Борис Годунов покровительствовал талантливым строителям и архитекторам. Благодаря его поддержке, в полной мере раскрылся талант Федора Коня. Под руководством этого замечательного мастера строители опоясали Белый город в Москве мощными каменными стенами с 27 башнями. Федор Конь руководил возведением грандиозных крепостных сооружений в Смоленске. Борис сам участвовал в закладке смоленской крепости. По его приказу крепость строили «все города Московского государства». Строительство велось с неслыханным размахом. Спеша с завершением работ, власти в 1600 г. временно запретили по всему государству все каменные постройки, не связанные с нуждами казны, с тем чтобы собрать каменщиков и мастеров в Смоленске. Тем, кто нарушал государеву «заповедь», грозила смертная казнь⁴². Каменный город в Смоленске стал твердыней русской обороны на западных подступах к Москве.

При Годунове были достигнуты успехи в типографском деле. По словам московского летописца, при Борисе книги были «печатаны в розных городах». Новейшие исследования подтверждают достоверность летописного известия. Имеются прямые свидетельства о заведении типографии в Казани⁴³.

Современники с похвалой отзывались о приверженности Бориса делу просвещения, о его об-

ширном строительстве и многом попечении «о державе своей». Люди, знавшие Годунова, считали его редким оратором и восхищались его речами. Как писал англичанин Джером Горсей, Борис одарен хорошими способностями, неучен, но быстрого ума; от природы красноречив и имеет звучный голос⁴⁴. Будучи человеком «сладкоречивым», Борис не любил тратить время в пустой болтовне. Как отметили послы из Любека, на царских аудиенциях в Кремле «пространные разглагольствования не допускаются, так как государь не любит подолгу оставаться в сидячем положении»⁴⁵.

В 1602 г. Борис посетил смертельно больного герцога Ганса Датского, прибывшего в Москву в качестве жениха царевны Ксении Годуновой. Каждый раз при появлении царя у постели герцога разыгрывалась одна и та же сцена. Борис рыдал, вместе с ним выли и причитали все бояре. В комнате стоял невообразимый шум. Один из членов датской свиты услышал и записал в дневнике «плач» Бориса у постели Ганса. «Не заплакала бы и трещина в камне, что умирает такой человек, от которого я ожидал себе величайшего утешения, — причитал царь. — В груди моей от скорби разрывается сердце!»⁴⁶

Обладая несокрушимой волей, Годунов производил впечатление мягкого человека. В минуты душевного волнения он давал волю слезам. В отличие от Ивана IV Борис проявлял редкое постоянство в семейной жизни, был привязан к детям. Перечисляя добродетели Годунова, русские писатели подчеркивали его отвращение к богомерзкому винопитию⁴⁷.

Русским писателям принадлежат лучшие словесные портреты Годунова. По словам одного из них, Борис имел облик благородный и благообразный, «благославлением цветущ и образом своим множеством людей превзошед»⁴⁸.

Англичанин Джером Горсей отметил величественные манеры Годунова, красоту его лица и приветливость в обращении с людьми. Английские послы, побывавшие в Москве в 1604–1605 гг., утверждали, что царь был рослый и дородный человек, выделявшийся своей представительностью, имел правильные черты лица, черные редкие волосы, отличался в упор смотрящим взглядом. Голландец Исаак Масса, живший в России, писал, что Борис Годунов был дороден и коренаст, невысокого роста, лицо имел круглое, волосы и бороду — поседевшие; обладал превосходной памятью и «знал все лучше тех, которые много писали»⁴⁹.

В полной мере современники оценили мудрость Бориса в годы «Смуты», когда трон достался его ничтожным преемникам. Хотя и явились после Бориса другие умные цари, дипломатично заметил дьяк Иван Тимофеев, но их разум лишь тень по сравнению с его разумом. Даже враги, отдавая должное Борису, писали, что у него было множество великих замыслов и только неблагоприятные обстоятельства помешали ему их осуществить⁵⁰.

Трехлетний голод и начавшаяся вслед за тем гражданская война привели к тому, что строительство по всей стране было свернуто и власти не смогли претворить в жизнь проекты развития культуры и просвещения.

Глава 13. Вторжение

В 1604 г. на всех русских границах царил мир. Однако с весны резко ухудшились отношения между Россией и Крымом. Русский посол в Крыму Ф. Барятинский 15 мая 1604 г. уведомил Бориса Годунова о том, что «крымский царь Казы-Гирей на своей правде, на чем шерт дал, не устоял, разорвал с государем царем... вперед миру быть не хочет, а хочет идти на государевы... украины». Одновременно из южных пограничных городов поступили донесения о том, что «на поля ходят крымские татаровя и станичников и сторожей громят, а татаровя конны и цветны и ходят резвым делом о дву конь, и чают их от больших людей»¹.

Тревога оказалась ложной. Тем не менее она определила всю расстановку русских военных сил летом 1604 г. С марта Разрядный Приказ направил воеводу М. Б. Шеина с тремя полками в район Мценска, Новосиля и Орла. Царь Борис объявил о том, что он сам возглавит поход против татар, и произвел смотр артиллерии в Серпухове².

С наступлением лета воеводы П. Н. Шереметев и М. Г. Салтыков с отборными силами выступили в степи и заняли позиции в Ливнах, преградив путь татарскому вторжению³. Военские люди были посланы к засекам на всем пространстве от Перемышля до Рязани. К осени военная тревога миновала. Служба в степных городах была утомительной. Командование не видело необходимости держать дальше армию на южных границах. Дворяне разъехались по своим поместьям.

С чисто военной точки зрения вторжение Лжедмитрия в пределы России имело мало шансов на успех. У самозванца не было ни осадной артиллерии, ни достаточного количества войск, чтобы принудить к сдаче хорошо укрепленные русские крепости. Планируя интервенцию, Мнишек и прочие покровители Отрепьева рассчитывали нанести удар России в тот момент, когда все ее военные силы будут скованы на южной границе крымским вторжением. Расчеты сторонников самозванца не оправдались. К тому же Мнишек не успел собрать к лету войско. Летнее время, наиболее удобное для начала военных действий, было безвозвратно упущено. Осенью шли дожди, и непролазная грязь затрудняла передвижение войск по дорогам.

В Москве знали о военных приготовлениях самозванца, но не придавали им значения, а, кроме того, предполагали, что он не выступит в поход осенью. Московское командование всецело полагалось на свои пограничные крепости, укомплектованные гарнизонами и артиллерией. В Москве знали, что ведущие политические деятели Речи Посполитой (Ян Замойский и др.) категорически отвергали планы войны с Россией. Борис Годунов не предвидел того, что сторонники интервенции возьмут верх при королевском дворе, и считал, что ему удастся избежать войны с помощью дипломатических средств.

В 1604 г. в Краков выехал стрелецкий голова Смирной Отрепьев, дядя самозванца. Он должен был собрать сведения о своем беглом племяннике, а затем публично изобличить его, добившись личной с ним встречи. Летом казаки захватили и вы-

дали самозванцу царского воеводу Петра Хрущева. После этого Борис направил в Польшу гонца Постника Огарева. Гонец заявил протест по поводу пограничных инцидентов, вызванных действиями старосты Остра М. Ратомского. Он передал также требование освободить и отпустить на родину Петра Хрущева⁴.

Царская грамота, составленная в сентябре 1604 г., не оставляет сомнения в том, что в то время в Москве не догадывались о близком вторжении самозванца. При любой угрозе нападения воеводы получали приказ делать засеки на дорогах. В конце лета 1604 г. Петр Хрущев на допросе у самозванца показал, что в Северной земле нет никаких засек: хотя в Москве и знают, что «царевич в Литве есть, но войска его в Северной земле не ждуть». Черниговские воеводы, попавшие вскоре в руки Отрепьева, полностью подтвердили показания П. Хрущева⁵.

Осенью 1604 г. московское командование не приняло никаких мер к усилению западных пограничных гарнизонов и не собрало полевую армию. Все это подтверждает вывод о том, что вторжение застало страну врасплох.

Самозванец был прекрасно осведомлен о положении дел на западной границе России. Он решил наступать на Москву не по кратчайшей дороге – через Смоленск, а круглым путем – через Чернигов. В Чернигово-Северской земле не было таких мощных крепостей, как Смоленская.

Наряду с военным фактором важное значение имели факторы социального характера. Правительство предпринимало настойчивые попытки

насадить на юго-западной и южной окраинах государства поместную систему землевладения, расширить и укрепить уездные дворянские корпорации. Все эти меры лишь отчасти оправдали себя. На южных окраинах дворянство было относительно малочисленным и экономически слабым. Среди городских детей боярских преобладали мелкие и мельчайшие помещики. Не имея свободных фондов распаханной земли, власти наделяли помещиков необработанными участками целины в «диком поле». Такие «дачи» не приносили владельцам дохода. Трехлетний неурожай имел катастрофические последствия для владельцев мельчайших поместий. Возобновление Юрьева дня грозило разорением даже состоятельным помещикам, которые имели в своих владениях крестьян и бобылей. Правительство использовало всевозможные средства, чтобы заселить плодородные земли на Юге России, не задумываясь над последствиями своих мер. Оно рассматривало окраину как подходящее место для ссылки опальных. В конце Ливонской войны царь Иван приказал ссылать в Севск и Курск и «писать» там в казаки опальных холопов, наказанных за доносы на своих господ⁶. Указ имел в виду не столько пашенных холопов, сколько военных послужильцев, чем и объясняется необычность наказания: доносчиков записывали на государеву службу в казаки.

Объясняя успех самозванца, царские дипломаты указывали на то, что «в совете с тем вором с розстригою з Гришкою с Отрепьевым» были «воры – казаки и беглые холопы»⁷. Ссылный люд и беглые холопы действительно принадлежали к

тем группам населения Юго-Запада России, которые наиболее энергично поддерживали Лжедмитрия.

После разгрома восстания Хлопка некоторые из «разбоев», уцелевших от расправы, нашли убежище в северских и южных городах. По словам очевидцев, старые «воры», «иже на конех обыкше и к воинскому делу искусни» (боевые холопы), «отхождаху» в Северщину, где и выступили на стороне Лжедмитрия с оружием в руках: «За се же (за дело Дмитрия. – Р. С.) яшяся крепце вси они вышешепомянутые бегуны, северских и польских градов жители, вечныя холопи московския...»⁸

Свои первые решающие успехи самозванец одержал на Северщине. В северских городах было некоторое количество русских помещиков, имелись воинские контингенты, присланные из Москвы. Кроме беглых и ссыльных холопов, в северских городах осело немало беженцев из центральных уездов, пораженных голодом. Но в массе своей местное население было украинским.

В конце XVI в. по Украине прокатилась мощная волна народных восстаний. Они были жестоко подавлены шляхтой. Многие их участники бежали за Днепр в пределы России. В итоге, северские города к началу «Смуты» оказались переполнены беглым недовольным людом как русского, так и украинского происхождения. Одни попали сюда из России, другие – с Правобережной Украины.

Православное население Украины жестоко страдало от гнета шляхетской Речи Посполитой. Появление православного «царевича» в пределах Литвы подало низам надежду на перемены к луч-

шему. Украинское население Черниговщины поддерживало тесные торговые связи с Киевщиной. Поэтому слухи о пришествии «доброго» царя мгновенно распространились из Киева в северские города.

Объясняя причины «Смуты», русские власти заявляли, что с появлением Лжедмитрия I в пределах Северской земли «тутошние мужики – севрюки глупые – прельстились и поверили» ему. Севрюками называли украинцев, живших в пределах Чернигово-Северской земли. Говоря о мужиках севрюках, московское правительство имело в виду низший слой местного населения. Объясняя сдачу северских городов, русские летописцы писали: «...сиверские мужики и всякие люди чаяли, что он прямой царевичь Дмитрей...»⁹

Сторонники самозванца отводили Северщине особое место в своих планах. В течение многих месяцев они употребляли всевозможные средства, чтобы привлечь на сторону Лжедмитрия жителей Чернигова и его пригородов. Центром их агитации стал замок Остер, стоявший на Десне против Нового Монастыревского острога. Местный староста Михаил Ратомский был одним из самых энергичных приверженцев «царевича». Ратомский не раз засылал лазутчиков в Чернигов. По его приказу литвин Т. Дементьев привез в Монастыревский острог именное письмо «царевича» к тамошнему стрелецкому сотнику. Позже И. Лях и И. Билин из Остра подплыли к острогу и разбросали по берегу грамоты от «Дмитрия»¹⁰.

Агитация в пользу «доброго» царя принесла свои результаты. Обрушивавшиеся на страну бед-

ствия приучили население винить во всех своих бедах царя Бориса. Уповая на «доброго Дмитрия», народ с нетерпением ждал «исхода» «истинного» царя из-за рубежа. На пути из Львова до Киева немало крестьян «показались» и вступили в войско самозванца. Киевские мужики помогли ему переправиться за Днепр. Совершенно так же встречало войско «царевича» украинское население Северщины.

13 октября 1604 г. войско Лжедмитрия, перейдя границу, стало медленно продвигаться к ближайшей русской крепости – Монастыревскому острогу. Предпринимая нападение на соседнее дружественное государство, главнокомандующий самозванца Ю. Мнишек сознавал, что не сможет в случае неудачи и пленения воспользоваться защитой Речи Посполитой. По этой причине он принимал всевозможные меры предосторожности.

Приказав атаману Белешко с казаками двигаться по дороге прямо к Монастыревскому острогу, Мнишек углубился в лес, раскинувшийся кругом на много верст. При нем находились самозванец, шляхта, отряды наемных солдат, экипажи и обозы. Сопровождавшие армию Мнишка иезуиты подтвердили в своих письмах, что шли к Монастыревскому острогу (Моровску) не по дороге, а «через леса и болота». Ротмистру С. Борше начало похода запомнилось тем, что его солдаты нашли в лесу множество вкусных ягод¹¹.

Атаман Белешко беспрепятственно подошел к Монастыревскому острогу и выслал гонца для переговоров. Казак подъехал к стене крепости и на конце сабли передал жителям письмо «царевича».

На словах он сообщил, что следом идет сам «Дмитрий» с огромными силами. Застигнутые врасплох воеводы Б. Лодыгин и М. Толочанов пытались организовать сопротивление. Но в городке началось восстание. Жители связали воевод и выдали их казакам. При всем своем усердии народ не смог немедленно сдать острог «Дмитрию». Воинство Мнишка забилось в леса и болота так глубоко, что ему понадобилось несколько дней, чтобы выбраться из чащи на дорогу и попасть в городок. 18 октября 1604 г. казаки донесли Мнишку о своей победе. На другой день жители крепости доставили «царевичу» захваченных воевод, и лишь 21 октября в 7 часов вечера Лжедмитрий вместе со своим главнокомандующим принял острог из рук восставших¹².

Захлестнувшие Северщину слухи о скором появлении избавителя — «хорошего» царя — расчистили путь самозванцу. Мнимый сын Грозного был встречен ликующими возгласами: «Встает наше красное солнышко, ворочается к нам Дмитрий Иванович!»¹³

Известие о сдаче Монастыревского острога и приближении «царевича» вызвало волнение в Чернигове. Простой народ требовал признать власть законного государя. Среди местных служилых людей царили разброд и шатания. Воевода князь И. А. Татев заперся со стрельцами в замке и приготовился к отражению неприятеля. Но он оставил посад в руках восставшего народа, что решило исход дела. Чтобы справиться с воеводой, черниговцы призвали на помощь прибывший в окрестности города казачий отряд атамана Белешко¹⁴.

Русское командование использовало задержку

самозванца на границе и проявило исключительную расторопность. На выручку к черниговским воеводам стремительно двигался окольный П. Ф. Басманов с отрядом стрельцов. Он находился в 15 верстах от города, когда там произошло восстание.

Призванные черниговцами казаки Белешко бросились к замку, но были отбиты залпами стрельцов. Раздосадованные потерями казаки и прибывшие следом наемные солдаты самозванца воспользовались тем, что горожане открыли им ворота, и бросились грабить посад. Все воинские заслуги армии Мнишка при взятии Чернигова свелись к грабежу города. События в замке развивались своим чередом. Князь Татев не смог удержать в повиновении находившихся при нем казаков, стрельцов и служилых людей.

Русские и иностранные источники одинаково описывают обстоятельства падения Чернигова. По свидетельству «Нового летописца», И. А. Татев пытался оборонять крепость, но среди гарнизона открылась измена, «и приидоша ж вси ратные люди и ево поимаше, и сами здалися к Ростриге...» Согласно Разрядным книгам, черниговцы захватили и выдали самозванцу воевод князя И. А. Татева, князя П. М. Шаховского и Н. С. Воронцова-Вельяминова. Автор «Сказания о Гришке Отрепьеве» обвинил в «Смуте», прежде всего, «черных людей» Чернигова: «...смугишася черные люди и перевязаша воевод...» Иезуиты, вступившие в Чернигов вместе с самозванцем, отметили, что восставшие черниговцы с ожесточением напали на воевод — одних ранили, других повлекли

в тюрьму. Среди дворян одни упорно сопротивлялись, другие тайком соглашались на сдачу¹⁵. Самозванец вступил в Чернигов на другой день после его сдачи. Он выразил гнев по поводу разграбления города, но не смог или не захотел заставить солдат и казаков вернуть награбленное¹⁶. Уже в Чернигове обнаружилось, сколь различным было отношение к самозванцу со стороны верхов и низов русского общества. Народ приветствовал вновь обретенного «царевича», невзирая на свои несчастья. Знатный дворянин Н. С. Воронцов-Вельяминов наотрез отказался признать расстригу своим государем. Отрепьев приказал убить его. Казнь устрасила дворян, взятых в плен. Воеводы Татев, Шаховский и другие поспешили принести присягу Лжедмитрию.

Заняв Чернигов, Мнишек с самозванцем явно боялись углубляться на территорию России. Находившиеся при армии иезуиты писали 1(11) ноября 1604 г.: «Два или три дня спустя войско двинется отсюда в глубь Московии, где, как говорят, путь будет идти миль на 30 лесами к Белгороду»¹⁷. Верный себе Мнишек вновь решил углубиться в леса и, обходя крепости, двигаться вдоль кромки русских земель к Белгороду, где можно было ждать помощь с Дона. Однако под влиянием благоприятных вестей Мнишек вскоре изменил свои планы и выступил к Новгороду Северскому. В авангарде его армии шли две сотни казаков во главе с Я. Бучинским. Казаки пытались завязать переговоры с городскими жителями, грозили воеводам жестокой расправой в случае неповиновения. Но в Новгороде Северском они не добились успеха.

Оборону города возглавил энергичный воевода П. Ф. Басманов. Не успев оказать помощь Чернигову, он отступил в Новгород Северский и в течение недели подготовил крепость к обороне. Число местных служилых людей в городе было невелико: 104 сына боярских, 103 казака, 95 стрельцов и пушкарей. Басманов привел с собой небольшой отряд. Не довольствуясь наличными силами, он запросил подкрепление из близлежащих крепостей. Гарнизон Новгорода Северского был пополнен за счет 59 дворян из Брянска, 363 московских стрельцов и 237 казаков из Кром, Белева и Трубчевска¹⁸.

Власти успели перебросить в крепость «даточных людей», наспех собранных крестьян из дворцовой Комарицкой волости на Брянщине. Если верить поздним Разрядным записям, в Новгород Северский были присланы пять голов «з даточными людьми: Ондрей Матвеев сын Воейков, Иван Петров сын Биркин, Ондрей Бунаков, Борис Угрюмов, Данило Яблочков, а с ними комаричан по пятьсот человек». И. И. Смирнов понял буквально приведенную запись и рассчитал, что в Комарицкой волости было собрано 2500 «даточных людей»¹⁹. Однако имеются основания считать, что в копии Разрядной книги допущено искажение²⁰. Согласно подлинному наградному списку Годунова, Борис Угрюмов и Данила Яблочков участвовали в обороне Новгорода Северского, но первый числился сотником московских стрельцов, а второй – сотником белевских казаков. Андрей Бунаков в течение двух предыдущих лет служил головой в гарнизоне Рыльска, а Иван Биркин был в 1604 г.

головой в Пронске. Вполне возможно, что они прибыли на Северщину с подчиненными им ратными людьми. Один Андрей Воейков с 1603 г. числился головой в Новгороде Северском²¹. Не он ли был послан в Комарицкую волость за «даточными людьми»? Всего Басманов успел собрать в Новгороде Северском до 1000 ратников и, возможно, 500 «даточных людей»²².

Когда казаки из армии Мнишка подступили к городу, воевода П. Ф. Басманов приказал стрелять по ним и отогнал от стен крепости. Узнав о неудаче, Мнишек два дня не решался идти вперед. Его армия стояла обозом в поле²³. Наконец он преодолел замешательство. 11 ноября 1604 г. войско самозванца расположилось лагерем у Новгорода Северского. Три дня спустя солдаты предприняли попытку штурма, но потеряли 50 человек и отступили. В ночь с 17 на 18 ноября последовал генеральный штурм. Басманов имел лазутчиков во вражеском лагере и успел хорошо подготовиться к отражению нападения. Солдаты использовали «примет», чтобы поджечь деревянные стены замка. Но приступ не удался.

Никогда прежде Отрепьев не нюхал пороху, и первая же неудача повергла его в уныние. Он был близок к обмороку, проклинал наемных солдат. Поражение посеяло в его лагере страх и неуверенность. В войске назревал мятеж. После недолгих совещаний наемники решили немедленно отступить от города и вернуться на родину. Однако они не успели осуществить свое решение, поскольку в тот самый момент в лагере стало известно о сдаче Путивля²⁴.

Путивль был ключевым пунктом обороны Черниговской земли и единственным северским городом, располагавшим каменной крепостью. Лишь овладев Путивлем, самозванец мог добиться подчинения Северской Украины. Кто владел Путивлем – тот владел Северщиной. Отрепьев понимал это, и уже его первые военные планы, составленные в 1603 г., предусматривали занятие Путивля как первоочередную задачу. Вторгшись в Россию, Лжедмитрий не посмел напасть на Путивль, поскольку у него не было ни многочисленной армии, ни осадной артиллерии.

Падение мощной крепости поразило современников. Некоторые из них подозревали, что Путивль был сдан вследствие измены воевод. Управляли Путивлем трое присланных из Москвы воевод – М. М. Салтыков, князь В. М. Мосальский и дьяк Б. И. Сутупов. Шведский резидент Петр Петрей записал сведения о том, что Борис Годунов поручил Мосальскому доставить в Путивль казну, а тот якобы отвез деньги в лагерь самозванца. Другой иностранный мемуарист – Исаак Масса – утверждал, что к Лжедмитрию бежал дьяк Сутупов, посланный с деньгами в Путивль. Записи Разрядного приказа обнаруживают недостоверность приведенных свидетельств. В Разряде, составленном не позднее лета 1604 (7112) г., против имени Б. Сутупова помечено: «Богдан послан з государевым денежным жалованьем в северские города»²⁵.

Итак, дьяк Сутупов прибыл в Путивль за несколько месяцев до вторжения самозванца и, следовательно, не мог по пути из Москвы захватить в

его лагерь. Судя по Разрядам, В. М. Мосальский и Б. И. Сутупов прибыли к месту назначения раньше главного воеводы М. М. Салтыкова. Как значится в книгах Разрядного приказа, «в Путивль послал государь окольниково Михаила Михайловича Салтыкова, а там готовы князь Василей князь Михайлов сын Мосальской да дьяк Богдан Иванов»²⁶.

Авторы русских сказаний давали разноречивые оценки поведению путивльских воевод. По словам «Нового летописца», «в Путивле окаянной князь Василей Рубец Масальской да дьяк Богдан Сутупов здумаша так же (как черниговцы. — Р. С.) ... послаша с повинною». В «Сказании о Гришке Отрепьеве» можно прочесть, что Мосальский примкнул к изменникам «черным людям» вместе с Сутуповым. Автор «Повести 1626 г.», напротив, считал, что Мосальский, как и Салтыков, противился мятежу и убеждал народ, что «вор» — это Гришка Отрепьев²⁷.

Письмо, написанное неизвестным поляком из-под Новгорода Северского в дни мятежа в Путивле, не оставляет сомнения в достоверности второй версии. Поляк писал, что двое путивльских воевод (один из них сенатор и любимец Бориса) пытались противодействовать мятежу, но их связали и увезли в лагерь самозванца. Из письма следует, что только один воевода из трех примкнул к «черни» и добровольно встал на сторону Лжедмитрия. Этим воеводой был, очевидно, дьяк Сутупов, человек незнатного происхождения. Член Боярской думы М. М. Салтыков решительно отказался присягнуть самозванцу, чем навлек на

себя гнев народа. Путивляне поволокли воеводу к «царевичу» на веревке, которую привязали к его бороде²⁸.

Путивль был главным торговым центром Северной Украины и имел многочисленное посадское население²⁹. Однако в путивльском восстании участвовали не только посадские люди, но и местный гарнизон. Крупнейшим воинским соединением гарнизона был приказ из 500 конных пищальников, которых называли на украинский манер самопальниками. Приказ был сформирован лет за 10 до «Смуты». Власти предполагали укомплектовать приказ за счет мелкопоместных детей боярских, но им удалось организовать лишь одну дворянскую сотню. Прочие самопальники были набраны из числа местных казаков (севрюков), выходцев с Правобережной Украины (черкас), стрельцов, пушкарей, посадских людей.

Путивльские служилые люди приняли участие в восстании, рассчитывая на то, что «добрый» царь облегчит их участь. Гарнизон Путивля встал на сторону восставшего народа. Верность Борису сохранили лишь московские стрельцы, присланные в город вместе с воеводами.

Самозванец узнал об аресте путивльских воевод 18 ноября 1604 г. День спустя жители города дали знать о «поимании 200 стрельцов московских». 21 ноября повстанцы выдали «царевичу» голову стрелецкого с сотниками. Приведенная запись из польского походного дневника дает основание предполагать, что посланные в Путивль московские стрельцы оказывали сопротивление восставшим в течение одного-двух дней.

Путивльские дворяне составляли малочисленную прослойку по сравнению с другими группами населения, но они были наилучшим образом вооружены и сохраняли значение ведущей политической силы. Московским воеводам, возможно, удалось бы подавить народные выступления, если бы они располагали прочной поддержкой местных дворян. Однако имеется множество признаков того, что путивльские дети боярские «всем городом» выступили на стороне «Дмитрия», а это и определило исход восстания. Руководителями путивльского повстанческого лагеря стали местные дети боярские Ю. Беззубцев и С. Булгаков. По-видимому, они сыграли выдающуюся роль в перевороте, чем и объясняется их последующая карьера.

Вступив на трон, Лжедмитрий I предоставил путивльским помещикам исключительные льготы, на 10 лет освободив их земли от податей. Не менее важное значение имел указ Лжедмитрия I о крестьянах, суливший наибольшие выгоды северским и южным помещикам. Дворяне Путивля, подобно дворянам многих других южных уездов, не несли службу в составе «государева двора», что также сказалось на их позиции. Заручившись поддержкой «служилого города» в Путивле, самозванец добился важного политического успеха. Очень скоро Путивль стал признанным центром повстанческого движения в России.

В Путивле в воеводской казне хранились крупные суммы, предназначенные для выплаты жалования служилым людям и крепостного строительства. Во время восстания дьяк Б. Сутупов уберег

казну, а затем доставил ее самозванцу в его лагерь.

В наемной армии под Новгородом Северским назревал мятеж. Восставшие путивляне спасли положение, снабдив самозванца казной. Последовав примеру черниговских воевод, В. М. Мосальский присягнул «царевичу». Довольно скоро Мосальский и Сутупов стали самыми деятельными помощниками Лжедмитрия.

Пять недель шла борьба за северские города, прежде чем восстание перебросилось из Северной Украины на смежные русские уезды. Расположенные поодаль от границы, русские города были затронуты агитацией в пользу самозванца значительно меньше, чем северские города. Тем не менее в них было много горючего материала. Из Путивля восстание перебросилось в Рыльск, Курск и далее на северо-восток. В самом начале кампании московское командование перебросило в Рыльск 300 московских стрельцов. Однако рыльский воевода А. Загряжский не сумел подавить восстание населения. Весть о событиях в Рыльске была получена в лагере под Новгородом Северским 25 ноября 1604 г., а 1 декабря восставшие привели к «царевичу» пять воевод из Рыльска³⁰. В тот же день стало известно о восстании в Курске.

Летом 1604 г. Разрядный приказ назначил воеводой Курска князя Г. Б. Рошу-Долгорукого. Его помощником был голова Я. Змеев. Куряне связали воевод и доставили их к Лжедмитрию. Воеводам пришлось выбирать между милостями нового «государя» и тюрьмой, и они поспешили присоединиться к тем, кто согласился служить «вору». Про-

шло совсем немного времени, и Лжедмитрий назначил Г. Б. Долгорукого и Я. Змеева своими воеводами в Рыльск³¹.

Полагают, что «уже осенью 1604 г. лозунг борьбы «за царя Дмитрия» оказался тесно связанным с призывами к истреблению бояр и дворян...»³² Факты не подтверждают такой вывод. В ряде северских городов дети боярские «всем городом» переходили на сторону Лжедмитрия, чем определялась легкость переворота. Восставший народ нападал на воевод, московских стрельцов и других лиц, выступавших против «доброего» царя, но принимал их в свою среду и даже подчинялся их авторитету, коль скоро те переходили на сторону Лжедмитрия.

Источники сохранили мало данных о настроениях и действиях крестьян. Однако следует подчеркнуть один существенный момент. К осени 1604 г. деревня еще не преодолела последствий трехлетнего неурожая и голода.

Архивы Новодевичьего монастыря сохранили материалы, живо характеризующие положение крестьян в монастырских вотчинах на Юге страны. Крестьяне Оболенских сел жаловались, что многие из них «пашен своих ко 112-му (1604. – Р. С.) году не сеяли, потому что хлеба на семена взять негде». Проверка подтвердила, что пашня в Оболенских селах в 1604 г. продолжала сокращаться, что крестьяне терпят нужду: «У иного корова да кляча есть, а у иного нет, а хлебом добре нужны». Власти богатого столичного монастыря решили сложить с сел денежный оброк, чтобы «крестьяне в Оболенских селех скрепились и

не розбежались». Однако казна продолжала неукоснительно взыскивать с разоренной деревни царские подати. Между тем оболенские крестьяне в своих челобитных 1604 г. жаловались в особенности на непосильность государевых поборов и повинностей. Власти «правили» на них «ямским охотником подмоги хлебные и денежные», привлекали к трудовой повинности по строительству острога в Серпухове³³. С началом войны на деревню были возложены новые обременительные обязанности. За счет принудительных наборов среди крестьян были укомплектованы отряды «даточных людей» и многотысячная посопная рать, перевозившая войсковые обозы и артиллерию.

Положение на Брянщине и Орловщине мало чем отличалось от положения в Серпуховском округе, где находились Оболенские села.

Плодородные земли Северной Украины были затронуты неурожаем и голодом в меньшей мере. Но именно поэтому казна отказывала местным крестьянам в каких бы то ни было податных льготах, стремясь компенсировать огромные недоимки в других уездах. Из-за осенней распутицы власти не имели возможности своевременно набрать «даточных» и «посошных» людей в отдаленных уездах государства, и поэтому тяжесть этой повинности испытали на себе, прежде всего, крестьяне юго-западных районов, ближе всего расположенных к театру военных действий.

Первой крестьянской волостью, примкнувшей к восстанию в пользу Лжедмитрия, явилась обширная Комарицкая волость на Брянщине. 25 ноября (5 декабря) 1604 г. автор поденной записки похо-

да самозванца пометил в своем дневнике: «... из Комарицкой волости люди приехали с объявлением о подданстве и двух воевод привели». Борьба в волости продолжалась по крайней мере пять дней. 1 (11) декабря в дневнике появилась запись о том, что комаричи привели еще двух воевод «из комарицкой волости»³⁴.

Объясняя причины восстания в Комарицкой волости, историки высказали предположение, что еще при царе Федоре эта волость была передана во владение Борису Годунову, а тот олицетворял собой и боярина-феодала, и главу крепостнического государства. Однако данные, обнаруженные В. И. Корецким, не оставляют сомнения в том, что при царе Борисе Комарицкая волость была дворцовой. Дворцовые крестьяне находились в лучшем положении, нежели закрепощенные частновладельческие крестьяне. По словам Исаака Массы, Комарицкая волость была населена богатыми мужиками. Русские источники подтверждают это известие³⁵. Трехлетний неурожай сказался на положении и этой богатой волости, но все же комаричи не испытали тех бедствий, которые выпали на долю населения многих других районов, массами умиравшего от голода.

Для управления обширной дворцовой волостью власти еще в 1603 г. направили к комаричам голову: «Во Брянском уезде в Комарицкой волости голова Иван Нарматцкой». Боярские списки подтверждают его назначение. Нармацкий ранее служил дьяком в приказе, а потому имел опыт, необходимый дворцовому приказчику³⁶.

Невзирая на неурожай, комаричи должны

были выплатить казне и дворцу подати и оброки. Еще более тяжелыми оказались натуральные повинности. Когда И. Нармацкий обязал волостных людей выставить для войны с «Дмитрием» 500 человек «даточных людей», негодование крестьян достигло предела. Какой бы обширной ни была Комарицкая волость, там не могло быть четырех воевод. Очевидно, автор польского походного дневника именует «воеводами» приказных людей детей боярских, захваченных в Комарицкой и в других соседних волостях.

Характерно, что в 1603 г. одновременно с посылкой И. Нармацкого в Комарицкую волость власти назначили сына боярского У. А. Матова в Сомовскую волость, располагавшуюся на Орловщине, в 30 верстах от Карачева. Осенью 1604 г. воевода А. Р. Плещеев получил приказ спешно идти в Карачев и в Комарицкую волость. С ним были несколько десятков жильцов, «да конюхи, да псари»³⁷. Необычный состав отряда позволяет высказать предположение, что Плещеев возглавлял карательные силы, предназначенные для подавления крестьян в карачевских и брянских волостях. Сомовская волость находилась в 40 верстах к северу от Комарицкой. Возможно, очаг крестьянских восстаний включал не только Комарицкую, но и соседнюю Сомовскую волость, а также некоторые другие волости³⁸.

3 декабря 1604 г. в лагере Лжедмитрия стало известно, что «волость Кромы поддалась». Службу в Кромах несли в 1603–1604 гг. осадный голова Иван Матов и городовые приказчики Осип Виденьев и Иван Грудинов. Власти не ждали нападе-

ния на Кромы и ослабили и без того малочисленный гарнизон. Дело дошло до того, что Матову пришлось отослать в действующую армию четырех своих конных боевых слуг. Согласно польскому походному дневнику, на сторону «Дмитрия» перешла «волость Кромы»³⁹. Иначе говоря, восстание в небольшой крепости было поддержано населением сельской округи.

Уцелевший фрагмент разрядных документов, посвященный военным действиям в районе Кром и Орла, показывает, какую роль играло крестьянское население в распространении восстания от уезда к уезду. В конце 1604 г. власти города Орла донесли в Москву, что пришли «на орловские места войною Околенские волости мужики и кромчане»⁴⁰.

Кромы располагались к югу от Орла, на дороге Курск—Орел. Околенки — центр Околенской волости — находились к западу от Орла, на расстоянии 42 верст от Карачева. Через Околенки проходила прямая дорога из Орла на Карачев. Восстание в Околенской волости создало угрозу для Карачева. На помощь местному гарнизону был послан отряд правительственных войск: «В Карачев послан Алексей Романов сын Плещеев, а с ним посланы жильцы, да конюхи, да псари»⁴¹.

Восставшие «мужики» из Околенской волости действовали очень энергично. Они объединились с отрядами из Кромской волости и попытались поднять против царя Бориса население Орла. Если бы кромчанам удалось «смутить» Орел, это открыло бы восставшим прямой путь на Москву. Оценив опасность, командование перебросило в Орел голов Г. Микулина и И. Михнева с дворянскими сот-

нями. Из-за недостатка сил в Орел были вызваны дворяне и дети боярские из Козельска, Белева и Мещовска, несшие годовую службу в Белгороде⁴².

Царь Борис доверял Г. Микулину и в 1600 г. направлял его послом в Лондон. Микулин не допустил восстания в Орле, поскольку имел возможность опереться на сильные дворянские отряды. Высланная из города дворянская сотня наголову разгромила «мужиков» и отбросила их от Орла.

Несмотря на неудачу повстанцев под Орлом, восстание на Брянщине и Орловщине существенно изменило ситуацию на театре военных действий. Теперь самозванец имел обеспеченный тыл и возможность пополнить свои ресурсы.

Вести об успехах «истинного» царя проникли в осажденный Новгород Северский и посеяли там семена смуты. Воеводе П. Ф. Басманову с трудом удалось справиться с кризисом.

После отступления Лжедмитрия власти щедро наградили всех участников обороны крепости. Не были забыты ни стрелецкие дети, ни бортники, ни монахи, ни слепой старец, ходивший лазутчиком в «воровской» стан, однако среди награжденных не было посадских людей и «даточных» — комаричей. С. Ф. Платонов склонен был объяснить этот факт отсутствием сколько-нибудь значительного посада в Новгороде Северском. Однако с таким объяснением трудно согласиться. Современники отмечали, что Басманов, прибыв в город, приказал сжечь примыкавший к крепости посад, а жителей загнал в острог. Запись дневника участника осады дает ключ к отмеченному С. Ф. Платоновым парадоксу. 28 ноября (8 декабря) 1604 г., за-

писал автор поденной записки, «передалось Москвы из замка 80»⁴³. Как видно, среди населения Новгорода Северского произошли волнения. Сторонники «царевича» пытались поднять мятеж, но потерпели неудачу и бежали из крепости.

Начиная с 1 декабря 1604 г. осаждавшие стали обстреливать Новгород Северский из тяжелых орудий, привезенных из Путивля. Канопада не прекращалась ни днем, ни ночью. Гарнизон нес большие потери. После недельного обстрела враги «разбиша град до обвалу земного»⁴⁴.

Чтобы выиграть время, П. Ф. Басманов начал переговоры с Лжедмитрием и просил о предоставлении ему двухнедельного перемирия, будто бы необходимого для принятия решения о сдаче крепости. Мнишек и самозванец согласились на просьбу воеводы. Басманов использовал перемирие, чтобы получить подкрепления из городов, сохранивших верность Годунову. Отряд правительственных войск, действовавших неподалеку от Новгорода Северского, предпринял успешную попытку прорваться в осажденную крепость. 14(24) декабря, отметил автор польского походного дневника, «москвы 100 вошло в замок». Автор дневника называл «москвой» всех русских ратников – и местных, и присланных из Москвы⁴⁵.

Не располагая крупными силами, московское командование было вынуждено посылать против Лжедмитрия и его сторонников разрозненные отряды. Вслед за П. Ф. Басмановым «в Северу» выступил воевода М. Б. Шеин. В Орел на помощь тамошним головам прибыл воевода Ф. И. Шереметев, вскоре переброшенный под Кромь. По сло-

вам Я. Запорского, осада Кром продолжалась в общей сложности 23 недели, иначе говоря, она началась в первых числах декабря 1604 г. В роспись главной армии 1604 г. дьяки включили списки, озаглавленные «Да в большом же полку з бояры и воеводами жильцов и дворян выборных из городов, которые были с воеводою с Федором Шереметевым...»⁴⁶. Поименованные дворяне из отряда Шереметева не были учтены в итоговых цифрах росписи, составленной к концу ноября 1604 г. Это значит, что список шереметевских дворян был включен в общую роспись в декабре, во всяком случае до 21 декабря, поскольку некоторые из этих дворян участвовали в неудачной битве под Новгородом Северским⁴⁷. Воевода Ф. И. Шереметев лишился даже собственной вооруженной свиты: еще до выступления в поход 60 его боевых холопов были отряжены в главную армию⁴⁸. Не располагая достаточными силами, Шереметев был вынужден прервать на время осаду Кром.

Борис Годунов объявил о мобилизации всего дворянского ополчения после того, как узнал о первых успехах самозванца. Разрядный приказ получил распоряжение собрать полки в течение двух недель. Царское повеление было повторено трижды, но выполнить его не удалось. Потребовалось не менее двух месяцев, чтобы вызвать дворян из их сельских усадеб в места формирования армии. Осенняя распутица затрудняла мобилизацию.

В октябре 1604 г. Разрядный приказ составил две росписи. Согласно первой, князь Д. И. Шуйский с тремя полками должен был выступить к Чернигову, согласно второй – к Брянску. Однако даже

армию из трех полков удалось укомплектовать лишь в ноябре. Д. И. Шуйский начал поход «на Северу» только 12 ноября, «на Дмитриев день». Участник похода Конрад Буссов называет ту же дату. По его словам, Борис сурово наказал тех, кто уклонялся от службы: некоторых доставили к месту службы под стражей, у других отписали поместья, третьих наказали батогами; наконец дворяне собрались в Москве ко дню св. Мартина, т. е. к 12 ноября⁴⁹. В Брянске армия сделала длительную остановку, ожидая пополнений. Туда прибыл главнокомандующий князь Ф. И. Мстиславский⁵⁰. Собранная в Брянске армия была разделена на пять полков.

Анализируя первые распоряжения Годунова, С. Ф. Платонов сделал вывод, что его ошибки весьма способствовали успеху самозванца. Опасаясь вторжения войск самозванца со стороны Орши, царь назначил сборным пунктом для главной армии Брянск, одинаково близкий к Смоленску и к Орше, вследствие чего воеводы потеряли много времени⁵¹. По-видимому, это не совсем верно. Брянск был выбран местом сосредоточения по той простой причине, что через этот город проходила большая дорога, издавна связывавшая Москву с Северной землей.

Несмотря на все старания Разрядного приказа, главные силы русской армии смогли войти в соприкосновение с войском Мнишка лишь через два месяца после начала интервенции. Царские воеводы действовали вяло и нерешительно. Они прибыли в окрестности осажденного Новгорода Северского 18 декабря 1604 г. и провели три дня в

полном бездействии. 20 декабря войска выстроились друг против друга на поле, но дело ограничилось мелкими стычками. Самозванец старался оттянуть битву переговорами, и это ему отчасти удалось. Мстиславский ждал подкреплений и не спешил с битвой.

В архивах сохранилась Разрядная роспись полков Ф. И. Мстиславского с точными данными о численности царской армии. По наблюдению В. Д. Назарова, составление росписи было закончено в первых числах декабря 1604 г. В росписи имеются пометы о гибели дворян, убитых в сражении с войсками самозванца. Издатели росписи С. П. Мордовина и А. Л. Станиславский полагают, что названные пометы относились к битве под Добрыничами 21 января 1605 г., из чего следует, что Разрядную роспись продолжали пополнять и в январе 1605 г.⁵² Полагаем, что пометы «в полону», «убит» следует отнести к битве под Новгородом Северским в декабре 1604 г., поскольку разгром и бегство армии самозванца в битве под Добрыничами исключали возможность пленения годуновских дворян. После 21 декабря 1604 г. роспись, по-видимому, не пополнялась новыми сведениями. Именно поэтому в нее не попали сведения о прибытии в армию в январе 1605 г. значительных подкреплений из Москвы во главе с боярином князем В. И. Шуйским, занявшим пост второго воеводы⁵³.

Боевой состав царской армии, по росписи, составлял 25 336 человек. Яков Маржарет считал, что у Мстиславского было до 40–50 тыс. человек⁵⁴. Видимо, в это число входили боевые холопы, «пошошные люди» при обозе и пр.

По данным А. Гиршберга, армия самозванца насчитывала 38 тыс. человек⁵⁵. Указанная им цифра лишена достоверности. Без сомнения, войско Мнишка в количественном отношении далеко уступало армии Мстиславского. Самозванец оказался в трудном положении, имея в тылу осажденную крепость, а перед фронтом — превосходящие силы неприятеля. Накануне битвы Басманов велел палить из всех пушек и делал частые вылазки, вследствие чего Мнишек отрядил против крепости часть казацкого войска.

Между тем Мстиславский не сумел использовать всех выгод своего положения. Мнишек перехватил инициативу. 21 декабря 1604 г. польские гусарские роты стремительно атаковали правый фланг армии Мстиславского. Полк правой руки, не получив помощи от других полков, в беспорядке отступил, увлекая за собой соседние отряды. Среди общего смятения одна из гусарских рот, следуя за отступавшими русскими, повернула вправо и неожиданно оказалась позади расположения большого полка, подле ставки Мстиславского. Там стоял большой золотой стяг, укрепленный на нескольких повозках. Гусары подрубили древко и захватили стяг. Они сбили с коня Мстиславского и нанесли ему несколько ударов в голову. Безрассудно храбрый налет не мог дать больших результатов. Подоспели стрельцы. Кто из гусар успел вовремя поворотить коня — спасся. Прочие же, вместе с их капитаном Домарацким, попали в плен.

Царские воеводы имели возможность использовать свое численное превосходство, но они так

и не ввели в дело главные силы. Ранение главнокомандующего вызвало растерянность. В. В. Голицын, А. А. Телятевский и другие воеводы поспешили отвести свои полки и полностью очистили поле боя⁵⁶.

Самозванец мог праздновать победу. По утверждению его соратников, поляки потеряли убитыми около 120 человек, тогда как русских полегло до 4 тыс. Данные о русских потерях были сильно преувеличены. Кроме того, надо иметь в виду, что поляки считали всех убитых русских вместе — и государевых ратников, и «воровских» людей. Хоронили их без разбора в трех больших могилах. Опытный солдат Яков Маржарет, участвовавший в битве, отметил, что обе армии после двух-трехчасовой стычки разошлись без особых потерь. Его слова подтверждаются малочисленными пометами об убитых дворянах в упомянутой выше росписи русской армии⁵⁷.

Успех Мнишка носил частный, преходящий характер. Общее положение на театре военных действий не изменилось. Мнишку предстояло продолжать утомительную и бесплодную осаду Новгорода Северского и ждать нового натиска многочисленной царской рати.

Самым неотложным для самозванца вопросом было безденежье. Одержав верх над Мстиславским, наемники немедленно потребовали у «царевича» плату. Казна, привезенная из Путивля, была почти вся истрачена. Но «рыцарство» не желало слышать ни о каких отсрочках. Чтобы успокоить недовольных, Лжедмитрий тайно раздал деньги роте, заслужившей его особую милость. Об этом

немедленно узнали другие роты. 1 января 1605 г. в лагере вспыхнул открытый мятеж. Наемники бросились грабить обозы. Они хватали все, что попадало им под руки: запасы продовольствия, снаряжение, всякого рода скарб. Мнишек пытался прекратить грабеж, но добился немногого. Следующей ночью мятеж возобновился с новой силой. Тщетно самозванец ездил между солдатских палаток, падал на колени перед рыцарством и умолял не оставлять его. Наемники вырвали у него знамя, а под конец сорвали с него соболью ферязь. Отрепьева осыпали площадной бранью. Кто-то крикнул ему вдогонку: «Ей-ей, быть тебе на колу!»⁵⁸

Наемная армия стала распадаться. Большая часть солдат, по словам очевидцев, покинула лагерь и 2 января 1605 г. отправилась к границе. В тот же день самозванец сжег лагерь и отступил из-под Новгорода Северского по направлению к Путивлю. Мнишек, еще недавно уговаривавший солдат остаться на «царской» службе, внезапно сам объявил об отъезде из армии. 4 января главнокомандующий и его люди «разъехались с его милостию царевичем»⁵⁹. Престарелый магнат не желал более испытывать судьбу. Его отъезд в Польшу дал новое направление самозванческой интриге. До поры до времени Отрепьев оставался не более чем куклой в руках польских покровителей. Теперь интрига стала ускользать из-под контроля Мнишка и тех, кто стоял за его спиной.

Отъезд Мнишка был связан не только с распадом собранной им наемной армии. В чисто военном отношении прибывшее сильное запорожское войско вполне компенсировало потерю наемников.

Мнишка не устраивало другое. Его пугало то, что «царевича» поддерживало простонародье и мелкие служилые люди. Надежды на восстание недовольных Годуновым бояр не оправдались. Главные московские бояре прислали в лагерь под Новгород Северский грамоты, адресованные лично Мнишку и полные угроз. Королевский сенатор чувствовал себя неуютно среди восставшей русской черни. Он утратил надежду склонить на сторону «царевича» начальных бояр. Посольский приказ так прокомментировал отъезд гетмана из «воровского» войска: «Отошел воевода сендомирский от того вора собою после того, как ему был бой с бояры, а отходил для помочи тому вору, а не за королевским повелением, и староста остринский Михаил Ратомской, и Тышкевич, и ротмистры остались»⁶⁰.

При отъезде Мнишек уверял нареченного зятя, что на сейме, на котором ему надлежит быть, он будет защищать дело «царевича», пришлет ему подкрепления и пр. Вместе с гетманом Юрием Мнишком, его главным полковником Адамом Жулицким, ротмистрами Станиславом Мнишком и Фредрой за рубеж ушли около 800 солдат. Лжедмитрию удалось удержать при себе пана Тышкевича, Михаила Ратомского и некоторых ротмистров. Немалую помощь ему оказали иезуиты, находившиеся в войске. На развилке дорог они последовали не за Мнишком, а за «царевичем». Их пример подействовал на многих колеблющихся солдат. Благодаря помощи ротмистров и капелланов, Отрепьев удержал при себе от 1500 до 2000 солдат⁶¹.

С отъездом Мнишка в окружении Лжедмитрия возобладали сторонники решительных действий. Покинув лагерь под Новгородом Северским, самозванец мог затвориться в каменной крепости Путивля или уйти в Чернигов, поближе к польской границе. Вместо этого он двинулся в глубь России.

В начале января 1605 г. Лжедмитрий беспрепятственно занял Севск, располагавшийся в центре Комарицкой волости. Восставшая волость предоставила войску самозванца не только теплые квартиры, продовольствие и фураж, но и воинские контингенты. По словам Якова Маржарета, под Севском он «набрал доброе число крестьян, которые приучались к оружию». Данные о потерях в битве под Добрыничами показывают, что повстанческая армия достигла наибольшей численности как раз во время пребывания Лжедмитрия в Комарицкой волости. В ее составе было по крайней мере 4 тыс. запорожцев, несколько сот донских казаков⁶². Еще более многочисленными были повстанческие отряды, сформированные из комарицких мужиков и жителей восставших городов.

Армия Лжедмитрия была вновь готова к бою. По своему обличку она заметно отличалась от армии Мнишка. Впервые в ее состав вошло значительное число крестьян. Однако руководили войском самозванца те же силы, что и прежде. Наемные роты возглавляли польские шляхтичи. Отряды детей боярских из Путивля и других северских городов имели своих предводителей.

После неудачного столкновения под Новгородом Северским царь Борис не только не объявил опалу Мстиславскому, но, напротив, пожаловал

князя — «велел о здравии спросить» и прислал придворного врача для его излечения. В особом послании Годунов поблагодарил боярина за то, что тот, помня бога и присягу, пролил свою кровь. Борис оказал честь всем ратным людям, участвовавшим в битве, повелев здравствовать их⁶³.

Прошел месяц, прежде чем Мстиславский оправился от ран. Разрядный приказ использовал затянувшуюся паузу для того, чтобы пополнить таявшую армию свежими силами. В январе 1605 г. на помощь Мстиславскому прибыл князь Василий Шуйский с царскими стольниками, стряпчими и «большими» московскими дворянами⁶⁴. Первостепенная столичная знать должна была разделить с уездным дворянством тяготы зимней походной службы. 20 января Мстиславский разбил свой лагерь в большом комарицком селе Добрыничи, неподалеку от Чемлыжского острожка, где находилась ставка Лжедмитрия.

Узнав о появлении царской рати, самозванец созвал военный совет. Наемные командиры предлагали не спешить с битвой, а затеять переговоры с боярами. Но в повстанческой армии их голос все же не имел прежнего значения. Ротмистр С. Борша записал, что «царевич» перед битвой долго советовался, в особенности же с казаками, «потому что в них полагал всю надежду». Атаманы высказались за то, чтобы немедленно атаковать воевод, не вступая с ними ни в какие переговоры⁶⁵.

Повстанцы вели войну своими способами. С наступлением ночи комарицкие мужики только им известными тропами провели ратников Лжедмитрия к селу Добрыничи. Восставшие намеревались

поджечь село с разных сторон и вызвать панику в царских полках накануне решающей битвы. Однако стража обнаружила их на подступах к селу.

Рано утром 21 января 1605 г. армии сблизились и завязали бой. Гетман Дворжецкий решил в точности повторить маневр, который обеспечил успех самозванцу под Новгородом Северским. Гусары должны были опрокинуть правый фланг русских, а пехота, оставленная в тылу, довершить победу. Запорожская конница имела задачу сковывать силы русских в центре. Пешие казаки прикрывали пушки, стоявшие позади фронта.

Следя за передвижениями противника, Мстиславский выдвинул вперед полк правой руки под командой Шуйского, а также отряды Маржарета и Розена, составленные из служилых иноземцев. Гетман Дворжецкий немедленно атаковал Шуйского, собрав воедино свою немногочисленную конницу. В атаке участвовало около 10 конных отрядов: 200 гусар, 7 рот конных копейщиков, отряд шляхты из Белоруссии и отряд русских всадников⁶⁶. Не выдержав яростной атаки, воевода Шуйский дрогнул и стал отступать. Расчистив себе путь, конница Дворжецкого повернула к селу, на окраине которого стояла русская пехота с пушками. Тут она была встречена мощными орудийными и ружейными залпами и повернула назад. Отступление завершилось паническим бегством.

Взаимная ненависть и недоверие шляхты и вольных запорожцев раздирали армию самозванца изнутри. Ротмистры утверждали, будто виновниками катастрофы были запорожцы. Когда ветер принес со стороны русского лагеря клубы

дыма, писал С. Борша, запорожцы будто бы испугались и бросились бежать, а гусары бросились вслед, убеждая их вернуться. По словам Г. Паэрле, казаки изменили и побежали, потому что были подкуплены Борисом, что открылось уже после битвы⁶⁷. Сам самозванец, пытаясь скрыть от своих покровителей личное участие в неудачной битве, в письме Рангони от 8 (18) апреля 1605 г. утверждал, будто недавно узнал о причинах прискорбного бегства к крепости Севск (в Комарицкой области) 111 экспедиции под командованием стольника И. Папроцкого, которое «произошло из-за того, что запорожская пехота без всякой причины оставила поле боя... и бежала в смятении»⁶⁸.

На самом деле в поражении повинны были не казаки. Свидетельство участника боя Маржарета позволяет точно определить, кто первым побежал с поля битвы. Залп из 10–12 тыс. ружейных стволов, писал Маржарет, поверг атакующую польскую конницу в ужас, и она в полном смятении обратилась в бегство. Участники атаки единодушно утверждали, что пальба сама по себе причинила немного вреда нападавшим: было убито менее десятка всадников. Однако поляки хорошо помнили, чем кончилась безрассудно лихая атака капитана Домарацкого под Новгородом Северским. На поддержку запорожцев они не рассчитывали, не доверяя им. По словам Маржарета, оставшаяся у самозванца конница и пехота пытались поддержать атаку гусар и с редким проворством двинулись им на помощь, думая, что дело выиграно. Однако, столкнувшись с отступавшими в полном беспорядке гусарами, казаки повернули вспять⁶⁹.

Вопреки утверждению самозванца, именно казаки предотвратили полное истребление его войска. Преследуя гусар, русские натолкнулись на батарею, которую прикрывала пехота. По признанию Борши, казаки, оставленные при орудиях, хорошо держались против русских⁷⁰. Брошенные на произвол судьбы, они почти все полегли на поле боя.

Самозванец потерял почти всю свою пехоту. Конница понесла меньшие потери, чем отряды казаков и комарицких мужиков. Поляки исчисляли свои потери 3 тыс. человек. Маржарет считал, что у противника было 5–6 тыс. убитых. В официальных отчетах воевод фигурировала еще большая цифра. Согласно Разрядной записи, на поле боя было найдено и предано земле 11,5 тыс. трупов. Большинство из них (7 тыс.) составляли будто бы «черкасы» (украинцы). В руки победителей попали 15 знамен и штандартов и вся артиллерия – 30 пушек⁷¹.

Лжедмитрий возглавлял атаку гусар вместе со своим гетманом Дворжецким. Первая и последняя в его жизни атака закончилась позорным бегством. Во время отступления под ним была ранена лошадь, и он чудом избежал плена. Самозванец сначала укрылся на Чемлыже, а затем скрытно от всех покинул лагерь и ускакал в Рыльск. Запорожцы, узнав о его бегстве, пустились по его следам, «но под стенами Рыльска их встретили ружейной пальбой и поносными словами как предателей государя Дмитрия Ивановича». Некоторые русские источники подтверждают польскую версию о том, что запорожцы хотели расправиться с

самозванцем и отомстить за своих погибших товарищей⁷².

Дворянские полки устроили повстанцам кровавую баню на поле боя. Но этим дело не ограничилось. В руки воевод попало множество пленных. Их разделили на две неравные части. Полякам была дарована жизнь, и их вскоре увезли в Москву. Всех прочих пленных – детей боярских, стрельцов, казаков, комаричей – повесили посреди лагеря.

Воеводы не удовлетволялись казнью «воров», захваченных с оружием в руках. Как поведал Буссов, царские дворяне, заняв Комарицкую волость, «стали чинить над бедными крестьянами, присягнувшими Дмитрию, ужасающую беспощадную расправу». По словам того же автора, экзекуции подверглось несколько тысяч крестьян, их жен и детей. Несчастных вешали за ноги на ветвях деревьев, а затем «стреляли в них из луков и пищалей, так что на это было прискорбно и жалостно смотреть»⁷³.

Конрад Буссов возлагает ответственность за казни на русских вообще и ничего не пишет о приказе, исходившем от Годунова. Исаак Масса, будучи обличителем Бориса, именно на него возложил всю вину за кровопролитие. По словам Массы, Годунов будто бы призвал к себе касимовского царя Симеона Бекбулатовича и велел ему истребить Комарицкую волость. Степень достоверности его рассказа, однако, невелика. Полуслепой Симеон жил в своем тверском селе и не участвовал в войне с самозванцем. Масса записал слухи, циркулировавшие в Москве. Достоверным в них было,

по-видимому, лишь указание на участие в экзекуциях отрядов из Касимова. Согласно Разрядной росписи, в полку Мстиславского находилось «татар касимовских, царева двора Исеитова полку старых и «новиков» 450 человек»⁷⁴. После разгрома Лжедмитрия воеводы отдали им на поток и разграбление мятежную крестьянскую волость.

Слухи о погроме в Комарицкой волости распространились по всей земле. Автор «Иного сказания» записал, что царь приказал опустошить Комарицкую волость и в ярости убивал «не токмо мужей, но и жен и безлюбивых младенцев, ссущих млека, и поби от человек до скота». Волость была разграблена: «И имения их расхищены быша и домове до конца разорены быша и огнем пожжены быша, вся в прах преврати»⁷⁵. Террор против населения Комарицкой волости имел ярко выраженную социальную окраску. То был первый случай в истории «Смуты», когда мужики подняли оружие против властей, пренебрегли присягой московскому царю, взяли под стражу его воевод и приказных людей. Власти проявили неслыханную жестокость при подавлении мужицкого бунта.

Восстание на Брянщине можно считать первым массовым восстанием крестьян в Смутное время. Оно охватило не одну, а несколько волостей. Но, вопреки мнению авторитетных исследователей, то не была вспышка крестьянской войны, точно так же, как поход самозванца не был формой интервенции «польских феодалов»⁷⁶. Польское вмешательство послужило внешним толчком к гражданской войне в России. Королевская армия в войне не участвовала. Однако даже на первом этапе

силы вторжения играли ограниченную роль, в особенности после отъезда Мнишка в Польшу. Вслед за поражением под Севском остатки иноземных наемных отрядов бежали из пределов России.

Разгром Комарицкой волости и прекращение внешнего вмешательства неизбежно сказалось на дальнейшей истории Смуты. Единодушие московских дворян, выступивших против иноземного вторжения, пришел конец.

Глава 14. Мятеж в южных крепостях

Воеводы Мстиславский и Шуйский одержали победу над самозванцем, но не осмелились преследовать его армию и доверить ее уничтожение. Иезуиты Чижевский и Лавицкий, находившиеся в лагере Лжедмитрия под Севском, записали в своем дневнике: «Враг мог гнаться за нами, догнать, перебить и сжечь лагерь, но он остановился от нас, не дойдя мили, и не решился воспользоваться своей удачей»¹. Причиной медлительности явилось не предательство, а, скорее, бездарность бояр. Князь Мстиславский, князь Василий и Дмитрий Шуйские были представителями самых родовитых семей, но они не обладали никакими воинскими доблестями.

Воеводы могли двинуться к границе, чтобы изгнать самозванца из пределов страны. Но, оставаясь под впечатлением одержанной победы, бояре считали, что самозванцу не удастся собрать новое войско и что война, практически, уже закончена².

Мстиславский прибыл в окрестности Рыльска на другой день после бегства оттуда Отрепьева. Лишившись армии, Лжедмитрий не мог укрепить гарнизон Рыльска сколько-нибудь значительными силами. Покидая город, он поручил его оборону местному воеводе князю Г. Б. Долгорукому. В распоряжении Долгорукого было несколько казачьих и стрелецких сотен. Имея несколько десятков тысяч человек, бояре рассчитывали быстро покончить с сопротивлением Рыльска. Но они ошиблись. В обороне города участвовало все население Рыльска. Горожане знали, что им нечего ждать пощады, и сражались с исключительной стойкостью. На все предложения о сдаче они отвечали, что стоят «за прирожденного государя». В течение двух недель царские воеводы бомбардировали город, пытаясь поджечь деревянные стены крепости. Однако выстрелы пушек с городских стен не позволили им придвинуться вплотную к городу. Общий штурм крепости не удался, и на другой день после приступа Мстиславский снялся с лагеря и отступил к Севску³.

После того как воеводы покинули окрестности Рыльска, жители города произвели вылазку и разгромили русский арьергард, который должен был оставить лагерь в последнюю очередь. В их руки попало немало имущества, которое воеводы не успели вывезти из лагеря. Самозванец поспешил распустить слух о том, что Мстиславский понес серьезное поражение, потеряв до 1000 убитыми и 200 пленными⁴.

Дворянское ополчение не привыкло вести войну в зимних условиях, среди заснеженных лесов и

полей. Трудности усугублялись тем, что армии приходилось действовать в местности, охваченной восстанием, среди враждебно настроенного населения. Находясь в окрестностях Рыльска, армия не имела надежных коммуникаций. Она оказалась в полукольце крепостей, занятых неприятелем. Сторонники Лжедмитрия удерживали в своих руках на севере – Кромы, на юге – Путивль, на западе – Чернигов. Они отбивали обозы с продовольствием, чинили помехи заготовке провианта и фуража.

После утомительной зимней кампании царские полки стали таять. Не спрашивая «отпуска» у воевод, дворяне толпами разъезжались по своим поместьям. В таких условиях главные воеводы – Мстиславский, Шуйские и Голицыны – приняли решение вывести армию из восставшей местности и распустить ратных людей на отдых до новой летней кампании.

Отступление воевод от Рыльска вызвало гнев царя Бориса. Не теряя времени, царь направил в полки окольного П. Н. Шереметева и главного дьяка А. Власьева с наказом сделать выговор воеводам: «...пенять и роспрашивать, для чего от Рыльска отошли»⁵. Годунов строжайше запретил боярам распускать ратных людей, что вызвало открытый ропот в армии.

Царские воеводы разгромили плохо вооруженную армию Лжедмитрия в открытом полевым сражении. Но все их попытки занять восставшие крепости неизменно терпели неудачу. То, что произошло под Рыльском, повторилось под Кромами.

В мирное время гарнизон Кром не превышал нескольких сотен людей. В первые недели войны

власти отозвали сотню кромских казаков для обороны Новгорода Северского⁶. К моменту восстания в Кромах было совсем немного ратных людей.

После нападения повстанцев из Кром на Орел московское командование решило направить туда воеводу Ф. И. Шереметева с отдельным корпусом. Однако Шереметев не смог своевременно ввести в дело свой отряд. Назревало столкновение под Новгородом Северским, и Разрядный приказ, отбрав у Шереметева часть подчиненных ему сил, передал их Мстиславскому⁷.

В Кромах засел видный дворянин Григорий Акинфиев. Подобно рыльскому воеводе Долгорукому, он успел доказать преданность самозванцу. Силы кромского гарнизона были невелики до того времени, пока на помощь ему не прибыли донские казаки. Если верить Конраду Буссову, атаман Корела с 400–500 донскими казаками отступил под Кромы вслед за битвой под Добрыничами (21 декабря 1604 г.). Приведенное известие вызывает сомнение. После поражения Лжедмитрий намеревался бежать в Польшу, считая свое дело проигранным. В такой ситуации Корела едва ли стал бы искать убежище в крепости, располагавшейся вдали от границы. Кромы могли легко превратиться для него в мышеловку. По данным Исаака Массы, Кореле пришлось пробиваться в Кромы через осадный лагерь царских воевод⁸. По-видимому, Лжедмитрий направил казаков в Кромы сразу после перехода из-под Новгорода Северского в Комарицкую волость.

Кромы превратились в форпост повстанческих сил задолго до битвы под Добрыничами. Прави-

тельство войска осаждали эту крепость в течение многих недель, теряя людей. В январе 1605 г. Разрядный приказ распорядился доставить в лагерь под Кромы осадную артиллерию. Отряду Ф. И. Шереметева были приданы две мортиры — «верховые пищали» и пушка «Лев Слободской». Из Мценска на помощь Шереметеву прибыл воевода князь И. Г. Щербатый. В феврале Ф. И. Мстиславский направил под Кромы стольника В. И. Бутурлина с сотнями из всех полков⁹. Однако подкрепления оказались недостаточными. В ходе длительной осады отряд Шереметева понес большие потери, и его положение стало критическим. В таких условиях московское командование направило к Кромам армию Мстиславского.

Отвод главной армии из-под Рыльска к Кромам был связан не столько с поражением отряда Шереметева, сколько с неблагоприятным положением, постепенно складывавшимся на южной окраине государства. На начальном этапе гражданской войны главным очагом повстанческого движения стали Северская Украина и прилегающие к ней брянские земли. С юго-запада восстание распространилось не на центральные уезды, где основную массу населения составляли помещичьи крепостные крестьяне и многочисленный посадский люд, а на южные степные уезды с незначительным крестьянским и посадским населением.

Политика освоения «дикого поля» принесла к началу XVII в. свои плоды. С основанием крепостей Воронеж, Ливны (1585 – 1586 гг.), Елец (1592 г.), Белгород, Оскол, Валуйки (1593 г.) и

Царев-Борисов (1599 г.) границы государства были отодвинуты далеко на юг. Началось заселение крестьянами района старых засечных линий. Однако в районе новопостроенных крепостей крестьянские поселения отсутствовали, а их место занимали редкие заимки вольных казаков. После основания Царева-Борисова царские писцы провели первую перепись казацких «юртов» на Осколе и Северском Донце и вменили в обязанность станичникам несение сторожевой службы. Вольные казаки не примирились с новыми для них порядками. Брожение в их среде подготовило почву для восстания на южных окраинах.

Южные города отличались от северских по составу своего населения. Лишь Воронеж имел более или менее значительное посадское население. Небольшие посады были в Ельце и Белгороде¹⁰. Прочие южные крепости были типичными военными городками с крупными гарнизонами и с малочисленным городским населением. В степных гарнизонах, наспех сформированных в конце XVI в., численно преобладали стрельцы и казаки. Через год после основания Ельца в его гарнизоне числилось 150 детей боярских, 200 стрельцов и 600 казаков¹¹.

Стрелецкие и казацкие контингенты набирались из низших сословий. По указу 1592 г. елецкие воеводы получили разрешение вербовать на службу помещичьих крестьян (если те могли оставить замену на своем пашенном наделе), вольных людей с посадов, вольных казаков, казацких и стрелецких детей. В елецком гарнизоне искали прибежище беглые помещичьи крестьяне. Помещики юж-

ных уездов, в которых проводился набор, завалили жалобами Москву. Тогда власти уточнили предыдущий указ и предписали воеводам брать на службу «из вольных людей, а не из холопства и не с пашни»¹².

Как бы то ни было, в гарнизоне Ельца преобладали стрельцы и казаки, в массе своей набранные из крестьянских детей и крестьянских захребетников, из казацких и стрелецких детей, казаков, гулящих людей. Эти люди, многие из которых стали вольными благодаря поступлению на государеву службу, приняли самое активное участие в восстании на южных окраинах.

Из-за нехватки ратных людей в южных крепостях Разрядный приказ периодически посылал туда стрельцов из других городов. Они несли службу с весны и до осени, после чего возвращались домой. Такие посылки надолго отрывали стрельцов от их промыслов и семей, вследствие чего в их среде неизбежно возникали настроения недовольства.

Не только провинциальные, но и столичный гарнизон должен был периодически направлять контингенты для службы в пограничных крепостях. Один из столичных стрелецких приказов (около 500 человек) нес службу в Цареве-Борисове¹³.

Московские стрельцы жили отдельными слободами, держали торг и промыслы. Они пользовались значительно большими привилегиями, нежели городские стрельцы. Неудивительно, что посылку вглубь с «дикого поля», во вновь построенную крепость, они рассматривали как наказание для себя. Негодование стрельцов на Бориса

усилилось, когда власти вынуждены были задерживать их в Цареве-Борисове на неопределенное время. Появившийся в Северной земле «добрый царь» должен был помочь им вернуться к своим семьям и промыслам, брошенным в столице. Дворовые стрельцы, служившие Годуновым верой и правдой в Москве, примкнули к мятежу в надежде вернуть себе утраченные привилегии.

Сколько бы многочисленными ни были контингенты стрельцов и казаков в степных крепостях, ядро их гарнизонов составляли дворянские отряды. По данным, относящимся к первому десятилетию после «Смуты», 627 детей боярских несли службу в Ельце, 431 – в Ливнах, 221 – в Воронеже, 164 – в Белгороде, 155 – в Осколе¹⁴. Значительное число детей боярских служило в Цареве-Борисове, располагавшем одним из самых крупных гарнизонов.

Правительство пыталось форсировать развитие поместной системы в южных уездах, но там не было ни достаточного фонда распаханной земли, ни достаточного количества крестьян. Ввиду этого дворяне неохотно переселялись в степи. Власти проводили наборы и отправляли «на житье» в южные уезды детей боярских из мелкопоместных семей: «от отцов – детей, от братии – братьев, от дядей – племянников»¹⁵. На Юге детей боярских наделяли небольшими поместьями. В ряде городов их привлекали к барщине на государевой десятинной пашне. Из-за недостатка дворянских контингентов на поместную службу в некоторых случаях верстали казаков и крестьянских детей.

Условия службы в степных крепостях были исключительно тяжелыми, и присланные туда служилые люди покидали гарнизоны при первой возможности, не получая «отпуска» у воевод. Разрядный приказ пытался пресечь их побег с помощью строгих наказаний. В 1595 г. в Ливны было прислано следующее предписание: «А которые дети боярские и казаки, не дождавсь перемены, с поля збежат, и вы б тех воров велели икать и, бив их кнутем, велели сажать в тюрьму до нашего указу, да о том к нам писали, и мы тех воров велим казнить смертною казнию»¹⁶.

Вновь сформированные служилые корпорации Юга не были сплочены изнутри. Южные помещики не служили в составе с «государева двора», объединившего дворян различных уездов. Они были обеспечены землями так же плохо, как и северские помещики. Агитация сторонников Лжедмитрия нашла отклик в их среде. Официальные источники не могли сослаться на то, что мятеж в степных крепостях учинили мужики, «чернь», поскольку в Цареве-Борисове и ряде других южных крепостей почти вовсе не было посадского населения. Разрядные записи кратко сообщали о том, что «польские» (выстроенные в «диком поле») города «смутились» и целовали крест «вору». По-видимому, мелкие помещики «польских» городов повели себя так же, как путивльские дети боярские, перейдя на сторону Лжедмитрия «всем городом». Крестьянские законы Годунова нанесли ущерб интересам мелких феодальных землевладельцев. Аналогичные законы Лжедмитрия предоставляли преимущества мелкопоместным служилым людям

жужных уездов. Исключительные услуги, оказанные ими самозванцу в критический для него момент, были вознаграждены.

Самые ранние и достоверные сведения о восстании на Юге заключены в письмах иезуитов Чижевского и Лавицкого, написанных в февралемарте 1605 г. Названные лица, принадлежавшие к ближайшему окружению самозванца, сообщили в письме от 26 февраля (8 марта), что в Путивль приведены побежденные из пяти крепостей, сдавшихся светлейшему князю: из Оскола, Валук, Воронежа, Борисовграда и Белгорода¹⁷. Города Воронеж, Царев-Борисов, Белгород разделены были большим расстоянием. Чтобы собрать воедино пленных воевод из пяти отдаленных крепостей и доставить их в Путивль через местности, занятые правительственными войсками, требовалось много дней и недель. Следовательно, восстание охватило южную «украину» не в момент написания письма 26 февраля, а значительно раньше: в январе или начале февраля 1605 г.

Разрядные записи подтверждают известие о том, что захваченные в степных крепостях воеводы были отведены в Путивль. «Польские» города, значится в Разрядах, принесли присягу самозванцу и «воевод к нему в Путивль отвели: из Белгорода князя Бориса Михайловича Лыкова да голов, из Царева Нового города князя Бориса Петровича Татова да князя Дмитрия Васильевича Туренина¹⁸.

Приведенная Разрядная запись требует некоторых уточнений. Князь Д. В. Туренин служил воеводой не в Цареве-Борисове, а в Валуйках. Во время мятежа он был арестован вместе с голо-

вой А. Поводовым. В Осколе служили воевода Б. С. Сабуров и голова И. И. Загряжский; в Белгороде – князь Б. М. Лыков, головы князь Ф. Волконский, П. Извольский, М. Зиновьев; в Цареве-Борисове – князь Б. П. Татев, головы И. Н. Ржевский, И. В. Левашов, М. Б. Зыбин; в Воронеже – князь Б. Н. Приемков-Ростовский и голова Ф. Лодыженский¹⁹. Пленение полутора десятка знатных воевод и дворянских голов само по себе свидетельствовало о масштабах событий, разыгравшихся в степных уездах.

Успеху восстания на Юге способствовало то, что к началу 1605 г. часть воинских людей была отозвана из южных гарнизонов в действующую армию²⁰. Впрочем, эти меры затронули преимущественно тыловые крепости – Воронеж, Елец, Ливны. Из Воронежа командование отрядило в полки 100 стрельцов, из Ливен 200 конных казаков, из Ельца – 100 стрельцов и 400 конных казаков с пищалями. Одновременно власти усилили гарнизон Царева-Борисова. Из Белгорода в Царев-Борисов были переведены «для польской посылки» (действий против мятежников «в поле») воевода А. Измайлов и дворянский голова Б. Хрущев.

Царев-Борисов служил форпостом московской обороны на Юге, и командование постоянно держало там крупные военные силы. Падение крепости поразило Бориса как гром среди ясного неба. Годунов возлагал особые надежды на приказ дворовых стрельцов, находившийся в Цареве-Борисове. Но стрельцы сами приняли участие в мятеже и после ареста воевод немедленно покинули Царев-Борисов. По свидетельству очевидцев, дворо-

вые стрельцы, носившие красные кафтаны, явились в Путивль и присягнули там на верность Лжедмитрию²¹.

При Борисе Годунове южные пограничные города были связаны между собой единой системой обороны. Переход в руки повстанцев Курска создал угрозу для засечной черты в районе Воронежа и Оскола. Мятеж в Кромах и поражение отряда Шереметева в ходе осады этой крепости поставили под угрозу оборонительные линии в районе Ливен и Ельца. Польские источники позволяют установить, что восстание в Ельце и Ливнах запоздало по сравнению с восстанием в дальних степных крепостях по крайней мере на одну-две недели. 7(17) марта 1605 г. Чижевский и Лавицкий сообщили своим корреспондентам свежую новость о том, что власть «Дмитрия» признали крепости Елец и Ливны. От себя иезуиты добавили, что Ливны не уступают по размерам Путивлю и что значение этого города в военное время исключительно велико²².

В Разрядных книгах есть известие о том, что во время мятежа в Ливнах повстанцы захватили воеводу князя Д. М. Борятинского и отправили его к «вору» в Путивль. В действительности Д. М. Борятинский служил в сторожевом полку у Мстиславского и попал пленником в Путивль после неудачной стычки под Новгородом Северским. В Ливнах и Ельце в момент мятежа служили воеводы князя С. А. Татев и А. В. Хилков, головы князь М. П. Волконский и Б. Селиверстов²³.

Если бы воеводы южных крепостей могли опереться на поддержку городовых детей боярских,

мятеж неизбежно привел бы к большому кровопролитию. В действительности воеводы оказались в изоляции и не смогли помешать быстрому распространению восстания по всей территории степных уездов. Сведения о казнях воевод, сохранивших верность Борису Годунову, отсутствуют. Жертвами народного гнева стали лишь некоторые из дворян, активно пытавшихся противодействовать мятежу. В дворянских родословцах можно обнаружить сведения о том, что в дни восстания в Белгороде был убит дворянин Д. Е. Хитрово «за то, что вору разстриге креста не целовал»²⁴.

Восстание в южных крепостях изменило всю военную ситуацию, смешав планы московского командования. Ввиду распространения смуты на южную «украину», воеводы так и не смогли осадить лагерь Лжедмитрия в Путивле. Из-под Кром Шереметев слал в Москву отчаянные призывы о помощи. Русское командование вовремя оценило опасность. В случае окончательного поражения Шереметева и снятия осады с Кром возникла бы угроза слияния двух очагов восстания – в Северщине и в южных крепостях «на поле».

4 марта 1605 г. армия Мстиславского разбила лагерь в районе Кром. Воевода князь И. М. Борятинский, находившийся в Карачеве, получил приказ везти всю осадную артиллерию к Кромам, чтобы соединиться с главными воеводами, «не доходя Кром версты за три или четыре, где пригоже»²⁵. Позиция под Кромами имела большие преимущества. Путь через Орел и Тулу надежно связывал главную армию с Москвой, откуда можно было беспрепятственно получать подкрепления и провиант.

Армия Мстиславского имела возможность прикрыть подступы к Москве в том случае, если бы восстание перебросилось из района Ливен и Ельца еще дальше на север.

Кромы были небольшой крепостью. Ее стены были выстроены из дуба за 10 лет до осады. Главное преимущество городка состояло в его исключительно выгодном положении на местности. Крепость стояла на вершине холма подле реки, и ее со всех сторон окружали болота и камыши. Наверх вела единственная узкая тропа. С наступлением весны топи вокруг Кром становились непроходимыми.

Следуя приказу из Москвы, воеводы Мстиславский и Шуйские предприняли попытку штурма Кром еще до того, как была введена в дело вся тяжелая артиллерия. По свидетельству летописи, деревянные стены Кром были подожжены не огнем артиллерии, а пехотой. Посреди ночи боярские холопы, казаки и стрельцы подобрались к стенам крепости и с «зажогши град». Атаман Корела с донскими казаками принуждены были покинуть горящий город и отступили в острог. Ратные люди заняли вал с обрушившейся стеной. Но закрепить на пожарище им не удалось. Вал и посад простреливались с цитадели. Штурмующие несли огромные потери.

Боярин М. Г. Салтыков, руководивший штурмом, не стал дожидаться приказа главных воевод и свел людей с вала, чтобы спасти отряд от полного истребления. Летописец подозревал, что Салтыков «норовил» окаянному вору Гришке Отрепьеву²⁶. Однако подлинные причины неудачи были

другими. Кромы занимали столь выгодное положение, что Мстиславский и Шуйские были лишены возможности использовать все находившиеся в их распоряжении громадные силы. В армии Мстиславского М. Г. Салтыков был вторым воеводой передового полка²⁷. А это значит, что в штурме участвовали лишь отряды из состава передового полка.

Неудача повлияла на дальнейший ход осады. Воеводы устроили батареи, придвинули пушки к городу и стали бомбардировать Кромы изо дня в день, не жалея пороха. Никто не спешил повторить опыт Салтыкова и предпринять новый кровопролитный штурм.

В Кромах сгорело все, что могло гореть. Цитадель была разрушена до самого основания. На месте, где проходил пояс укреплений, осталась одна земляная осыпь. Но донские казаки решили не даваться живыми в руки воевод и сражались с яростью обреченных. Они углубили рвы и вырыли лабиринт окопов. С помощью глубоких лазов они могли теперь незаметно покидать крепость и возвращаться внутрь. Свои жилища — «норы земные» — казаки устроили под внутренним обводом вала. Во время обстрела они отсиживались в лазах, а затем проворно бежали в скопы и встречали атакующих градом пуль²⁸.

В ходе боев не только осаждавшие, но и осажденные несли большие потери. Атаман Корела предупредил Лжедмитрия, что ему придется сдать крепость, если он не получит подкреплений. Руководители повстанческих сил в Путивле уяснили значение Кром и не побоялись пойти на риск. Со-

брав, сколько можно ратных людей, они отправили их на помощь Кромам. Главный центр восстания — Путивль — остался почти без воинских сил, необходимых для его собственной обороны. Лжедмитрий назначил командовать отрядам путивльского сотника Юрия Беззубцева²⁹.

В лагерь Мстиславского, занимавший огромное пространство, постоянно прибывали подкрепления. Караулы приняли казаков Беззубцева за своих, и отряд беспрепятственно проскользнул в крепость, проведя обозы с продовольствием. Бои под Кромами продолжались несколько недель, но затем атаман Корела был ранен, и осажденные прекратили вылазки. Со своей стороны, воеводы отказались от попыток возобновить штурм. В военных действиях наступило затишье³⁰.

Власти использовали всевозможные средства, чтобы удержать дворян в лагере под Кромами. Сохранились сведения, что в 1605 г. под Кромами воевода князь М. Кашин по приказу из Москвы «верстал» дворян деньгами и землями. Некоторые служилые люди получили значительные прибавки к поместьям. Так, «во 113 году за кромскую службу» Д. В. Хвостов получил к поместью в 350 четвертей дополнительно 100 четвертей. И. Н. Ушакову «за кромскую службу» было придано 150 четвертей³¹.

Приказ царя Бориса, воспретивший Мстиславскому распустить дворян на отдых, вызвал в полках такое возмущение, что никакие милости и пожалования не могли исправить положение. Дворяне роптали. Вместо долгожданного отдыха им предстояли бои посреди болотистой местности, в

пору весенних дождей и половодья. Весной в лагере вспыхнула эпидемия дизентерии («мыта»). Невзирая на грозные приказы из Москвы, дворяне покидали полки и разъезжались по домам. Рано или поздно в столице должны были понять, что власти Годуновых грозили не столько отряды самозванца, запертые в Путивле и Кромах, сколько восстания населения и гарнизонов в южных уездах. Держать огромные силы под стенами крохотной крепости было явно нецелесообразно, и с марта 1605 г. Разрядный приказ начинает рассылать воевод и голов с сотнями (преимущественно из армии Мстиславского) для укрепления гарнизонов в таких городах, как Данков, Епифань, Новосиль, Одоев, Тула и др. По наблюдениям В. Д. Назарова, всего власти произвели назначение воевод и голов не менее чем в 16 крепостей³².

Охваченные восстанием южные города давно уже превратились в главный театр военных действий. Однако война шла не только в пределах России, но и на Северном Кавказе, где войско воеводы И. М. Бутурлина понесло тяжелое поражение. Внешнеполитические затруднения осложнили ход внутреннего кризиса.

Глава 15. В воровском лагере

После битвы под Добрыничами Лжедмитрий намеревался бежать из России вслед за своим наемным воинством. Самозванец подвергся такому разгрому, что, «говоря собственными его словами, —

свидетельствовал А. Чилли, — он ни о чем более не помышлял, как о спасении жизни, и не воображал, что мог когда-либо собрать какое-нибудь войско»¹. В феврале 1605 г. Отрепьев неоднократно спрашивал совета у иезуитов, не следует ли ему прекратить войну и укрыться в Польше.

Жители Путивля помешали осуществлению его планов. Они «со слезами» просили «царевича» отстать, говорили, что не желают разделить участь комаричей, претерпевших «лютые и горькие муки» за поддержку, оказанную ими «царевичу». Лжедмитрий не внял их просьбам. Тогда повстанцы пригрозили, что силой задержат его в Путивле, чтобы «добити челом, а тобою заплатити вину свою»². Самозванец подчинился, опасаясь, что путивляне выполнят свою угрозу и выдадут его правительству.

Восставший народ заявил о своей готовности продолжать борьбу. Путивляне заверили Лжедмитрия, что готовы служить доброму «царевичу» с оружием в руках: «Пойдем мы с тобой все своими головами». Торговые люди, по словам летописцев, откликнулись на призыв о добровольном пожертвовании средств. Некоторые якобы принесли по сто и даже по тысяче рублей³.

Можно установить имена главных руководителей повстанческих сил в Путивле. Ими были путивльские дети боярские Сулеш Булгаков и Юрий Беззубцев, владевшие небольшими поместьями⁴. Лжедмитрий в критической для него ситуации послал Сулеша Булгакова за помощью в Польшу, а Юрию Беззубцеву приказал идти на выручку гарнизону Кром.

Отрепьев был далек от понимания того, что только народное восстание может помочь ему одолеть Бориса Годунова. В Путивле самозванец вернулся к своим старым планам, суть которых сводилась к тому, чтобы поднять против России Крымскую орду и Речь Посполитую.

Столкновение России с Османской империей на Северном Кавказе подало Лжедмитрию надежду на то, что ему удастся подтолкнуть Крым к нападению на Русское государство. В конце апреля 1605 г. посланцы Отрепьева повезли дары крымскому хану. Еще раньше его гонцы выехали к князю Иштереку в Большую Ногайскую орду.

Борис Годунов поддерживал распри внутри Ногайской орды, чтобы не допустить ее усиления. Он велел доставить из России в орду Янарослана-мурзу — главного соперника Иштерека — и обязал соперников жить в мире и кочевать вместе. Опасаясь за свою власть, Иштерек принял путивльского гонца и принес присягу на верность Лжедмитрию. Самозванец приказал ногайцам перенести свои кочевья к Цареву-Борисову, с тем чтобы иметь возможность использовать их конницу для наступления на Москву. Русские хронографы отметили, что Иштерек, признав власть Лжедмитрия, намеревался прислать ему в помощь войска⁵.

Будучи в Путивле, Отрепьев предпринимал отчаянные усилия, чтобы добиться вмешательства Речи Посполитой в русские дела. Он послал к королю Сигизмунду III путивльского сына боярского Сулеша Булгакова в качестве представителя восставшей Северной земли. Позже польские власти напомнили московским дипломатам, что при

«царе Дмитрии» к королю приезжал посол «ото городов и мест, яко от Путивля и иных, от духовных и свецких людей московских Шулеш Булгаков з грамотою»⁶.

Текст письма от имени северских городов сохранился в копии. В конце письма имеется помета: «Из Путивля лета 7113, месяца января 21 дня». Публикуя грамоту, А. Гиршберг вполне основательно выразил сомнение насчет аутентичности указанной в тексте даты. По предположению Гиршберга, дата на письме была искажена при копировании русского оригинала: переписчик прочел 27 января как 21 января из-за сходства в написании единицы и семерки⁷. Однако Гиршберг не учел, что русские употребляли буквенную систему цифр, в которой единица нисколько не напоминает семерку.

Представляется, что самозванец сознательно обозначил в письме неверную дату. 21 января 1605 г., в день неудачной битвы под Добрыничами, Лжедмитрий находился не в Путивле, а под Севском. Подлог был связан с ложной версией, согласно которой битву под Добрыничами проиграли люди самозванца в его отсутствие. Очевидно одно: письмо было составлено в момент наибольших неудач Отрепьева, когда он прибыл в Путивль, потеряв всю свою армию. Грамота заканчивалась отчаянным призывом к королю, чтобы «соизволил как можно быстрее дать помощь нам (городам Северской земли. — Р. С.) и государю нашему»⁸.

Текст письма был составлен от имени «жителей земли Северской и иных замков, которые ему

(«царевичу». — Р. С.) поклонились». Однако жители Путивля и прочих восставших городов ничего не знали о тайном договоре Лжедмитрия с Сигизмундом III, и для них смысл обращения был совсем иным, чем для расстриги. В грамоте к королю «убогие сироты и природные холопы государя Дмитрия Ивановича» просили с плачем, покорностью и уничижением, чтобы король смиловался над ними и взял их, убогих, «под крыло и защиту свою королевскую». Письмо жителей заключалось словами: «При том сами себя и убогие службы наши под ноги вашего королевского величества отдаем»⁹. Самозванец был связан с королем обязательством о передаче под власть короны главных северских городов. Теперь он давал понять королю, что готов выполнить свое обязательство. Авантюрист сознательно старался разжечь конфликт между Россией и Польшей. В случае, если бы Сигизмунд III принял под свое покровительство отвоеванные Лжедмитрием города, конфликт между Речью Посполитой и Русским государством стал бы неизбежен.

Вторжение самозванца, поддержанное королем, закончилось полным крахом. Это смешало все планы и расчеты военной партии при королевском дворе. Не только Мнишек, но и Сигизмунд III оказался в двусмысленном положении. Опозоренный Мнишек подвергался нападкам с разных сторон. Доверившиеся его обещаниям кредиторы жалели о деньгах, потраченных на самозванца. Ведущие политические деятели спешили напомнить о своих предостережениях против участия в аванюре, повлекшего за собой нарушение мирного договора с Россией.

В таких условиях Сигизмунд III не осмелился использовать благоприятную ситуацию и на основании тайного договора присоединить к коронным владениям северские города.

Лжедмитрий направил в Варшаву для переговоров с Сигизмундом III и членами сейма князя Ивана Татеева. Однако посла демонстративно задержали на границе до окончания сейма¹⁰.

Польский сейм, открывшийся 10 января 1605 г., решительно высказался за сохранение мира с Россией. Канцлер Замоиский резко осудил авантюру Лжедмитрия. Этот враждебный набег на Москву, говорил он, губителен для блага Речи Посполитой. Самого самозванца канцлер осыпал язвительными насмешками: «...тот, кто выдает себя за сына царя Ивана, говорит, что вместо него погубили кого-то другого. Помилуй бог, это комедия Плавта или Теренция, что ли? Вероятное ли дело, велеть кого-то убить, а потом не посмотреть, тот ли убит... Если так, то можно было подготовить для этого козла или барана»¹¹.

Литовский канцлер Лев Сапега поддержал Замоиского. Он осудил затею Мнишка и заявил, что не верит в царское происхождение «Дмитрия», ибо законный наследник царя Ивана нашел бы иные средства для восстановления своих прав¹². Воевода Януш Острожский требовал, чтобы сейм наказал виновных.

Подготовленный сеймом проект предусматривал наказание тех, кто нарушает мир с соседями. Но король не утвердил проект. Московский посол П. Огарев потребовал объяснений по поводу очевидного нарушения польской стороной до-

говора о перемирии с Россией. Отвечая ему, литовский канцлер Лев Сапега сказал совсем не то, что говорил перед членами сейма. Согласно заявлению Сапеги, король не помогал «Дмитрию», а лишь хотел выведать о его намерениях и сообщить о них в Москву; из королевских владений «Дмитрий» бежал к запорожским казакам, и королю неизвестно, делал ли он с ними набеги на русские земли¹³. Сапега мистифицировал русского посла, пользуясь тем, что тот покинул Россию в сентябре 1604 г. и содержался в Польше в строгой изоляции, не получая никаких вестей с родины.

Из-за противодействия сейма Сигизмунд III не мог принять предложения самозванца и оказать ему прямую военную поддержку. Гонец с письмом от города Путивля был принят при дворе, но его миссия закончилась безрезультатно.

Как бы то ни было, эмиссары Лжедмитрия имели возможность свободно действовать в пределах Речи Посполитой. В то самое время, как литовский канцлер объяснялся с русским послом, в Польшу прибыли из Путивля ротмистры С. Борша и Е. Бялоскорский. Самозванец поручил им возобновить вербовку наемников. Ротмистрам удалось убедить некоторых участников московского похода вернуться на службу к «царевичу». Но число их было невелико¹⁴.

Не осложненная вмешательством извне, гражданская война с весны 1605 г. вступила в новую фазу. Восставшие жители Путивля, Курска и других городов помогли самозванцу развернуть агитацию по всей южной окраине. Гонцы с письмами

Лжедмитрия появлялись в казачьих станицах, пограничных городах и даже в столице.

В «прелестных» письмах Лжедмитрия трудно уловить какие-то социальные мотивы. Всех поданных, без различия чина и состояния, «Дмитрий» обещал пожаловать «по своему царскому милосердному обычаю, и наипаче свыше, и в чести держати и все православное христианство в тишине и в покое и во благоденственном житии учинить». Тяжесть царских податей и натуральных повинностей, трехлетний голод и разорение породили в народе глубокое недовольство, а потому люди воспринимали обличения самозванца против злодея царя, сидевшего в Москве, как откровение. Вчерашний боярин Борис Годунов был, как утверждал «царевич», изменником и убийцей, желавшим предать «злой смерти» их законного, «прирожденного государя»¹⁵.

Уставшее от бедствий население охотно верило посулам Лжедмитрия и связывало с именем «законного» царя надежды на перемену к лучшему.

Участие в восстании принесло определенные материальные выгоды податному населению. Сбор тяжелых государственных податей был сорван по всей Северской земле. С наступлением весны казаки северских и южных степных городов перестали пахать государеву десятинную пашню. Народные ожидания своеобразным образом ломались в социально-утопических идеях, получивших в народе широкое распространение. Не надеясь на собственные силы, низы ждали спасения от царя-«избавителя».

Большие надежды на «доброго» царя возлага-

ли мелкопоместные дети боярские восставших южных уездов. Они ждали от новой династии, прежде всего, улучшения своего земельного обеспечения и денежного жалованья. Отрепьев раздавал самые щедрые обещания дворянам и детям боярским, оказавшимся в его лагере.

Самозванец обладал редкими способностями, но не получил достаточного образования. В дни своего недолгого монашества он успел выучить Новый завет и некоторые другие священные книги. В других областях его познания были отрывочными и путанными. Пользуясь досугом в Путивле, «царевич» решил заняться своим образованием. 10 апреля 1605 г. он вызвал в избу своих тайных духовников-иезуитов и объявил им, что намерен брать у них уроки. С утра час отводился изучению философии, вечером наступала очередь грамматики и литературы. Во время занятий Отрепьев стоял с непокрытой головой, прилежно повторяя урок, слово в слово, за своими учителями¹⁶. Самозванцу хватило терпения и прилежания на три дня, после чего он распростился со школой раз и навсегда.

После трапезы Отрепьев охотно проводил время в обществе польских «товарищей» и капелланов. Чаще всего, он обсуждал с ними две темы. Первой было невежество, праздность и беспутная жизнь русских монахов, о которых он не мог говорить без отвращения. Второй темой являлась необходимость просвещения для России. Самозванец старался выставить себя рьяным поборником просвещения. В России, говорил он, следует насадить школы и академии, для чего он выпишет в Моск-

ву множество учителей, а заодно и учеников. Русских молодых людей он отправит для обучения за границу и пр.

Отрепьев вел двойную жизнь, рассчитывая обмануть всех разом. При русских он прилежно играл роль ревнителя православия, при поляках — столь же усердно поклонялся католическим святыням, шил за здоровье генерала Ордена иезуитов.

Еще будучи в Севске, самозванец в письмах к своим покровителям в Польшу сетовал на то, что среди русских распространился слух о его отречении от православия. Чтобы прекратить неблагоприятные для него толки, Лжедмитрий в Путивле стал выказывать особое почтение православным святыням. Когда из Курска в Путивль привезли икону божьей матери, он вышел навстречу к ней и велел устроить крестный ход. Затем он поместил эту икону в своих покоях¹⁷.

Между тем московскому правительству удалось заслать в путивльский лагерь лазутчиков. Сведения об этом эпизоде можно обнаружить в письмах иезуитов из Путивля и записках Г. Паэрле.

В письме от 7(17) марта 1605 г. иезуиты Чижевский и Лавицкий сообщали о том, что неделю назад, т. е. 1 марта, в Путивль явились три монаха, подсланные Годуновым. Они доставили грамоты от царя и патриарха. Иов грозил путивлянам проклятием за поддержку беглого расстриги. Борис Годунов обещал им полное прощение и милость, если они убьют «вора» вместе с окружавшими его ляхами или выдадут его в цепях законным властям.

Однако монахи были арестованы еще до того,

как они успели обнародовать привезенные грамоты. Лжедмитрий велел пытать их, и они во всем сознались¹⁸.

Г. Паэрле, использовавший рассказы находившихся в Путивле поляков, воспроизвел более подробную версию происшедшего. По его словам, Борис прислал в Путивль трех монахов кремлевского Чудова монастыря, хорошо знавших Отрепьева. Монахи должны были обличить перед населением беглого дьякона. После ареста два монаха были подвергнуты пытке, но ни в чем не признались. Третий лазутчик, чтобы избежать пытки, донес, что его сотоварищи имели поручение отравить «царевича» ядом. Монахи якобы успели втянуть в свой заговор двух придворных самозванца. Последний велел выдать избличенных изменников — «бояр» — на расправу народу. Их привязали к столбу посредине рыночной площади, и путивляне расстреляли их из луков и пищалей¹⁹.

О казнях в Путивле упоминают как иностранные, так и русские источники. По данным А. Посевино, «царевич» передал на суд народу одного из находившихся при нем московитов, который в секретном письме к Борису просил дать ему войско и обещал живьем захватить самозванца. Путивляне расстреляли московита. В русских источниках можно обнаружить данные о том, что в 1605 г. в Путивле был казнен тульский дворянин Петр Хрущев²⁰. Он попал в плен к самозванцу еще в сентябре 1604 г. и тогда же признал его царевичем. Таким путем он попал в число придворных Лжедмитрия. Подлинные обстоятельства его гибели, однако, неизвестны.

В Самборе Мнишек велел обезглавить сына боярского Пыхачева, обвинив его в покушении на жизнь «царевича». В Путивле Отрепьев действовал с одинаковой жестокостью и вероломством. Он велел казнить своего «придворного», чтобы терроризировать тех, кто знал правду о его происхождении и тайном обращении в католичество.

Отрепьев понимал, что одни жестокости и преследования не помогут ему рассеять неблагоприятные для него толки. Поэтому он прибегнул к новой мистификации. Будучи в Путивле, Отрепьев попытался отделаться от своего подлинного имени с помощью двойника. 26 февраля (8 марта) 1605 г. иезуиты, бывшие с Лжедмитрием в Путивле, записали: «Сюда привели Гришку Отрепьева, известного по всей Московии чародея и распутника... и ясно стало для русских людей, что Дмитрий Иванович совсем не то, что Гришка Отрепьев»²¹.

Факт появления Лжеотрепьева был широко известен современникам. Польские дипломаты в переговорах с Василием Шуйским не раз ссылались на то, что подлинного Отрепьева ставили в Путивле «перед всеми, явно обличаячи в том неправду Борисову». Появление «Отрепьева» в лагере самозванца было еще одной загадкой в истории Лжедмитрия. Французский историк де Ту отметил, что знаменитого чародея Гришку Отрепьева захватили в Лихвине и оттуда привели в Путивль²². Но француз писал с чужих слов. А очевидцы происшествия иезуиты, близкие к особе самозванца, предпочли выразиться неопределенно: Отрепьева привели невесть откуда.

Появление Лжеотрепьева при особе самозван-

ца на время прекратило нежелательные для Лжедмитрия толки. Капитан Маржарет, служивший позже телохранителем при «царе» Дмитрие, писал: «...дознано и доказано, что Разстриге было от 35 до 38 лет; Дмитрий же вступил в Россию юношею и привел с собой Разстригу, которого всяк мог видеть...»²³ Как видно, инициаторы фарса не позаботились о том, чтобы придать инсценировке хотя бы внешнее правдоподобие. Отец истинного Отрепьева был всего лишь на восемь лет старше Лжеотрепьева. В конце концов, истинный Отрепьев решил упрятать своего двойника в путивльскую тюрьму, чтобы лучше укрыть обман²⁴. Со временем московские власти дознались, что под личиной Лжеотрепьева скрывался некий старец бродяга Леонид²⁵.

Самозванец позаботился и о том, чтобы сведения о появлении «истинного» Отрепьева стали известны в Москве. Наконец он нанес последний удар властителю Кремля. Прощенные им монахи написали письмо Борису и патриарху Иову о том, что «Дмитрий есть настоящий наследник и московский князь и поэтому Борис пусть перестанет восставать против правды и справедливости»²⁶. Мистификация с Лжеотрепьевым произвела огромное впечатление на народ. Но она привела в замешательство также и Годуновых. Официальная пропаганда с ее неизменно повторявшимися обличениями против расстриги оказалась парализованной. В борьбе за умы самозванец одержал новую победу над земской династией.

Отрепьев овладел северскими городами, благодаря восстанию низов и местных служилых лю-

дей. Однако его несколько не привлекала роль народного вождя. При первой же возможности он стал формировать свою «Боярскую думу» и «двор» из захваченных в плен дворян. Не следует представлять себе дело так, будто народ бил и вязал воевод, тащил их к самозванцу, а последний тут же возвращал им воеводские должности, жаловал в бояре и пр. Не все пленные дворяне сделали карьеру при «дворе» Лжедмитрия, а некоторые из них были казнены за отказ присягнуть «истинному государю». Среди пленников Отрепьева только один М. М. Салтыков имел думный чин окольного и далеко продвинулся по службе. Он рано попал в руки «воровских» людей, но не оказал самозванцу никаких услуг и не удостоился его милостей.

В Путивле Лжедмитрий пытался опереться на людей, которые были всецело обязаны ему своей карьерой. Самой видной фигурой при его «дворе» стал князь Мосальский. В отличие от высокородного Салтыкова Мосальские, несмотря на свой княжеский титул, не принадлежали к первостатейной знати. Они давно выбыли из думы, и при Грозном лишь один из них выслужил чин земского казначея. Заместничавший с ним опричник заявил в то время, что не ведает, «почему Мосальские князи и кто они». Казначей стерпел обиду и ответил, что «своего родства Мосальских князей не помнит». При дворе царя Федора князь В. В. Мосальский служил стряпчим с платьем. Царь Борис послал его на самую глухую сибирскую окраину, приказав выстроить городок в Мангазее²⁷.

Про Мосальского говорили, будто он спас самозванца, отдав ему своего коня во время бегства

из-под Севска. Скорее всего, этот рассказ является легендой. Беседуя с Конрадом Буссовым и другими наемниками, Лжедмитрий I признался, что в битве под Севском едва не попал в плен, но раненый конь вынес его с поля сражения. По приказу самозванца конь был затем вылечен и приведен в Москву²⁸. Так или иначе, Мосальский не покинул Лжедмитрия после разгрома. Лжедмитрий оценил это, тем более что при нем осталось совсем немного старых советников. Мосальский едва ли не первым получил от «вора» чин ближнего боярина.

Дьяк Богдан Сутупов занимал самое скромное положение в московской приказной иерархии. В 1600–1603 гг. он служил помощником у дворянских голов, поддерживавших порядок в столице. Сутупов добровольно перешел в «воровской» лагерь, за что был удостоен неслыханной чести. Отрепьев сделал его своим «канцлером» — главным дьяком и хранителем «царской» печати²⁹.

Благодаря подобным пожалованиям дворяне, различными путями попавшие в Путивль, вполне оценили возможности, которые открывала перед ними служба у новоявленного «царя».

Воевода князь Г. Б. Роща-Долгорукий был арестован народом в Курске. После присяги самозванцу его направили на воеводство в Рыльск. По приказу царя Бориса бояре вешали всех изменников, поступивших на службу к «вору». Страшась опалы и казни, Долгорукий упорно оборонял Рыльск. За это самозванец пожаловал его в окольные³⁰. Козельский дворянин князь Г. П. Шаховской в начале войны собирал детей боярских в Курске. Ве-

роятно, там он и попал в плен к повстанцам. К моменту восстания в Белгороде Шаховской успел прослужить Лжедмитрию несколько месяцев. Самозванец пожаловал Шаховскому чин воеводы и послал управлять Белгородом³¹. Знатный дворянин чашиник князь Б. М. Лыков и головы А. Измайлов и Г. Микулин, захваченные в Белгороде, после присяги были оставлены Лжедмитрием в Путивле. Со временем они также получили от самозванца думные или воеводские чины.

К началу XVII в. знать сохраняла прочные позиции в государстве. Борис Годунов должен был считаться с этим фактом. Его крестьянская политика ограждала интересы боярской аристократии и дворянских верхов, удовлетворяла нужды состоятельных феодальных землевладельцев в ущерб интересам низших слоев господствующего класса — мелкопоместных городских детей боярских. Гражданская война расколола феодальное сословие. Пока Борис Годунов занимал престол и положение династии оставалось достаточно прочным, боярская аристократия и государев двор служили верной опорой трона. Напротив, мелкопоместные дети боярские из южных уездов вскоре оказались вовлеченными в восстания против Годуновых. Случай измены представителей боярских семей и членов «государева двора» носили единичный характер³². Большинство дворян, получивших от Лжедмитрия думные и придворные чины, попали в повстанческий лагерь как пленники.

Если в первые месяцы войны Отрепьев именовал себя царевичем и великим князем всея Руси,

то в Путивле он присвоил себе титул царя³³. Титул «царь» употреблен в письме Лжедмитрия Сигизмунду III, написанном из Путивля в конце января 1605 г.³⁴.

Первые достоверные разряды путивльского «государя», содержащие сведения о пожаловании думных чинов, датируются концом мая — июнем 1605 г. Пленные воеводы из южных крепостей были привезены в Путивль не ранее второй половины марта 1605 г. Если большинство из этих пленников (князя Б. М. Лыков, Б. П. Татев и Д. В. Туренин, голова А. Измайлов) получили от самозванца думные чины два месяца спустя, то на это были свои причины.

Весной 1605 г. политическое положение в государстве претерпело разительные перемены. Борис Годунов умер, и знать подняла голову. Многие бояре, прежде поневоле терпевшие худородного царя, стали искать пути, чтобы избавиться от выборной земской династии. Лжедмитрий сумел использовать наметившийся поворот. Спешно формируя свою «думу» из знатных московских дворян, он старался расчистить себе путь к соглашению с правящим московским боярством.

Глава 16. Властитель Кремля

Некогда Борис снискал поддержку земщины, положив конец опрично-дворовой политике. В конце жизни он пошел на частичное возрождение репрессивного режима.

В течение 20 лет Годунов управлял Россией сначала как правитель, а затем как самодержец. В последние годы его жизни все большую роль в делах управления играла ближняя дума («Тайный совет»). Среди его членов три лица из числа родственников Бориса занимали «высшие должности в России»: конюший боярин (Д. И. Годунов), аптечный боярин (С. Н. Годунов), дворецкий боярин (С. В. Годунов). После смерти престарелого конюшего С. Н. Годунов стал фактически главой ближней думы. Современники записали прозвище Семена Никитича — «Правое ухо царево»¹. В Москве он слыл крайне жестоким человеком.

Семен Годунов попытался расширить систему сыска в стране. Польские послы, побывавшие в Москве в дни суда над Романовыми, писали, что у Бориса среди подданных много недоброжелателей, строгости по отношению к ним растут с каждым днем, так что москвитянин шага не сделает, чтобы за ним не следили два-три соглядатая².

Власти стремились держать в тайне все, что было связано с арестом и пытками сторонников Лжедмитрия в Москве. Но их старания приводили к обратным результатам. По стране распространились самые преувеличенные слухи обо всем, что происходило на Пыточном дворе.

По словам Исаака Массы, стоило человеку произнести имя Дмитрия, как царские слуги хватили его и предавали жалкой смерти вместе с женой и детьми: «...и вот день и ночь не делали ничего иного, как только пытали, жгли и прижигали каленым железом и спускали людей в воду, под лед». Яков Маржарет обвинял Годунова в том, что пос-

ле появления «Дмитрия» Борис «целые дни только и делал, что пытал и мучил по этому поводу», «тайно множество людей были подвергнуты пытке, отправлены в ссылку, отравлены в дороге и бесконечное число утошены»³.

Вдумчивый наблюдатель дьяк Иван Тимофеев писал, что к концу жизни Бориса всем надоело его притеснительное, с лестью, кровожадное царство, и не из-за податных тягот, а из-за пролития крови многих неповинных⁴. Подобного рода свидетельства красноречивы, но они почти ничего не дают для того, чтобы составить даже примерное представление о подлинных масштабах террора.

Своими успехами Лжедмитрий I был обязан поддержке со стороны «черни» — низших сословий. Этот факт определил направленность правительственных репрессий. Династия сознавала, с какой стороны ей грозит смертельная опасность, и стремилась подавить выступления низов с помощью жестокости.

Меры в отношении дворян носили совсем иной характер по сравнению с мерами в отношении «черни». Борис щадил дворянскую кровь совершенно так же, как и самозванец. Крайние меры применялись лишь к немногим дворянам-перебежчикам, к лицам, захваченным на поле боя с оружием в руках, и к посланцам «вора», подстрекавшим народ к мятежу. Последних вешали без суда на первом попавшемся дереве.

Сыскное ведомство постоянно расширяло свою деятельность. И все же ему не удавалось искоренить социальную утопию, все шире распространяющуюся в народе. Ждали пришествия «добротого» царя, и с этим ничего нельзя было поделать.

Нарастание репрессий вело к тому, что ведомство Семена Годунова стало приобретать все более широкие политические функции. Сохранились сообщения о том, что Семен Годунов настаивал на казни заподозренных в измене членов Боярской думы⁵. Между тем дума была высшим органом государства, а сыскное ведомство — лишь одной из ее многочисленных комиссий.

Признаки недовольства в столице и городах множились день ото дня. Но после разгрома Комарицкой волости власти уяснили, к каким неблагоприятным последствиям приводит политика террора⁶. Обладая огромным опытом государственной деятельности, Борис понимал, что насилие лишь осложняет ситуацию.

Прежде деятельный и энергичный, Борис в конце жизни все чаще устранился от дел. Он почти не покидал дворца, и никто не мог его видеть. Прошло время, когда Годунов охотно благотворил сырым и убогим, помогал им найти справедливость, давал управу на сильных. Теперь он лишь по великим праздникам показывался на народе, а когда челобитчики пытались вручить ему свои жалобы, их разгоняли палками⁷.

Фатальные неудачи порождали подозрительность, столь чуждую Борису в лучшие времена. Царь перестал доверять своим боярам, подозревал в интригах и кознях своих придворных и все чаще обращался за советами к прорицателям, астрологам, юродивым.

Еще Горсей отмечал склонность Бориса к «чернокнижью». Один из членов польского посольства в Москве в 1600 г. писал: «Годунов полон чар и

без чародеек ничего не предпринимает, даже самого малого, живет их советами и наукой, их слушает...»⁸ Однажды Борис пригласил в Москву некоего немца-астролога из Ливонии. Когда в небе над Москвой появилась яркая комета, царь попросил его составить ему гороскоп. Астролог посоветовал Борису «хорошенько открыть глаза и поглядеть, кому же он оказывает доверие крепки стерець рубежи»⁹.

Годунов обращался к знаменитой в Москве юродивой Олене. Юродивая предсказала ему близкую кончину. Другая «ведунья» Дарьица давала официальные показания о ворожбе во дворце у Бориса уже после его смерти. Дарьица, по ее собственным словам, нагадала, что «Борису Федоровичу быти на царстве некоторое время»¹⁰.

Члены английского посольства, видевшие Годунова в последние месяцы его жизни, отметили многие странности в его характере. Будучи обладателем несметных сокровищ, царь стал выказывать скупость и даже скарденность в мелочах. Живя отшельником в Кремлевском дворце, Борис по временам покидал хоромы, чтобы лично осмотреть, запорты и запечатаны ли входы в дворцовые погреба и в кладовые для съестных припасов. Скупость, по замечанию англичан, будто бы стала одной, притом не самой последней причиной его падения¹¹.

Многие признаки в поведении Годунова указывали на его преждевременно наступившее одряхление. Принимая посла английского короля Якова I, царь впал в слезливый тон, говоря об умершей королеве Елизавете. В конце жизни Го-

дунов, тревожась за будущее сына, держал его при себе безотступно, «при каждом случае хотел иметь его у себя перед глазами и крайне неохотно отказывался от его присутствия». Однажды один из ученых иноземцев попытался убедить Годунова, что ради долголетия царевича и просвещения его ума ему надо предоставлять некоторую самостоятельность в занятиях. Однако Борис неизменно отклонял такие советы, говоря, что «один сын — все равно что ни одного сына» и он не может и на миг расстаться с ним»¹².

В последние дни Годунова более всего мучили два вопроса. Твердо зная, что младший сын Грозного мертв, царь по временам впадал в сомнение, «почти лишался рассудка и не знал, верить ли ему, что Дмитрий жив или что он умер»¹³. Другой вопрос заключался в том, сподобится ли он вечного блаженства на том свете. По этому поводу Борис советовался не только со своим духовником, но и с учеными немцами. Невзирая на различие вер, царь просил их, «чтобы они за него молились, да сподобится он вечного блаженства». После таких бесед Борис нередко приходил к мысли, что для него «в будущей жизни нет блаженства»¹⁴.

Под влиянием неудач и тяжелой болезни Годунов все чаще погружался в состояние апатии и уныния. Физические и умственные силы его быстро угасали. Недруги распространяли всякого рода небылицы по поводу смерти Бориса, последовавшей 13 апреля 1605 г. Согласно одной версии, Годунов будто бы принял яд ввиду безвыходности своего положения; по другой версии — он упал с трона во время посольского приема¹⁵.

Осведомленные современники описывают кончину Годунова совсем иначе: «...царю Борису, вставши из-за стола после кушанья, и внезапно прииде на него болезнь люта, и едва успе поновиться и постричи, в два часа в той же болезни и скончался». Как записал автор Хронографа, Годунов скончался после обеда: «...по отошестве стола того, мало времени минувшу, царь же в постельной хранине сидящу, и внезапно случися ему смерть». Борис умер скоропостижно, и монахи лишь «успели запасными дарами причастити» умирающего¹⁶.

Члены английского посольства описали последние часы Годунова со слов лечивших его медиков. По обыкновению, врачи находились при царской особе в течение всего обеда. Борис любил плотно покушать и допускал излишества в еде. Доктора, видевшие его хороший аппетит за обедом, убедились в его добром здравии и разъехались по домам. Но через два часа после обеда Борис почувствовал дурноту, перешел в спальные хоромы и сам лег в постель, велел вызвать врачей. Но до того, как те вернулись во дворец, у Бориса отнялся язык и он умер. Перед кончиной Бориса стоявшие подле его постели бояре спросили, не желает ли он, чтобы дума в его присутствии присягнула наследнику. Умирающий, дрожа всем телом, успел промолвить: «Как богу угодно и всему народу». Вслед за тем духовные особы поспешно совершили над ним обряд пострижения в иноки¹⁷.

Близкий к царскому двору Яков Маржарет передает, что Борис скончался от апоплексического удара¹⁸.

Смерть Бориса дала новый толчок развитию «Смуты» в Русском государстве.

Глава 17. Восстание под Кромами

Бояре и духовенство нарекли царевича Федора Борисовича на царство через три дня после кончины Бориса. Записи в книгах Разрядного приказа наводят на мысль о том, что в этом акте участвовали все чины, обычно входившие в состав Земского собора. «Того же месяца апреля, — значит в Разрядах, — патриарх Иев Московский и всеа Русии, и митрополиты, и архиепископы, и епископы, и со всем освященным собором вселенским, да бояре и окольные, и дворяне и стольники и стряпчие, и князи, и дети боярские, и дьяки и гости, и торговые люди, и все ратные и черные люди всем Московским царством и всеми городами, опричь Чернигова и Путивля, нарекли на Московское государство государем царевича князя Федора Борисовича всеа Русии»¹.

Разрядные записи находят аналогию в епископских посланиях, разосланных по городам сразу после наречения Федора. Отцы церкви подробно описывали, как патриарх с освященным собором, весь царский синклит — Боярская дума, гости и торговые люди и «всенародное множество Российского государства» просили царицу Марию Григорьевну, чтобы она «была на царстве по-прежнему», а сына великого государя царевича князя Федора благословила «быти царем и самодержцем

вшей Русской земли»². Царевич не презрел «слез и моления» чинов и по благословению и приказу отца «произволил» быть царем.

В действительности наречению царевича Федора не предшествовали ни «моления» чинов Земского собора, ни шествия «всенародного множества».

После своего избрания Борис Годунов сделал сына соправителем и приказал именовать его государем царевичем «всеа Русии». Царевич самостоятельно сносился с иноземными дворами³. Скорее всего, сам Борис позаботился о том, чтобы заблаговременно подготовить всю процедуру передачи власти наследнику. В обращении патриарха к народу было сказано, что царь Борис, умирая, после себя приказал на царство сына и благословил его крестами, которыми «венчаютца на царство», после чего Федор Борисович «з божьей помощью на своих государствах сел». Патриарх с освященным собором благословили нового царя, а члены Боярской думы, дворяне, дети боярские, приказные люди, гости и всех сотен торговые всякие люди в присутствии патриарха принесли присягу на верность Федору Борисовичу⁴.

Очевидцы свидетельствуют, что именно так все и произошло. Бояре, дворяне, купцы и простой народ были вызваны в Кремль и приведены там к присяге⁵.

Вслед за тем царица Мария и царь Федор Борисович разослали в города наказ, повелев созвать в церковь дворян, служилых людей, посадских людей, пашенных крестьян и всяких «черных» людей и привести их к присяге по специальной запи-

си⁶. Приказные люди записывали имена присягнувших в специальные книги, которые надлежало затем отправить в Москву.

В главных городах – Новгороде, Пскове, Казани, Астрахани, городах Замосковья, Поморья и Сибири присяга прошла без затруднений. Составленные там книги были спешно присланы в столицу. В царском архиве хранилась «свяска, а в ней записи целовальные... после царя Бориса царице Марье и царевичу Федору всяким людям по чинном, и записи шертовальные по чинном иноземцом»⁷. Православные целовали крест, иноверцев приводили к шерти.

Текст подкрестной записи царя Федора полностью повторял текст, составленный при воцарении Бориса Годунова. Он содержал непомерно длинный перечень обязательств, ограждавших безопасность царской семьи. Подданные обещали над царицей и ее детьми «в еде и питье» ни в платье, ни в ином чем лиха никакого не учинить и [их] не испортить, и зелья лихого и коренья не давать»; «и людей своих с ведовством и со всяким лихим зельем и с кореньев не посылать, и ведунов не добывать на [царское] лихо»; когда государь куда пойдет, «на следу [его] всяким ведовским мечтанием не испортить и ведовством по ветру никакого лиха не насылать»⁸.

Проекты возведения на трон Симеона Бекбулатовича давно утратили актуальность. Тем не менее советники Федора упомянули его имя в тексте присяги, запретив подданным всякие сношения с ним. Реальная угроза династии исходила от самозванца. Но пояснения насчет самозванца в «це-

ловальной записи» были краткими и маловразумительными. Подданные клятвенно обязывались «к вору, который называется князем Дмитрием Углицким, не приставать и с ним и с его советники ни с кем не ссылатись ни на какое лихо и не изменити и не отъехати...»⁹

Текст присяги отразил замешательство, царившее среди властителей Кремля. Длительное время церковь предавала анафеме зловерного еретика Гришку Отрепьева. Затем все узнали, что в Путивле «царевич» выставил на всеобщее обозрение колдуна Гришку Отрепьева. Чудовские монахи, посланные для обличения расстриги перед жителями Путивля, прислали царю Борису письмо, подтверждавшее истинность сына Грозного. В Москве не могли сразу разобраться в новых мистификациях самозванца и не знали, что думать. Вместо того чтобы следовать раз принятой линии обличения «вора», царица и ее советники решили вовсе не упоминать в «записи» имени Отрепьева. Составители присяги сделали худшее, что могли. Они свели на нет все достижения официальной пропаганды. Присяга не только не внесла успокоения в умы, а усилила брожение.

Династия Годуновых имела мало шансов на то, чтобы уцелеть в обстановке кризиса и гражданской войны. Федор получил превосходное для своего времени образование, но в 16 лет ему не доставало политической опытности и самостоятельности. Царица Мария Григорьевна была фигурой крайне непопулярной. Знать и население столицы не забыли массовых избиений и казней, в свое время организованных ее отцом – опричным па-

лачом Малютой Скуратовым. По Москве ходила молва о крайней жестокости царицы.

Борис наводнил Боярскую думу своими родственниками. Но к началу 1605 г. все наиболее значительные деятели из рода Годуновых сошли со сцены, а оставшиеся не пользовались никаким авторитетом, несмотря на свои блистательные титулы. В трудный час подле Федора не оказалось никого, кто мог бы твердой рукой поддержать пошатнувшуюся власть.

Прошло несколько дней после присяги, и бессилие правительства перед лицом глубокого кризиса обнаружилось с полной очевидностью. Крушению власти немало способствовало то, что в решающий момент у царя не оказалось достаточных военных сил: в течение многих месяцев царь Борис отправлял в действующую армию всех способных носить оружие, включая стольников, жильцов (дворцовую охрану), конюхов и псарей.

Еще при жизни царь Борис стал жертвой политической клеветы. Его обвиняли в убийстве последних членов законной династии, включая царя Ивана, царя Федора и царевича Дмитрия. Клевета подготовила почву для торжества сторонников Лжедмитрия. По Москве распространялись самые невероятные слухи. Упорно толковали, будто Борис сам наложил на себя руки в страхе перед «сыном Грозного»¹⁰.

Волнения в Москве нарастали с каждым днем. Следуя традиции, новый царь объявил о прощении всех преступников и опальных. Однако амнистия не распространялась на политических противников Годунова. Столица не желала мириться

с такой несправедливостью. Как записал очевидец, «народ становился все бесчинней, большими толпами сбегался ко дворцу, крича о знатных боярах, бывших при Борисе в немилости и ссылке, другие кричали о матери Дмитрия, старой царице, что ее надобно посадить у городских ворот, дабы каждый мог услышать от нее, жив ли еще ее сын или нет»¹¹. Власти были вынуждены уступить требованиям народа. Они вернули в столицу Б. Я. Бельского, находившегося в ссылке в деревне, удельного князя И. М. Воротынского, бывшего в опале и изгнании, и других лиц. В лице Бельского династия приобрела опаснейшего противника, великого мастера политических интриг, озлобленного преследованиями со стороны царя Бориса.

Правительство могло бы использовать старицу Марфу (Марию) Угличскую для обличения самозванца. Но царица Мария Годунова и слышать не желала о ее возвращении в Москву.

Воеводы расставили заставы на всех дорогах и отдали приказ венчать гонцов Лжедмитрия без промедления. Тем не менее лазутчики продолжали проникать в столицу и доставлять «прелестные» листы.

Царь Федор предпринимал отчаянные усилия, чтобы удержать контроль за положением в столице. Казна раздала населению огромные суммы на помин души Бориса, на самом же деле, чтобы успокоить население. Но щедрая милостыня не достигла цели.

Не видя иного выхода, царица Мария и ее сын срочно вызвали из армии в Москву руководителей Боярской думы Ф. И. Мстиславского и брать-

ев Шуйских, чтобы прекратить беспорядки в столице. <...Князь Мстиславский был отозван из стана в Москву помочь молодому царю решать и вершить дела правления...» — полагал Конрад Буссов. За боярами под Кромы был послан жилец. К. Карамышев¹². Подобная мера казалась вполне оправданной. Страх перед назревавшим выступлением низов побуждал бояр заботиться о порядке в столице и действовать в интересах династии, невзирая на собственные политические симпатии.

Когда толпа в очередной раз заполнила площадь перед Кремлевским дворцом, князь В. И. Шуйский вышел на крыльцо и долго увещивал народ одуматься и не требовать перемен, которые приведут к распаду царства и ниспровержению православия. Боярин поклялся самыми страшными клятвами, что царевича Дмитрия давно нет на свете, что он сам своими руками положил его в гроб в Угличе, а путивльский «вор» — это беглый монах и расстрига Отрепьев, подученный дьяволом и посланный в наказание за грехи¹³.

Возвращение главных бояр в Москву и речи Шуйского внесли успокоение в умы. Волнения в столице на время утихли.

Почти сразу после смерти Бориса правительство осуществило смену высшего командования в армии под Кромами. Среди Годуновых и их родни не оказалось никого, кто мог бы взять на себя руководство военными действиями, и царь Федор поневоле должен был вверить свою судьбу людям, ничем не связанным с династией, кроме милостей умершего царя. Новым главнокомандующим в армию был назначен князь Михаил Петрович

Катырев-Ростовский, его помощником — боярин Петр Федорович Басманов¹⁴.

М. П. Катырев получил боярство одним из первых, сразу после коронации Бориса. Катырев ничем не успел проявить себя на военном поприще, и его назначение было продиктовано формальными местническими соображениями. До опричнины Катыревы-Ростовские занимали высокое положение в думе. На этом основании М. П. Катырев, получив боярство, пытался местничать с главой думы Ф. И. Мстиславским¹⁵.

Наибольшие надежды Годуновы возлагали на П. Ф. Басманова. В столице Басманова знали как первого щеголя среди дворян и человека, популярного среди населения. По словам английских современников, простой народ «считал его единственным своим защитником». Басманов сделал карьеру в считанные месяцы, благодаря успешной обороне Новгорода Северского. Царь Борис вызвал его ко двору, столица чествовала Басманова как героя. Из-за ран воевода не мог ехать верхом, и Борис выслал навстречу ему свой выезд. В царских санях Басманов проследовал через всю столицу в Кремль. Годунов пожаловал Басманову боярский чин, земли, 2 тыс. руб. денег и множество подарков¹⁶.

Старшим воеводой в Новгороде Северском был боярин князь Н. Р. Трубецкой. Однако наибольшие награды за оборону города получил не он, а Басманов. Услуги, оказанные Басмановым Годунову, имели особый характер. Старший воевода осуществлял общее военное руководство обороной крепости. Роль же Басманова состояла в том, что

он своевременно обнаружил измену в гарнизоне Новгорода Северского и железной рукой подавил мятеж.

После возвращения в Москву Басманов неоднократно просил царя отправить его в действующую армию. Но Борис неизменно отказывал ему, ссылаясь на то, что воевода еще не оправился от тяжелых ран. Невзирая на болезнь, Годунов надеялся возглавить летнюю кампанию против самозванца и обещал дать Басманову назначение в своей армии. Исаак Масса утверждал, что правительство решило послать Басманова в лагерь под Кромы еще при жизни Бориса, когда последний увидел, что измена ширится день ото дня, и заподозрил в предательстве самого Мстиславского. Басманов будто бы поклялся, что захватит «вора» или сам сложит голову¹⁷.

По своему местническому положению Басманов никак не мог претендовать на руководство главными силами русской армии. Бояре, находившиеся в полках, были много старше его по рангу и службам. Правительство имело много соглядатаев в лагере и своевременно получало сведения о «шатости» в людях. Басманову отводилась та же роль, которую он уже сыграл однажды при обороне Новгорода Северского.

Явившись в лагерь под Кромы, Катырев и Басманов привели полки к присяге. Патриарх Иов по немощи не мог покинуть Москву, и поэтому церемонией присяги руководил новгородский митрополит Исидор – второе в церковной иерархии лицо. Никто не оказал воеводам открытого неповиновения. Но по свидетельству русских летописей, не-

которые ратные люди в общей суете уклонились от церемонии крестоцелования. В Москве церковное руководство оказало немалую помощь новому царю, но на действующую армию влияние духовенства не распространялось. Бояре поспешили выпроводить Исидора из лагеря под Кромами, едва закончилась присяга¹⁸.

После смерти Бориса вопрос о единстве в думе и высшем военном командовании приобрел первостепенное политическое значение. В свое время Годунов, питавший особое доверие к бывшему опричнику князю Андрею Телятевскому, приставил его к Мстиславскому в качестве помощника. Попытка подчинить большой полк Телятевскому вызвала негодование многих воевод. После того как царевич Федор отозвал в Москву Ф. И. Мстиславского и В. И. Шуйского, большой полк фактически перешел в распоряжение Телятевского: «...воем же начальницы остапся князь Ондрей Телятевской...»¹⁹

Вмешательство Семена Годунова, главы сысского ведомства, в дела Разрядного приказа привело к полной неразберихе в полках. После отъезда П. Ф. Басманова под Кромы Семен Годунов настоял на назначении князя А. А. Телятевского главным воеводой сторожевого полка, что доставило тому большие местнические преимущества. Новый главнокомандующий князь М. П. Катырев привез под Кромы одну роспись, а через три дня в лагерь прибыл гонец с новым Разрядом, не согласованным ни с Катыревым, ни с Басмановым. Разрядные дьяки утверждали, будто новый государь ничего не знал о втором Разряде. По их сло-

вам, «тое-де роспис, как бояром и воеводам велено быть по полком, послал Семен Годунов для зятя своево князя Ондreja Телятевского, а царевич-де князь Федор Борисович тое росписи не ведает»²⁰.

Вмешательство сыскного ведомства посеяло раздор среди воевод, на которых династия возлагала наибольшие надежды. П. Ф. Басманов с головой погрузился в местническую тяжбу с А. А. Телятевским. Воевода полка левой руки З. И. Сабуров отказался подчиняться М. П. Катыреву и отослал ему полковые списки «для того, не хотечи быть менми князя Ондreja Телятевского». К тому же второй воевода полка правой руки князь М. Ф. Кашин-Оболенский «бил челом на Петра Басманова в отечестве, и на съезд не ездил, и списков не взял»²¹.

В армии назревал заговор, и местнические распри способствовали его успеху. Думой заговора были братья Голицыны. Свой род князь Голицыны вели от литовской великокняжеской династии. По знатности они превосходили главу Боярской думы Ф. И. Мстиславского – потомка младшей линии литовской династии. Но к концу XVI в. местническое положение Голицыных пошатнулось. Попытки тягаться с Трубецкими и Шуйскими закончились для них полной неудачей²². После смерти царя Федора Ивановича Голицыных не было среди претендентов на трон. Кончина Бориса Годунова пробудила в них честолюбивые надежды. Положение династии стало непрочным, и Голицыны первыми из бояр покинули ряды ее сторонников.

Некоторые летописи причисляли к числу орга-

низаторов заговора воеводу боярина М. Г. Салтыкова²³. Однако очевидец мятежа Яков Маржарет утверждал, что М. Г. Салтыков был захвачен изменниками. Слова Маржарета находят подтверждение в Разрядных книгах пространной редакции. Другой осведомленный современник – Петр Петрей также писал, что заговорщики захватили М. Г. Салтыкова и жестоко терзали его. Швед Петрей знал Салтыкова как воеводу Орешка²⁴.

Выдающуюся роль в организации мятежа сыграли Прокофий Ляпунов и его братья. Ляпуновы занимали видное положение среди выборных рязанских дворян. Они обладали неукротимым нравом, и летописцы не прочь были подчеркнуть их склонность к авантюрам.

После смерти Грозного Ляпуновы вместе с другими рязанцами участвовали в московских беспорядках, едва не погубивших правителя Бориса Годунов. За год до войны с самозванцем царь Борис велел наказать Захара Ляпунова кнутом за посылку заповедных товаров к вольным казакам на Дон. Мятежные алексинские дворяне выдвинули из своей Среды Захара Бибикова. Он числился выборным дворянином от Алексина и имел оклад в 500 четвертей земли. После переворота Лжедмитрий I пожаловал ему за особые заслуги рязанское поместье в 200 четвертей, взятое у И. П. Вельяминова²⁵.

Организации заговора в годуновской армии способствовали многие обстоятельства, но два из них имели решающее значение. Первым было появление знати в путивльском лагере, вторым – смерть Бориса. Конрад Буссов записал слухи о том,

что изменники Бориса затеяли переписку с самозванцем будто бы сразу после его поражения под Севском. Они советовали царевичу не отступать от своего и обещали тайную поддержку²⁶. Достоверность этих слухов сомнительна. Скорее всего, заговорщики установили связь с Путивлем в более позднее время. Лжедмитрий многократно посылал листы к царским воеводам, но последние откликнулись на них лишь после того, как обращения самозванца поддержали хорошо известные им лица.

Родовитая знать не смирилась со своим поражением в период династического кризиса, и ей не всегда удавалось скрыть свое истинное отношение к выборному земскому царю Борису. За два-три года до вторжения самозванца власти получили донос о том, что князь Борис Михайлович Лыков, «сходясь с Голицыными да с князем Борисом Татевым, про него, царя Бориса, разсуждает и умышляет всякое зло». Названный круг лиц был связан тесной дружбой, а отчасти и родственными связями²⁷.

В силу превратностей гражданской войны одни члены этого кружка оказались заброшенными в путивльский лагерь, где их обласкал самозванец, другие же остались в царских полках. В былые времена злые речи Голицыных и их друзей против царя Бориса не были подкреплены никакими практическими шагами, а потому Годунов не придал доносу никакого значения. После смерти Бориса ничто не помешало претворить помыслы в действие.

Князь Борис Петрович Татеев и князь Борис Михайлович Лыков, как видно, оказали Лжедмит-

рию исключительные услуги, поскольку первый вскоре же получил боярство, а второй стал кравчим самозванца. Вероятно, Лыков поддерживал наиболее тесные связи с заговорщиками, поскольку именно ему Лжедмитрий поручил организовать присягу в сдавшихся царских полках²⁸.

Характерно, что князь Б. П. Татев владел крупным поместьем в Рязани²⁹. Рязанское дворянство было охвачено брожением и сыграло особую роль в событиях под Кромами. В отличие от северских и южных городов дети боярские рязанских городов несли службу в «государевом дворе». Участники боярского заговора Ляпуновы и Измайловы принадлежали к высшему и наиболее влиятельному слою феодальных землевладельцев Рязани. За Прокофием Ляпуновым числилось 550 четвертей папши в поместье и небольшая вотчина. Измайловы владели обширными родовыми вотчинами в Рязанском уезде. В числе других лиц в южных городах был захвачен Артемий Измайлов. За считанные недели этот рязанский дворянин из пленника превратился в дворецкого, думного дворянина и ближнего человека «царевича». Измайлов был приятелем Ляпунова. Многие родственники Измайлова служили в армии И. Мстиславского³⁰. Скорее всего, именно Артемий Измайлов помог организовать заговор среди рязанских дворян, за что и был удостоен исключительных милостей. Переговоры между путивльскими «советниками» самозванца и заговорщиками в армии под Кромами были окружены глубочайшей тайной. Но некоторые подробности о них все же стали известны Польше. Некто Петр Арсудий, подвизавшийся в

Польше в качестве доверенного лица Ватикана по делам восточной церкви, получил подробные сведения о секретных переговорах «царевича» с боярами от виленского епископа Войны. В начальный момент организации самозванческой интриги покровители самозванца попытались заручиться поддержкой Войны. Епископ занял двусмысленную позицию. Королю он советовал известить Годунова об экспедиции как «частном предприятии своевольных людей», но одновременно считал необходимым послать гонца к «царевичу, чтобы таким известием не был нарушен его покой»³¹. С тех пор Война имел возможность получать доверительную информацию от лиц, окружавших «царька».

По словам епископа, заговорщики обещали «истинному» Дмитрию престол на следующих условиях: православная вера остается нерушимой, самодержавная власть сохраняется, и Дмитрий будет пользоваться теми же правами, что и его отец Иван IV; царь не будет жаловать боярского чина иноземцам и не назначит их в Боярскую думу, но волен принимать их на службу ко двору и даст им право приобретать земли и другую собственность в Русском государстве; принятые на службу иноземцы могут строить себе костелы на русской земле³².

Приведенные сведения, если они достоверны, позволяют сделать интересные выводы. По-видимому, соглашение о будущем устройстве Русского государства было в основных чертах выработано в результате переговоров между членами «воровской» Боярской думы и польскими советниками самозванца. Вместе с Мнишком лагерь Отрепьева

покинула почти вся польская знать, принимавшая участие в аванюре. Это обстоятельство должно было облегчить сговор. Московская знать, оказавшаяся в Путивле, заботилась о сохранении своих привилегий. Немногие польские советники (Бучинский, Дворжецкий, Иваницкий), оставшиеся при особе «царевича» в Путивле, выговорили себе право служить при царском дворе, владеть вотчинами и поместьями, а также устроить себе церкви по своему вероисповеданию.

Самозванец постоянно совещался с находившимися при нем иезуитами. Они также могли быть довольны секретным соглашением: Москва впервые раскрывала свои двери католицизму. Иезуиты, скорее всего, и передали информацию в Польшу, где она стала известна виленскому епископу.

В последних числах апреля 1605 г. к самозванцу в Путивль из-под Кром прискакал сын боярский арзамасец Абрам Бахметов и сообщил, что царь Борис умер, что Петр Басманов прибыл под Кромы и 19 апреля привел полки к присяге. Войско Отрепьева получило аналогичное известие из Кром. Казаки сообщили, что они сделали вылазку из крепости и захватили языков, от которых узнали, что «Бориса не стало и что в войске их великое смятение: одни держатся стороны Борисова сына, а другие — нашей»³³.

Положение в царском лагере стало критическим к началу мая.

Когда П. Ф. Басманов прибыл под Кромы, он горячо убеждал войско служить Федору Годунову. Одновременно он начал охоту за тайными приверженцами Лжедмитрия. Что ни день, воевода

рассылал «по всему лагерю людей, которые подслушивали, что там говорили, и доносили обо всем ему, так что открылось, что больше людей на стороне Дмитрия, чем на стороне московитов»³⁴. Сведения Басманова полностью совпадали с показаниями языков, захваченных казаками Корелы. Воеводе предстояло железной рукой покарать сторонников Лжедмитрия в интересах Годуновых. Но положение династии было шатким.

Сохранив верность Годуновым, Басманов должен был бы пролить потоки крови. В числе первых ему пришлось бы арестовать воевод князей Голицыных – истинных вдохновителей заговора. Однако по матери Голицыны доводились братьями Басманову, и он издавна привык считаться с авторитетом старшей по знатности родни. Все это не могло не повлиять на исход дела³⁵.

Голицыны понимали, что рискуют головой, и не жалели сил, чтобы втянуть Басманова в заговор. Кроме милостей Бориса, ничто не привязывало Басманова к правящей династии. Переход власти к царице Марии Скуратовой и Семену Годунову не мог не поколебать его верность трону. Между родом Бельских и родом Басмановых существовала кровная вражда. Именно отец царицы Малюта Скуратов положил конец блестящей карьере Басмановых в опричнине. По его навету инициатор опричнины А. Д. Басманов был казнен, а его сын Ф. А. Басманов умерщвлен в тюрьме. П. Ф. Басманов не имел оснований сдать дочь Малюты и его внука царевича Федора Борисовича. Получив предложение примкнуть к заговору, Басманов не долго колебался. Сын знаменитого оп-

ричника, Басманов был всецело поглощен собственной карьерой и плохо помнил благодеяния. После взлета в опричнине Плещеевы-Басмановы надолго сошли со сцены, и воеводе предстояла жестокая борьба, чтобы возродить былую «честь» фамилии. Разрядная роспись, присланная в полки после присяги, нанесла удар честолюбивым надеждам П. Ф. Басманова. Когда дьяк огласил роспись в присутствии бояр и воевод, Басманов, «патчи на стол, плакал с час, лежа на столе, а встав с стола, евлил и бил челом боярам и воеводам всем: «Отец, государи мои, Федор Алексеевич точма был дважды больше деда князя Ондреева... а ныне Семен Годунов выдает меня зятю своему в холопи князю Ондрею Телятевскому, и я не хочу жив быти, смерть прииму лутче тово позору»³⁶.

Басманов не мог смириться с «потерькой» фамильной чести. Но вернее будет предположить, что он искал благовидный предлог для предательства. Примкнув к заговорщикам, Басманов быстро привел дело к решительной развязке.

Силы заговорщиков были невелики. Большинство дворян принесли присягу царевичу Федору и сохраняли верность династии. Мятеж кучки заговорщиков посреди вооруженного лагеря мог быть легко подавлен вооруженной рукой. И тем не менее заговор в лагере имел успех.

После трех месяцев, прошедших в бесполезной осаде Кром, в правительственной армии произошли большие перемены. Дисциплина в ней держалась, пока дворянское ополчение громило «воров» – казаков и комарицких мужиков. Неудача под Кромами и бездеятельность деморализовали полки.

Дворяне осуждали приказ Бориса, воспретившего воеводам распустить ратных людей на отдых. Они не понимали, зачем царю понадобилось держать 50-тысячную армию под стенами крохотной крепости, для осады которой было достаточно небольшого отряда»³⁷.

Мелкие помещики не успели оправиться от последствий трехлетнего голода. Многие опасались, что из-за длительного отсутствия дела в их поместьях придут в полное расстройство. С наступлением весны бегство землевладельцев из армии усилилось. Немало столичных дворян использовали смерть Бориса в качестве предлога для отъезда в Москву «на царское погребенье»³⁸.

В то время как дворянское ополчение таяло, число «даточных людей» и «посошных» мужиков в лагере росло. Под Кромы был доставлен огромный артиллерийский парк, большие запасы пороха и ядер. Лагерь оказался наводнен «посошными людьми», занятыми перевозкой пушек, подвозом боеприпасов и пр.

Поначалу северные города получили от правительства льготу, будучи освобожденными от обязанности выставлять в поле ратных людей. Однако ко времени осады Кром Борис отменил их льготу.

Начиная с февраля 1605 г., писал Масса, через Москву каждодневно проходило много ратников, отправлявшихся на помощь войску Мстиславского. Многочисленные отряды снарядили города Тотьма, Устюг Великий, Вычегда и др.³⁹ Монастыри набирали отряды «даточных людей» из крестьян и служек. При военном лагере возникло

торжище. Каждый день окрестные и дальние крестьяне везли на продажу продукты питания и разные товары. Вместе с ними на торг беспрепятственно проникали лазутчики из Путивля с «воровскими» листами. Чем больше ратники в землянках заполняли лагерь, тем успешнее шла агитация в пользу «истинного» царя Дмитрия.

При Василии Шуйском Посольский приказ объяснил происшедшее под Кромами следующим образом: многие бояре и дворяне разъехались из-под Кром, остались же там «немногие бояре и воеводы, а с ними только ратные люди северских и украинских городов – стрельцы и казаки и черные люди; и те люди... смуту в полках учинили»⁴⁰. В предназначенных для поляков объяснениях дьяки намеренно исказили картину, отрицая причастность некоторых бояр и дворян к мятежу. Но они довольно точно уловили роль мелких служилых людей, «посохи» и «мужиков» в последовавшем перевороте.

Отрепьев не имел ни сил, ни решимости, чтобы отважиться на новое сражение с воеводами. Тем не менее он оценил важность полученных из Кром сообщений и в начале мая отдал приказ о выступлении в поход. Участник похода С. Борша писал: «Мы... не дождавшись из Польши на помощь ни одного человека, пошли с царевичем против того войска». Уже после выступления армии хорунжие привели из Путивля подкрепление: около 500 конных шляхтичей – «пятигорцев»⁴¹.

Русские официальные представители отметили прибытие последних значительных подкреплений к самозванцу из Польши. Они припомнили по-

лякам, как в Путивль к «вору» пришел Ратомский со многими людьми. Отвечая на этот упрек, польские послы заявили, что «Ратомский, отъехавши от него (Лжедмитрия. — Р.С.), долгий час при нем не был» и вернулся к нему в Путивль, когда «ему вже вси люди московские здавалися». Вся миссия Ратомского и вновь прибывших войск свелась якобы к тому, что они «проводили» Лжедмитрия до Москвы⁴².

До прибытия Ратомского численность наемных солдат в путивльском лагере не превышала 300 человек. Несмотря на настойчивые просьбы Корелы и Беззубцева о помощи, Лжедмитрий смог послать к Кромам лишь небольшой отряд Яна Запорского. В письмах из Путивля иезуиты сообщали, что перед походом Запорский принял у них благословение и что вместе с ним выступили 200 рейтар с конями и 100 пеших поляков. Поляки имели самое примерное представление о численности повстанческих отрядов. По их словам, к отряду Запорского присоединилось то ли 10 тыс., то ли 3 тыс. московитов. Однако сам Ян Запорский в письме из-под Кром сообщал, что с ним было всего 200 конных копейщиков и 800 донских казаков⁴³.

На пути к Кромам Запорский получил подтверждение относительно смерти Бориса. 30 апреля 1605 г. он направил донесение об этом гетману А. Дворжецкому. В начале мая Запорский ждал удобного случая, чтобы прорваться в Кромы и соединиться с казаками. Ради достижения этой цели он послал в Кромы трех «шпиков» с письмами, в которых сообщал, что он ведет на выручку 20 тыс.

копейщиков и 20 тыс. казаков при 300 орудиях. Вскоре Запорский имел стычку с отрядом татар, несшим сторожевую службу на подступах к Кромам. Поляки разогнали отряд и взяли в плен 150 человек⁴⁴.

Запорский считал, что именно его хитрость, а также «победа» над русскими вынудили правительственные войска сложить оружие и принести присягу Лжедмитрию. Его оценку приняли С. Борша и Г. Паэрле. В действительности и письма Запорского, и стычка с татарами оказали небольшое влияние на события, происходившие в лагере под Кромами.

Как повествуют русские источники, «в полках под Кромами, немного время погода после крестного целованья, рязанцы Прокофей Лепунов з братьею и с советники своими и иных заречных городов втайне вору крест целовали... и, собрався, приехали к разрядному шатру, где бояре и воеводы сидели...»⁴⁵ Итак, заговорщики приняли решение о выступлении сразу после завершения церемонии присяги в полках. Тогда же они вошли в тайный сговор с Корелой в Кромах. Весть о приближении войска самозванца укрепила их решимость.

Записи Разрядного приказа не оставляют сомнения в том, что дворяне и дети боярские Рязани и ее пригородов, Тулы, Алексина, Каширы и ряда других заокских уездов выступили на стороне Лжедмитрия «всем городом», т. е. так же, как ранее выступили дети боярские Путивля и южных степных уездов. Различие заключалось в том, что, во-первых, в Рязани сохранялось крупное вотчин-

ное и поместное землевладение и «лучшие» рязанские дворяне издавна несли службу в составе «государева двора»; во-вторых, рязанское и тульское дворянство было значительно многочисленнее, чем мелкое поместное дворянство Юга. В Разрядных книгах можно обнаружить следующую запись: «И украинских городов дворяне и дети боярские резанцы, туленя, коширени, олексинцы и всех украинских городов, удумав и сослався с крамчаны, вору Ростриге крест втайне целовали и бояр и воевод на съезде переимали...». В Разрядных записях пространной редакции сведения об участниках мятежа дополнены некоторыми подробностями: Голицыны и Петр Басманов «подговорили князей и дворян и детей боярских Северских и Рязанских всех городов до одного человека; да новгородских помещиков и псковских и лутцких князей и детей боярских... немногих, и крест Ростриге целовали...»⁴⁶.

Исаак Масса, многократно ссылавшийся на свои беседы с немцами-наемниками, описал события под Кромами с их слов. Заговорщики, писал Масса, подняли мятеж 7 мая до рассвета. По условному сигналу казаки из Кром произвели нападение на лагерь. Вслед за тем Басманов приказал связать по рукам и ногам всех начальников и отправил их с «дмитровчачи»⁴⁷.

Судя по Разрядам, П. Ф. Басманов в самом деле предполагал, используя свои прерогативы, созвать всех воевод в шатре главнокомандующего и «переимать» их на съезде. Но его план не удался.

Наибольшего успеха заговорщики добились в передовом полку, где им удалось захватить и свя-

зать дядю нового царя И. И. Годунова, а также воеводу боярина М. Г. Салтыкова. Этот успех трудно объяснить. Во-первых, в течение всей кампании против самозванца передовым полком командовал глава заговора князь В. В. Голицын. Полк был передан И. И. Годунову за несколько дней до переворота. Во-вторых, в отряде, непосредственно подчиненном Голицыну, с начала войны числилось 1,5 тыс. дворян и детей боярских, но из них 1 тыс. приходилась на долю рязанцев и более 200 человек на долю алексинцев⁴⁸. В отряде М. Г. Салтыкова служило четыре сотни рязанских детей боярских.

Братьям Ляпуновым удалось увлечь за собой служилых людей из Рязани и Тулы. По Разрядам, 700 тульских детей боярских служили в полку левой руки. Главным воеводой в полку был преданный династии З. И. Сабуров. Мятежникам не надо было вязать его, потому что он лежал «конешно (тяжело) болен». Второй воевода полка, князь Л. О. Щербатый, видимо, примкнул к заговору, ибо самозванец вскоре дал ему более высокий воеводский пост⁴⁹.

В полку правой руки, который В. В. Голицын незадолго до того принял от Д. И. Шуйского, дела шли много хуже. Второй воевода полка князь М. Ф. Кашин-Оболенский решительно отказался поддержать планы мятежников. Служившие в полку дети боярские из Суздаля, Нижнего Новгорода и других городов также сохраняли верность присяге. Среди дворян и воевод, оставшихся верными царю Федору Борисовичу, автор «Иного сказания» особо упоминает Семена Чемоданова. Пос-

ледний, как можно установить, был самым видным из выборных дворян по Суздалью⁵⁰.

Опасаясь провала мятежа, В. В. Голицын на всякий случай велел слугам связать себя, чтобы в дальнейшем избежать каких бы то ни было обвинений в измене⁵¹.

В большом полку события развивались совсем не так, как рассчитывали Басманов и Голицын. С начала кампании в полку служили 300 детей боярских из Каширы. Подобно служилым людям из соседних «заречных» (заокских) городов, они приняли участие в «воровстве» все поголовно. Но в большом полку несли службу также много сотен новгородских и псковских помещиков. Из них заговорщиков поддержали лишь отдельные лица. Только автор «Иного сказания» утверждал, будто к заговорщикам присоединились «многие дети боярские новгородские»⁵². Однако его свидетельство решительно расходится с показаниями всех остальных источников.

Басманову не удалось арестовать главнокомандующего князя М. П. Катырева-Ростовского. Окольничий В. П. Морозов был смещен Борисом с поста главного воеводы полка левой руки и переведен «в ряд» в большой полк. Обида на Годунова, однако, не поколебала его верности присяге. Морозов поддержал Катырева. Главному воеводе непосредственно подчинялся начальник артиллерии воевода «у наряда» В. Б. Сукин, имевший видного дворянина. Он сопротивлялся мятежникам до последнего момента, как и главный воевода сторожевого полка князь А. А. Телятевский. Под командой последнего служили дети боярские из

Владимира, Переяславля, Можайска, Углича, не участвовавшие в заговоре. Князь Телятевский, повествует Масса, «до последней возможности оставался у пушек, крича: «Стойте твердо и не изменайте своему государю!»⁵³

Мятеж в расположении многотысячной армии казался безрассудной авантюрой. Верные воеводы без труда раздавили бы его, если бы армия не вышла у них из повиновения. События в лагере развивались с той же неумолимой последовательностью, что и события в Северщине.

Интенсивный процесс дробления поместья в уездах рязанской и тульской «украин» привел к тому, что земельное обеспечение уездных детей боярских значительно ухудшилось. Многие из них выбыли с конной полковой службы и перешли в разряд пицальников. В Рязске соотношение названных категорий было один к десяти. Симптомы кризиса феодального сословия приобрели в южных уездах наиболее резкую форму. Неудивительно, что заговорщикам удалось привлечь на свою сторону многих детей боярских из Рязани, Тулы и северских городов.

В Москве, Новгороде, замосковных городах кризис поместной системы не достиг такой остроты, как в южных уездах. Местные дворяне были лучше обеспечены землями и давали основной контингент для конного поместного ополчения. Они энергично поддерживали царское правительство в его борьбе с восставшим народом. Заговорщики не нашли поддержки в их среде.

Действия верных династии воевод были парализованы тем, что на стороне заговорщиков вы-

ступила лагерная «чернь» — многочисленные «пошошные» мужики, холопы, казаки и пр. Большая часть армии, по-видимому, оставалась на стороне Годуновых, но верные присяге отряды оказались разобщены и дезорганизованы в обстановке хаоса, воцарившегося в лагере в момент восстания.

Рязанские дворяне и прочие заговорщики первыми бросили клич: «Да здравствует царь Дмитрий!» Клич был тут же подхвачен «посохой», «да точными людьми», казаками, частью стрельцов. Заговорщики сделали все, чтобы посеять в полках панику. Их люди подожгли лагерные постройки в нескольких местах. Ратные люди выбегали из палаток и землянок, не успев как следует одеться. Поднялась страшная суматоха. Как говорили Массе очевидцы, никто «не мог уразуметь, как и каким образом это случилось, и не знали, кто враг и кто друг, и метались, подобно пыли, ветром вздымаемой». Одни кричали: «Да хранит бог Дмитрия!», другие: «Да хранит бог нашего Федора Борисовича!» По свидетельству Петра Петрея, «те, которые кричали «Дмитрий», вставали на одну сторону, а те, которые кричали «Федор», — на другую...». Очень многие старались как можно быстрее покинуть лагерь. Они бросали оружие, оставляли повозки и телеги, выпрягали лошадей, чтобы бежать скорее⁵⁴.

Ляпуновы позаботились о том, чтобы захватить наплавной мост через реку Кром и соединиться с войском, выступавшим из Кром. Вскоре на мосту собралось так много народа, что мост стал тонуть. Много людей оказалось в воде. Конные пытались переправиться за реку в плавь.

Среди общего хаоса одни немцы-наемники сохраняли некоторый порядок. В большом полку с начала кампании числилось до тысячи иноземцев. Они выстроились под знаменем и приготовились к отпору. Басманов послал свой шипак со значками капитану иноземцев Вальтеру фон Розену и потребовал, чтобы он присягнул «законному» государю. Немцы, бежавшие в Москву, рассказывали, что капитан не хотел подчиниться приказу Басманова, но, «когда его много раз призывали к тому, он передался вместе с другими». Однако поляки утверждали иное. По их словам, Басманов и Голицын вели переговоры с Розеном накануне переворота. Розен не сразу поверил воеводам и заподозрил, что те желают испытать его верность. Убедившись в обратном, он будто бы дал свое согласие⁵⁵.

В день переворота немцы колебались и выжидали, прежде чем перешли на сторону Лжедмитрия. Верные воеводы не использовали их колебаний. Басманов оказался расторопнее их.

Воеводы А. А. Телятевский и В. Б. Сукин распоряжались на батареях. Они могли пустить в ход пушки, разбить наплавной мост, рассеять собравшуюся на нем толпу и помешать соединению мятежников с гарнизоном Кром. Однако Телятевский не решился начать кровопролитие.

По молчаливому согласию обе стороны, по-видимому, так и не пустили в ход оружие. Переворот был бескровным. Мятежники беспрепятственно переправились за реку Кром и соединились с кромчанами, «даша им путь скрозь войско свое»⁵⁶.

Пропустив нестройную толпу ратников, Корела с донскими и путивльскими казаками и «с кром-

ляны» ворвался в лагерь и «на достальную силу московскую ударишася». По совету заговорщиков казаки «напали на тех воинских людей, у которых была артиллерия и которые размещались по левую сторону от крепости, ибо там были самые ярые противники Гришки»⁵⁷.

Даже после соединения восставших отрядов с кромским гарнизоном численное превосходство оставалось на стороне верных правительству войск. По словам современников, мятежников было полторы сотни на тысячу. Однако нападение казаков усугубило панику в полках и помешало Катыреву, Телятевскому и другим воеводам организовать сопротивление и удержать лагерь за собой. Характерно, что Корела отдал приказ не применять оружия. Деморализованные изменой ратники «плеци даша и побегоша», донцы же «гоняще их, сетчи же их щадяху», «в сечи же и убиства место плетми бьуще их и, гоняще, глаголюще: «Да потом на бой не ходите противу нас!»» Как отметил Петрей, казаки выбили воевод из лагеря, воспользовавшись возникшей там смутой и суматохой⁵⁸.

Воеводы М. П. Катырев, А. А. Телятевский, В. П. Морозов, М. Ф. Кашин, В. Б. Сукин бежали в Москву⁵⁹. Вместе с ними лагерь покинуло много тысяч дворян, детей боярских и прочих ратных людей. В течение трех дней беглецы шли через Москву расстроенными толпами, возвращаясь в замосковные и северные города. Когда бояре спрашивали их, почему они так поспешно бежали из-под Кром, они «не умели ничего ответить»⁶⁰.

Руководители мятежа предпринимали энергичные усилия для того, чтобы удержать инициативу

в своих руках. Без армии династия Годуновых была обречена на гибель. Голицыны и Басманов сделали все, чтобы ускорить ход событий в Москве. Они отправили в столицу с тайной миссией к столичным боярам – противникам Годуновых – нескольких знатных лиц, чтобы привлечь думу и население на свою сторону⁶¹.

Голицыны убедили захваченного в плен М. Г. Салтыкова присоединиться к ним, после чего тот был освобожден из-под стражи. По-видимому, им удалось привлечь на свою сторону Ф. И. Шереметева, находившегося с ратными людьми в Орле, и князя И. С. Куракина, бывшего главным воеводой в Туле⁶². Оба названных воеводы вскоре присоединились к Лжедмитрию.

Попытки подавить массовые выступления в южных городах закончились провалом. Экономические затруднения, связанные с неизжитыми последствиями трехлетнего голода, и военные неудачи способствовали деморализации мелкого дворянства. В связи с развитием поместной системы на южных окраинах государства возникла категория детей боярских, владевших мельчайшими поместьями и несших службу не в конном дворянском ополчении, а «с пищалями» в пехоте. Участие южных помещиков в мятеже доказывает, что настроения недовольства получили в их среде широкое распространение. Запустение фонда поместного землевладения и измельчание поместий побудили правительство вдвое увеличить нормы «уложенной службы». Оказалось нарушенным традиционное соотношение численности дворян и их слуг в полках. В конце концов, дворянское ядро

потонуло в массе боевых холопов, казаков, стрельцов, «даточных людей» и крестьянской «посохи». Все эти люди принадлежали к низам общества, охваченным брожением.

Выступление дворянских заговорщиков под Кромами привело в действие, по существу, тот же самый механизм, который позволил сторонникам Лжедмитрия поднять мятеж и одержать победу в Путивле и других южных крепостях. В событиях под Кромами новым было то, что против годинской династии впервые выступили «всем городом» дворяне и дети боярские крупных уездов, таких как Рязань и Тула, а также Кашира и Алексин. Наряду с провинциальными детьми боярскими, службу в этих городах несли «большие дворяне» из состава Государева двора. Раскол двора имел роковые последствия для земской выборной династии.

Глава 18. Триумфальное шествие

Главные вожди переворота не спешили на поклон к самозванцу. Располагая многотысячной армией, они имели все основания считать себя господами положения. Самозванец сознавал это и сделал все, чтобы не попасть в западню. Как отметил С. Борша, в походе на Москву «царевич», не доверяя «тому войску (бояр Голицыных и Басманова. — Р. С.), приказывал ставить его в полумиле от себя, иногда на расстоянии мили, около царевича при остановках и в пути до самой сто-

лицы были мы — поляки; ночью мы ставили караул по 100 человек»¹.

Настроения в лагере под Кромами были неопределенными и изменчивыми. В первый день в лагере толковали, будто «царевич» находится совсем близко: то ли в Курске, то ли в Рыльске. Затем узнали, что он еще не покинул Путивля. Через несколько дней в лагере произошло брожение. Многие говорили, что «Дмитрий» бежал в Польшу, что он «не истинный [Дмитрий], злой дух, смутивший всю землю». После пира наступило похмелье. Многие ратники не скрывали сожаления о том, что им не удалось уйти из лагеря в Москву. Трудно сказать, от кого исходили неблагоприятные для самозванца слухи. Голицын и прочие бояре, унимая ратников, были во всяком случае весьма немногословны. «Дождитесь конца, — будто бы говорили они, — до тех пор молчите»².

На пятый день после переворота в Путивль прибыл брат В. В. Голицына князь Иван. Он не имел думного чина и по своему положению в полках далеко уступал прочим руководителям заговора. С Голицыным прибыло несколько сот дворян, стольников и «всяких чинов людей», представивших дворян разных «поветов» — уездов и городов³.

В Путивле И. В. Голицын проявил крайнюю угодливость перед самозванцем, стремясь завоевать его доверие. Оправдывая свое предательство, он ссылался на двусмысленность присяги, данной им и другими воеводами царевичу Федору Годуну. Прежде и патриарх, и царь Борис неизменно называли «царевича» Отрепьевым. В присяге

это имя вовсе не было названо. Если «царевич» — не Гришка, то почему он не может быть настоящим сыном царя Ивана Васильевича? Голицын клеймил Бориса Годунова самыми бранными словами, клялся в вечной верности прирожденному государю и умолял немедленно идти в Москву и занять престол⁴.

Отрепьев, как видно, не слишком доверял словам Голицына и принял все меры предосторожности, прежде чем выехать в Кромы. Через несколько дней после переворота он прислал в русский лагерь посланца князя Б. М. Лыкова, который привел к присяге полки и объявил милостивый указ «царя Дмитрия». Отрепьев сделал то, чего ждали от него уставшие ратники. Он приказал немедленно распустить на отдых (на три-четыре недели) всех дворян и детей боярских, у которых были земли «по эту сторону от Москвы»⁵. Иначе говоря, роспуску подлежали, прежде всего, дворяне из заокских городов Рязани, Тулы, Алексина, Каширы и пр. Именно эти дворяне были главной опорой заговора в полках.

Лжедмитрий распустил из лагеря также многих стрельцов и казаков, что имело самые губительные последствия для Годуновых: «А стрельцов и казаков, приветчи к крестному целованью, отпустили по городом и от того в городех учинилась большая смута»⁶.

Теперь господином положения был самозванец, не бояре-заговорщики, поскольку половина их армии была распущена по домам, оставшаяся — отправлена из лагеря на Орел и далее на Тулу⁷. Названные города были заняты без всякого сопро-

тивления, и их воеводы присягнули на верность Лжедмитрию.

Отрепьев покинул Путивль 16 мая 1605 г., на девятый день после мятежа. 19 мая он прибыл в лагерь под Кромами, где уже не было никаких войск. Сопровождавший самозванца капитан С. Борша утверждал, будто в войске у «царевича» было 2 тыс. поляков копейщиков и могло быть около 10 тыс. русских. В своих записках Борша желал доказать, что именно поляки сыграли решающую роль в московском походе, и потому преувеличивал цифры. На самом деле силы Отрепьева были весьма невелики. При нем находилось не более 600–700 польских всадников, 800 донских казаков и некоторое количество других ратных людей. Я. Маржарет утверждал, что «царь Дмитрий» держал при себе поляков и казаков и лишь «немного» русских, так что общая численность его войск не превышала 2 тыс. человек⁸.

Самозванца окружали его «думные» люди, которые, однако, не занимали никаких постов в его польско-казацком войске. Согласно «воровским» разрядам, при нем были «бояре» князья Б. Татев, В. Мосальский и Б. Лыков, окольный князь Д. Туренин, думные дворяне А. Измайлов и Г. Микулин⁹.

Что касается бояр-заговорщиков, то они присоединились к свите Лжедмитрия где-то на пути между Путивлем и Орлом. Первыми явились к самозванцу бояре П. Ф. Басманов и М. Г. Салтыков, имевшие при себе 200 дворян¹⁰. Орловский воевода Ф. И. Шереметев и боярин В. В. Голицын встретили Лжедмитрия, скорее всего, под Орлом¹¹.

В Кромах самозванец оставался несколько дней. Его спутники с удивлением разглядывали лагерные укрепления, множество палаток и брошенные русскими пушки. Лжедмитрию досталось 70 больших орудий, крупные запасы пороха и ядер, войсковая казна, много лошадей и прочее имущество¹². Во время остановки в Кромах к самозванцу привели «из достальных (северских и украинских. — Р. С.) городов воевод и осадных голов и приказных людей»¹³.

В рязанском городе Шацке воеводой служил стольник князь Ю. П. Ушатый. Очевидно, после сдачи Шацка Ушатый получил воеводский чин от Лжедмитрия. Окольничий Б. М. Шеин сдал самозванцу Новгород Северский, Я. П. Барятинский — крепость Новосиль¹⁴.

Воеводы дальних городов появились в лагере, когда Отрепьев сделал остановку в Орле. По свидетельству родословцев, в числе других в лагерь Лжедмитрия были приведены воеводы и головы из Поволжья: «Во 112 (1604. — Р. С.) году послан был Наум Плещеев на службу в Царицын город, и как вор Растрига пришел в Путивль во 113 (1605. — Р. С.) году, в низовых городах Растриге крест целовали, и в те поры Наума Плещеева царицынские казаки, связав, привели к Растриге под Орел, как Растриг шол под Москву...»¹⁵.

Будучи под Орлом, Отрепьев устроил судилище над теми из воевод, которые, попав в плен, отказались ему присягать: «...приидоша ж под Орел и, кои стояху за правду, не хотяху на дявольскую прелесть прельститися, оне же ему оклеветанны быша, тех же повеле переимати и ра-

зослати по темницам»¹⁶. Среди других в тюрьму был отправлен боярин И. И. Годунов.

На всем пути до Орла бесчисленное множество народа из всех сословий и званий собиралось большими толпами, чтобы увидеть новообращенного государя¹⁷.

Затевая заговор под Кромами, В. В. Голицын установил тесные связи со своими сторонниками в Москве. Эти последние стали теперь действовать почти открыто.

Среди «торговых мужиков» Москвы наибольшим доверием самозванца пользовался Федор Андронов. Как видно, он переметнулся на сторону «вора» раньше других.

Имеются сведения о том, что первая делегация от москвичей явилась к Отрепьеву уже во время его остановки в Орле. Посланцы из Москвы заявили, что столица готова признать своего «прирожденного государя»¹⁸.

Миновав Орел, Отрепьев сделал остановку недалеко от Тулы в Крапивне. По русским известиям, именно из Крапивны «с реки Плавы» он решил послать в Москву своих гонцов с обращением к московской думе и чинам¹⁹.

Посылка грамоты в Москву был сопряжена с большим риском. За опасное поручение взялся дворянин Гаврил Григорьевич Пушкин. В начале войны с самозванцем он был послан в Белгород в помощники князю Б. М. Лыкову. Оттуда его пленником привезли в Путивль. Русские разряды и летописи подчеркивали, что Г. Г. Пушкин сам напросился («назвался») на «воровство»: «...над царицею Марьею и над царевичем Федором про-

мышлять, и московских людей прельщать, и на ростригино имя их крестному целованью Москву подводить»²⁰.

Лжедмитрий поручил Пушкину доставить в Москву грамоту, в которой он требовал от москвичей покорности и старался убедить их, что провинция уже прекратила всякое сопротивление. «А поволжские города нам, великому государю, — писал самозванец в 20-х числах мая 1605 г., — доби-ли ж челом и воевод к нам привели, и астраханских воевод Михаила Сабурова с товарищи к нашему царскому величеству ведут, ныне они в дороге в Воронеже»²¹.

Заявления Отрепьева не отвечали истине. Положение на Нижней Волге оставалось сложным и неопределенным. Весной 1605 г. казаки пытались захватить Астрахань, но были отбиты. Воевода М. Сабуров продолжал оборонять город от повстанцев. Чтобы подтвердить ложь, Лжедмитрий послал вместе с Г. Пушкиным захваченного царицынского-воеводу Н. Плещеева, велев ему «на Москве объявить, что ему («Дмитрию». — Р. С.) низовые города доби-ли челом»²².

Между тем отряды самозванца попытались из Тулы продвинуться к Серпухову. В распоряжении правительства оставалось несколько тысяч дворовых стрельцов. Царь Федор отпустил их на Оку и приказал им занять все переправы. 28 мая 1605 г. стрельцы дали бой отрядам Лжедмитрия и отбили все их попытки перейти Оку. По словам очевидцев, московские стрельцы, «пребывая верными до конца, сражались за Москву»²³.

Приведенные из-под Кром войска обнаружили

полную небоеспособность. Войскам самозванца, выступившим на завоевание Москвы, пришлось выдержать один бой, но и его они проиграли.

Глава 19. Переворот в столице

Антигодуновское восстание в Москве привлекало внимание многих историков¹. С. В. Бахрушин оценивал его как крупнейшее проявление классовой борьбы в русских городах в начале XVII в. Он указывал, что Борис Годунов лишь террором удерживал «низы» московского населения в повиновении, но с его смертью положение переменялось. Антигодуновское выступление вылилось в большое народное движение, направленное против господствующего класса в целом»². По мнению Д. П. Маковского, Лжедмитрий получил трон в 1605 г. не в результате сговора бояр с низами, а «при помощи нового подъема крестьянской войны, когда в борьбу вступили горожане...». В. Д. Назаров обратил внимание на то, что в своей политике «посадского строения» Годунов, как правило, отстаивал интересы феодальных верхов, что не могло не вызывать недовольство посадских людей. Строительство кабаков, дававших большие доходы казне, увеличение торговых пошлин, затрагивавшее русских торговцев, и одновременное предоставление привилегий иноземным купцам — все это, по наблюдению И. П. Кулаковой, раздражало московское торговое население, отождествлявшее политику Годунова с политикой Ивана IV, прозван-

ного «английским царем» за покровительство английским купцам³.

Власти ждали волнений в столице со времени великого голода. Начавшаяся в стране гражданская война и смерть Бориса Годунова ускорили развязку. Весной 1605 г. в Москве сложилась опасная ситуация. Народ оказывал прямое неповиновение властям. 30 мая в столице вспыхнула внезапная паника. Поводом послужила весть о приближении к городу неприятельского войска. Толпа москвичей, собравшаяся подле Серпуховских ворот, внезапно обратилась в бегство, увлекая встречных: «всяк бежал своим путем, полагая, что враг гонится за ним по пятам, и Москва загудела, как пчелиный улей». Царевич Федор Годунов и его мать царица Мария долго не могли узнать толком, что происходит в городе. Наконец они выслали ближних бояр к народу на Красную площадь. После долгих увещеваний толпа нехотя разошлась по домам.

Неприятель, которого ждали 30 мая, появился в окрестностях столицы на другой день. Казачий отряд атамана Корелы обошел заслоны правительственных войск на Оке и 31 мая разбил лагерь в 6 милях от города⁴.

Если бы у стен Москвы появились полки Басманова и братьев Голицыных, они не произвели бы такого переполоха, какой вызвали казаки. Само имя Корелы было нецарственно начальным боярам и столичному дворянству, пережившим много трудных месяцев в лагере под Кромами. Власть имущие имели все основания опасаться того, что вступление казаков в город послужит

толчком к общему восстанию. Как только «лучшие» люди узнали о появлении Корелы, они тотчас начали прятать имущество, зарывать в погребах деньги и драгоценности. Правительство удвоило усилия, чтобы как следует подготовить столицу к обороне. Как отметили очевидцы, в городе проводились демонстративные военные приготовления, «для того чтобы обуздать народ, ибо чрезвычайно страшились простого народа, который был нищ и наг и сильно желал пограбить московских купцов, всех господ и некоторых богатых людей в Москве...»⁵

Фактически столица была переведена на военное положение, как и в дни восстания Хлопка. Царские посыльные объезжали Пушечный двор и оружейные кладовые в поисках пригодных к бою пушек. Весь день 31 мая москвичи наблюдали за тем, как ратные люди свозили отовсюду пушки и устанавливали их на крепостных стенах.

С некоторой долей наивности Исаак Масса повествует о том, как 1 июня 1605 г. в столицу смело въехали два гонца Лжедмитрия, что «поистине было дерзким предприятием». На площади гонцы огласили грамоту самозванца, после чего толпа пала ниц и признала его своим царем. Совершенно так же описывают события русские летописцы, назвавшие по именам гонцов Лжедмитрия. По их утверждению, Москву «смutilи» дворяне Г. Пушкин и Н. Плещеев, которые привезли и зачитали народу «прелестные» грамоты «вора»⁶.

Приведенный рассказ превратился в своего рода историографическую традицию, хотя он и заключает в себе очевидные черты легенды. Лже-

дмитрий не раз посылал своих гонцов в Москву, но все они неизменно оказывались в тюрьме или на виселице. Что же позволило Пушкину пройти через стрелецкие заслоны на Оке, проникнуть внутрь крепостных сооружений столицы и добиться успеха? Чтобы ответить на этот вопрос, надо установить последовательность основных событий. 31 мая 1605 г. в окрестности Москвы прибыл отряд Корелы. На другой день утром Пушкин вошел в город. Как видно, эти события находились в неразрывной связи между собой. Именно казаки доставили посланцев Отрепьева в Москву, что и позволило тем избежать расправы в городе, напминавшем вооруженный лагерь. Многие вопросы получают объяснение, если предположить, что самозванец, задумав «смутить» столицу, поручил дело Пушкину вместе с казаками Корелы.

Пушкин и Плещеев прибыли в Подмоскowie из района Орла и Тулы. Но в столицу они вошли не по Серпуховской или Рязанской дороге, а по Ярославской, из района Красного села, которое располагалось за рекой Яузой, к северо-востоку от Москвы. Отмеченный факт можно поставить в прямую связь с действиями отряда Корелы. По свидетельству Якова Маржарета, «Дмитрий» послал войско к столице, чтобы «отрезать съестные припасы от города Москвы»⁷. Заокские города были охвачены смутой, и столица не могла рассчитывать на подвоз хлеба с юга. Зато замосковные города сохраняли верность династии, так что обозы шли оттуда непрерывным потоком. Особенно оживленной была дорога из Ярославля, проходившая через Красное село. Чтобы выполнить при-

каз Лжедмитрия, Корела должен был перерезать, прежде всего, эту дорогу. По-видимому, он так и сделал.

По некоторым сведениям, Лжедмитрий обратился к жителям Красного села с особым посланием. Самозванец писал, что не раз посылал своих гонцов к ним, в село, и в Москву, но все они были убиты. Наконец он требовал, чтобы красносельцы явились к нему «с повинной», и грозил в случае сопротивления истребить их всех, включая детей во чреве матери⁸.

Присутствие казаков Корелы спасло Пушкина и Плещеева от участи предыдущих гонцов. Красносельцы, повествует Конрад Буссов, с уважением выслушали послание «Дмитрия» и решили собрать народ, чтобы проводить его гонцов в столицу. Как значится в Разрядных записях, Пушкин и Плещеев приехали «с прелестными грамотами сперва в Красное село и, собрався с мужики, пошли в город...». По русским летописям, гонцы Лжедмитрия «стали в Красном селе и почали грамоты Ростригины честь... что он прямой царевич, и иные многие воровские статьи». Обращение «прирожденного» государя привело к тому, что «красносельцы, смутясь сами, и привели их (гонцов. — Р. С.) к Москве на Лобное место с теми воровскими грамотами»⁹.

Каким бы большим ни было Красное село, население его по столичным масштабам было немногочисленным. Возникает вопрос: как удалось горстке красносельцев провести Гаврилу Пушкина через тройное кольцо крепостных сооружений Москвы, пройти через трое ворот (Земляного и

Белого города и, наконец, Китай-города), охранявшихся стражей?

В Москве власть оставалась в руках Федора Годунова. В его распоряжении находилось несколько тысяч верных дворян и стрельцов. Власти заблаговременно подготовились к отражению казаков. В день восстания Годуновых своевременно известили о том, что красносельские «мужики изменили и хотяку быти в городе» (Москве). Тем не менее посланные в Красное село дворяне не дошли до села, «испужався, назад воротишася»¹⁰. Невероятно, чтобы воевод испугала горстка красносельских мужиков, вооруженных чем попало. Остается предположить, что они столкнулись с войском Корелы, силу которого они испытали под Кромами.

На столичных улицах к красносельцам «пристал народ многой»¹¹. Однако следует учитывать, что массовое восстание москвичей началось позже, уже после оглашения письма Лжедмитрия на Красной площади. До того посланцам «вора» надо было прорваться через усиленно охраняемые городские укрепления. Без казаков Корелы они бы не добились успеха.

Прошло три недели с тех пор, как Корела со своими казаками ворвался в лагерь под Кромами и с помощью заговорщиков, а также «посошных» мужиков и прочего люда принудил к бегству главного воеводу и верных присяге дворян, не пустив в ход оружие. Возникает вопрос: не повторили ли казаки в Москве то, что ранее проделали под Кромами? Не они ли, смешавшись с толпой мужиков-красносельцев, провели эмиссаров самозванца на

Красную площадь, разогнав по пути стражу у крепостных ворот и опрокинув заслоны, выставленные московскими воеводами?

Казаки доставили Пушкина и Плещеева на Красную площадь в четвертом часу дня, иначе говоря, около 9 часов утра¹².

С Лобного места Гаврила Пушкин огласил послание «истинного» царя. Письмо было адресовано Мстиславскому, Шуйским и прочим боярам, дворянам московским и городовым, дьякам, гостям, торговым лучшим людям, а также и всему народу — «средним и всяким черным людям». Самозванец клеймил Бориса Годунова как изменника и возлагал на его сына вину за происшедшее «кроворазлитие». Стремясь привлечь на свою сторону бояр, Отрепьев снимал с них всякую ответственность за разорение северских земель и разгром его войска. Все то, писал Лжедмитрий, бояре делали по незнанию («неведомостью») и боясь казни от Годунова. Царица Мария и ее сын Федька не жалели о земле, «да и жалети им было нечево, потому что чужим владели».

Самозванец напоминал боярам, какое «утеснение» претерпели они от Бориса; какое «разорение и ссылки и муки нестерпимые» были от него дворянам и детям боярским; каким поборам подвергал он купцов, лишая их «вольности» в торговле и забирая в счет пошлин «треть животов ваших, а мало не все иманы». Его обещания имели в виду преимущественно власть имущих. Боярам было обещано не трогать их прежних вотчин, а также учинить им «честь и повышенье»; дворянам и приказным самозванец посулил царскую милость, тор-

говым людям — льготы и облегчение в пошлинах и податях.

Что касается народа, то ему Лжедмитрий обещал кратко и неопределенно «тишину», «покой» и «благоденственное житье».

Щедрые обещания в письме самозванца перемежались с угрозами. Непокорным «вор» грозил тем, что им «нигде не избыть» наказания от его «царские руки»¹³.

Толпа, собравшаяся на Красной площади, жадно слушала обличения против Годуновых и верила, что «прирожденный» государь избавит страну от междоусобиц, чрезвычайных поборов, обременительной военной службы. Вскоре у Лобного места собралось «Московского государства всяких чинов людей многое множество»: «Пожар полон людей и у Троицы на рву (церкви Василия Блаженного. — Р. С.), и по лавкам и до Кремля-города и до Фроловских ворот...»¹⁴

В Кремле с утра находились не только ближние люди («Тайный совет»), но и вся Боярская дума. Узнав о появлении толпы на площади, бояре поспешили к патриарху и известили его о «злом совете московских людей». Престарелый Иов со слезами на глазах умолял их сохранить верность присяге, но «ничего не успеваю»¹⁵.

Источники сохранили несколько версий относительно позиции Боярской думы в день переворота. По одной версии, народ ворвался в Кремль («миром же приидоша во град») и, захватив бояр, привел их на Лобное место¹⁶.

Разрядные записи содержат известие, согласно которому сигнал к мятежу подал окольный

Богдан Бельский. Он будто бы поднялся на Лобное место и «учал говорить в мир: «Яз за царя Иванову милость ублюю царевича Дмитрия, за то я и терпел от царя Бориса»¹⁷. Это свидетельство, однако, не находит подтверждения в записках очевидцев и современников.

Конрад Буссов, находившийся в Москве, писал, что царица Мария Григорьевна сама выслала на площадь бояр, сохранивших верность ее сыну. Чтобы пресечь агитацию посланцев «Дмитрия», бояре пригласили их в Кремль. Однако толпа помешала попытке убрать Пушкина и Плещеева с площади¹⁸.

Ни русские летописи, ни иностранные авторы (К. Буссов, Я. Маржарет, И. Масса) ничего не упоминают о переходе на сторону восставшего народа кого-нибудь из бояр¹⁹. По словам Якова Маржарета, «Мстиславский, Шуйский, Бельский и другие были посланы (на площадь к народу. — Р. С.), чтобы усмирить волнения». Несмотря на появление бояр, письмо «Дмитрия» было оглашено и вызвало мятеж²⁰.

Записки Буссова позволяют установить происхождение ошибки в русских Разрядных записях. Окольный Богдан Бельский в самом деле выходил к народу на Лобное место и, поцеловав крест, поклялся, что государь — природный сын царя Ивана Васильевича, говоря, что «он (Бельский) сам укрывал его на своей груди до сего дня...»²¹. Однако эта сцена, описанная очевидцем, имела место не в момент появления в Москве Гаврилы Пушкина, а три недели спустя, когда в Кремль прибыл сам Лжедмитрий. Авторы Разрядов перепутали последовательность событий.

Подробные сведения о московском восстании заключает в себе опубликованное в 1605 г. английское сочинение, написанное на основе записей и рассказов членов английского посольства, только что вернувшегося из Москвы²². Суть этих сведений сводится к следующему.

Народ, собравшийся на Красной площади, потребовал к ответу думных бояр, особенно же бояр Годуновых. Поначалу царевич Федор им отказал, но затем некоторые из бояр все же выехали из Кремля на площадь, так как простой народ грозил привести их насильно. На Лобное место вышел дьяк Афанасий Власьев — лучший у москвитов оратор. Он спросил у москвичей о причине необычного сборища. Вслед за тем бояре просили толпу разойтись, указывали на то, что в государстве объявлен траур. Они обещали разобрать любые просьбы и ходатайства народа после коронации царевича Федора. Англичане отметили, что речи бояр были двуличными. Сановники говорили таким безразличным тоном, «что видно было, что при этом участвует один язык». На самом деле, бояре, и так не отличавшиеся красноречием, лишились дара речи при виде разбушевавшегося народа.

Англичане подробно описали инцидент, послуживший толчком к восстанию. Гаврила Пушкин не успел прочесть грамоту Лжедмитрия и до половины, когда москвичи доставили на площадь двух прежних «воровских» гонцов, вызволенных ими из тюрьмы²³.

Свидетельство англичан позволяет объяснить одно непонятное известие Буссова. По его словам,

в письме к москвичам «Дмитрий» требовал ответа на вопрос, куда они дели его предыдущих посланцев: убили ли их сами, или это сделали тайком господа Годуновы и пр.²⁴ Парадокс состоит в том, что в подлинной грамоте самозванца не упоминалось ни словом ни о каких гонцах. Очевидно, в памяти Буссова события сместились, и он стал приписывать освобождение заключенных воле Лжедмитрия.

Дополнительные сведения насчет роли тюремных сидельцев в восстании можно обнаружить в польских источниках. Иезуит А. Лавицкий, прибывший в Москву в свите самозванца, сообщает, что в день восстания народ открыл тюрьмы, благодаря чему «наши поляки, взятые в плен во время боя под Новгородом Северским и заключенные в оковы Борисом, избавились от темничных оков и даже оказали содействие народу против изменников»²⁵.

Приведенные факты имеют решающее значение для реконструкции событий, послуживших непосредственным толчком к выступлению народа в столице. Согласно английскому источнику, тюремных сидельцев освободили еще до того, как Пушкин дочитал грамоту Лжедмитрия и собравшийся на площади народ взялся за оружие. Отсюда следует, что восстание в Москве началось с разгрома тюрем. Кому принадлежал почин в этом деле? На этот вопрос источники не дают прямого ответа.

Можно предположить, что нападение на тюрьмы осуществили те же люди, которые опрокинули охрану в городских воротах и провели Пушкина

на Красную площадь, т. е. атаман Корела с донскими казаками. В московских тюрьмах к лету 1605 г. собралось огромное число «воров» из простонародья, а также пленных поляков и других лиц, захваченных на поле боя. Освобожденные от оков, они немедленно присоединились к казакам. Их появление на площади произвело на толпу огромное впечатление. «Воры», подвергавшиеся избиению и пыткам в царских застенках, стали живым обличением гоудуновской тирании. Недаром англичане писали, что появление узников на площади явилось как бы искрой, брошенной в порох²⁶.

В московском восстании участвовали представители самых различных социальных слоев: «чернь вся, и дворяня, и дети боярские, и всякие люди москвичи»²⁷. С военной точки зрения, участие хорошо вооруженных служилых людей имело существенное влияние на исход выступления. Пушкин, Плещеев, другие дворяне, перешедшие на сторону самозванца, сыграли немалую роль в московских событиях. Но подлинными героями восстания были все же не они, а атаман вольных казаков Корела и его сподвижники. Корела был одним из тех народных вождей, которые появляются при всяком, по-настоящему глубоком движении масс.

Гоудуновы могли затвориться в Кремле. Крепость была заранее подготовлена к осаде. Но атаман Корела оказался расторопнее Гоудуновых.

Повстанческий отряд, вступивший в столицу, был невелик в количественном отношении. Тем не менее его действия явились одним из главных факторов, обеспечивших быструю победу восстания.

Взявшись за оружие, восставшее население

Москвы действовало с большой решительностью. Собравшаяся на площади толпа разделилась надвое: «одни учали Гоудуновых дворы грабить, а другие воры с миром (все вместе. — Р. С.) пошли в город (Кремль. — Р. С.), и от дворян с ними были, и государевы хоромы и царицыны пограбили»²⁸.

Согласно летописям, восставшие захватили во дворце царевича Федора и его мать царицу Марию, отвели их на старый двор Бориса Гоудунова и приставили к ним стражу²⁹.

Однако более достоверным следует признать свидетельство англичан. По их словам, царица Мария воспользовалась суматохой и в самом начале мятежа покинула дворец, укрывшись в безопасном месте. По пути с нее сорвали жемчужное ожерелье. Этим и ограничились ее злоключения в день восстания. Федору Борисовичу, совещавшемуся с думой, помогли укрыться его рабы, т. е. дворцовые служители³⁰.

Низложенный царевич и его семья подверглись аресту, по-видимому, не в самый день восстания, а позже.

Дворцовая стража разбежалась, не оказав нападавшим сопротивления. Толпа ворвалась в опустевший дворец и принялась в ярости крушить «храмины» и уничтожать все, что попадалось под руку. В прощальной грамоте патриарх Иов с особым возмущением писал о том, что москвичи, среди других вещей, захватили во дворце и разодрали в мелкие клочки златотканую материю, подготовленную на «господню плащаницу», и лоскуты, «на копыя и на рогатины встыкая, по граду и по торжищу носяху». Народ разгромил не только дворец,

но и старое подворье Бориса Годунова. Не обнаружив нигде царскую семью, восставшие бросились в вотчины Годуновых, находившиеся в окрестностях столицы. Там они «не токмо животы пограбили, но и хоромы разломаша и в селах их и в поместьях и в вотчинах также пограбиша»³¹.

Вслед за тем толпа напала на дворы, принадлежавшие боярам Годуновым. Тесно связанные с династией, бояре Годуновы олицетворяли в глазах народа феодальную власть и богатство. Труднее объяснить нападение на Сабуровых и Вельяминовых. К моменту восстания никто из них не входил в Боярскую думу и не принадлежал к высшему правительственному кругу. В грамоте к московскому населению Лжедмитрий обличал одних Годуновых и не называл имени ни Сабуровых, ни Вельяминовых. Вся вина их заключалась в отдаленном родстве с низложенной династией. Погрому подверглись не только подворья Годуновых, Сабуровых и Вельяминовых, но и многие другие богатые дворы, вовсе не принадлежавшие родне Годуновых³². Как записали дьяки разрядного приказа, люди «миром, все народом грабили на Москве многие дворы боярские, и дворянские, и дьячьи, а Сабуровых и Вельяминовых всех грабили»³³.

Сколь бы малочисленными ни были казацкие сотни Корелы, они не затерялись в массе восставшего московского населения. Участие «черного» посадского населения, «меньших людей», а также холопов, с одной стороны, и повстанческого казачьего отряда — с другой, привело к тому, что движение сразу же приобрело яркую социальную окраску. Как писали англичане в своем от-

чете, «весь город был объят бунтом: и дома, и погреба, и канцелярии думных бояр, начиная с Годуновых, были преданы разгрому»; «московская чернь, без сомнения, сделала все возможное»; «толпа сделала, что только могла и хотела; особенно досталось наиболее сильным мира, которые, правда, и были наиболее недостойными»; «более зажиточные подвергались истязанию, жалкая голь и нищета торжествовала»; с «богатых срывали даже одежду»³⁴.

Во время других восстаний народ, доведенный до отчаяния притеснениями, требовал выдачи ненавистных ему чиновников и расправлялся с ними. Переворот 1605 г. имел свои отличительные черты. Несмотря на все обличения самозванца, народ имел собственное представление о правлении Годуновых. Как видно, в массе столичного населения их не считали ни жестокими угнетателями, ни кровопийцами. По этой причине в день восстания никого не убивали и не казнили. Правительство, со своей стороны, не сделало никаких попыток к вооруженному подавлению мятежа. И все же в день переворота не обошлось без жертв.

Добравшись до винных погребов, люди разбивали бочки и черпали вино кто шапкой, кто башмаком, кто ладонью. «На дворах в погребах, — записал летописец, — вина опилися многие люди и померли...». Исаак Масса, любивший всякого рода подсчеты, записал, что после мятежа в подвалах и на улицах нашли около 50 человек, упившихся до смерти. Англичане утверждали, что после бунта в Москве было не менее 100 умерших и помешавшихся от пьянства в уме людей³⁵. Внезапно

вспыхнув, восстание так же внезапно улеглось после полудня того же дня. На улицах появились бояре, старавшиеся навести порядок³⁶. Восстание в Москве стало важной вехой в политическом развитии Русского государства. Царевич Федор Годунов и царица Мария были низложены и взяты под стражу. Первая выборная земская династия рухнула под напором народных выступлений, охвативших южную окраину, а затем перебросившихся в столицу.

Всего семь лет минуло с того времени, как «все-народное множество» — столичный народ — помог Борису Годунову на троне. Что изменилось с тех пор? Вступая на престол, Борис обещал, что закончит с нищетой, будет править по справедливости, будет искать «всем — всего народа людям — полезная», чтобы все его подданные имели «изобиливание, житие немятежное и неповредимый покой у всех равно»³⁷. Годунов был первым царем, обещавшим благоденствие всему народу. Но голод рассеял в прах иллюзии, навеянные его обещаниями. Проекты искоренения бедности и нищеты оказались неисполнимыми. Страна не имела достаточных запасов хлеба, и власти, истощив казну, отказались от попыток спасти голодающий народ. Случилось так, что при Годунове население пережило бедствия, затмившие все его прежние несчастья. Вслед за неурожаем страна испытала ужасы гражданской войны, в итоге которой Годуновы окончательно лишились поддержки народа.

И все же выборная земская династия не стала предметом ненависти «всенародного множества».

По этой причине бунт 1605 г. в Москве оказался самым бескровным из всех московских восстаний «бунташного века».

Глава 20. Бояре и самозванец

В день восстания Москва оказалась в руках народа, который не знал, что делать с властью, а потому и утратил ее очень скоро. Поскольку москвичи взялись за оружие во имя доброго царя Дмитрия, власть подхватили люди, которые стали вершить дела его именем.

После смерти Бориса Годунова его вдова царица Мария Годунова-Скуратова вернула в Москву своего двоюродного брата Богдана Бельского. По словам очевидцев, Бельский в качестве опального сразу оказался «в большой чести у простого народа, и ему, поскольку он больше всех других преследовал Годуновых (в момент восстания. — Р. С.), поручили управление в Кремле от имени Дмитрия»¹.

Прошло 20 лет с тех пор, как народ сверг Бельского, видя в нем ненавистного опричного правителя. Теперь любимец Грозного вернулся в Кремль и заявил о своем праве на власть в качестве бывшего опекуна Дмитрия. Бельский позаботился о том, чтобы затворить ворота и выставить караулы по всему Кремлю. Распоряжения оказались излишними. Посреди ночи в городе ударили в набат, и толпа вновь собралась у ворот Кремля. Распространился слух, будто сторонники Годуно-

вых приготовили 400 лошадей, чтобы увезти из столицы царскую семью. Убедившись в том, что никто не собирается похищать низложенного царя, толпа разошлась².

Автор русского Хронографа считал, что Боярская дума принесла присягу Лжедмитрию в день восстания: «...бояре и всяких чинов люди крест ему целовали, иные волею и иные неволею, бояся смертного убойства»³.

В действительности дело обстояло значительно сложнее. В день переворота противники династии исподтишка направляли ярость народа на Годуновых, их родню и приверженцев. Уже на другой день утром было ясно: с земской выборной династией покончено раз и навсегда. Наступило короткое междуцарствие.

Прошло два дня, прежде чем Боярская дума приняла решение направить своих представителей к «царевичу». Никто из старших и наиболее влиятельных бояр не согласился ехать на поклон к нему. Со времени избрания Бориса Годунова Боярская дума во второй раз должна была согласиться на передачу трона неугодному и, более того, неприемлемому для нее кандидату. Как и в 1598 г., вопрос о престолонаследии был перенесен из двorca на площадь. Но передача власти из рук в руки была осложнена кровопролитной гражданской войной.

Борису Годунову помогли шествия «всенародного множества» на Новодевичьем поле. Лжедмитрия подняли к власти восстания на южных границах и в столице. Годунов не смог добиться присяги от бояр после наречения на царство в Новодеви-

чем монастыре. Отрепьев пересилил бояр и заставил их явиться к нему в лагерь. Английские известия довольно точно очертили круг лиц, добившихся от думы признания самозванца. Соответствующее решение, по словам англичан, было принято внезапно, «благодаря тому что члену Боярской думы Богдану Бельскому с некоторыми другими частным образом стало известно об отъезде Дмитрия из лагеря»⁴. Как видно, именно Бельский поддерживал тайные связи с боярами, перешедшими на сторону Лжедмитрия. У Бельского было немного приверженцев в годуновской думе. Тем не менее ему удалось запугать членов думы известием о наступлении Лжедмитрия на Москву.

Наученный бегством из-под Севска, Отрепьев старался держаться подальше от своих полков, продвигавшихся к Москве. Лишь получив известие о перевороте в столице, Отрепьев 5 июня 1605 г. перешел в Тулу⁵. Там его встречали духовенство с крестами, воеводы, дворяне и народ. Прежде Лжедмитрию преподносили хлеб-соль. В Туле его поздравляли как признанного на Москве царя и, по обычаю, преподносили драгоценные подарки.

Самозванец поручил командование авангардом П. Ф. Басманову и Я. Запорскому. По словам последнего, в их полках, кроме поляков, было 30 тыс. «москвы» и донских казаков. По свидетельству Разрядов, самозванец «как пришел на Тулу и с Тулы послал в Серпухов воевод по полкам: в большом полку боярин и воевода Петр Федорович Басманов, в передовом полку князь Василий Григорьевич Долгорукий Чертенюк, в сторожевом полку во-

евода князь Алексей Григорьевич Долгорукой же Чертенок»⁶. Приведенный Разряд не оставляет сомнений в том, что в подчинении П. Ф. Басманова находилось немного воинских людей. За несколько лет до войны с самозванцем главный помощник Басманова В. Г. Долгорукий служил вместе с Гаврилой Пушкиным в крохотной сибирской крепости Пельме⁷. Его брат А. Г. Долгорукий вообще не имел воеводского чина.

Разрядные данные подтверждают известие современников о том, что Лжедмитрий, будучи в Туле, «распустил по домам много войска»⁸. Поражение на переправах под Серпуховом убедило Отрепьева, что сдавшиеся под Кромами войска деморализованы и не способны вести боевые действия в обстановке гражданской войны.

Лжедмитрий потребовал, чтобы Ф. И. Мстиславский и прочие бояре немедленно ехали к нему в лагерь. Дума постановила послать в Тулу князя И. М. Воротынского, бывшего 20 лет не у дел, и таких второстепенных бояр и окольных, как князь Трубецкой, князь А. А. Телятевский, Н. И. Шереметев, а также думного дьяка А. Власьева и представителей других чинов — дворян, приказных и гостей⁹.

3 июня делегация Москвы выехала в Серпухов. Вместе с представителями столичных «чинов» туда отправились все Сабуровы и Вельяминовы, чтобы вымолить себе прощение Лжедмитрия. П. Ф. Басманов, распорядившись в Серпухове именем своего государя, не пропустил родню Годуновых в Тулу. Несмотря на то что Сабуровы и Вельяминовы целовали крест Лжедмитрию, их «не-

друг» Басманов велел взять их под стражу, «потому что, — поясняют Разряды, — Петру Басманову у Растриги время было». Басманов заслужил милость у самозванца тем же способом, что и у Годунова. Он повсюду искал изменников и беспощадно карал их. По его навету Сабуровы и Вельяминовы в количестве 37 человек были ограблены донага и брошены в тюрьму. Этот факт, отмеченный Разрядными росписями, находит подтверждение в челобитных грамотах Вельяминовых, поданных правительству после «Смуты». «И нас, — писали Вельяминовы, — Рострига, пограбя, сослал на Низ, а поместья наши роздал в роздачу»¹⁰.

Между тем П. Ф. Басманов был отозван из Серпухова в Тулу. Там ему представился случай расправиться с другим своим недругом — А. А. Телятевским¹¹.

Отрепьев был взбешен тем, что главные бояре отказались подчиниться его приказу и прислали в Тулу второстепенных лиц.

На поклон к Лжедмитрию в начале июня приехал с Дона атаман вольных казаков Смага Чертенский. Чтобы унижить посланцев Боярской думы, самозванец допустил к руке донцов раньше, чем бояр. Проходя мимо бояр, казаки ругали и позорили их. «Царь» обратился к Чертенскому с милостивым словом, а допущенных следом Воротынского с товарищами «наказываше и лаяше, яко же прямой царский сын»¹².

Боярина А. А. Телятевского фактически выдали казакам на расправу. Казаки били его смертным боем, а затем едва живого отвели в тюрьму¹³. Сцена, разыгравшаяся в Туле, была последним от-

голоском того периода самозванщины, когда поддержка восставшего народа и донцов имела для «вора» решающее значение.

Из Тулы Лжедмитрий выступил в Серпухов. Дворовыми воеводами при нем числились князь И. В. Голицын и М. Г. Салтыков; близкими людьми – боярин князь В. М. Мосальский и окольный князь Г. Б. Долгорукий; главными боярами в полках – князь В. В. Голицын, его родня князь И. Г. Куракин, Ф. И. Шереметев, князя Б. П. Татев и Б. М. Лыков¹⁴. Навстречу Лжедмитрию в Серпухов выехали князь Ф. И. Мстиславский, князь Д. И. Шуйский, стольники, стряпчие, дворяне, дьяки и столичные купцы – гости¹⁵.

Московские верхи сделали все, чтобы облегчить соглашение с путивльским «вором», которого они в течение семи месяцев безуспешно пытались уничтожить. Бояре велели извлечь на свет божий огромные шатры, в которых Борис потчевал дворян в дни серпуховского похода накануне своей коронации. Шатры имели вид крепости с башнями и были весьма вместительными. Изнутри стены главного шатра были расшиты золотом. В Серпухов заблаговременно прибыли служители Сытенного и Кормового дворца, многочисленные повара и прислуга с запасами. Бояре и московские чины дали пир Лжедмитрию. По словам очевидцев, на пиру присутствовали разом 500 человек¹⁶.

Пир и приемы были не более чем декорацией, скрывавшей от посторонних глаз переговоры между самозванцем и боярами. Переговоры завершились соглашением. По некоторым сведениям,

была составлена запись, скрепленная 12 «послами» Лжедмитрия (6 москвитями и 6 поляками) и советом всех бояр. Достоверность польского источника, сообщающего подробности об этом соглашении, не слишком велика¹⁷.

Прибытие в Тулу главного дьяка А. Власьева и других приказных людей привело к тому, что управление текущими государственными делами начало переходить в руки самозванца. Получив от А. Власьева полную информацию о последних дипломатических переговорах, Лжедмитрий распорядился задержать английских послов, готовившихся покинуть Россию. Агент Московской компании Джон Мерик был вызван самозванцем в Серпухов. «Царь» предложил возобновить союз, некогда заключенный его мнимым отцом с королевой Елизаветой. Грамота была подписана в Туле 8 июня 1605 г.¹⁸

Находясь в Туле, Лжедмитрий известил страну о своем восшествии на престол. Рассчитывая на неосведомленность дальних городов, Отрепьев утверждал, будто его «узнали» как прирожденного государя патриарх московский Иов, весь освященный собор, дума и прочие чины¹⁹. 11 июня 1605 г. Лжедмитрий был еще в Туле, но на своей грамоте пометил: «Писана на Москве». Вместе с окружной грамотой самозванец разослал по городам текст присяги. Она представляла собой сокращенный вариант присяги, составленной при воцарении Бориса Годунова и Федора Борисовича. Самозванец повторил прием, к которому прибегли Борис Годунов, а затем его сын. Добиваясь трона, Борис велел сразу после смерти Федора Ива-

новича принести присягу на имя вдовы царицы Ирины и на свое имя²⁰. Федор Борисович поставил на первое место имя вдовы царицы Марии Годуновой, когда потребовал присяги от думы и народа.

Ни в Самборе, ни в Путивле самозванец не ссылался на возможное свидетельство матери, заточенной в глухом северном монастыре. После переворота в Москве он решил использовать авторитет вдовы Грозного, чтобы навязать свою власть стране. Присяга на имя вдовы Грозного была еще одной попыткой самозванца мистифицировать страну. После смерти Федора Ивановича Борис Годунов пытался править страной от имени вдовы царицы. Пострижение царицы Ирины положило конец ее карьере как правительницы. Равным образом не могла царствовать и старица Марфа Нагая – вдова царя Ивана.

Отрепьев знал о вражде старицы Марфы к Годуновым и не без основания рассчитывал на ее помощь. Готовясь к неизбежной встрече с мнимой матерью, самозванец приблизил первого же ее родственника, попавшего к нему в руки. В Туле он пожаловал чин постельничего дворянину Семену Ивановичу Шапкину потому, «что он Нагим племя»²¹.

Дьяки самозванца исключили из текста присяги запреты добывать вдову на государя, портить его «на следу всяким ведовским мечтанием», насылать лихо «ведовством по ветру» и пр. Подданные кратко обещали не «испортить» царя и не давать ему «зелье и коренье лихое». Вместо пункта о Симеоне Бекбулатовиче и «воре», назвавшем-

ся Дмитрием Углицким, в тексте присяги появился пункт о «Федьке Годунове». Подданные обещали не подыскивать царство под государями «и с изменники их, с Федькою Борисовым сыном Годуновым и с его матерью и с их родством, и с советники не ссылатся письмом никакими мерами»²².

Членам низложенной царской семьи удалось спастись в день восстания. Но вскоре их убежище было открыто, и тогда Боярская дума распорядилась заключить их под домашний арест. «Царицу же и царевича и царевну, – записал летописец, – поймаша и сведоша их на старой двор царя Бориса и даша их за приставы»²³.

Московская знать, презиравшая худородного Бориса, пожелала посмертно лишить его царских почестей. Свежая могила Годунова в Архангельском соборе была раскопана, труп умершего удален из церкви. Очевидец событий Яков Маржарет засвидетельствовал, что все это сделано было «по просьбе вельмож»²⁴. По словам «хранителя» царских гробов в Архангельском соборе, произошло это 5 июня 1605 г.²⁵ Очевидец события епископ Архангельского собора Арсений отметил, что тело Бориса вынули из гроба «ради поругания». Автор «Нового летописца» говорит о том же намерении: «...яко же и мертвенное тело поругано бысть». И лишь поздний «Морозовский летописец» сообщает подробности: «Царя Бориса извергоша из храма архистратига Михаила и повелеша извлечь на сонмище с великим поруганием: и камене на метали, и ногами пхати тело его, поверженное и на земле лежащее»²⁶.

Руководители думы надеялись заслужить милость самозванца. Фактически же их действия развязали руки Отрепьеву.

По словам Конрада Буссова, в Серпухове «царь Дмитрий» объявил, что он не приедет в Москву, «прежде чем не будут уничтожены те, кто его предал, все до единого, и раз уж большинство из них уничтожено, то пусть уберут с дороги также и молодого Федора Борисовича с матерью, только тогда он приедет и будет им милостивым государем»²⁷.

Известие Буссова находит неожиданное подтверждение в английском сочинении 1605 г. Автор сочинения весьма неловко скомпоновал черновые записки, полученные им от членов английского посольства. Поэтому сведения о письме самозванца оказались некстати включенными в рассказ о прибытии в Москву Г. Пушкина. По словам англичан, в письме «царя Дмитрия» значилось, что он отправил к москвичам «лиц знатного происхождения, как-то: князя Федора Ивановича Мстиславского и князя Дмитрия Ивановича Шуйского – и поручил им лишить его врагов занимаемых ими мест и заключить в неволю Годуновых и иных, пока он не объявит дальнейшей своей воли, с тем чтобы истребить этих чудовищ кровопийц и изменников...»²⁸.

Ф. И. Мстиславский и Д. И. Шуйский были как раз теми боярами, которые ездили в Серпухов. Английский автор попытался смягчить смысл приказа «Дмитрия», которого он всячески восхвалял. Однако рассказ Буссова показывает, что в письме из Серпухова самозванец требовал казни низложенного царя и прочих Годуновых (Требовать их «заклучения в неволю» не имело смысла,

потому что все они уже находились под стражей).

Взявшись выполнить поручение Лжедмитрия, руководители думы фактически санкционировали расправу над царской семьей.

Первыми эмиссарами самозванца в Москве были Гаврила Пушкин и атаман Корела. Но у Пушкина не было думного чина, а Корела не располагал достаточными силами, чтобы принудить к подчинению высший орган государства – думу.

Завершив переговоры с Ф. И. Мстиславским, Лжедмитрий отправил в столицу особую боярскую комиссию. Формально ее возглавлял князь В. В. Голицын, обладавший необходимым чином. Фактически же главными доверенными лицами самозванца в московской комиссии стали члены путивльской «воровской» думы В. М. Мосальский и дьяк Б. Сутупов. Вместе с комиссией в Москву был направлен П. Ф. Басманов.

В «Сказании о Гришке Отрепьеве» упоминается о том, что посланцы Отрепьева явились в Москву «со многими людьми служивыми и с казаками». «Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства» уточняет, что Лжедмитрий вскоре «с ратию посла Петра Басманова». В «Новом летописце» тот же текст читается иначе: «вор» отрядил в Москву «на злое свое умышление» Голицына и двух других лиц, «а с ратию посла Петра Басманова»²⁹.

По «Новому летописцу», миссия Басманова заключалась в том, чтобы навести страх на столицу и искоренить там измену. Такое свидетельство как нельзя лучше согласуется со всем, что известно о

личности и делах Басманова. Тем не менее, текст «Нового летописца» не может быть принят как достоверный. Проведя текстологическое сопоставление «Летописи о многих мятежах...» и «Нового летописца» (оба источника восходят к общему протографу), В. Д. Назаров убедительно доказал, что известие «Нового летописца» о посылке Басманова в Москву является неисправным и заключает в себе очевидную опisku³⁰.

Голицын и Басманов привезли в Москву обращение Лжедмитрия к освященному собору, Боярской думе и «всему народу великой Москвы». Послание касалось судеб низложенной царской семьи и, по словам очевидцев, «было исполнено яда»³¹.

Прибыв в Москву, боярская комиссия тотчас выполнила приказ самозванца. Экзекуцией непосредственно руководили дворяне М. Молчанов и А. Шереметевы из бывших опричников. Они явились на старое подворье Бориса Годунова в сопровождении отряда стрельцов, захватили царицу и ее детей и развели «по храминам порознь». Царица Мария Годунова-Скуратова обмерла от страха и не оказала палачам никакого сопротивления. Федор Годунов отчаянно сопротивлялся – стрельцы долго не могли с ним справиться³². После казни боярин В. В. Голицын велел созвать перед домом народ и, выйдя на крыльцо, объявил «миру», что «царица и царевич со страстей испиша зелья и помроша, царевна же едва оживе»³³. Новые власти сделали все, чтобы утвердить официальную версию смерти царя Федора и его матери. Но столичное население не поверило им. Когда два простых гроба с убитыми были выставлены на общее

обозрение, народ нескончаемой толпой двинулся на подворье Годуновых. Как записал шведский агент Петр Петрей, он видел собственными глазами вместе со многими тысячами людей следы от веревок, которыми были задушены царица Мария и царь Федор Годуновы³⁴.

Следуя версии о самоубийстве, бояре запретили традиционный погребальный обряд. Труп вдовы царицы Марии Годуновой отвезли в женский Варсунофьев монастырь на Сретенке и там зарыли вне стен церкви, внутри монастырской ограды. В одну яму с ней были брошены тела Бориса и Федора Годуновых³⁵.

Распоряжавшийся в Кремле Б. Я. Бельский не принимал непосредственного участия в расправе над царицей Марией, которая была ему двоюродной сестрой. Басманов тоже оставался в стороне. Но именно эти лица довершили разгром Годуновых, их родни и приверженцев в Москве.

Имущество Годуновых, Сабуровых и Вельяминовых было отобрано в казну. Бояр Годуновых отправили в ссылку в Сибирь и в Нижнее Поволжье. Исключение было сделано лишь для недавнего правителя С. М. Годунова. Его отправили в Переяславль Залесский с князем Ю. Приимковым-Ростовским. Пристав имел приказ умертвить его в тюрьме. По некоторым сведениям, С. М. Годунова уморили голодом. По свидетельству Разрядных книг, в тюрьме был умерщвлен и старший из Годуновых – Степан Васильевич, который ранее в чине дворецкого возглавлял Дворцовый приказ³⁶.

15–16 июня 1605 г. в Серпухове был получен приказ везти арестованных Сабуровых и Вельями-

новых в Казанский и Астраханский край. Спустя четыре дня из Москвы повезли жен и детей опальных. Семьи должны были присоединиться к своим родным в местах ссылки³⁷.

Самозванец не мог занять трон, не добившись покорности от Боярской думы и церковного руководства. Между тем патриарх Иов не желал идти ни на какие соглашения со сторонниками Лжедмитрия. Неразборчивый в средствах, Отрепьев пытался вести двойную игру: провинцию он желал убедить в том, что Иов уже «узнал» в нем прирожденного государя³⁸, а в столице готовил почву для расправы с непокорным патриархом.

Одна из провинциальных летописей сохранила тексты двух грамот «вора» к церковникам. По словам автора летописи, одну из этих грамот, адресованную патриарху, привез в Москву князь В. В. Голицын. Содержание послания наводит на мысль, что оно не могло быть написано в тульский период, к которому относится посылка В. В. Голицына в Москву. Во-первых, в грамоте нет и намека на происшедший в Москве переворот. О восшествии на трон самозванец упоминает как о неопределенном будущем. Во-вторых, Лжедмитрий именовал Иова «первым всеа Руси изменником», нелепым советником («совещателем»), искоренителем «царского корени» и пр. и вместе с ним, не выбирая слов, бранил весь московский освященный собор. Патриарх, писал он, желал «наш лишити проклятием своим и ложным собором нашего праотеческого царьского престола, еще на нас... богоненавистным своим собором вооружил-ся еси проклятию вдати нас...»³⁹

Приведенное послание Отрепьева, скорее всего, явилось ответом на прежние грамоты Иова и постановления освященного собора, обличавшие «вора». Оно было составлено, вероятно, до московского восстания и привезено в столицу с запозданием.

Свое второе послание Лжедмитрий адресовал рязанскому архиепископу Игнатию. Едва И. Ляпунов и прочие мятежники вернулись в Рязань из лагеря под Кромами, Игнатий немедленно примкнул к победившей стороне. Он первым из иерархов признал «царя Дмитрия» и поспешил на поклон к нему в Тулу. В письме Лжедмитрий благодарил его за службу: «...твоими молитвами и благословеньем Рязань и Кошира и все иные города нашему величеству добили челом...»⁴⁰

Патриарх Иов сохранял верность Годуновым до последнего момента и потому должен был разделить их участь. В прощальной грамоте 1607 г. Иов живо описал свои злоключения в день переворота 1 июня. «...Множество народа царствующего града Москвы, – писал он, – внидоша во святую соборную и апостольскую церковь (Успенский собор. – Р. С.) с оружием и дреколием во время святого и божественного пения... и внидоша во святыи олтарь и меня, Иова патриарха, из олтаря взяша и во церкви и по площади таская, позориша многими позоры...»⁴¹

С красочными подробностями описывает расправу «История о первом патриархе». Когда Иова притащили на Лобное место, повествует автор «Истории», «мнози» в толпе «плакаху и рыдаху», тогда как другие ругали и били пленника; те, кто

хотел убить Иова, стали одолевать тех, кто плакал, но тут на площадь прибежали «воры», побывавшие на патриаршем дворе; они кричали: «Богат, богат, богат Иов патриарх, идем и разграбим имения его!» Толпа бросилась грабить патриаршие палаты, и жизнь Иова была спасена⁴².

Достоверность приведенного рассказа невелика, поскольку первая биография («Житие») Иова была составлена в весьма позднее время (после 1652 г.) и в ней, как справедливо отметил С. Ф. Платонов, невозможно обнаружить непосредственных впечатлений очевидца и современника «Смуты»⁴³.

Можно предположить, что сторонники Лжедмитрия, захватив патриарха в Успенском соборе, в дальнейшем постарались изолировать его, для чего заключили под домашний арест, как и семью низложенного Федора Годунова. Получив весть о перевороте в Москве, Лжедмитрий решил окончательно избавиться от Иова, предварительно используя авторитет его имени. 5 (15) июня 1605 г. иезуит А. Лавицкий, близкий к особе самозванца, писал в письме следующее: «Теперь новость: московский патриарх признает светлейшего Дмитрия наследственным государем и молит о прощении себе, но москвитяне так на него распалились, что упрямому старцу ничего, кроме смерти, не оставалось...»⁴⁴

Известие насчет признания «Дмитрия» патриархом Иовом было ложью, обычной в устах Отрепьева. Эта ложь предназначалась, прежде всего, для зарубежных корреспондентов самозванца, а также для уездных городов России⁴⁵. Пустив в ход версию, будто москвичи едва не убили Иова, са-

мозванец желал подготовить умы к расправе с главой церкви. Он действовал, не заботясь о формальностях. Судьба патриарха решилась, когда Лжедмитрий был в 10 милях от столицы⁴⁶.

Самозванец поручил дело Иова той самой боярской комиссии, которая должна была произвести казнь Федора Годунова. Церемония низложения Иова как две капли воды походила на церемонию низложения митрополита Филиппа Колычева царем Иваном и его опричниками. Боярин П. Ф. Басманов препроводил Иова в Успенский собор и там проклял его перед всем народом, назвав Иудой и виновником «предательства» Бориса по отношению к «прирожденному государю Дмитрию». Вслед за тем стражники содрали с патриарха святительское платье и «положили» на него «черное платье». Престарелый Иов долго плакал, прежде чем позволил снять с себя панагию⁴⁷. Местом заточения Иова был избран Успенский монастырь в Старице, где некогда он начал свою карьеру в качестве игумена опричной обители.

Казнь низложенного царя Федора Годунова и изгнание из Москвы главы церкви расчистили самозванцу путь в столицу. По дороге из Тулы в Москву путивльский «вор» окончательно преобразился в великого государя. В Серпухове его ждали царские экипажи и 200 лошадей с Конюшенного двора. На пути к Коломенскому бояре привезли Отрепьеву «весь царский чин»: кое-какие регалии и пышные одеяния, сшитые по мерке в кремлевских мастерских⁴⁸.

В окрестностях Москвы Лжедмитрий пробыл три дня. Он постарался сделать все, чтобы обеспе-

читать себе безопасность в столице и выработать окончательное соглашение с думой.

В московском манифесте Лжедмитрий обязался пожаловать бояр и окольных их «прежними отчинами»⁴⁹. Это обязательство составило основу соглашения между самозванцем и думой. Другие пункты соглашения касались состава думы. Самозванцу пришлось удовлетвориться изгнанием Годуновых. Зато он получил возможность пополнить думу своими близкими людьми.

Гражданская война принесла с собой чрезвычайные потрясения. Возникла особая атмосфера, способствовавшая распространению всевозможных слухов.

Невзирая на двукратные похороны Бориса, страну захлестнули слухи о его чудесном спасении. Толковали, будто Годунов жив, а вместо него в могилу положили его двойника. На улицах люди под клятвою утверждали, будто своими глазами видели старого царя в подвале на подворье у Годуновых; будто Годунов бежал то ли в Англию, то ли в Швецию, то ли к татарам⁵⁰.

Толки о спасении Бориса достигли Тулы. Самозванцу они едва ли внушали тревогу. Подлинную опасность для него представляли иные слухи.

Обличения по адресу зловерного расстриги, утратившие влияние на умы в форме правительственных обращений, неожиданно возродились после падения Годуновых. За время пребывания в Кремлевском Чудове монастыре Отрепьев успел обратить на себя внимание не только своими редкими способностями, но и своей запоминающейся внешностью. Масса отметил в своих записках, что

уже при вступлении в Кремль «царевич» приметил изумленные взгляды некоторых кремлевских монахов и, «может быть, хорошо их зная, на другой день велел их тайно умертвить и бросить в реку». Слухи о тайных казнях духовных особ распространялись не только в Москве, но и за рубежом. В инструкции, составленной шведской королевской канцелярией 5(15) февраля 1606 г., значилось: «Как утверждают взаправду, в начале своего царствования Дмитрий велел казнить и лишить жизни нескольких православных монахов»⁵¹.

Слухи о казни монахов, опознавших в царе беглого дьякона, не подтверждаются русскими источниками. Один из самых осведомленных авторов, монах Авраамий Палицын, не преминул бы упомянуть об убийстве иноков, если бы их казнь имела место. Согласно свидетельству «Повести 1626 г.», Лжедмитрий после низложения патриарха Иова «мнихов многих» из Чудова монастыря «в рашчине посылает, понеже знаем ими бывате...». Чудов монастырь был личным монастырем патриарха, и гонениям подверглись чудовские монахи, известные своей особой близостью к Иову. Московские летописцы утверждали, будто уже в Путивле многие люди догадывались, с кем имеют дело. Когда же «вор» вступил в Москву, некоторые из москвичей «ево узнали, что он не царский сын, а прямой вор Гришка Отрепьев рострига...»⁵² Оценивая известия летописцев об опознании самозванца, надо иметь в виду, что все они были составлены задним числом, уже после гибели Лжедмитрия I.

Опасность разоблачения в наибольшей мере угрожала Отрепьеву в Путивле. Там он жил в черте небольшого городка, у всех на глазах, не имея возможности отгородиться от людей дворцовыми стенами. Там его преследовали поражения и неудачи. Можно установить, что уже в Путивле самозванец столкнулся лицом к лицу с некоторыми дворянами, хорошо его знавшими. Но это не имело и не могло иметь никаких последствий.

В росписи армии Ф. И. Мстиславского против имени дворянина И. Р. Безобразова имеется помета: «В полон взят». Плененный под Новгородом Северским Безобразов неожиданно для себя столкнулся лицом к лицу с бывшим товарищем детских игр. Со слов Безобразова поляк Я. Собеский записал в своем дневнике следующее: «Дом отца и деда Отрепьева был в Москве рядом с домом Безобразова — об этом говорил сам Безобразов. Ежедневно Гришка ходил в дом Безобразова, и всегда они вместе играли в детские годы, и так они вместе росли»⁵³. Если бы Безобразов попытался обличить своего давнего приятеля, его мгновенно бы уничтожили. Но он не помышлял о раскрытии обмана и сделал превосходную карьеру при дворе Лжедмитрия.

Утверждение летописцев, будто москвичи, опознав Отрепьева после его водворения в Кремле, горько плакали о своем прегрешении, не соответствует истине. Напротив, в столице после переворота преобладала атмосфера общей экзальтации по поводу обретения истинного государя и наступления счастливого царства. Впрочем, даже среди общего ликования ничто не могло заглушить

убийственную для Лжедмитрия молву. Эта молва возродилась не потому, что кто-то «вызнал» в царе беглого чудовского дьякон. Причина заключалась совсем в другом. В борьбу включились могущественные силы, стремившиеся помешать Лжедмитрию занять трон. Бояре не для того избавились от хундорных Годуновых, чтобы передать власть темному проходимцу. Отрепьев понимал, что в думе и среди столичных дворян у него больше врагов, чем сторонников. Опасаясь попасть в западню, он три дня стоял у ворот Москвы.

Наконец 20 июня 1605 г. самозванец вступил в Москву. Во время движения стража внимательно осматривала путь, чтобы предотвратить возможность покушения. Гонцы поминутно обгоняли царский кортеж, а затем возвращались с донесениями. Самым знатным боярам Отрепьев велел быть подле себя. Впереди и позади «царского поезда» следовали польские роты в боевом порядке. Очевидцы утверждали, будто кругом царя ехало несколько тысяч поляков и казаков⁵⁴. Боярам не дозволено было иметь при себе вооруженную свиту. Дворяне и войска растянулись в хвосте колонны. По приказу самозванца строй московских дворян и ратников был распущен, едва кортеж стал приближаться к Кремлю.

Узкие городские улицы были забиты жителями. Чтобы лучше разглядеть процессию, люди забирались на заборы, крыши домов и даже на колокольни. При появлении самозванца толпа потрясала воздух криками: «Дай господи, государь, тебе здоровья!» Колокольный звон и приветствия москвичей катились за царской каретой, подобно

волне. Как писал один из участников процессии, люди оглохли от колокольного звона и воплей⁵⁵.

На Красной площади подле Лобного места Лжедмитрия встретило все высшее московское духовенство. Архиереи отслужили молебен посреди площади и благословили самозванца иконой. По словам Массы, «царь» приложился к иконе будто бы не по православному обычаю, что вызвало среди русских явное замешательство⁵⁶.

Приведенное свидетельство сомнительно. Будучи протестантом, Масса не слишком разбирался в тонкостях православной службы и не понял того, что произошло на его глазах. Архиепископ Арсений, лично участвовавший во встрече, удостоверил, что все совершилось без каких бы то ни было отступлений от православного обряда. Возмущение москвичей вызвали бесчинства, но не «государя», а поляков. Едва православные священнослужители запели псалмы, музыканты из польского отряда заиграли на трубах и ударили в литавры. Под аккомпанемент веселой польской музыки самозванец прошел с Красной площади в Успенский собор. Русские священники, писал иезуит А. Лавицкий, подвели «царя» к их главному собору, но «в это время происходила столь сильная игра на литаврах, что я, присутствуя здесь, едва не оглох»⁵⁷. Музыканты старались произвести как можно больше шума, радуясь замешательству москвичей. Вопреки легендам никаких речей при встрече Лжедмитрия сказано не было. Лишь в Архангельском соборе Отрепьев собрался с духом и произнес несколько слов, которых от него все ждали. Приблизившись к гробу Ивана Гроз-

ного, он сказал, «что отец его – царь Иоанн, а брат его – царь Федор!»⁵⁸

Православных немало смутило то, что новый царь привел «во церковь многих ляхов» и те «во церкви божии ставши с ним»⁵⁹.

Отрепьев опасался расставаться с телохранителями даже в соборах. Из церкви самозванец отправился в Тронный зал дворца и торжественно уселся на царский престол. Польские роты стояли в строю с развернутыми знаменами под окнами дворца⁶⁰.

На Красной площади собралось все столичное население. Толпа не желала расходиться. Самозванец был обеспокоен этим и выслал на площадь Б. Я. Бельского с несколькими другими членами думы. Бельский напомнил, что именно его царь Иван назначил опекуном при своих детях, и тут же поклялся, что укрывал царевича Дмитрия «на своей груди». Бельский призвал народ служить верой и правдой своему прирожденному государю. Москвичи встретили его слова криками одобрения⁶¹.

Опасаясь за свою безопасность, самозванец немедленно сменил всю кремлевскую стражу. Как записал Масса, «казаки и ратники были расставлены в Кремле с заряженными пищалями, и они даже вельможам отвечали грубо, так как были дерзки и ничего не боялись»⁶².

В истории гражданской войны в России наступил, быть может, самый знаменательный момент. Повстанческие силы, сформированные в ходе восстаний в Северной земле и состоявшие из вольных казаков, ратных людей Путивля и других мя-

тежных гарнизонов, холопов, посадских людей, мужиков и пр., заняли Кремль и взяли под контроль другие ключевые пункты столицы. Они привели в Москву своего царя, а потому чувствовали себя полными хозяевами положения.

Отрепьев знал, какую власть над умами имеет духовенство, и спешил сменить церковное руководство. Не доверяя русским иерархам, самозванец решил поставить во главе церкви грека Игнатия. Выходец с Кипра, Игнатий прибыл в Россию в 1595 г. Грек сумел завоевать доверие Бориса Годунова и патриарха Иова. В 1602 г. он получил в управление рязанское архиепископство. И русские писатели, и находившиеся в Москве иностранцы с крайним осуждением отзывались о личных качествах Игнатия⁶³. Игнатий первым из церковных иерархов предал Годуновых и признал путивльского «вора». В награду за это Лжедмитрий сделал его патриархом.

На другой день после переезда во дворец самозванец велел собрать освященный собор, чтобы объявить о переменах в церковном руководстве. Низложение первого русского патриарха было актом вопиющего произвола и беззакония. Собравшись в Успенском соборе, сподвижники и ученики Иова постановили: «Пусть будет снова патриархом святейший патриарх господин Иов». Восстановление Иова в сане патриарха понадобилось собору, чтобы придать процедуре вид законности. Следуя воле Отрепьева, отцы церкви далее постановили отставить от патриаршества Иова, потому что он великий старец и слепец и не в силах пасты многочисленную паству, а на его место избрать

Игнатия⁶⁴. Участник собора грек Арсений подчеркивал, что Игнатий был избран законно и единогласно. Никто из иерархов не осмелился протестовать против произвола царя.

Арсений не пометил точную дату избрания Игнатия⁶⁵. Но он знал, что «Дмитрий» созвал епископов на другой день после прибытия в Кремль, а поставление Игнатия совершилось в воскресенье. Аналогичные сведения сообщает автор «Иного сказания». Согласно «Сказанию», избрание Игнатия имело место в первое воскресенье после прибытия «вора» в Москву, «в неделю июня, в 24 день»⁶⁶. Автор «Сказания» допустил небольшую неточность: первое воскресенье после 20 июня приходилось не на 24, а на 23 июня 1605 г.

Поставив во главе церкви своего «угодника», Лжедмитрий произвел перемены в высшем боярском руководстве. Наибольшим влиянием в думе пользовались князь Василий Шуйский и его братья. На их головы и обрушился удар. Поводов для расправы с Василием Шуйским было более чем достаточно. Доносы поступили к самозванцу через П. Ф. Басманова, польских секретарей и телохранителей.

Василий Шуйский некогда расследовал обстоятельства смерти царевича Дмитрия. Поэтому к нему постоянно обращались, с тех пор как в Литве объявился самозванец. В кругу доверенных лиц князь Василий допускал откровенность даже после того, как Лжедмитрий сел на трон. Однажды на двор к князю Василию явились некоторые из московских купцов и горожан, чтобы поздравить его с царской милостью. Шуйский будто бы про-

ехал по улицам столицы с «царем» в его экипаже. В ответ на поздравление одного купца, пользовавшегося полным доверием хозяина, Шуйский в сердцах сказал про нового государя: «Черт это, а не настоящий царевич; вы сами знаете, что настоящего царевича Борис Годунов приказал убить. Не царевич это, а расстрига и изменник наш»⁶⁷. Стоявший поодаль купец подслушал разговор и поспешил донести о нем. Русские источники называют имена купцов и посадских людей, с которыми Шуйский вел неосторожные разговоры. Самым влиятельным из них был Федор Савельевич Конь — крупнейший архитектор и строитель своего времени. В поздних русских сказаниях дело представлено так, будто великий поборник православия князь Василий призвал к себе Федора Коня и другого известного московского человека — Костю Лекаря и сказал им, что государь — злой враг, богоотступник и еретик Гришка Отрепьев. Шуйский якобы сам наказал Коню: «Поведайте тайно в мире с рассуждением, чтобы христиане... еретика познали». Федор Конь и Костя Лекарь поведали «про еретика без рассуду многим людям», после чего о крамоле узнал Петр Басманов⁶⁸.

Получив донос от П. Ф. Басманова, Лжедмитрий приказал без промедления арестовать трех братьев Шуйских. Приставами, или тюремщиками, Шуйских стали бояре П. Ф. Басманов и М. Г. Салтыков⁶⁹. При Борисе Годунове М. Г. Салтыков руководил розыском о заговоре Романовых, при самозванце расследовал заговор Шуйских. Боярин усердствовал, чтобы доказать свою преданность новому государю. Но главным инициатором

розыска был все же не он, а боярин П. Ф. Басманов.

Шуйским было предъявлено обвинение в государственной измене. Однако официальная версия их дела заключала в себе слишком много неясного. Даже близкие к особе Лжедмитрия люди по-разному излагали вину знатного боярина. Шуйского обвиняли то ли в распространении слухов, порочивших государя, то ли в организации форменного заговора с участием многих тысяч лиц.

В письме из Москвы от 4 (14) июля 1605 г. иезуит А. Лавицкий сообщал, что Шуйского судили за то, что он называл «Дмитрия» врагом и разрушителем истинной православной веры, орудием в руках поляков. Один из секретарей самозванца, поляк С. Слопский, рассказывал, что он передал государю донос одного московского купца, подслушавшего, как Шуйский называл царя расстригой и изменником. Яков Маржарет, ставший одним из главных телохранителей Лжедмитрия, писал, что Шуйского обвинили в «преступлении оскорбления величества»⁷⁰.

Другую версию изложили командиры польского наемного войска С. Борша и Я. Вислоух, находившиеся в Москве в момент суда над Шуйскими. В июле 1605 г. Я. Вислоух сообщил в письме к брату, что в Москве открылась измена: Шуйские начали убеждать народ, что «Дмитрий» — не истинный царь, а польский королевич, который хочет православную веру разрушить, а лютеранскую ввести; заговорщики хотели истребить поляков и уговорили для этого 10 тыс. детей боярских; поляков должны были сжечь с дворами (трактирами)

и перебить, но поляки узнали об этом и известили царя. Ротмистр С. Борша воспроизвел ту же версию, но в более кратком варианте. По его словам, Шуйские разработали план переворота, в котором должен был участвовать народ, — они задумали «ночью зажечь Москву и учинить над царем и над нами (польскими солдатами. — Р. С.) предательство»⁷¹.

Опираясь на преданные Лжедмитрию казачьи и польские отряды, П. Ф. Басманов арестовал множество лиц, которых подозревали в заговоре с Шуйскими. Розыск проводился с применением изощренных пыток. Показания современников о результатах расследования расходятся в самом существенном пункте. Телохранилитель самозванца Буссов утверждал, будто бы многие духовные лица и стрельцы, взятые к пытке, подтвердили измену боярина Шуйского. Совсем иначе изложил дело Масса. По его словам, никто из предполагаемых сообщников боярина не мог привести надежных доказательств его вины. Некоторые из арестованных под пытками признались в преступлении — прочие же все отрицали. Согласно русским источникам, из страха москвичи «друг на друга клеветали», расстрига же «многих поймав и разными пытками пытаху: иные же, не стерпев пыток, на себя говоряху, а иные же крепяхуся, а иные и впрямь ево, ростригу, обличаху»⁷².

В конце концов инициаторы розыска отказались от намерения организовать крупный политический процесс с участием многих видных лиц. Лжедмитрий распорядился привлечь к суду вместе с Шуйскими лишь нескольких второстепенных

лиц. В числе их были Петр Тургенев, Федор Калачник и некоторые другие купцы. Род Тургеновых пользовался известностью в Москве. До опричнины дядя Петра Тургенева служил ясельничим в дворцовом ведомстве у царя Ивана Грозного. Петр Никитич служил головой в дворянских сотнях. Он так и не получил воеводского чина, но имел один из высших поместных окладов — 500 четвертей земли и числился «выборным» дворянином из Воротынска⁷³. Федор Калачник, судя по прозвищу, был пекарем, возможно, разбогатевшим во время голода.

Чтобы утратить столичное население, Отрепьев велел предать названных лиц публичной казни. Дворянина Петра Тургенева вывели на пустырь (Пожар) и там обезглавили. Сообщение о казни Тургенева имеет документальное подтверждение. В подлинной челобитной Дениса Петровича Тургенева подчеркнуто, что отца челобитчика, Петра Тургенева, убил «вор-рострига». Автор «Нового летописца» ни словом не упоминает о мученичестве Тургенева. Лишь монах Авраамий Палицын называет его мучеником и обличителем «вора». Сохранилось предание, что торговый человек Федор Калачник, идя на казнь, во все горло кричал, что новый царь — антихрист и все, кто поклоняется этому посланцу сатаны, «от него же погибнут»⁷⁴.

Лжедмитрий и его окружение не желали раздражать дворянство. Зато с простонародьем они не церемонились. В первые же дни правления нового царя, записал Масса, пострадало много простых людей и горожан в Москве, так что ночью и

втайне только и делали, что пытали, убивали и губили людей⁷⁵.

Автор «Иного сказания» утверждал, что князь Василий Шуйский и его братья были арестованы на третий день после вступления Лжедмитрия в Москву, а 25 июня 1605 г. их передали в руки палача. Приведенная дата ошибочна. Достоверно известно, что казнь Шуйских была назначена на воскресенье, 30 июня. Как бы то ни было, очевидцы единодушно подтверждают, что суд над Шуйскими занял несколько дней⁷⁶.

Установив хронологию заговора Шуйских, С. Ф. Платонов писал: «Трудно понять причины той торопливости, с какою они постарались отделаться от нового царя»; «...Шуйские необыкновенно спешили и... все их «дело» заняло не более десяти дней. Очевидно, они мечтали не допустить «розстригу» до Москвы, не дать ему сесть на царство»⁷⁷. С. Ф. Платонов принял на веру официальную версию заговора Шуйских. Между тем эта версия заключает в себе слишком много неясного и едва ли заслуживает доверия.

В массе своей московское население приветствовало нового царя. На его стороне была военная сила. Лжедмитрий был на вершине успеха. Планировать в таких условиях переворот было безумием. Шуйские же всегда были трезвыми и осторожными политиками. Спешили не столько Шуйские, сколько Лжедмитрий. Даже если заговора не было и в помине, ему надо было выдумать таковой.

В Польше коронный гетман Ян Замойский, выступая перед сеймом в начале 1605 г., резко высмеял рассказы самозванца и заявил, что если

уж поляки хлопочут о возведении на московский трон старой династии, то им надо иметь в виду, что законным наследником Московского княжества «был род Владимирских князей, по прекращении которого права наследства переходят на род князей Шуйских»⁷⁸. О речи гетмана говорили по всей Польше, и самозванец не мог не знать о ней.

Из начальных бояр только один Василий Шуйский отказался подчиниться приказу Лжедмитрия и не явился в Серпухов. Это усилило подозрения самозванца, который имел все основания беспокоиться, что князь Василий предьявит претензии на трон при первом же подходящем случае.

Отрепьев мог расправиться с Шуйским тем же способом, что и с Федором Годуновым. Но с некоторых пор он был связан договором с Боярской думой. Следуя традиции, Лжедмитрий объявил о созыве собора для суда над великим боярином.

Л. В. Черепнин возражал против отнесения июньских событий 1605 г. к разряду Земских соборов. По его мнению, то был, скорее, акт политической расправы, облеченный в форму соборного приговора. По существу, такая оценка представляется вполне верной. Продолжая наблюдения Л. В. Черепнина, В. Д. Назаров акцентировал внимание на участии в соборном суде выборных земских людей⁷⁹. Нет данных, которые бы позволили реконструировать состав соборного суда. Однако имеющиеся свидетельства принадлежат непосредственным очевидцам и могут быть подвергнуты взаимной проверке.

Находившийся в те дни в Кремле поляк А. Лавицкий писал, что Шуйских судили на большом

(многочисленном) соборе, состоявшем из сенаторов, духовенства и других сословий. Капитан Маржарет, перешедший на службу к Лжедмитрию, утверждал, что Шуйские подверглись суду «в присутствии лиц, избранных от всех сословий». Следуя рассказам поляков из окружения самозванца, Г. Паэрле записал, что в суде участвовали как сенат (дума), так и народ⁸⁰.

Свидетельства иностранцев полностью совпадают с данными русских источников. Как подчеркнул «Новый летописец», Лжедмитрий «повеле собрати собор» с приглашением духовных «властей», бояр и лиц «ис простых людей»⁸¹.

Самозванец пришел к власти на волне народных восстаний. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в первые дни своего пребывания в Москве он продолжал видеть в восставшем народе союзника. Представители столичного населения были приглашены на соборный суд, чтобы нейтрализовать возможные выступления приверженцев Шуйских. В высшем государственном органе – Боярской думе – Шуйские имели много сторонников, и самозванец опасался их происков.

С обвинениями против Шуйских на соборе выступил сам Лжедмитрий. По «Новому летописцу», «царь» объявил членам собора: «...умышляют сии на меня». С. Немоевский записал со слов секретаря Лжедмитрия обширную обвинительную речь «государя». Род князей Шуйских, утверждал самозванец, всегда был изменническим по отношению к московской династии: блаженной памяти отец Иван семь раз приказывал казнить своих изменников Шуйских, а брат Федор за то же казнил

дядю Василия Шуйского. Фактически Лжедмитрий отказался от версии о наличии разветвленного заговора. Трое братьев Шуйских, заключил он, намеревались осуществить переворот своими силами: «...подстерегали, как бы нас, заставши врасплох, в покое убить, на что имеются несомненные доводы»⁸².

«Царь» утверждал, что имеет несомненные доказательства заговора Шуйских, а потому на соборном суде не было никакого разбирательства с допросом свидетелей и другими формальностями. Авраамий Палицын отметил, что Василия Шуйского осудили тотчас после публичной казни Петра Тургенева и Федора Калачника⁸³.

Под впечатлением убийств и казней даже близкие к Шуйским члены думы и освященного собора не посмели выступить в их защиту. Инициатива полностью перешла в руки «угодников» Лжедмитрия – патриарха Игнатия, бояр Б. Я. Бельского, П. Ф. Басманова, М. Г. Салтыкова, новоиспеченных думных людей из путивльской «думы». Как с горечью отметил «Новый летописец», «на том же соборе ни власти, ни из бояр, ни из простых людей никто же им (Шуйским. – Р. С.) пособствующе, все на них кричаху»⁸⁴.

Опытному царедворцу Василию Шуйскому удалось пережить грозу в правление Бориса Годунова, которая едва не стоила ему головы. Он знал, чем можно заслужить снисхождение, и повинился во всех преступлениях, которые ему приписывали. «Виноват я тебе... царь государь: все это (о расстриге и пр. – Р. С.) я говорил, но смилуйся надо мной, прости глупость мою!» – будто бы сказал

Шуйский. В заключение князь Василий смиренно просил патриарха и бояр сжалиться над ним, страдником, и просить за него «рыцаря». По словам поляков, Василий признался во всем в самом начале розыска, «боясь быть на пытке»⁸⁵.

Собор осудил Василия Шуйского на смерть, а его братьев на заключение в тюрьму и ссылку. Лжедмитрий спешил с казнью и назначил экзекуцию на следующий день. Все было готово для казни. По существу, самозванец ввел в столице осадное положение: «...по всему городу уготовлены быша все стрельцы, вооружены во всем оружии, яко на битву» (по словам Массы, стрельцов было 8 тыс.)⁸⁶

На Пожаре распорядился новый глава Стрелецкого приказа – боярин П. Ф. Басманов. Несколько тысяч стрельцов оцепили всю площадь полукругом. Преданные самозванцу казацкие отряды и поляки с копьями и саблями заняли Кремль и все ключевые пункты города. Были приняты все меры безопасности против возможных волнений. Выехав на середину площади, Басманов прочел приговор думы и собора о винах Шуйского. Вслед за тем палач сорвал с осужденного одежду и подвел его к плахе, в которую был воткнут топор. Сообщение Массы, будто Василий Шуйский продолжал обличать еретика Гришку, будучи на эшафоте, а московский народ рыдал, слушая его речь, относится к числу вымыслов⁸⁷. На площади осужденный вел себя совершенно так же, как и на суде. Стоя подле плахи, он с плачем молил о пощаде. «...От глупости выступил против пресветлейшего великого князя, истинного наследника и прирощ-

денного государя своего», просите «за меня – помилует меня от казни, которую заслужил...» – взывал князь Василий к народу⁸⁸.

Во время казни Петра Тургенева и Федора Калачника москвичи «ругахуся» на них. Из толпы кричали, что суд им «по делом» был⁸⁹. Шуйские пользовались популярностью в народе, и их осуждение вызвало среди москвичей разные толки. По свидетельству поляков, даже сторонники Шуйских боялись обнаружить свои чувства, чтобы не попасть под подозрение. По словам же Массы, народ выражал явное недовольство. С казнью медлили. Отмена казни не входила в расчеты П. Ф. Басманова, и он проявлял видимое нетерпение. Дело кончилось тем, что из Кремля на площадь прискакал один из телохранителей «царя», остановивший казнь, а следом за ним появился дьяк, огласивший указ о помиловании⁹⁰.

В Москве много говорили о том, что якобы прощения Шуйскому добились вдова Грозного старика Марфа Нагая, поляки братья Бучинские, Слонский и др.⁹¹

Отрепьев впервые увидел в глаза свою мнимую мать 18 июля 1605 г., когда ее привезли в Москву. Очевидно, Нагая просила за Василия Шуйского не при первом, а при втором его помиловании, когда Лжедмитрий вернул Шуйских из ссылки⁹².

Секретарь самозванца Бучинский был репительным противником Шуйских и, в отличие от Нагой, категорически возражал против освобождения их из ссылки. В собственноручном письме Лжедмитрию Бучинский напомнил: «Коли яз бил

челом вашей царской милости о Шуйских, чтоб их не выпускал и не высвобождал, потому как их выпустить, и от них будет страх... и вы мне то отказали, что наперед всего богу ты обещал того ся беречи, чтоб ни одной хрестьянской крови не пролилося»⁹³.

Авторы записок и сказаний воспроизвели обнародованную Лжедмитрием версию помилования Шуйского, соответствовавшую определенному политическому расчету. Во-первых, самозванец желал подтвердить свое родство с вдовой Грозного еще до ее приезда. Во-вторых, в путивльский период Отрепьев, чтобы привлечь на свою сторону знать, обязался не давать думных чинов своим польским советникам. В Москве он немедленно нарушил свои обещания. В «комнате», служившей местом совещаний царя с ближней думой, водворились секретари самозванца Ян и Станислав Бучинские, Слонский и др.⁹⁴ Чтобы заглушить недовольные голоса, Лжедмитрий решил представить своих польских советников в качестве лучших друзей бояр и их заступников.

Сподвижник Лжедмитрия С. Борша точнее других объяснил причины помилования Василия Шуйского. «Царь даровал ему жизнь, — писал он, — по ходатайству некоторых сенаторов»⁹⁵. Бояре не посмели открыто перечить царю на соборе. Но после собора они сделали все, чтобы не допустить казни князя Василия. Ни один из предшественников Лжедмитрия на троне не решал дела без участия Боярской думы. Самозванец, заняв престол, должен был следовать традиции. Отмена казни Шуйского явилась первым успехом думы.

Имущество Шуйских, их вотчины и дворы подверглись конфискации. Князь Василий и его братья Дмитрий и Иван были заключены в тюрьму в галицких пригородах⁹⁶. Круг советников, настаивавших на жестких мерах в отношении бояр-«заговорщиков», потерпел поражение. Поборник опричных методов Богдан Бельский должен был отступить в тень. Лжедмитрий вознаграждал его усердие, произведя в бояре, но вскоре же отослал из Москвы на воеводство в Новгород.

Еще будучи в Туле, Отрепьев послал гонца в «казанские города» за Нагими⁹⁷.

Мятеж в Угличе, инспирированный Нагими, положил конец их карьере. Ближайшие родственники вдовы царицы Нагой лишились имущества и много лет провели в тюрьме и ссылке. Лишь после коронации Бориса Годунова о них вспомнили и вернули на службу. М. Ф. Нагой стал воеводой в захолустном городке Санчурске, А. А. Нагой — в Арске, М. А. Нагой — на Уфе⁹⁸.

Самозванец вызвал М. Ф. Нагого в Москву и дал ему чин боярина конюшего. Братья Андрей, Михаил и Афанасий Александровичи Нагие, а также Григорий Федорович Нагой стали боярами и заняли в думе высокое положение. В Разрядных записях отмечено, что самозванец «подовал им боярство и вотчины великие и дворы Годуновых и з животы»⁹⁹. Нагие лучше всех других знали, что царевич Дмитрий мертв. Но они охотно «вызнали» в Отрепьеве внучатого племянника, открыв себе путь к почестям и богатствам.

Отрепьев распорядился вернуть в Москву уцелевших Романовых и Черкасских. В свое время

он служил в свите у окольного М. Н. Романова, а затем у боярина Б. К. Черкасского. Оба умерли в ссылке, и бывший кабальный слуга не опасался разоблачения. Монах поневоле, Филарет Романов был вызван в столицу из Антониева Сийского монастыря. Его жена Мария Шестова с сыном Михаилом приехали в столицу из своей вотчины. Будучи в монастыре, Филарет не оставлял надежд на возвращение в мир. От странников-богомольцев он знал об успехах самозванца и уже в начале февраля 1605 г. грозил посохом своим тюремщикам-монахам, говоря: «...увидят они, каков он вперед будет». Филарет перестал жить «по монастырскому чину», часто смеялся «неведомо чему» и постоянно вспоминал «про мирское житье, про птицы ловчие и про собаки, как он в миру жил»¹⁰⁰.

По словам архиепископа Арсения, самозванец будто бы намеревался вернуть Федора Романова в Боярскую думу. Через греков Игнатия и Арсения и «синод» он якобы передал Филарету необычное предложение: сложить с себя монашескую одежду, надетую на него силой, вернуться в мир и принять жену¹⁰¹. Арсений закончил мемуары в то самое время, когда отец царя Михаила Романова вернулся из Польши в Москву. Рассказ Арсения имел очевидной целью прославить подвиг Филарета. Сообщив об отказе Филарета вернуться в мир, Арсений без всякой паузы замечает, что «царь» и патриарх снова пригласили Романова и посветили его в сан ростовского митрополита. Однако известно, что Филарет получил сан митрополита лишь в мае 1606 г.¹⁰².

Опала царя Бориса сокрушила Романовых и

отняла у них надежду занять трон. Из старших Романовых уцелел, кроме Филарета, один Иван Никитич. Самозванец пожаловал ему боярство, но отвел в думе одно из последних мест. Отношение Отрепьева к Романовым ничем не отличалось от его отношения к другим опальным. Находясь в Туле, он приказал вернуть из ссылки всех Головиных. Казначей Петр Головин кончил дни в тюрьме в правление Бориса. Его сына В. П. Головина держали на воеводстве в Сибири, а затем в Уржуме. Лжедмитрий вызвал В. П. Головина в столицу вместе с его братом П. Головиным и сделал их окольными. Тот же чин получил опальный дьяк В. Я. Щелкалов¹⁰³.

При царе Борисе наибольшим влиянием в думе пользовались Годуновы и Шуйские. Обе эти группировки были разгромлены и удалены из столицы. Думу пополнили «воровские» бояре, получившие чин в Путивле, а также опальные бояре и дворяне. Обновив состав Боярской думы, Лжедмитрий добился послушания бояр и стал готовиться к коронации.

Самозванец пожелал дожидаться возвращения в Москву старицы Марфы Нагой. Его расчет был безошибочным. Признание со стороны мнимой матери должно было покончить с сомнениями тех, кто все еще не уверовал в его царское происхождение.

Сохранилось предание, что из Москвы Лжедмитрий «наперед» послал на Белоозеро в монастырь к Нагой «постельничего своего Семена Шапкина, чтоб его назвала сыном своим царевичем Дмитрием... да и грозить ей велел: не скажет — и

быть ей убитой». Никто не знает, о чем говорили между собой опальная вдова Грозного и ее родственник Шапкин. «Тово же убо не ведяше никто же, — писал автор «Нового летописца», — яко страха ли ради смертново, или для своего хотения назва себе ево, Гришку, прямым сыном своим, цареничем Дмитрием»¹⁰⁴.

Однако совершенно очевидно, что Шапкину достаточно было поговорить с опальной монашкой по-родственному. Обещания неслыханных милостей подействовали на вдову сильнее любых угроз. После убийства самозванца Нагая, спасая свое доброе имя, объявила, будто Отрепьев ее «устрашил смертью»: «...коли он с ней говорил, и он ее заклиал и под смертью приказал, чтоб она того никому не сказывала»¹⁰⁵.

В середине июля 1605 г. Марфу Нагую привезли в село Тайнинское. Отрепьев отправил на встречу ей племянника опальных Шуйских князя Михаила Скопина, чтобы отвести подозрение на счет сговора. 17 июля Лжедмитрий выехал в Тайнинское под охраной отряда польских наемников. Его сопровождали бояре. Местом встречи стало поле у села Тайнинского¹⁰⁶. Устроители комедии позаботились о том, чтобы заблаговременно собрать многочисленную толпу народа. Обливаясь слезами, вдова Грозного и беглый монах обняли друг друга. Простой народ, наблюдавший сцену издали, был тронут зрелищем и выражал свое сочувствие криками и рыданиями. После 15-минутной беседы Нагая села в экипаж и не спеша двинулась в путь. Карету окружала огромная свита. Сам «царь» шел некоторое время подле повозки

пешком, с непокрытой головой. Дело было в сумерках, и всей компании пришлось остановиться на ночлег в предместьях столицы¹⁰⁷.

18 июля Марфа Нагая прибыла в Москву. Отрепьев ехал верхом подле кареты. Праздничная толпа заполнила Красную площадь. По всему городу звонили колокола. Отслужив службу в Успенском соборе, мать с «сыном» роздали нищим милостыню и скрылись во дворце. Коронация Отрепьева состоялась через три дня после возвращения в Москву вдовы Грозного. Царский дворец был разукрашен, а путь через площадь в Успенский собор устлан златотканым бархатом. Оказавшись в соборе подле алтаря, Отрепьев допустил отступление от ритуала. Он повторил затверженную речь о своем чудесном спасении. Патриарх Игнатий надел на голову самозванца венец Ивана Грозного, бояре поднесли скипетр и державу¹⁰⁸.

Отрепьев старался внушить всем мысль, что его венчание означает возрождение законной династии. Поэтому он приказал короновать себя дважды: один раз — в Успенском соборе, а другой — у гробов «предков» в Архангельском соборе. Облобызав надгробия всех великих князей, самозванец вышел в придел, где находились могилы Ивана IV и Федора. Там его ждал архиепископ Архангельского собора Арсений. Он возложил на голову Лжедмитрия шапку Мономаха¹⁰⁹. По выходе из собора бояре осыпали нового государя золотыми монетами.

Коронация Лжедмитрия не могла быть осуществлена без согласия Боярской думы. Это согласие, по-видимому, было связано с рядом условий.

Бояре стремились к тому, чтобы как можно скорее вернуться к традиционным методам управления страной. Главной помехой на пути к этому были повстанческие отряды и наемные роты, приведенные самозванцем в Москву. Пока чужеземные солдаты и «воры»-казаки охраняли царскую особу и несли караулы в Кремле, бояре не чувствовали себя в безопасности.

Отрепьев долго не решался расстаться со своей наемной гвардией. Но обстоятельства оказались сильнее его. Ставки на наемных солдат стояли в Западной Европе на весьма высоком уровне. Гусарам и жолнерам надо было платить полновесной монетой. Однако золота в царской казне было немного.

Принимая на службу иноземцев, русское правительство спешило наделить их поместьями. Этот традиционный для России способ обеспечения служилых людей оказался неприемлемым для наемников, вступивших в Москву с самозванцем. Ветеранов московского похода интересовала звонкая монета. Они считали себя хозяевами положения и желали сами диктовать условия¹¹⁰. Со своей стороны, бояре были весьма далеки от того, чтобы предлагать полякам вотчины и поместья. Они желали как можно быстрее расформировать наемные роты и выпроводить их за рубеж.

Лжедмитрий осыпал своих ротмистров щедрыми милостями. Некоторым из них он пожаловал русское дворянство. Ветеран московского похода Станислав Борша именовал себя «ротмистром и дворянином великого князя московского Дмитрия Ивановича»¹¹¹. Дворянский титул, однако, не сде-

лал Боршу московским землевладельцем. Не желая раздражать русскую знать и дворянство, Отрепьев отказался от мысли о пожаловании земель своим польским соратникам.

Иноземные наемные войска не раз проявляли свою ненадежность в критической обстановке. Солдаты грозили «царьку» расправой, когда он не мог заплатить им заслуженные деньги. В Москве Лжедмитрий мог сформировать из польских рот придворную гвардию. Но дело в том, что набранный в Польше сброд не подходил к роли преторианцев. Ветеран похода Ян Бучинский, которого трудно заподозрить в предвзятости, живо описал времяпрепровождение своих сотоварищей в Москве. Наемники пропивали и проигрывали полученные деньги. У кого прежде не было и двух челядинцев, набрали себе больше десятка, разделили их в камчатое платье¹¹².

Будучи во Львове, «рыцари» Лжедмитрия не щадили подданных своего короля, чинили грабежи и насилия. Вступив в Москву в качестве победителей, они обращались с москвичами совершенно так же. Но то, что терпели львовские мещане, не оставалось безнаказанным в русской столице. Прошло два месяца с тех пор, как москвичи с оружием в руках поднялись против правительства Годунова. В ходе восстания народ осознал свою силу. Дух возмущения продолжал витать над столицей. Поводов к столкновениям между «рыцарством» и москвичами было более чем достаточно. Негодование населения достигло критической точки и в любой момент могло привести к новым волнениям.

Вскоре после коронации Лжедмитрия произошел инцидент, который привел к настоящему взрыву. Московские власти арестовали шляхтича Липского. В глазах других наемников его преступление было «маловажным». Но суд следовал действующим в государстве законам и вынес решение подвергнуть шляхтича торговой казни. Липского вывели на улицу и стали бить батогами. Наемники бросились на выручку к своему товарищу и пустили в ход оружие. Толпа москвичей устремилась на помощь приставам. Началась драка, которая вскоре переросла в побоище. «В этой свалке, — писал участник драки С. Борша, — многие легли на месте и очень многие были ранены». Хорошо вооруженные наемники поначалу без труда потеснили толпу, но затем им пришлось укрыться в своих казармах на Посольском дворе. Весть о кровопролитии подняла на ноги всю Москву. Борша утверждал, что на прилегающих улицах собралось несколько десятков тысяч москвичей, угрожавших полякам расправой¹¹³.

Лжедмитрий знал, как трудно справиться с разбушевавшейся народной стихией. К тому же дело происходило тотчас после коронации, и царь избегал всего, что нанесло бы ущерб его популярности. Москвичи считали «Дмитрия» своим добрым царем, и ему нельзя было не считаться с народными настроениями. По всей Москве был оглашен царский указ о наказании шляхтичей, виновных в избиении народа. Государь объявил, что пришлет к Посольскому двору пушки и снесет двор со всеми наемниками, если те окажут сопротивление. Обращение царя носило демагогический характер, но

столичное население ликовало. Отрепьеву надо было удержать москвичей от штурма Посольского двора и предотвратить восстание в столице. И он достиг своей цели.

Как всегда, самозванец вел двойную игру. Успокоив народ, он тут же прислал к наемникам доверенных лиц и просил, «пусть они окажут повинование для того, чтобы успокоить русских». Солдат заверили, что им не будет сделано ничего дурного, хотя они и совершили кровавое преступление¹¹⁴. Рыцарство было удовлетворено обещаниями царя и выдало его посланцам трех шляхтичей, отличившихся в расправе с толпой. В течение суток их держали под стражей в тюремной башне, а затем освободили втайне от народа. Волнения в Москве помогли боярам добиться роспуска иностранных наемных рот. В письме от января 1606 г. Ян Бучинский упомянул о том, что жолнеры жили «на Москве без службы полгода»¹¹⁵. Отсюда следует, что Лжедмитрий рассчитал наемное войско в июле 1605 г., иначе говоря, сразу после волнений в Москве. Казенный приказ взял на себя оплату всех расходов и трат, сделанных Лжедмитрием в ходе войны с московскими войсками.

В мае 1605 г. Михаил Ратомский привел на помощь самозванцу несколько сот «пятигорцев» — мелких белорусских шляхтичей. Фактически они не принимали участия в боях, и для них поход на Москву был не более чем увеселительной прогулкой. «Пятигорцы» прослужили десять с небольшим недель, за что получили из казны по 37 злотых, или по 12 московских рублей¹¹⁶. Знатные русские дворяне получали столько же за год службы.

Ратомский «вборзе» уехал из Москвы в Польшу, где подал жалобу на царя Сигизмунду III. Оправдывая высылку Ратомского, Лжедмитрий подробно перечислял обиды «людем своим (москвичам. — Р. С.) от Ратомского»¹¹⁷. Король велел произвести «обыск» по поводу взаимных обид Лжедмитрия и Ратомского.

Гусарам Казенный приказ платил восемь раз по 40 злотых, или 192 руб. на коня¹¹⁸. По общему правилу, гусары имели по два коня, а некоторые — по три—четыре. Они получали такое жалованье, какое в России получали лишь советники царя и члены Боярской думы.

Будучи отставленными от службы, многие наемники громко жаловались, что царь московский «рыцарских людей не жалует». На самом деле Лжедмитрий не жалел казны, чтобы вознаградить ветеранов. Наибольшие суммы получили его гетман А. Дворжецкий, ротмистр Вержбицкий и «секретари» Я. и С. Бучинские, С. Слонский. Однако наемники, посадив на трон своего царя, ждали от него большего. Даже ротмистр С. Борша жаловался на то, что московские власти недодали ему из казны несколько сот злотых¹¹⁹.

В дни войны Отрепьев щедро расплачивался с солдатами обещаниями и долговыми расписками. Жалуясь королю Сигизмунду III, жолнеры припоминали, что «царь» обещал им, как придет в Москву, выдать из казны по несколько тысяч злотых. Однако обещанных тысяч наемники не получили¹²⁰.

Рыцарство требовало денег. Но денег в царской казне осталось немного, и казначеи прибегли к традиционному в России способу оплаты на-

турой. В счет денег некоторые наемники получили пушнину. Всем им также был назначен обильный «корм», включавший всевозможного рода натуральное обеспечение. Солдаты могли пользоваться пайком в течение всего времени пребывания в Москве. По словам Яна Бучинского, он сам видел и слышал от других, что те паны, которые не старались завести как можно больше челядинцев и вели скромную жизнь, за полгода выручили от продажи «корма» до 1000 злотых¹²¹.

Наибольшие затруднения у казны возникли при оплате долговых расписок Лжедмитрия. В своих денежных делах самозванец был на редкость легкомысленным. Близко знавшие его иноземцы не без иронии отметили, что царь был щедр, но более на словах, чем на деле, так как «без долгого размышления мог обещать несколько десятков тысяч, на 30 тыс. доходов, на 100 тыс. и более наличными и в удостоверение подписывал», но затем также легко отказывался оплачивать векселя¹²².

Казенный приказ, по-видимому, с разбором относился к долговым распискам царя. Многие из них, в особенности выданные за рубежом, остались неоплаченными. Некоторые наемники по возвращении в Польшу обратились с жалобой к королю, предъявив собственноручные расписки Лжедмитрия, по которым им ничего не заплатили в Москве¹²³. Московское правительство отказалось удовлетворить претензии вельмож, покровительствовавших «царевичу» во время его зарубежных скитаний. Адам Вишневецкий явился в Москву собственной персоной и объявил, что он издержал на

«царевича» несколько тысяч из собственных денег. Однако ему ничего не удалось получить от бояр¹²⁴.

Одновременно с иноземцами Лжедмитрий велел рассчитать находившиеся в Москве отряды вольных казаков. Многие московские дворяне участвовали в осаде Кром. Казачьи сотни, оразившие многотысячную царскую рать, внушали им страх и ненависть. Поэтому казакам Корелы недолго пришлось нести караулы в Кремле. Боярская дума использовала коронацию Лжедмитрия I, чтобы добиться роспуска всех прибывших в Москву казачьих войск. По словам очевидцев, все казаки были щедро одарены и распущены, но даже награды не могли заглушить их ропот¹²⁵.

Отрепьев не захотел расстаться лишь с верным Корелой. Он пожаловал донскому атаману чины и деньги. Вместе с ним остались в Москве казаки его станицы, вынесшие все тяготы обороны Кром.

Корела был выдающимся предводителем повстанцев. Во главе восставшего населения он чувствовал себя на своем месте. Зато в толпе царедворцев он оказался чужаком. Тут у него было слишком много врагов, и они делали все, чтобы изгнать донского атамана из Кремля. Корела невысоко ценил доставшиеся на его долю почести. В московских кабаках, среди черни он находил себе больше друзей, чем в парадных залах дворца.

Вольные атаманы сделали свое дело, и их карьера должна была оборваться рано или поздно. Корела без счета тратил в кабаках полученные от казны деньги и в конце концов спился. Другой вождь казачьего войска — Постник Лунев — покинул дворец по иным причинам. Послушав совета

монахов, он принял пострижение и удалился на покой в Соловецкий монастырь¹²⁶.

С роспуском казачьих отрядов вооруженные силы, возникшие в ходе массовых антиправительственных восстаний на юго-западных и южных окраинах Русского государства, были окончательно расформированы.

Глава 21. Император Юрий

Отрепьев не решался внести какие бы то ни было перемены в сложный и громоздкий механизм управления государством. По-прежнему высшим органом в государстве оставалась Боярская дума. Иногда советники именовали ее на польский манер «сенатом». Но вся реформа «сената» свелась к учреждению должности мечника (придворный, носивший царский меч) по польскому образцу. Желая привлечь на свою сторону знать, самозванец пожаловал чин мечника двадцатилетнему князю Михаилу Скопину-Шуйскому. Будучи человеком пронизательным, Отрепьев сразу оценил его незаурядные способности.

Вместе с Лжедмитрием в Кремле водворилась путивльская «воровская» дума, которая постепенно растеряла прежние функции и слилась с московской Боярской думой. Связанный соглашением с боярами, Отрепьев не осмелился дать думные чины своим ближайшим советникам: двум братьям Бучинским, Слонскому и др. В глазах москвитов они были иноверцами и еретиками, что от-

нимало у них всякую надежду на карьеру при московском дворе. Поляки не получили официальных должностей, оставшись на положении личных секретарей государя. Ян Бучинский числился главным секретарем царя, находясь «во всякое время при нем» во внутренних покоях.

«Воровской» боярин князь Василий Рубец Можальский занял в московской думе высокое положение, возглавив в чине дворецкого Дворцовый приказ. Лжедмитрий оценил услуги П. Ф. Басманова и назначил его главой Стрелецкого приказа, вверив ему таким образом командование столичным гарнизоном.

Переворот в Москве выдвинул на авансцену Богдана Бельского, оказавшего самозванцу не меньшие услуги, чем Басманов. Среди молодежи, окружавшей Лжедмитрия, он выделялся как своими годами, так и огромным политическим опытом. Соратник Ивана Грозного и законный опекун его детей, Бельский рассчитывал стать правителем при «Дмитрии». Самозванец навязал свою власть высокородной знати. Он должен был обрушить на ее голову «грозу», чтобы укрепить самодержавную власть. Бельский как нельзя лучше подходил на роль правителя при ненавистном боярам «воре». Он начал службу в ведомстве своего дяди Малюты Скуратова и немало преуспел в борьбе с боярской крамолой. Невзирая на худородство Бельского, новый царь пожаловал ему боярский чин. И все же Бельский не сделал карьеры при дворе самозванца. Его политические взгляды были известны в Москве слишком хорошо. При воцарении Федора Ивановича Бельский

пытался возродить в государстве опричные порядки, но потерпел полную неудачу. Казнь Василия Шуйского должна была расчистить Бельскому путь к власти. Но кровавой расправе воспротивились и польские советники царя, и путивльские бояре, и московская дума. Немалую роль сыграло соперничество в ближайшем окружении царя. Претензии Бельского на первенство не встретили сочувствия прочих ближних людей. Помилование Шуйского было для него политической катастрофой. Отрепьев выслал Богдана Бельского из Москвы, назначив его вторым воеводой в Новгород Великий. Единственный человек, способный обуздать «боярское своеволие», навсегда покинул двор Лжедмитрия. Подобно Бельскому, Басманов также настаивал на казни Шуйского, но ему пришлось отступить в тень.

После коронации Лжедмитрия Боярская дума окончательно вступила в свои права. Ни при Федоре Ивановиче, ни при Борисе дума не была столь многочисленной, как при Лжедмитрии. Старые бояре вынуждены были терпеть подле себя путивльских «воровских» бояр, худородных дворян и любимцев Отрепьева.

Некогда Федор Мстиславский наголову разгромил самозванца, но тот простил его и сохранил за ним пост главы «сената». Царь Борис запретил Мстиславскому жениться, рассчитывая после смерти князя забрать его обширный удел в казну. Лжедмитрий не жалел усилий на то, чтобы снискать дружбу первого из бояр. Он подарил вельможе старый двор Бориса Годунова в Кремле, пожаловал ему огромную вотчину в Венева, наконец,

женил на своей мнимой тетке из рода Нагих. Василий Шуйский получил из рук Отрепьева волость Чаронду, ранее принадлежавшую Д. И. Годунову. Самозванец решил породниться с Шуйским и сватал ему свойственницу Нагих, назначив свадьбу через месяц после своей. Дядя вдовы-царицы М. Ф. Нагой получил громадные подмосковные вотчины Годуновых.

По замыслам Отрепьева Нагие должны были помочь ему привязать знать к новой династии. Однако государь явно переусердствовал в стремлении утвердить свое родство с Нагими. Он посадил их в думе выше Голицыных, Шереметьевых, Куракиных, Татевых, Лыковых. Никчемный человек, пьяница, Михаил Нагой вознесся совсем высоко, получив чин старшего боярина думы-конюшего. Возвышение Нагих пришлось не по нраву князьям, в жилах которых текла кровь рюриковичей и гедиминовичей. Природная знать не забыла, что свой шестой брак царь Иван заключил в опричнине, а невесту ему сватал опричный любимец Афанасий Нагой. Нагие не блистали знатностью. Боярам имя Афанасия Нагого было столь же ненавистно, как и имя Малюты Скуратова.

Назвавшись сыном Грозного, Отрепьев невольно воскресил тень опричнины. Ближние люди царя принадлежали, в основном, к хорошо известным опричным фамилиям (Басманов, Нагие, Хворостинин, Молчанов и др.). Но время опричных кровопролитий навсегда миновало, и Отрепьев достаточно четко улавливал настроения народа, уставшего от гражданской войны.

В Москве много говорили, что Шуйский был

обязан помилованием ходатайству Бучинских и царицы Марфы Нагой. На самом деле, Марфа вернулась в Москву через много дней после прощения боярина. Что касается польских советников, то они, как люди просвещенные, не одобряли кровопролития. Но одновременно они выступали за твердую политику в отношении боярства.

Курс на общее примирение подвергся подлинному испытанию через несколько месяцев после коронации, когда Боярская дума, вдова-царица и духовенство обратились к самодержцу с ходатайством о прощении Шуйских. Обращение вызвало бурные дебаты в «верхних комнатах», где царь обычно совещался с ближними советниками. На этот раз не только бывшие опричники, но и польские секретари возражали против смягчения наказания изменникам-боярам. В собственноручном письме Лжедмитрию Ян Бучинский напомнил: «Коли яз бил челом Вашей милости о Шуйских, чтоб их не выпускал и не высвобождал, потому как их выпустить и от них будет страх... и вы мне то отказали». Однако мнение советников, не занимавших ключевых постов в государстве, уже мало что значило.

Пожалуй, главной чертой Отрепьева как политического деятеля была его приспособляемость. Царствовать на Москве ему пришлось недолго, и главная задача, поглощавшая все его силы и способности, заключалась в том, чтобы усидеть на незаконно занятом троне. Лжедмитрий инстинктивно понял, что у него нет шансов удержать корону на голове при тираническом образе правления. Поэтому он выработал своего рода политическую доктрину, которой охотно делился с ближними

людьми и придворными. «Два способа у меня к удержанию царства, – говорил он, – один способ – быть тираном, а другой – не жалеть кошту, всех жаловать; лучше тот образец, чтобы жаловать, а не тиранить». Как видно, самозванец забыл о недавних жестоких казнях в Путивле. На троне Отрепьев, однако, должен был вести себя иначе, чем в повстанческом лагере.

Возвращение Шуйских в Москву явилось символом окончательного примирения между «законным» государем и знатью. Боярская дума торжествовала. Знатнейшая в государстве фамилия – князя Шуйские – получила назад все конфискованные вотчины и имущество. Более того, они вновь заняли самое высокое положение в думе.

Отрепьев с усердием исполнял роль государя кроткого и милосердного. Его амнистии должны были покончить с воспоминаниями об убийстве членов семьи Бориса Годунова и жестоких преследованиях его родни. Михаил Сабуров храбро защищал от «вора» Астрахань. Государь не только простил его, но и пожаловал в бояре. Сабуровы и Вельяминовы, отправленные с семьями в изгнание, были все возвращены на службу.

Государь милостиво объявил о прощении Годуновых и назначил их воеводами в Тюмень, Устюг и Свияжск. Самые ревностные сторонники царя Бориса один за другим получали назад думные чины и служебные назначения. Боярин А. А. Телятевский был освобожден из тюрьмы и послан воеводой в Чернигов. Боярин М. Катырев стал управлять Новгородом Великим. Б. Я. Бельский оказался в подчинении у него.

Лжедмитрий старался снискать в народе славу справедливого государя. Он объявил о том, что намерен водворить в своем государстве правопорядок, запретил взятки в приказах. Приказных, изобличенных в мошенничестве и злоупотреблениях, немилосердно били палками на торгу. По словам И. Массы, не было дьяка в приказе, который не отведал бы царской немилости.

Составить сколько-нибудь точное представление о правлении Лжедмитрия весьма трудно. После его смерти власти приказали сжечь все его грамоты и прочие документы. Тем большую ценность представляют те немногие экземпляры, которые случайно сохранились в глухих сибирских архивах. В далеком Томске затерялась грамота царя «Дмитрия Ивановича» от 31 января 1606 года. Великий государь оказал милость населению сибирского городка, велел объявить «служилым и всяким людям, что царское величество их пожаловал, велел их беречи и нужи их рассматривати, чтоб им ни в чем нужи не было и они б служивые и всякие люди царским осмотрением и жалованием по его царскому милосердию жили безо всякие нужды». «Добрый» царь желал внушить подданным, что его правление будет временем торжества и правды и посрамления зла, когда бы оно ни было совершено. Вновь назначенные чиновники должны были по царскому повелению собрать у населения все жалобы на прежних воевод «в насильствах, и в продажах, и в посулах или в каких обидах», чтобы «безволокидно» дать населению суд и управу на неправедных чиновников.

Манифесты Лжедмитрия способствовали фор-

мированию в народе образа «доброго царя». Действия самозванца по отношению к московскому населению производили не меньшее впечатление. По всей столице, записал К. Буссов, было объявлено, что великий государь и самодержец будет два раза в неделю — по средам и субботам — принимать жалобы у населения на Красном крыльце в Кремле, чтобы все обиженные могли без всякой волокиты добиться справедливости. Даже непримиримый противник Отрепьева И. Масса признавал, что установленные им законы в государстве были безупречны и хороши.

В первые же месяцы своего царствования Лжедмитрий уразумел, что его власть лишь тогда будет прочной, когда он заручится поддержкой всего дворянства. Выходец из мелкопоместной семьи, Отрепьев хорошо понимал нужды и потребности российского дворянского сословия. Даже обличители «мерзкого еретика» изумлялись его любви к «воинству». На приемах во дворце Лжедмитрий не раз громогласно заявлял, что по примеру «отца» он рад жаловать «воинский чин», ибо «все государи славны воинами и рыцарями (дворянами.— Р. С.): ими они держатся, ими государство расширяется, они — врагам гроза».

Ян Бучинский уверил короля, будто всего за шесть месяцев «Дмитрий» роздал из казны семь с половиной миллионов золотых, или два с половиной миллиона рублей. Секретарь самозванца переусердствовал, восхваляя щедрость своего господина, а заодно неслыханное богатство московской казны. На самом деле эта казна опустела после трехлетнего голода и взрыва гражданской войны.

Отрепьев не мог израсходовать больше того, что было в казне. На заседании Боярской думы М. И. Татищев объявлял, будто после Бориса осталось всего двести тысяч рублей. Текущие поступления составили сто пятьдесят тысяч, и у монастырей царь заимствовал несколько десятков тысяч рублей. Следовательно, в распоряжение Отрепьева поступило примерно пятьсот тысяч рублей. После переворота чиновники заявляли полякам: «В казне было 500 тыс. рублей, все это черт его знает куда он раскидал за один год»¹. Лжедмитрий обещал отправить Мнишекам пятьдесят тысяч рублей на приданое невесте, оплату долгов тестя, переезд, но послал едва пятую часть обещанного, а прочее отчасти компенсировал драгоценностями. Львиная доля наличных денег ушла на жалованье русским дворянам и знати, на подготовку войны с крымцами. Стремясь укрепить свою опору, государь готовился провести генеральный смотр дворян, с тем чтобы наделить их денежным жалованьем и поместьями. Таким путем, утверждали современники, он желал « всю землю прельстить », и « всем дворянам милость показать », и « любимым быть ».

Понимая значение новгородского поместного ополчения, Лжедмитрий направил в Новгород грамоту с наказом прислать на смотр в Москву выборных дворян «с челобитными о поместном верствии и денежном жалованье». Выборные получили право дать свои челобитные непосредственно в руки государя.

Известный исследователь Смуты В. И. Корецкий высказал предположение, что Лжедмитрий,

пришедший к власти на гребне народного движения, проектировал провести в жизнь социальную меру исключительного значения — восстановить право выхода крестьян в Юрьев день. Но мог ли самозванец удовлетворить разом и крепостническое дворянство и феодально зависимых крестьян? Если бы он попытался освободить крестьян, то разом восстановил бы против себя все феодальное сословие. Примечательно, что даже в самые трудные для него периоды гражданской войны Отрепьев ни разу не обещал крепостным воли.

Лжедмитрий сознавал, что России необходим единый кодекс законов. Его дьяки составили Сводный судебник, в основу которого был положен Судебник Ивана IV, включавший закон о крестьянском выходе в Юрьев день. В текст Сводного судебника попали указы царя Бориса о частичном восстановлении выхода в 1601–1602 годах, но в нем не было закона об отмене Юрьева дня, определившего судьбу крестьян. На основании подобных фактов В. И. Корецкий заключил, что Лжедмитрий готовился освободить крестьян от крепостной неволи. Однако надо иметь в виду, что при жизни самозванца дьяки успели лишь составить подборку законов, но так и не приступили к их согласованию и унификации, вследствие чего Сводный судебник не получил официального утверждения.

«Заповедные годы» были введены в правление Бориса Годунова как чрезвычайная мера. Такая мера, вследствие своего временного характера, не нуждалась в развернутом законодательстве. Если дьякам не удалось разыскать текст указа об отме-

не Юрьева дня, то это наводит на мысль, что такой указ никогда не был издан. В рамках режима «заповедных лет» всех крестьян, покинувших феодального землевладельца, стали рассматривать как беглых. В 1597 году власти издали закон о пятилетнем сроке сыска беглых, законодательно оформивший крепостное право. Дьяки Лжедмитрия не только включили этот закон в текст Сводного судебника, но и руководствовались им при разработке нового закона о крестьянах, утвержденного 1 февраля 1606 года. Лжедмитрий предписал возвращать владельцам крестьян, бежавших от них за год до голода и после «голодных лет». Возврату подлежали также и те крестьяне, которые бежали в голодные годы «с животы» (имуществом), следовательно, не от крайней нужды и не от страха голодной смерти. Действие закона не распространялось на тех крестьян, которые бежали в годы голода от нужды «в дальние места из замосковских городов на украины и с украины в московские города... верст за 200 и за 300 и больше». На указанном расстоянии к югу от Москвы находятся рязанская, тульская и черниговская окраины. На первый взгляд, новый закон гарантировал равные возможности московским дворянам и южным помещикам: первые не имели права вернуть крестьян, бежавших на юг, а вторые — бежавших на север. Однако надо иметь в виду, что голод поразил нечерноземный Центр значительно глубже, чем плодородные южные окраины, вследствие чего голодающие крестьяне устремились не на север, а на юг в черниговские, тульские и рязанские места.

Закон 1606 года закреплял беглых крестьян за новыми владельцами, «кто его (бежавшего от нужды крестьянина.— Р. С.) голодное время прокормил». Этот закон был выгоден южным помещикам, которые первыми поддержали дело самозванца и теперь были им вознаграждены.

Итак, по отношению к крестьянам Лжедмитрий придерживался еще более консервативного курса, чем Борис Годунов. Отстаивая интересы дворянства, самозванец не допускал мысли о возможности даже временного восстановления Юрьева дня. Беглые, покинувшие своих феодалов в голодные годы, не подлежали освобождению. Их закрепляли за новыми господами.

В. И. Корецкий отметил, что Лжедмитрий заботился не только о южных помещиках, но и о податном населении южных районов, освобожденном им от уплаты государевых податей. Этот вывод нуждается в уточнении. Английский современник, составивший записку о состоянии Русского государства в 1606–1607 годах, сообщает об освобождении от податей населения не всех южных районов (городов и уездов), а лишь единственного города — Путивля. Описав восстание жителей Путивля против Шуйского, он пояснил: «Они поступили так еще более потому, что Дмитрий, за особые ему заслуги, освободил эту область от всех налогов и податей в течение десяти лет»². Путивль был много месяцев столицей Лжедмитрия. Его жители оказали «царевичу» неоценимую помощь. Они понесли наибольшие расходы и потери. За все это самозванец и предоставил им особые льготы. Определяя срок действия льгот, Лжедмитрий сле-

довал примеру Бориса Годунова: когда шведы вернули России разоренный дотла город Корелу, правитель Борис освободил его жителей от всех налогов на десять лет.

Экономическое положение страны при Лжедмитрии улучшилось. Воспоминания о голоде ушли в прошлое вместе с царствованием «несчастливого» царя Бориса. На рынках вновь появился дешевый хлеб. Но финансовая система по-прежнему отличалась неустойчивостью. Разоренное население не могло исправно платить налоги. Образовались большие недоимки. Трудности неизбежно отразились на податной политике Лжедмитрия. В 1606 году его чиновники, отправленные в Томск, получили задание собрать татар и остяков — «лучших людей по несколько человек от каждой волости, узнать об их нуждах, собрать жалобы, после чего обложить налогом. Царь «велел ясаки иметь рядовые (обычные.— Р. С.), а какому мочно заплатить, смотря по вотчинам и по промыслам; а на ком будет ясак положен не в силу (непосильный.— Р. С.) и впредь того ясака платить немочно и государь то велел сыскать, да будет ясак положен не по делу и в том им тягость... велел им в ясаках льготить, а з бедных людей, кому платить ясаку немочно, по сыску иметь ясаков не велел, чтоб им сибирским всяким людям ни в чем нужи не было... чтоб жили в царском жалованье в покое и тишине безо всякого сумнения»³.

В своих манифестах «добрый» царь выступал как радетель народного блага, защитник народа... от собственных агентов. Каковы бы ни были добрые пожелания Лжедмитрия, подати оставались

столь же обременительными, как и прежде. К маю 1606 года, когда сбор налогов в казну завершился, наблюдательные современники отметили, что «Дмитрий стал тяжел подданным в податях».

Политика Лжедмитрия в отношении низших неподатных слоев населения имела свои особенности. 7 января 1606 года дума утвердила приговор о холопах. Некогда Борис Годунов запретил господам передавать кабальных холопов по наследству. Смерть господина рвала путы зависимости. Такой порядок оказался неудобным для дворян, и они находили множество способов к его нарушению. В кабалу господин рядом со своим именем вписывал имена сына или братьев в качестве совладельцев холопа. Подобные злоупотребления вызывали возмущение кабальных, отказывавшихся считать себя пожизненными рабами-холопами. Новый закон категорически запрещал писать кабалы на имя двух владельцев сразу и предписывал освободить кабальных, ставших жертвами подобного рода злоупотреблений.

Закон о холопах интересен в двух отношениях. Со временем дьяки вымарали из его текста имя расстриги. Но едва ли можно усомниться в причастности лжецаря к составлению указа. Отрепьев сам служил в холопах у бояр и, может быть, поэтому проявлял о них заботу, стараясь оградить от самых вопиющих злоупотреблений. Закон имел в виду все разряды холопов, но в первую очередь боевых холопов. Послабления в отношении этой группы населения вполне объяснимы. Боевые холопы были единственной группой феодально зависимого населения, которая располагала оружи-

ем, имела боевой опыт и составляла неотъемлемую часть вооруженных сил страны. Как утверждали очевидцы, боевые холопы сыграли значительную роль в восстании Хлопка. Позже многие из них бежали в Северскую Украину, где поддержали движение в пользу самозванца. Новый закон был своего рода наградой за службу. Уступки холопам противоречили интересам феодальных господ. Из-за последовавшей вскоре смерти самозванца закон о холопах не был претворен в жизнь.

В период борьбы с Годуновым «воровские» бояре в Путивле и бояре-заговорщики под Кромами согласились принять «Дмитрия» на трон как самодержца. Фактически самозванец получил власть из рук восставшего народа. Выступления вольных казаков и населения южных городов, мятеж в армии, переворот в столице и, наконец, суд над боярским руководством в лице Шуйских – все эти события вырвали нити правления у Боярской думы и необычайно усилили власть нового царя. Стремясь закрепить успех, Лжедмитрий принял императорский титул. Отныне в официальных обращениях Отрепьев именовал себя так: «Мы, наияснейший и непобедимый самодержец, великий государь Цесарь» или «Мы – непобедимейший монарх божьей милостью император, и великий князь всея России, и многих земель государь, и царь-самодержец, и прочая, и прочая, и прочая». Так мелкий галицкий дворянин Юрий Отрепьев, принявший имя Дмитрия, стал первым в русской истории императором. Объясняя смысл своего титула, самозванец объявил иностранным послам, что он обладает огромной властью и нет ему равного

в полных (северных) краях. В самом деле, боярская знать поначалу должна была считаться с «необъятной властью» новоявленного императора, тем более что на стороне его была сила.

В Путивле Отрепьеву нетрудно было разыгрывать роль самодержца, сидя в воеводской избе. В Москве его обязанности неизмеримо усложнились. Но и тут он вскоре овладел ролью. По свидетельству царского телохранителя К. Буссова, «Дмитрий» ежедневно заседал со своими сенаторами в думе. Отрепьев обладал редкими способностями, а также и склонностью ко всякого рода лицедейству. Надо думать, он тщательно готовился к экспромтам, которые поражали двор. Почитатель «Дмитрия» Яков Маржарет отметил, что государь этот был мудр и достаточно образован, чтобы быть учителем для всей думы. Недруг Лжедмитрия Исаак Масса называл его искусным правителем, который «нередко сам наставлял чиновников». Описывая «сидения» в думе, Буссов утверждал, будто экспромтом «Дмитрий» мог найти лучшее решение, чем его советники (бояре) после многих часов обсуждения.

Сколь бы успешно ни исполнял свою роль Лжедмитрий, его отношения с думой неизбежно стали меняться с тех пор, как он распустил повстанческие отряды и стал управлять страной традиционными методами.

Некогда Иван IV похвалялся, что российские самодержцы вольны казнить, вольны миловать своих холопов-подданных. Но даже в устах Грозного подобные заявления были всего лишь фразой. Лишь опричнина позволила ему избавиться от опеки со стороны думы и казнить знать без

боярского суда. Оказавшись на троне, Отрепьев столкнулся с теми же трудностями, что и его мнимый отец. В «воровском» лагере самозванец повелевал жизнью и смертью своих бояр, попавших к его двору пленниками. В Москве ситуация претерпела разительные перемены. Подготавливая опричнину, царь Иван упрекал думу и духовенство, что те «покрывают» изменников-бояр, «которые измены ему, государю, делали и в чем ему, государю, были непослушны». Такой же упрек Лжедмитрий мог адресовать своей думе. Под давлением бояр он отменил казнь Шуйского, а затем вернул Шуйских в Москву, несмотря на то что те были изобличены в государственной измене.

Из-за раздора с правящим боярством Иван Грозный удалился в опричнину. Лжедмитрий не решился последовать его примеру. Иностранцев поражали московские порядки, при которых царь шагу не мог ступить без Боярской думы. Бояре не только решали с государем государственные дела, но и сопровождали его повсюду. Государь не мог перейти из одного дворцового помещения в другое без бояр, поддерживавших его под руки. Младшие члены думы оставались в постельных хорах царя до утра. Несмотря на все усилия, Отрепьеву не удалось разрушить традиции, которые связывали его с боярским кругом подобно паутине. На рассвете, в день боярского мятежа, князь Василий Шуйский руководил заговорщиками, а его брат князь Дмитрий находился во внутренних покоях дворца, подле царя. Именно он помешал Отрепьеву принять своевременные меры для подавления мятежа.

На первых порах самозванец пытался упразднить наиболее неудобные для него дворцовые порядки. Он запретил непрестанно кропить себя святой водой при каждом выходе из дворца, слишком запросто беседовал с боярами, заходил без слуг и телохранителей в ювелирные лавки, в аптеки и другие места.

Польские секретари видели, что их влияние падает вместе с влиянием их государя, и горько сетовали на московские порядки, вынуждавшие самодержца большую часть времени проводить в кругу бояр. Стремясь положить конец общению самодержца со знатью, поляки обсуждали различные пути достижения этой цели, включая возможность перенесения столицы из Москвы в какое-нибудь другое место. Эти проекты показывают, сколь плохо иностранные советники понимали действия русского государственного механизма. Ивану Грозному понадобилась опричнина, чтобы ослабить влияние знати на дела управления. Необычай сами по себе, а могущество знати определяло политические порядки в Русском государстве. Что касается Лжедмитрия, то он нередко нарушал обычаи и ритуалы. В думе двадцатичетырехлетний царь не прочь был поучить или высмеять своих сенаторов, которые годились ему в отцы либо в деды. Он то и дело укорял бояр как людей несведущих и необразованных, предлагал им ехать в чужие земли, чтобы кое-чему научиться там.

Зимой царь выдумал себе новое развлечение. Он велел выстроить снежную крепость в селе Вяземы в окрестностях Москвы и устроил своего рода военные маневры, в которых снежки заменяли

ядра и пули. Игра в снежки была одним из популярных на Руси народных развлечений. Но самозванец и тут не обошелся без новшеств. Он велел своим боярам оборонять снежный вал и сам, вместе с телохранителями-немцами, возглавил приступ. Как и следовало ожидать, потеха закончилась победой царя и его телохранителей. Бояре оказались их пленниками и покинули поле боя, украшенные синяками и шишками. Шутливая война с боярами вызвала много толков в столице. В разгар забав преданные Лжедмитрию люди настойчиво советовали царю прекратить потеху, потому что бояре злы на немцев и у каждого под платьем припрятан нож, так что дело может кончиться кровопролитием. Отрепьев последовал совету и немедленно покинул Вяземы в окружении стражи.

Сколько бы ни поучал самозванец своих бояр, какие бы вольности ни позволял в обращении с ними, он вынужден был подчиняться вековым порядкам Русского государства и считаться с авторитетом Боярской думы.

Заняв Московский трон, Лжедмитрий пытался выполнить свои обещания польскому королю, записанные в «кондициях». Он приказал готовить войска для похода против шведов. Однако Боярская дума решительно воспротивилась попыткам круто изменить внешнеполитическую ориентацию. Бояре не желали допустить нарушения «вечного мира» со Швецией, и самозванец должен был подчиниться их воле.

Отрепьев обещал Сигизмунду III насадить католицизм в России. Вскоре после коронации в думе

обсуждался вопрос: разрешить ли полякам построить в Москве костел. Царь заявил, что приличнее разрешить это католикам, чем протестантам, которым прежде Боярская дума позволила построить и школу, и кирху. Но духовенство и бояре думали иначе. Лжедмитрию пришлось забыть о тайном договоре с Мнишеком, обязывавшем его за год обратить православную Россию в католичество. Дело ограничилось тем, что после долгих проволочек полякам разрешили устроить костел в доме у церкви «Сретенья на переходах» близ дворца.

Поначалу бояре не смели открыто перечить самодержцу. Но со временем они пригляделись к самозванцу, изучили его слабости и страстишки и перестали церемониться с ним. Отрепьев привык лгать на каждом шагу. Эта привычка стала его второй натурой. Но ложь слишком часто всплывала на поверхность, и это приводило к неприятным эксцессам в думе. Красочное описание их можно найти в дневнике поляка С. Немоевского, свидетельства которого отличаются высокой степенью достоверности. Бояре не раз обличали «Дмитрия» в мелкой лжи, говоря ему: «Великий князь, царь, государь всея Руси, ты солгал». Ожидая прибытия в Москву семейства Мнишеков, царь («сгдысясь наших» — прибавляет от себя автор дневника) воспретил боярам такое обращение. Тогда сановники с завидной простотой задали ему вопрос: «Ну как же говорить тебе, государь, царь и великий князь всея Руси, когда ты солжешь?» Поставленный в тупик, самозванец обещал думе, что больше «лгать не будет». «Но мне кажется, — завершает свой от-

чет С. Немоевский, — что слова своего перед ними не додержал...»⁴.

Пышный дворцовый ритуал, заимствованный из Византии, раболепное поведение придворных создавали видимость неслыханного могущества московских государей. Сама доктрина самодержавия, казалось бы, исключала возможность открытой оппозиции самодержцу. На самом деле, Боярская дума удерживала в своих руках все нити управления государством и сплошь и рядом навязывала свою волю царю.

В апреле 1606 года на званом пиру во дворце Отрепьев потчевал бояр изысканными блюдами. Среди других яств на стол подали жареную телятину. Василий Шуйский стал потихоньку пенять царю на нарушение церковных правил. Государь оборвал его. Но тут в спор вмешался Михаил Татищев, считавшийся любимцем царя. (Отец Татищева оказал большие услуги Грозному, за что получил в опричнине чин думного дворянина. Михаил Татищев служил ясельничим при царе Борисе. Будучи послан в Грузию, он не участвовал в войне с Лжедмитрием, за что и был обласкан по возвращении в Москву и вошел в думу с чином окольничего.) На пиру Татищев не только принял сторону Шуйского, но и в грубой, оскорбительной форме публично выбранил цари за приверженность к нечистой пище.

В наказание за дерзость Отрепьев велел сослать Татищева в Вятку и содержать в тюрьме в колодках, «потаив имя его». При Грозном окольничий лишился бы головы. При Лжедмитрии в дело вмешались бояре. За ревнителя благочестия

вступилась вся дума, включая любимца царя П. Ф. Басманона. Лжедмитрию пришлось отменить приговор и без промедления вернуть опального в Москву. Инцидент с Татищевым обнаружил полную зависимость самозванца от бояр.

Будучи в Польше, Отрепьев усвоил привычку жить в долг. Оказавшись в Кремле, он вел денежные дела с прежним легкомыслием. Познав нужду в юности, Отрепьев заразился болезнью многих выскочек — страстью к стяжательству. Царь был таким охотником до покупок, что приобретал любые драгоценности, которые попадались ему на глаза. Прослышав о его страсти к покупкам, в Москву слетелось множество купцов из Польши, Германии и других стран. Когда у самозванца кончились деньги, он стал рассчитывать с торговцами векселями. В Россию приехало и немало иноземцев, оказавших покровительство или услуги Отрепьеву в дни его зарубежных скитаний. Одни явились во дворец за вознаграждением, другие предъявили давние векселя. Лжедмитрий великодушно желал удовлетворить всех. Случалось, что он обещал своим давним покровителям неслыханные суммы в десятки тысяч рублей и тут же выдавал им расписки. Но казна была пуста, и Отрепьеву грозило финансовое банкротство. Боярская дума использовала все его промахи, легкомысленные денежные операции и неоправданные траты. Казенный приказ отказывался оплачивать бесчисленные царские векселя. Лжедмитрию пришлось смириться с тем, что дума через казенный приказ ввела ограничения на оплату его векселей и тем самым установила контроль за его расходами.

Лжедмитрий нередко попадал в унижительное положение. Счастливые обладатели долговых расписок на тысячные суммы не могли получить от казны ни рубля и под конец узнавали, что царь якобы сам аннулировал свои векселя.

Отрепьев шел к власти напролом, не останавливаясь перед убийствами и казнями. Он показал себя человеком жестоким и вероломным. Если в Москве самозванец надел маску милостивого монарха, решительно чуждавшегося кровопролития, то причина была одна. Он не имел сил и средств для сокрушения своевольного боярства.

Накануне опричнины царь Иван велел вставить в летопись свои речи к думе, записанные им по памяти. Тяжело больной государь будто бы обратился к верным людям с такими словами: «...чего испужались? али чаєте бояре вас пощадят? вы от бояр первыя мертвецы будете!.. не дайте боярам сына моего извести».

Страх перед могущественной знатью обуревал также и мнимого сына Грозного. Однажды главный секретарь Лжедмитрия Ян Бучинский напомнил ему о своем совете оставить бояр (из тюрьмы. — Р. С.), и от них будет страхе. Советник Лжедмитрия четко указал на рубеж, за которым началось для самозванца время «страхования». Таким рубежом было вынужденное прощение Шуйских, которое позволило Боярской думе вернуть себе прежнее влияние в государстве. Отрепьев считал Бучинского другом и платил ему откровенностью за откровенность. Сразу после свадьбы с Мнишек он поведал секретарю, какой невыразимый страх испытал во время торжественной цере-

монии: «Как я венчался, и у меня в ту пору большое опасенье было, потому что по православному закону сперва надо крестить невесту, а потом уже вести ее в церковь, а некрещеной иноверке и в церковь не войти, а больше всего боялся, что архиереи станут упрямыться, не благословят и миром не помажут». Отрепьев обладал проницательностью и достаточно хорошо знал людей, чтобы не догадываться об истинном отношении к нему отцов церкви и бояр. Иногда ему казалось, что терпение последних вот-вот истощится и они положат конец затянувшейся комедии.

В свое время Иван Грозный в страхе перед боярской крамолой приказал перевезти сокровищницу в Вологду и вступил в переговоры с Лондоном о предоставлении ему и его семье убежища в Англии. Аналогичным образом поступил Борис Годунов в период острого конфликта с Шуйскими и прочей знатью. Отрепьев шел по их стопам. Начальник личной стражи самозванца Яков Маржарет, посвященный в его тайные планы, писал с полной определенностью: «Он (царь. — Р. С.) решился и отдал уже своему секретарю приказание готовиться к тому, чтобы в августе минувшего 1606 года отплыть с английскими кораблями» из России⁵. Лжедмитрий избрал иной предлог к отъезду, чем его мнимый отец. Он утверждал, что хочет посмотреть Францию. В действительности самозванцу приходилось думать о спасении собственной жизни.

Борис Годунов потратил немало трудов, чтобы посредством системы договоров обеспечить России мир.

Лжедмитрий, заняв трон, объявил себя непобедимым императором и дал понять соседям, что намерен превратить Россию в военную империю. Современники склонны были объяснить воинственные планы самозванца его безмерным честолюбием и легкомыслием. На самом деле в них был определенный расчет. С помощью победоносной войны Лжедмитрий надеялся упрочить свой шаткий трон.

Занятые завоеванием Венгрии, крымские татары целое десятилетие не тревожили Русь. Продолжали нарушать мир одни азовские татары. Они много раз грабили русские украинны и причиняли много вреда поселениям донских казаков. На южных границах шла необъявленная война. В конце 1605 года казаки достигли крупного успеха в этой войне. Они захватили в плен азовского агу Досмагмета и привезли его в Москву.

Победа донцов окрылила Лжедмитрия. Его давно манила перспектива решительного наступления на турок и татар. Тайный католик — православный царь не раз обращался в Ватикан с призывом создать коалицию против турок, в которую бы вошли католические государства — Габсбургская империя, Испания и Речь Посполитая — и православная Русь. Момент был не слишком удачен, и папа римский ответил Лжедмитрию: «Пускай царь первый выступит на арену, пусть он увлечет за собой Европу и покроет себя бессмертной славой».

Габсбурги готовились к мирным переговорам с Османской империей и потому не помышляли о присоединении к антитурецкой лиге. Сигизмунд III

подталкивал Лжедмитрия к войне с турками, но при этом не желал связывать себя союзническими обязательствами. В 1606 году в Москве узнали о том, что король отказался присоединиться к анти-турецкой коалиции. Оставшись без союзников в Европе, Лжедмитрий тем не менее не отказался от своих воинственных планов, с воодушевлением поддержанных российским дворянством. Продвижение в степи должно было обезопасить владения южных помещиков от продолжавшихся нападений кочевников и подавало надежду на новые земельные приобретения.

Некогда Иван Грозный сокрушил ордынские владения на нижней Волге. Лжедмитрий решил продолжить его дело и нанести удар по Азову с тем, чтобы изгнать турок из устья Дона. Помощь Войска Донского была ему обеспечена. Опорной базой азовского похода стала крепость Елец. Туда из Москвы отправили осадную и полевую артиллерию, там создали склады с огромным количеством военного снаряжения и продовольствия. С весны 1666 года подготовка к походу вступила в решающую фазу. С разных концов страны к Ельцу шли отряды ратных людей.

Самозванец спешил начать войну. В военном лагере в окружении польской стражи, стрельцов и дворянства он мог чувствовать себя в полной безопасности. Война с туркам из-за Азова вновь привела бы под знамена Лжедмитрия вольных донских казаков, уже оказавших ему неоценимую услугу.

С тех пор как Отрепьев водворился в Кремле, он говорил о своих прожектерских замыслах лишь в тайных и сугубо доверительных беседах с немно-

гими советниками. Во время секретного свидания с патером Саницким в Кремле Лжедмитрий согласился с тем, что в Москве надо учредить иезуитский коллегиум, а также собрать на казенный кошт подготовленных ребяток для определения их в школы. Самозванец не раз выражал намерение послать русских людей в страны Западной Европы для получения образования. При царе Борисе первые русские студенты были отправлены в Англию, Францию, Германию. Самозванец не осмелился последовать примеру Годунова и не выполнил своих намерений.

Любые новшества наталкивались на противодействие со стороны бояр и князей церкви. Получив власть благодаря народному восстанию, Лжедмитрий оставил в неприкосновенности традиционные порядки, служившие оплотом влияния знати и воинствующих церковников. Поэтому он не мог найти в русском обществе сил, которые поддержали бы нововведения. Проникшись недоверием к подданным, самозванец искал сочувствия у окружающих его иноземцев, отводил душу в беседах с иезуитами, уповая на их преданность. Между тем для иезуитов «Дмитрий» был не более чем пешкой в их собственной игре. Беседуя с Петром Петреем, ближний друг царя произнес жестокие слова по его адресу: «Нами он приведен к власти, нами же может быть лишен ее». Петрей исполнял роль посредника между участниками боярского заговора в России и окружением короля Сигизмунда III.

Проекты самозванца были подчинены четким политическим целям. Отрепьев мечтал о том време-

ни, когда он сможет сместить с высших государственных постов бояр и передать эти посты иностранцам, на верность которых наивно рассчитывал.

Прошло время, когда Отрепьев дрожал от страха, попав в парадные покои королевского замка в Кракове. Современники, видевшие Лжедмитрия в Кремле, утверждали, что он выглядел как «воин и герой». Самозванец высказывал страсть к воинским потехам, играм, часто проводил артиллерийские учения, сам любил палить из пушек. Московские мастеровые построили по его приказу потешную крепость из повозок — «гуляй-город». Дощатые стены, укрепленные па повозках, были расписаны изображениями чертей и огненной. Из амбразур торчали стволы пушек. Русские прозвали крепость «адам». Нередко «ад» устанавливали на льду Москвы-реки под стенами Кремля. Русские дворяне обороняли «гуляй-город», а польская рота из состава дворцовой стражи брала ее приступом. Отрепьев наблюдал за маневрами из окон кремлевского дворца.

В отличие от других властителей Кремля Отрепьев не любил ездить в карете и предпочитал выезжать верхом. На царской конюшне было много чистокровных скакунов, и недавний чернец выбирал себе самых норовистых.

Власть вскружила голову Лжедмитрию. Он стал нетерпелив и высокомерен. Когда на балу польский посол осмелился надеть шапку во время танца, царь пришел в гнев и громогласно объявил, что прикажет снять шапку вместе с головой у любого, кто осмелится последовать примеру посла. На том же балу гости после каждого танца

должны были склоняться к его ногам. Если же кто нарушал это правило, самозванец не скрывал раздражения. Его тщеславие не знало предела. Чтобы прибавить себе росту, Отрепьев носил непомерной высоты меховые шапки и сапоги на огромных каблуках.

Некоторые современники писали, будто Лжедмитрий не ложился спать трезвым. Но их слова вызывают сомнения. Поляки, допущенные во дворец, подчеркивали, что государь, всегда умеренный в питье, даже в дни свадебных пиров «при нас никогда не выпил лишнего». К чему был склонен Отрепьев — так это к щегольству. Пируя, он не раз покидал залу, чтобы переменить платье. На последнем балу он был вначале в русском армяке и в мехах, а затем надел пестроокрасный бархатный жупан с зелеными и синими цветами по нему и красную бархатную епанчу с шестью сердечками на месте петлиц. Голову его украшала венгерская шапочка с пером.

В Кремле Отрепьев выстроил себе просторный дворец, возвышавшийся над крепостными стенами. Из окон он мог обозревать столицу. Стены бревенчатой постройки были обиты бархатом и парчой, печи выложены изразцовыми плитками, в хоромах устроено множество потайных дверей и выходов.

Лжедмитрий не прочь был поохотиться в поле на лисиц и волков. Еще больше он любил медвежьих потехи. В огороженном загоне на лесного исполина спускали свору лучших охотничьих псов, либо искусный охотник, вооруженный рогатиной, в единоборстве побеждал свирепого зверя.

Дневные потехи сменялись ночными. Казалось, бывший чернец и расстрига стремился наверстать упущенное время. В компании с Басмановым и Михаилом Молчановым он предавался безудержному разврату. Царь не щадил ни замужних женщин, ни пригожих девиц и монахинь, приглянувшихся ему. Его клеветы не жалели денег. Когда же деньги не помогали, они пускали в ход угрозы и насилие. Женщин приводили под покровом ночи, и они исчезали в неведомых лабиринтах дворца. Описывая тайную жизнь дворца, голландец Исаак Масса утверждал, будто Лжедмитрий оставил после себя несколько десятков внебрачных детей, якобы появившихся на свет после его смерти.

Доверять его подсчетам, впрочем, не приходится. Никто не считал девиц, совращенных самозванцем. Скорее всего, он вел весьма распутную жизнь. Но ему едва ли удалось превзойти в этом мнимого отца. Лжедмитрий бесповоротно загубил свою репутацию, надругавшись (так писали современники) над несчастной Ксенией Годуновой. Лишившись отца, а затем матери, Ксения оказалась на девичьей половине дома князя Мосальского. Вместе с другими трофеями царевна стала добычей самозванца.

Царь Борис нежно любил дочь и позаботился о ее воспитании. Ксению научили «писанию книжному» и чтению. Она получила музыкальное образование и пристрастилась к пению. Современников восхищала скромность царевны и чинность ее речей. Судя по их описаниям, она была настоящей русской красавицей. Подле стройной царевны Отрепьев казался маленьким уродцем. Нетруд-

но представить, какие чувства питала Ксения к человеку, который свел в могилу ее отца, убил мать и брата.

Несчастливая судьба Ксении пробудила сочувствие к ней народа. При жизни Годуновой в Москве был записан «плач», полный жалости к погубленной сироте:

Сплачется мала птичка, белая перепелка:
Ох-ти мне, молодой, горевати!
Сплачется на Москве царевна:
Ох-ти мне, молодой, горевати!
Что едет к Москве изменник,
Ино Гришка Отрепьев расстрига,
Что хочет меня полонити,
А полонив меня, хочет постричи,
Чернеческий чин наложити!
Да хочет теремы ломати,
Меня хочет, царевну, поимати,
А на Устюжну на Железную отослати.
Меня хочет, царевну, постричи,
А в решетчатый ад засадити.
Ино ох-ти мне горевати:
Как мне в темну келью ступати?!

Глава 22. Заговор

Отрепьев не принадлежал к числу загадочных авантюристов, унесших в могилу тайну своего происхождения. Его истинное имя было названо почти сразу после того, как он принял имя Дмитрия. Минутная неуверенность властей, вызванная

его фантастическими успехами, рассеялась, едва лишь столичный двор увидел Отрепьева вблизи. Самозванец велел доставить в Москву старца Леонида, которого он с успехом выдал за истинного Отрепьева в бытность свою в Путивле. Но в столице комедия с переодеванием провалилась. Тут было слишком много людей, знавших семью Отрепьева. Бродягу – старца Леонида – поспешно убрали с глаз долой. Некоторое время его держали в Ярославле, после чего он исчез.

Лжедмитрий постарался удалить из столицы свою подлинную родню, чтобы рассеять всякие подозрения насчет родства с Отрепьевым. По этой причине воцарение Юрия обернулось большой бедой для всех его родных и близких. «Милостивый» государь возвел в конюшие мнимого дядю Нагого. А для родного дяди – Смирного Отрепьева – была уготовлена сибирская ссылка. Царь осыпал ласками мнимую мать, а родная жила в нужде в Галиче.

Самозванец тщетно пытался порвать нити, связывавшие его с прошлым. Слишком многим в Москве была известна его характерная внешность. Слишком могущественные силы были заинтересованы в его разоблачении. Отрепьеву приходилось выдумывать всевозможные уловки, чтобы вновь и вновь доказывать свое «истинное царское» происхождение. Одна из таких уловок и погубила его.

Благословение мнимой матери царицы Марфы помогло Лжедмитрию овладеть умами. Но «семейное» согласие оказалось не слишком длительным. Когда толки о самозванце возобновились, царь задумал устроить новую инсценировку, чтобы во-

очию доказать народу, будто в Угличе погиб некий поповский сын, а вовсе не царевич. Отрепьев распорядился разорить могилу царевича Дмитрия в Угличе, а труп ребенка удалить из церкви прочь. Расстрига оказался плохим психологом. Его намерения оскорбили Марфу Нагую до глубины души. Она не захотела допустить надругательства над прахом единственного сына. Отрепьев стоял на своем. Тогда Марфа обратилась за помощью к боярам. Те поспешили отговорить Лжедмитрия от задуманного им дела. Но они оказали услугу Марфе отнюдь не бескорыстно. Бояре сдернули с ее лица маску любящей матери и сделали ее орудием своих интриг. Вдова Грозного помогла заговорщикам установить контакт с польским двором.

Польский гетман Жолкевский сообщил в своих записках, что Марфа Нагая через некоего шведа подала королю весть о самозванстве царя. Можно установить имя шведа, исполнившего поручение Марфы и ее единомышленников. Им был Петр Петрей. Бояре выбрали его потому, что Петрей был лично известен Сигизмунду III и к тому же находился на царской службе в Москве. При свидании с Сигизмундом III Петрей заявил, что Лжедмитрий «не тот, за кого себя выдает», и привел факты, доказывавшие самозванство царя. Швед рассказал королю о признании царицы Марфы, а также сослался на мнение посла Гонсевского, только что вернувшегося из Москвы и «имевшего такие же правдивые и достоверные сведения о Гришке, как и сам Петрей»¹.

Петрей имел свидание с Сигизмундом III в первых числах декабря 1605 г., когда король празд-

новал свадьбу с Констанцией. Сам Сигизмунд подтвердил, что именно в дни свадьбы московские бояре вступили с ним в переговоры насчет свержения Отрепьева.

Вскоре после Петрея в Краков прибыл царский гонец Иван Безобразов. Он должен был вручить Сигизмунду III грамоты московского царя. Кроме официального поручения, ему предстояло выполнить секретное задание, которое он получил от бояр, тайных врагов Лжедмитрия. Любая огласка могла привести на эшафот и гонца и его покровителей.

Безобразов был принят в королевском дворце и от имени своего государя испросил у Сигизмунда III «опасную» грамоту на проезд в Польшу московских великих послов. Грамота была вскоре изготовлена, но гонец, следуя инструкции, отказался принять ее из-за того, что в ней был пропущен императорский титул «Дмитрия». Перед отъездом москвит, улучив момент, дал знать королю, что имеет особое поручение к нему от бояр Шуйских и Голицыных. Король доверил дело папу Гонсевскому. Его свидание с Безобразовым было окружено глубокой тайной. Но ближайшие советники Сигизмунда III получили своевременную информацию о переговорах. Гетман Жолкевский поведал о них миру в своих мемуарах. Устами Безобразова московские вельможи извещали короля о намерении избавиться от обманщика и предлагали царский трон сыну Сигизмунда Владиславу. Гонец говорил о царе в таких выражениях, которые поразили Гонсевского. Бояре укоряли короля в том, что он дал Москве в цари человека низкого

и легкомысленного, жаловались на жестокость Лжедмитрия, его распутство и пристрастие к роскоши и под конец заключали, что обманщик недостоин Московского царства². Гонец Иван Безобразов не имел нужды прибегать к околичностям и дипломатии, так как бояре еще раньше установили прямой контакт с королем и успели оказать ему некоторые услуги.

Самозванец не мог выполнить своих обещаний королю. Оправдывая себя, он ссылался на «нужу» и «измену подданных», которые догадываются о его тайных сношениях с Речью Посполитой и планах передачи «х коруне Польской» некоторой части «земли государств наших». Во время подготовки похода на Москву самозванец нашел поддержку не столько у короля и его сената, сколько у магнатов и шляхты, недовольной Сигизмундом III. К их числу принадлежали будущие вожди мятежа 1606 г. против королевской власти краковский воевода Николай Зебжидовский, родня Мнишка Стадницкие и пр. Оказав помощь Лжедмитрию в свержении династии Годуновых, эти люди теперь рассчитывали использовать поддержку царя, чтобы свергнуть неугодного им Сигизмунда III. Опозиция сулила царю польскую корону.

В кругу польских советников Отрепьев охотно обсуждал новые блестящие перспективы. «Будешь, Ваша царская милость, королем польским», — сказал ему однажды секретарь Ян Бучинский. Вскоре же Бучинский был послан в Краков. Царь передал ему «на общество» 55000 рублей из царской казны. При втором посещении Кракова в начале 1606 г. Бучинский был встревожен тем, что тай-

ные планы московского двора стали известны в Польше. Он поспешил написать об этом Лжедмитрию. При польском дворе, — писал он, — каким-то образом доведались о моей миссии и «дали понять, что я сам говорил в Польше с кем-то, что ваша царская милость будет вскоре нашим королем, и как я в этом имел успех».

Сигизмунд III был взбешен и через сановников дал понять Бучинскому, что не остановится перед разоблачением своего ставленника. На приеме во дворце секретарю пришлось выслушать речь, полную угроз. Бучинский дословно записал предсказания воеводы Познанского о близком разоблачении Лжедмитрия: «По твоей, деи, (Дмитрия. — Р. С.), той великой спеси и гордости подлинно тебя Бог сопнет с столицы твоей, и надобе то указать всему свету в Москве самой, какой ты человек и что им хочешь сделать».

Среди польских оппозиционеров интрига самозванца нашла благоприятный отклик, прежде всего, у таких лиц, как Ю. Мнишек. Он задолжал королевской казне огромные суммы денег. Король мог в любой момент отобрать у него его староства и имения за долги. Передача королевского трона зятю единым ударом решала его трудности.

Претензии Москвы встревожили короля. В марте 1606 г. на сейме литовский канцлер Лев Сапега открыто заявил следующее: «находятся у нас такие люди, которые входят в тайное соглашение с московским властителем»; один из них — некий член Краковской академии «писал к московскому государю, что теперь приходит время заполучить польскую корону»; царь собирает вой-

ско против неверных, но как тут ему доверять; не для того ли он присвоил титул императора, чтобы затем «легче добиваться киевского княжества»³.

В Польше циркулировали слухи, будто Дмитрий готов поддержать польскую оппозицию, послав против короля одного из Шуйских с войском. Можно подозревать, что Шуйские сами позаботились о распространении подобных слухов. Бояре-заговорщики постарались разжечь честолюбивые мечты Лжедмитрия I. Одновременно они предупредили обо всем Сигизмунда III и постарались убедить его, будто царь намерен отобрать у него польскую корону. Таким путем они старались лишить самозванца польской помощи. И они вполне добились своей цели.

Лжедмитрий I возродил планы унии России и Польши, давно ставшие предметом дипломатических переговоров двух стран. Но на этот раз речь шла о поглощении Речи Посполитой Московским царством, а осуществление планов унии связывалось с тайным заговором и войной.

Бояре в Москве давно дознались о том, что Речь Посполитая требует от царя выполнения секретного договора о территориальных уступках в пользу короля. Отрепьев использовал первый подходящий случай, чтобы отвести от себя подозрения. Шумный спор с королем из-за титулов должен был, как полагал самозванец, успокоить бояр и народ. Тайный католик, Лжедмитрий откровенно объяснил мотивы своих чрезмерных домогательств посланцу Ватикана. «Пронесся слух, — сказал он, — что я обещал уступить несколько областей польскому королю. Крайне необходимо категори-

чески опровергнуть их. Вот почему я настаиваю на моих титулах».

Клубок интриг запутался окончательно. Польские заговорщики рассчитывали использовать помощь царя, чтобы лишить трона Сигизмунда III, а московские бояре искали соглашения с королем, чтобы избавиться от самозванца.

Душой боярского заговора были князья Василий, Дмитрий и Иван Шуйские, бояре братья Голицыны, князья Михаил Скопин-Шуйский и Борис Татев-Стародубский, Михаил Татищев, окольничий Иван Крюк-Колычев, дети боярские Валувев и Воейков, московские купцы Мыльниковы и другие лица. В стане заговорщиков оказался и друг детских игр Отрепьева Иван Безобразов. В Путивле он помалкивал, благодаря чему вошел в милость к Лжедмитрию, в Москве же примкнул к Шуйским и стал одним из самых коварных противников самозванца.

Побывавший однажды в руках палача Василий Шуйский вел дело с величайшей осторожностью. Попытки развернуть агитацию против царя в народе могли привести к разоблачению заговорщиков. Поэтому они предпочитали иные средства.

В первых покушениях на жизнь Отрепьева участвовали чудовские монахи. С их кознями он столкнулся еще в Путивле. В Москве все повторилось заново. По словам Петра Петрея, один чудовский инок смущал народ, заявляя во всеуслышание, что на троне сидит беглый чернец, Григорий, которого он сам учил грамоте. Его арестовали и подвергли допросу, но монах так и не отказался от своих слов. Тогда его утопили в Мос-

кве-реке вместе с несколькими другими чудовскими иноками. Польские источники излагали иную версию: один из злоумышленников якобы признался на пытке, что намеревался извести царя ядом. Дознание о покушении на жизнь царя проводилось в сентябре 1605 года. К заговору Шуйских оно не имело отношения, поскольку Шуйские еще не вернулись из ссылки.

Тайная казнь монахов нанесла немалый ущерб репутации Лжедмитрия. В начале 1606 года шведские дипломаты, получив из Москвы ложное известие о смерти царя, высказали предположение, что, скорее всего, его убили сами русские, так как «Дмитрий» исповедовал папистскую религию и вскоре после начала своего царствования велел казнить нескольких православных монахов.

В январе 1606 года по Москве распространился слух о новом покушении на жизнь государя. Глубокой ночью неизвестным лицам удалось пройти через все стрелецкие караулы и подобраться к царской спальне. Во дворце поднялась суматоха. Не успев как следует одеться, самозванец схватил оружие и в сопровождении двух стрелецких голов — Федора Брянцева и Ратмина Дурова — бросился искать злоумышленников. Удалось схватить трех человек, но они ни в чем не признались, и их поспешили казнить.

Вскоре после этого события аресту подвергся дьяк Андрей Шерефединов. И. Масса утверждал, что дьяк, подкупленный боярами, подготовлял убийство царя. Более подробно обстоятельства дела изложил начальник дворцовой стражи Я. Маржарет. По подозрению в заговоре, писал Маржарет,

был схвачен один секретарь или дьяк, его пытали в присутствии П. Ф. Басманова, но он не сознался и не выдал главу заговора, кем был, как позднее стало известно, Василий Шуйский.

Противники самозванца опасались разоблачения. Арест Шереметьева поверг их в ужас. Но дело за отсутствием улики было прекращено, а дьяка отправили в ссылку. Боярская дума была высшей инстанцией, расследовавшей государственные преступления. Поскольку некоторые из ее руководителей сами участвовали в заговоре, сыскное ведомство оказалось парализованным. Нити следствия, тянувшиеся вверх, мгновенно обрывались.

В страхе перед боярской жестокостью Иван IV организовал опричное войско. Лжедмитрий доверил охрану своей особы стрельцам, поставив во главе Стрелецкого приказа П. Ф. Басманова. Осведомленный очевидец И. Масса передает, что «Дмитрий» постоянно держал в Кремле две-три тысячи стрельцов, вооруженных длинными пищалями. Множившиеся слухи о боярском заговоре побудили царя усилить меры безопасности. С давних времен внутреннюю охрану дворца несли постельничий и дворяне-жильцы. Лжедмитрий вверил охрану царского дворца страже, составленной из наемных иноземных солдат. Капитан Домарацкий, некогда начинавший с «царевичем» московский поход, набрал сто человек в конную роту. Француз Яков Маржарет возглавил роту в сто солдат. Еще две роты были сформированы из немцев, живших в Иноземной слободе в Москве. Царь велел конфисковать несколько дворов на Арбате и в Чертолье у самых стен Кремля и поселил в

них наемную гвардию. Отныне он мог вызвать охрану в любой час дня и ночи. Иноземная стража охраняла внутренние покои дворца и сопровождала государя повсюду, куда бы он ни поехал.

Отрепьев не имел возможности нанять в Москве сколько-нибудь значительное число наемников. Когда события приняли опасный оборот, он вспомнил о нареченной невесте Марине Мнишек и ее отце Юрии Мнишке. Отправленный в Самбор Ян Бучинский собственноручно составил смету «свадебных» расходов: свыше ста тысяч злотых на уплату неотложных долгов Мнишека, сто тысяч на приданое невесте, по сто злотых задатка каждому жолнеру (сам секретарь вычеркнул слово «жолнерам» и заменил его словом «приятелям»), по пятьдесят – гайдукам и пр. Наемная пехота, жолнеры и гайдуки – таких необычных гостей пригласил на свадьбу Лжедмитрий. Бывший главнокомандующий самозванца Ю. Мнишек должен был нанять и привести в Москву наемное войско, без которого царю трудно было усидеть на троне.

Сигизмунд III тщетно старался добиться от Лжедмитрия выполнения тайного договора. Однажды он велел принести в кабинет шкатулку с «кондициями», подписанными «царевичем» после посещения Вавеля. Королевский секретарь доложил о состоянии дел и сделал соответствующие пометы в тексте «кондиций». Итоги были неутешительными. Царь отказался передать Польше Чернигово-Северскую землю и Смоленск, хотя и обещал некую денежную компенсацию. Он не выполнил и других своих обещаний: не помог коро-

лю в войне со Швецией. Последний пункт «кондиций» заключал обязательство «царевича» жениться на подданной короля: Отрепьев согласился исполнить волю короля в этом пункте. В тексте «кондиций» появилась пометка: «Хочет взять дочь воеводы Сандомирского»⁴.

Чем затруднительнее становилось положение самозванца, тем больше нетерпения проявлял он в переговорах с будущим тестем.

Марина Мнишек не обладала ни красотой, ни женским обаянием. Живописцы, щедро оплаченные самборскими владельцами, немало постарались над тем, чтобы приукрасить ее внешность. Но и на парадном портрете лицо будущей царицы выглядело не слишком привлекательным. Тонкие губы, обличавшие гордость и мстительность, вытянутое лицо, слишком длинный нос, не очень густые черные волосы, тщедушное тело и крошечный рост очень мало отвечали тогдашним представлениям о красоте. Подобно отцу, Марина Мнишек была склонна к авантюре, а в своей страсти к роскоши и мотовству она даже превзошла отца. Никто не может судить о подлинных чувствах невесты. Она умела писать, но за всю долгую разлуку с суженым ни разу не взяла в руки пера, чтобы излить ему свою душу.

Боярская дума и православное духовенство и слышать не желали о браке их царя с католической «девкой». Мнишек была во всех отношениях незавидной партией. Ее семье недоставало знатности. К тому же эта семья погрязла в долгах и давно стояла на пороге разорения.

Отрепьев полностью отстранил бояр и князей

церкви от брачных переговоров. Он сделал своим сватом дьяка Афанасия Власьева, худородство которого не соответствовало характеру его миссии. Московское посольство, насчитывавшее триста человек, доставило в Польшу поистине царские подарки. Посол передал Юрию Мнишеку шубу с царского плеча, вороного коня в золотом уборе, драгоценное оружие, ковры и меха. Подарки невесте, выставленные в королевской резиденции, вызвали всеобщее изумление. Тут был жемчужный корабль, несущийся по серебряным волнам (его оценивали в шестьдесят тысяч золотых), шкатулка в виде золотого вола, полная алмазов, перстни и кресты с камнями, огромные жемчужины, золоченый слон с часами, снабженными музыкальным устройством и движущимися фигурками, ворох парчи и кружев.

В ноябре 1605 г. в королевском замке в Кракове польская знать торжественно праздновала помолвку царя с Мнишек. Особу царя представлял дьяк Афанасий Власьев. Несмотря на внешнее великолепие, церемония прошла негладко. Стоя подле католического алтаря в окружении худших еретиков, Власьев произнес приветственную речь жениха без всякого воодушевления. Когда кардинал задал ему вопрос, не давал ли царь обещаний другой женщине, дьяк, не моргнув глазом, заявил: «А мне как знать: о том мне ничего не наказано!» Ответ, вызвавший смехок в зале, не был следствием московского варварства. Власьев заслуженно считался знающим дипломатом. Своей выходкой дьяк выразил неодобрение затей государя.

Юрий Мнишек слал будущему зятю письма с докучливыми просьбами насчет денег и погашения всевозможных долгов. В декабре 1605 года он узнал о связи царя с Ксенией Годуновой и немедленно обратился к нему с выговором. «Поелику, — писал он, — известная царевна, Борисова дочь, близко вас находится, благоволите, вняв совету благо разумных людей, от себя ее отдалить»⁵. Самозванец не стал перечить тестю и пожертвовал красавицей Ксенией. Царевну постригли в монашки и спрятали от света в глухом монастыре на Белозере.

Посланцы Лжедмитрия отвезли в Самбор двести тысяч золотых, а затем еще шесть тысяч золотых дублонов. Наемники требовали больших денег, и Мнишек разрывался на части. В Самборе спешно шили новые платья и собирали приданое, достойное царской невесты. Одновременно люди Мнишекков закупали большими партиями оружие и повсюду вербовали ландскнехтов. Денег не хватало, и Мнишеки заняли четырнадцать тысяч золотых у царских посланцев и набрали на двенадцать тысяч золотых мехов и сукон у московских купцов.

Родня Мнишека поддерживала тесные связи с оппозицией, подготавливавшей вооруженное выступление против короля и рассчитывавшей на помощь русского царя. Семья Мнишекков вела себя более чем двусмысленно; и Сигизмунд сделал все, чтобы эта семья могла возможно быстрее покинуть пределы Речи Посполитой. Король объявил об отсрочке в уплате долгов Юрия Мнишека и не препятствовал сборам его семьи. Вместе с Мнишеком Польшу покинули многие шляхтичи и безработ-

ные ландскнехты, которые едва ли остались бы в стороне от назревавшего мятежа.

2 мая 1606 г. царская невеста со свитой прибыла в Москву. Жители не могли отделаться от впечатления, что в город вступила армия, а не свадебная процессия. Впереди следовала пехота с ружьями. За ней ехали всадники, с ног до головы закованные в железные панцири, с копьями и мечами. По улицам Москвы горделиво гарцевали те самые гусары, которые сопровождали самозванца в самом начале его московского похода. За каретой Марины следовали шляхтичи в нарядных платьях. Их сопровождали толпы вооруженных слуг. За войском следовал обоз. Гостям услужливо показали дворы, где им предстояло остановиться. Москвичи окончательно были сбиты с толку, когда прислуга принялась выгружать скарб: вместе с сундучками и узлами гайдуки выгружали из повозок ружья и охалками вносили их навёрх.

Лжедмитрий чувствовал, что трон его шаток, и инстинктивно ждал спасения от тех, кто некогда помог ему расправить крылья и взлететь. Доносы поступали во дворец со всех сторон, и Отрепьеву не приходилось выбирать. Он пытался начать сначала ту рискованную игру, в которой ставкой была его власть и нечто большее — его голова.

Глава 23. Гибель Лжецаря

Православные святители не забыли, как предавали анафеме злого расстригу и еретика. Увидев самозванца вблизи, они не избавились от ста-

рых подозрений. Лжедмитрий не решился оставить подле себя никого из своих друзей-католиков. Зато его ближними советниками стали протестанты Братья Бучинские. Иезуитам царь предоставил обширное помещение для богослужения, а кроме того, он время от времени тайно приглашал их к себе на совещания в Кремль. Окруженный всеми атрибутами призрачного могущества, царь горько жаловался им на свое одиночество.

До поры до времени церковники прощали самозванцу его подозрительные связи с католиками и протестантами. Но они окончательно прониклись недоверием к царю, когда тот решил поправить за счет церкви свои финансовые дела. У Иосифо-Волоколамского монастыря он взял три тысячи рублей, у Кирилло-Белозерского — пять тысяч. С мелких монастырей, которых было великое множество, трудно было получить такие суммы. Зато из казны крупнейшего в стране Троице-Сергиева монастыря Лжедмитрий заимствовал тридцать тысяч рублей. Духовенство опасалось, что такого рода займы были лишь началом. В самом деле, в кругу польских советников-протестантов Отрепьев охотно обсуждал проекты частичной секуляризации доходов церкви и обращения их на нужды казны и дворянства. Подобного рода меры, без сомнения, нашли бы поддержку среди скудеющего дворянства, с жадностью взиравшего на несметные богатства монастырей. Помолвка царя с Мариной Мнишек подлила масла в огонь. Фанатики честили царскую невесту как еретичку и язычницу. Казанский архиепископ Гермоген требовал вторичного крещения польской «девки». Но пат-

риарх Игнатий не поддержал его. В угоду царю льстивый грек соглашался ограничиться церемонией миропомазания, которая должна была сойти за отречение от католичества. Лжедмитрию удалось сломить сопротивление духовенства. 10 января 1606 года близкие к нему иезуиты сообщили, что противники царского брака подверглись наказанию, но никто из них не предан казни. Лжедмитрий сам поведал об этом вернувшемуся из Польши Бучинскому в таких выражениях: «Кто из архиепископов начали было выговаривать мне, упрямитесь, отказывать в благословении брака, и я их поразослал, и ныне никаких человек не смеет слова молвить и во всем волю мою творят». Первым наказанию подвергся неугомонный Гермоген. Архиепископа отослали в его епархию в Казань и там заключили в монастырь. Церковная оппозиция приумолкла, но ненадолго. Агитация против самозванца не прекращалась. Ее исподволь разжигали бояре-заговорщики, князья церкви и монахи. Дело дошло до того, что юродивая старица Елена стала предсказывать царю смерть на брачном пиру. Лжедмитрию тотчас сообщили о ее пророчестве. Но он посмеялся над ним. В Путивле самозванец с успехом мистифицировал немногочисленное население и ратных людей. Будучи на троне, он попытался обмануть весь народ. Эта задача оказалась несравненно более трудной. Опасность положения Отрепьева заключалась в том, что его самозванство перестало быть тайной как для его противников, так и для приверженцев. О самозванстве «Дмитрия» толковали как в России, так и за рубежом.

Некогда изменники братья Хрипуновы, сбежавшие в Литву, живыми «вызнали» в беглом монахе Дмитрия. После воцарения Отрепьева Хрипунов вернулся в Россию. На границе он встретил давнего знакомого — капитана С. Боршу, проделавшего с «царевичем» путь от Путивля до Москвы. Взяв с Борши клятву молчать, Хрипунов сообщил ему, что в Москве уже дознались, что царь не истинный Дмитрий, и скоро с ним поступят как с самозванцем. Подобные разговоры велись не только в дорожных трактирах, на улицах, но и во дворце, в покоях ближайших сподвижников царя. Однажды после дружеской попойки царский телохранитель Конрад Буссов задержался в доме у Петра Басманова. Гости разошлись, и, оставшись наедине с хозяином, немец спросил его, действительно ли царского происхождения их государь. Басманов ответил: «Молись за него, хотя он и не сын царя Ивана Васильевича, все же теперь он нам государь...»¹.

Самозванец еще сидел на троне, а его знатные противники готовы были перессориться из-за того, кто наследует корону. Из дипломатических соображений бояре подумывали о том, чтобы преподнести шапку Мономаха Владиславу. Кандидатура принца могла предотвратить раскол, который неизбежно привел бы к крушению заговора. Но католический принц удовлетворял далеко не всех москвитов. Противники Владислава вспомнили о царе Симеоне Бекбулатовиче, некогда посаженном на московский трон по воле самого Грозного. Толки насчет Симеона достигли дворца, и Отрепьев счел благоразумным покончить с мирской карье-

рой крещеного хана. 25 марта 1606 года Симеона постригли в монахи и увезли под стражей в Кириллов монастырь на Белоозеро.

В московском гарнизоне числилось несколько тысяч стрельцов. Пока эти стрельцы, охранявшие Кремль, были преданы царю, заговорщики не могли рассчитывать на успех. Однако к началу марта 1606 года среди кремлевских стрельцов была замечена «шатость». Многие открыто толковали, что царь — не истинный Дмитрий; когда разговоры дошли до слуха Басманова, тот тайно учинил розыск. Семеро стрельцов были взяты под стражу. Обычно власти избавлялись от «изменников» без лишней огласки. На этот раз царь решил устроить показательный суд. В назначенный день стрельцы получили приказ собраться в Кремле без оружия. Государь появился перед ними в окружении немецкой стражи. Он вновь, в который раз, повторил затверженную речь о своем чудесном спасении и спросил, есть ли у них доказательства, что он не истинный царь. Много раз слышанные слова не производили прежнего впечатления. Однако все насторожились, когда самодержец предложил присутствующим открыто высказать причины недоверия к нему.

Наказание всех причастных к тайной агитации привело бы к массовым казням стрельцов. Самозванец I не решился на такую меру, опасаясь лишиться военной опоры, и ограничился тем, что выдал семерых смутьянов на расправу их товарищам. Думный дворянин Григорий Микулин подал знак верным стрельцам, и осужденные были растерзаны в миг. Трупы казненных провезли в от-

крытой телеге по всему городу для устрашения заговорщиков. Столичное население по-разному реагировало на страшную казнь. Простой народ негодовал на изменников, предавших «доброго» царя. Противники самозванца на время притихли.

Политические настроения в стране были достаточно сложными. Даже те социальные прослойки и группы, которые ранее выступали на стороне Лжедмитрия, все больше обнаруживали свою ненадежность. Весной 1605 года яицкие казаки отравились в разбойный доход в Среднюю Азию, не откликнувшись на призыв Лжедмитрия оказать ему помощь. Менее чем через год вольные казаки на Тереке «стали думать всем войском, чтобы идти на Куру-реку (в Азербайджан.— Р. С.), на море (Каспийское.— Р. С.) громить турецких людей на судах...»² После долгих обсуждений казаки отказались от планов похода на Каспий и решили искать царского жалованья в Москве. Несколько старых казаков, среди которых были атаман Федор Водырин и боевые холопы боярина князя В. Черкасского и князя Н. Трубецкого, на тайном совещании решили выдвинуть из своей среды «царевича», выдав его за сына царя Федора Ирины Годуновой. Первоначально их выбор пал на молодого казака Митьку, сына астраханского стрельца. Но Митька отговорился тем, что никогда не бывал в Москве. Тогда казаки решили назвать царевичем молодого казака Илейку Иванова — сына Коровина из Мурома, которому довелось побывать в Москве. Отцом Илейки был посадский человек Иван Коровин. Но мать Ульяна прижила Илейку «без венца», и как незаконнорожденному

ему пришлось познать в жизни унижения и нужду. Несколько лет Илейка нанимался в работники на суда, плававшие по Волге, потом подрядился на струг к воеводе С. Кузьмину и с ним ушел на Терек. Поступив в стрелецкий приказ к И. Хомякову, Илейка летом 1604 года ходил с воеводами на Кавказ «в шевкальский поход в Тарки». Поход завершился истреблением царской рати, и, оставшись без средств, Илейка Муромец по возвращении из похода дал на себя кабалу и поступил в холопы — «приказался во двор Григорию Елагину». В холопах он пробыл зиму, а потом сбежал под Астрахань, где его «взяли казаки донские и волжские». Давая показания перед царскими судьями в 1607 году, Илейка старался смягчить свои вины. По этой причине он не упомянул о том, что взявшие его (и других терских казаков) казаки осаждали Астрахань, выступая на стороне Лжедмитрия. Об осаде Астрахани с зимы пишет И. Масса. Не позднее конца мая 1605 года астраханский воевода известил терских воевод, что у них в Астрахани от воров, от казаков стала смута великая, и для того им людей послать (на Терек.— Р. С.) немочно»³.

Зиму 1605–1606 года Илейка провел на Тереке. Именно в это время собравшиеся вокруг атамана Ф. Бодырина казаки создали свой особый круг, втайне от всего войска, и приговорили идти в поход на Волгу. Лозунги бодыринцев, как полагали И. И. Смирнов и В. И. Корецкий, свидетельствовали о победе социальных тенденций в движении. В отряде «царевича Петра» казаки толковали между собой: «Государь-де нас хотел по-

жаловати, да лихи-де бояре, переводят-де жалованье, бояре да не дадут жалованья». Речи вольных казаков были весьма просты по смыслу. Вольные казаки посадили на трон Лжедмитрия, многие явились вместе с ним в Москву и получили за службу неслыханное жалованье. Однако по настоянию «лихих» бояр «добрый» царь рассчитал служившие ему казачьи отряды и отослал из Москвы по домам. Вопреки надеждам, вольные казаки лишились из-за бояр и царского жалованья и царской службы. Ветераны похода говорили об этом открыто и на Дону, и на Волге, и на Тереке.

Снарядив струги, атаман Бодырин с «царевичем Петром» пришел с Терека в устье Волги и двинулся к Царицыну. «Царевичу» не приходилось заботиться о пополнении своих сил. «Черный» народ толпами стекался к нему со всех сторон. Повстанцы заняли три волжских городка и забрали найденные там пушки. Они упорно продвигались вверх по Волге на север, громя по пути купеческие караваны. Вскоре под знаменами ««Петра» собралось до четырех тысяч человек.

Повстанцы отправили гонцов в Москву с письмом к «Дмитрию». В летописи поздней редакции содержится малодостоверное известие о том, что Петрушка «писал ростриге, претя ему нашествием своим ратию, да не медля снидет с царского престола»⁴. На самом деле, как справедливо отметил В. И. Корецкий, переписка повстанцев с Лжедмитрием носила, в целом, дружественный характер.

Отношение бояр и Лжедмитрия к восставшим было неодинаковым. Знать не сомневалась в том, что казаки готовы посчитаться с «лихими» бояра-

ми, из-за которых они «избыли» царской службы и жалованья. Стрепьев длительное время сам возглавлял повстанческое движение и на этот раз рассчитывал повернуть его в нужное русло. В конце апреля 1606 года Лжедмитрий послал к «Петру» доверенного дворянина Третьяка Юрлова с письмом. По словам С. Немоевского, он определенно признал «царевича» своим племянником и пригласил его в Москву, обещая владения. Скорее всего, пишет Немоевский, Лжедмитрий хотел заполучить в свои руки нового самозванца, опасаясь от него затруднений, а может быть, царь намерен был хорошо с ним обойтись. Я. Маржарет излагает содержание письма несколько иначе. По его словам, «Дмитрий» с некоторой уклончивостью писал казачьему «царевичу», что если он – сын его брата Федора, то пусть будет желанным гостем; если же он не истинный, то пусть удалится прочь. К грамоте прилагалась подорожная, предписывавшая выдавать «царевичу Петру» корм на всем пути в Москву. Сам «Петр» изложил смысл царского обращения к нему следующим образом: «Из под Астрахани казаки пошли вверх Волгою к Гришке ростриге (ко) двору и дошли до Самары, и тут де их встретили от ростриги под Самарою с грамотою, и Третьяк Юрлов велел им идти к Москве наспех»⁵.

Неверно было бы заключить, будто вольные казаки и приставшая к ним чернь изверилась в Лжедмитрии уже в конце его недолгого царствования. Повстанцы рассчитывали найти общий язык с московским государем даже после того, как выдвинули из своей среды нового самозванца. Что

их воодушевляло — так это жажда посчитаться с «лихими боярами». Последнее обстоятельство дало повод московской Боярской думе обвинить Лжедмитрия (после его смерти) в том, что он «сам вызвал человека (нового самозванного царевича Петра. — Р. С.), который в крайней нужде мог оказать ему помощь», после того как «со множеством казаков явился на Волге»⁶.

Восстание на Волге показало, сколь неопределенными и изменчивыми были настроения низов. Идея «добротого царя» не утратила власти над умами, но ее персонификация могла измениться в любой момент.

Тем временем отношения между Россией и Речью Посполитой все больше осложнялись. Сигизмунд был встревожен интригами своего ставленника в Кремле. Принятие Лжедмитрием императорского титула, превосходившего королевский, переполнило чашу терпения. Из Кракова в Москву было направлено посольство, главой которого был назначен А. Гонсевский. Именно он вел переговоры с гонцом московских бояр-заговорщиков Безобразовым. Когда Гонсевский прибыл в русскую столицу, ничто не могло помешать ему установить прямые контакты с руководителями тайного боярского заговора.

На приеме в Кремле польские послы подвергли московского самодержца неслыханному унижению. Сигизмунд приказал им именовать «Дмитрия» великим князем, отказав недавнему протекже не только в императорском, но и в царском титуле. Дипломатический демарш должен был убедить заговорщиков, что Сигизмунд III на их стороне.

Захватив трон, Отрепьев не раз указывал думе на свои особые отношения с повелителем могущественного соседнего государства. На приеме в Кремле послы нанесли Лжедмитрию хорошо рассчитанный удар. Шаткий трон лишился еще одной подпорки. Знать, теснившаяся в дворцовых палатах, едва скрывала свои подлинные чувства. Заговорщики не сомневались более в том, что в случае переворота Сигизмунд не окажет «Дмитрию» никакой поддержки. Самозванец принужден был проглотить оскорбление. Через несколько дней он пригласил на частную аудиенцию одного из своих друзей иезуитов и заявил ему, что под царскими знаменами в Ельце стоит сто тысяч человек и достаточно его знака, чтобы армия обрушилась на неприятеля; он сам еще не решил, направить ли эту армию против турок или против кого-нибудь другого. Без всякой паузы Лжедмитрий тут же стал жаловаться на обиды, нанесенные ему польским королем. Он не сомневался, что его слова немедленно будут переданы по назначению.

Прибытие Мнишека с воинством ободрило Лжедмитрия. Но успех связан был с такими политическими издержками, которые далеко перекрыли все ожидавшиеся выгоды. Брак Отрепьева с Мариной, заключенный вопреки воле Боярской думы и духовенства, окончательно осложнило положение.

Царскую свадьбу предполагалось отпраздновать в воскресенье 4 мая 1606 года. Но в назначенный день свадьба не состоялась. Духовенству и ближним боярам понадобилось еще несколько дней, чтобы выработать приемлемую процедуру

венчания Марины Мнишек с царем и ее коронации. Втайне жених просил у папы римского разрешение на миропомазание и причащение Марины по православному обряду. Без подобного акта Мнишек не могла стать московской царицей. Ватикан отвечал царю решительным отказом. Опасаясь скандала в церкви, Отрепьев решил соединить церемонии свадьбы и коронации воедино. Православное духовенство и дума согласились исполнить его волю лишь после долгих препирательств и споров. Свадьбу отпраздновали 8 мая 1606 года во дворце. Поутру молодых привели в столовую избу, где придворный протопоп Федор торжественно обручил их. В Грановитой палате князь Шуйский кратко приветствовал невесту, и обрученных проводили в Успенский собор. Патриарх торжественно короновал Марину, предварительно совершив обряд миропомазания. К великому смущению русских царица не взяла причастия, как того требовала утвержденная думой процедура. Многие присутствующие не могли скрыть замешательства и негодования. Среди гостей прошел ропот. Коронация Марины в Успенском соборе явилась неслыханным нарушением всех норм и приличий. Православным царицам даже многолетие стали петь лишь со времен Годунова. Но и такое безобидное новшество современники воспринимали как неслыханное бесстыдство. Отказ Марины принять причастие возмутил православных. Зато послы и польские гости были удовлетворены. Едва коронация кончилась, как дьяки под разными предлогами выставили послов и иноземцев из церкви и заперли двери за их спи-

ной. Как только нежелательные свидетели удалились, патриарх обвенчал царя с Мнишек по православному обряду. Польские дамы, задержавшись подле невесты, со смехом описывали мужьям, как молодые приняли от патриарха вместе с благословением по кусочку хлеба и глотку вина. Присутствующие приветствовали обращение царицы в православную веру. В тот день Марина показала себя достойной ученицей иезуитов. Незирая на запрет Ватикана, она приняла православное причастие без тени смущения или колебания. Вероотступничество не слишком тревожило Мнишек. Куда больше ее занимало, хороша ли она в русском платье, в которое обрядили ее по настоянию бояр.

Вельможи давно уже знали, что за птица был их государь. Но они все еще усердно разыгрывали свои роли. Стоило Гришке кивком подать знак Василию Шуйскому, и тот раболепно склонялся к трону, чтобы удобнее устроить на скамеечке его ноги, не достававшие до пола. Могущество «непобедимого» монарха было, однако, призрачно. Историческая драма давно превратилась в фарс. Бояре свысока взирали на низкорослую пару, не имевшую и тени законных прав на престол и тщившуюся изобразить величие. Хотя образа висели невысоко, молодые не могли приложиться к ним, и слугам пришлось расставить скамеечки под иконами.

Бояре не без умысла перенесли свадьбу с воскресенья на четверг. Пятница приходилась на Николин день — один из самых почитаемых православных праздников. Самозванцу трудно было

остановиться. Махнув рукой на приличия, он затеял брачный пир в неподобающее время.

К великому негодованию московской знати, царь усадил за свадебный стол прибывших из Польши солдат и панскую челядь. Гусарам была оказана особая честь. Посреди пира Отрепьев объявил, что пожалует каждому из них по сто рублей денег. Сидевшие за столом бояре с трудом скрывали свое раздражение. Они-то знали, что царская казна давно пуста.

На царской свадьбе все было непривычно для русского взора. Бояр и лиц духовного сана покинули наряды царицы. Дворцовые портные старались изо всех сил, чтобы угодить царице Марине. Но сшитое ими русское платье пришлось ей не по вкусу. Мнишек сбросила его тотчас после венчания и надела привычное платье. Она несколько не заботилась о том, что скажут о ней москвичи. Толпа с жадным любопытством разглядывала государыню в те недолгие минуты, когда она покидала дворец. Марина несколько не походила ни на прежних цариц, ни на знатных московских боярынь.

Невзирая на злобное шипение монахов, народ встретил новую царицу достаточно дружелюбно. В день свадьбы большая толпа москвичей собралась под окнами дворца и стала громко рукоплескать Марине, приглашая ее выйти на крыльцо. Но новобрачной было не до москвичей. Она не желала оторваться для них от утех даже на минуту. Следуя ее наставлению, Лжедмитрий выслал к народу придворных с приказом, чтобы не смели более орать.

Юрий Мнишек привел с собой несколько отрядов гусар, с которыми самозванец начинал свою военную кампанию. Наемники рассматривали поход как второе завоевание Москвы. Отрепьев разместил воинство Мнишека на постой во дворах богатых купцов, епископов и дворян. Солдаты не церемонились с хозяевами, уповая на покровительство царя. Свадебные пиршества сопровождались множеством уличных инцидентов. Подвыпившие наемники затевали уличные драки, бесчестили женщин, пускали в ход оружие, если встречали сопротивление. Об этих безобразиях пишут одинаково и русские, и польские очевидцы. Бесчинства наемных солдат вызывали крайнее возмущение столичных жителей. Восстание против чужеземцев могло вспыхнуть в любой момент.

Начиная с 12 мая положение в столице стало критическим. По словам К. Буссова, с этого дня в народе открыто стали говорить, что царь — поганный, что он — некрещеный иноземец, не праздновал святого Николая, не усерден в посещении церкви, ест нечистую пищу, оскверняет московские святыни. Как утверждал И. Масса, в ночь на 15 мая несколько тысяч стояло под оружием, готовясь осуществить задуманный план переворота, но, заметив, что все открыто, они утрастились, притихли и спрятали оружие.

Приведенное свидетельство не заслуживает доверия. Заговор, организованный боярской верхушкой, носил строго конспиративный характер, и число его участников было невелико. Не могло быть и речи о тысячах вооруженных людей, якобы собранных заговорщиками под свои знамена

за несколько дней до переворота. Иезуиты, находившиеся в Москве в те дни, с полным основанием утверждали, что Шуйские привлекли на свою сторону бояр, но «между народом имели очень мало соучастников». Назревавшее в столице народное восстание не угрожало непосредственно власти Лжедмитрия, поскольку возмущение и гнев москвичей вызывал не сам царь, а иноземное наемное воинство. Цели народа и бояр, планировавших убийство самозванца, явно не совпадали. Тем не менее бояре рассчитывали в нужный момент использовать выступления посадских людей.

Вскоре после свадьбы царь задумал развлечься военными играми. С этой целью его потешная крепость была заблаговременно отправлена в Котлы. Для проведения стрельб Лжедмитрий велел наряд «волоčiti за город», после чего «весь наряд большой, и средней, и городской, и полковой» сняли со стен и вывезли в поле. За потехами угадывались более серьезные цели. Лжедмитрий намерен был идти с полками на Елец, а оттуда к Азову со всей артиллерией и «гуляй-городом». Заговорщики попытались обратить военные приготовления Лжедмитрия против него самого. Повсюду распустили слух, будто на играх «литва» намерена перебить бояр.

Первые крупные волнения в Москве произошли 14 мая. В тот день вечером гайдук Вишневецкого избил посадского человека и скрылся за воротами. Народ осадил двор и потребовал от Вишневецкого выдачи виновного. К ночи подле двора собралось до четырех тысяч человек. Посадские грозили разнести хоромы в щепы. Всю ночь воз-

мущенные толпы москвичей заполняли площади и улицы столицы.

С аналогичной ситуацией Лжедмитрий уже сталкивался в дни после своей коронации, и тогда ему сравнительно легко удалось справиться с народными волнениями. Не сомневаясь в преданности народа, самозванец тем не менее принял все необходимые военные меры. Он удвоил караулы в Кремле и поднял по тревоге несколько тысяч стрельцов. Польские роты бодрствовали всю ночь, не выпуская из рук оружия. Время от времени они палили в воздух, надеясь удержать москвичей от выступления.

На другой день в Москве воцарилась зловещая тишина. Торговцы отказывались продавать иноземцам порох и свинец. Вечером несколько гайдуков остановили колымагу и вытащили оттуда боярыню. Народ немедленно бросился отбивать женщину. В городе ударили в набат. 16 мая царю вручили жалобу на лиц, повинных в бесчестии боярыни, но дело так и не было решено.

В сочинениях современников можно прочесть, что Лжедмитрий проявил редкую беспечность и легкомыслие, запретив принимать от народа доносы и пригрозив доносчикам наказанием. В действительности все обстояло иначе. Бесчинства шляхты привели к тому, что царская канцелярия оказалась завалена жалобами москвичей на «рыцарство» и встречными жалобами солдат. Запрет принимать челобитные имел в виду, прежде всего, эти жалобы. Что касается дел об оскорблении царя, их разбирали без всякого промедления. Лжедмитрий получил власть из рук восставших

москвичей менее чем за год до описываемых событий. Неудивительно, что он не допускал и мысли о выступлении столичного населения против него самого. Все внимание самозванца сосредоточилось на том, чтобы удержать народ от выступления против наемного войска.

Можно заметить, что прямая открытая агитация против царя имела не слишком большой успех в народе, тогда как насилия со стороны солдат Мнишека вызывали мгновенный отпор населения. Описывая поимку на рыночной площади одного из тех, кто открыто агитировал против расстриги, телохранитель К. Буссов ни словом не обмолвился о попытках народа отбить его у немцев из личной охраны царя. Когда Лжедмитрию донесли о случившемся, он приказал пытать арестованного. Но бояре, руководившие допросом, донесли ему, что смутьян болтал, будучи пьян и скудоумен; теперь же, протрезвев, он ничего сказать не может.

Бояре вели хитрую игру. Они били в набат, чтобы отвлечь внимание самозванца от подлинной опасности, грозившей ему со стороны заговорщиков. В конце концов, П. Басманов и сыскное ведомство сосредоточили все усилия на охране поляков и предотвращении столкновений между москвичами и наемниками.

В течение четырех дней Лжедмитрий получил несколько предостережений от капитанов, командовавших придворной стражей. 16 мая один служилый немец, оказавшись подле государя, когда тот осматривал лошадей на Конюшенном дворе, подал ему записку с предупреждением о том, что

изменники выступят на следующий день, 17 мая. Вскоре во дворец явились братья Стадницкие с аналогичным предупреждением. Поскольку Стадницкие заявили, будто москвичи «собираются напасть на великого князя и поляков», секретари отклонили их представление и объявили, что народ предан государю. Вслед за Стадницкими ко двору явился Мнишек. Среди московских жителей у Лжедмитрия было много доброхотов. Не имея доступа к царю, они пытались действовать через царского тестя. Оставшись наедине с зятем, Мнишек передал ему донос, поступивший от его солдат, а перед уходом вручил сотни челобитных от москвичей.

Самозванец был убежден, что главная опасность грозит не ему, а полякам. Он укорял Мнишека в малодушии, отвергал любые сомнения в преданности народа, а под конец заявил, что если кто и посмеет выступить против него, то в его власти «всех в один день лишить жизни»⁷. Отрепьев привык к риску. И на этот раз он надеялся перехитрить судьбу. Однако бравада не могла скрыть от окружающих его подлинных чувств. В дни свадебных пиршеств самозванец был угрюм и подавлен, по временам его страх прорывался наружу припадками беспричинного раздражения и гнева.

Постаравшись убедить Мнишека в отсутствии поводов к беспокойству, Лжедмитрий тут же отдал приказ о чрезвычайных военных мерах. Басманов поднял на ноги стрельцов и расставил усиленные караулы в тех местах города, где можно было ожидать нападения народа на солдат Мни-

шека. В Кремле было введено чрезвычайное положение. Стража получила приказ убивать на месте любых подозрительных лиц, которые попытались бы проникнуть внутрь Кремля. В ночь на 16 мая люди Басманова захватили шесть «шпионов». Трое были убиты на месте, трое замучены пытками. Басманов действовал с исключительной жестокостью, потому что власти получили точные доказательства существования заговора. К несчастью для себя, Отрепьев даже не подозревал, что в заговоре участвовала его названная мать, которую он освободил из монастырского заточения и осыпал неслыханными милостями, а также другие любимцы, вроде Василия Голицына. Готовясь нанести царю смертельный удар, бояре бессовестно пресмыкались у его ног и старались усыпить все его подозрения.

Опасаясь выдать себя неосторожными действиями, заговорщики не решались развернуть в народе широкую агитацию против Лжедмитрия. Они несколько раз откладывали сроки переворота, поскольку не были уверены в том, как поведет себя население. В конце концов, они решили выступить под маской сторонников царя, чтобы подтолкнуть народ к восстанию против иноземного наемного войска. Планы Шуйских отличались вероломством. Бросив в толпу клич «Поляки бьют государя!», заговорщики намеревались спровоцировать уличные беспорядки, нейтрализовать силы, поддерживавшие Лжедмитрия, а тем временем проникнуть во дворец и убить самозванца.

Готовясь к войне за Азов, Лжедмитрий выслал на южную границу воеводу Шереметева с войс-

ком. Одновременно в Москву были вызваны новгородские дворяне. Они расположились лагерем в миле от города. Численность новгородцев, по польским данным, превышала восемнадцать тысяч человек. В действительности их было не более одной-двух тысяч. Но и в этом случае они представляли серьезную силу. Бояре не могли осуществить своих замыслов, не имея в своем распоряжении хотя бы несколько сот вооруженных бойцов. И польские, и русские источники одинаково свидетельствуют о том, что Шуйским удалось втянуть в заговор новгородцев. В дни мятежа под Кромами новгородцы отказались перейти на сторону Лжедмитрия. Шуйские учли это обстоятельство. Надо заметить, что подготовленный боярами переворот мало походил на мятеж под Кромами. Столичный гарнизон и дворянское ополчение в целом оставались в стороне от заговора. Под покровом ночи бояре впустили в город через крепостные ворота своих сообщников из числа новгородских помещиков. В решающий момент при штурме царского дворца в распоряжении заговорщиков оказалось около двухсот-трехсот дворян. Они и осуществили дворцовый переворот.

На рассвете Шуйские, собрав у себя на подворье участников заговора, двинулись через Красную площадь к Кремлю. Бояре приурочили свои действия к моменту, когда во дворце происходила смена ночного караула. По слухам, Яков Маржарет был посвящен в планы заговорщиков и сам отвел от царских покоев внешнюю стражу. Поводом для таких слухов послужило то, что командир первой дворцовой роты по болезни не явился во

дворец. Во внутренних покоях оставалось не более тридцати человек стражи. К тому времени стрельцы, стоявшие на карауле у польских казарм, закончили ночное дежурство и были распущены по домам.

По обыкновению Отрепьев встал на заре. Басманов, ночевавший во внутренних покоях, доложил, что ночь прошла спокойно. На Красном крыльце государя поджидал дьяк Власьев. Поговорив с ним, Лжедмитрий ушел в покои, не заметив ничего подозрительного. Стрелецкие караулы несли стражу по всему Кремлю. Они не выказали никакой тревоги, когда в Фроловских воротах появились главные бояре – братья Шуйские и Голицыны, хорошо известные им в лицо. За боярами в ворота ворвались вооруженные заговорщики. Их нападение застало стрельцов врасплох. Стража бежала, не оказав сопротивления. Завладев воротами, Шуйский и Голицын велели бить в колокола и поднимать на ноги посад. Не полагаясь на сообщников, Василий Шуйский во весь опор поскакал через Красную площадь к торговым рядам. Горожане спозаранку спешили за продуктами, и на рынке собралась уже немалая толпа.

По приказу Шуйского ударили в колокола в Ильинской церкви, потом зазвонили в торговых рядах. Заслышав набат, Лжедмитрий послал Басманова спросить, отчего поднялся шум. Дмитрий Шуйский и другие бояре, с утра не спускавшие глаз с самозванца, отвечали ему, что в городе, верно, начался пожар.

Между тем звон нарастал. По всему городу забили в «набаты градские», затем ударили в коло-

кола в Успенском соборе. Повсюду слышались крики: «Горит Кремль! В Кремль, в Кремль!» Горожане со всех сторон спешили на Красную площадь. Шум поднял на ноги не одних только противников самозванца. Схватив оружие, ко дворцу бросилась «литва». Роты, стоявшие поблизости от Кремля, выступили в боевом порядке с развернутыми знаменами. Лихая атака еще могла выручить самозванца из беды. Но бояре успели предупредить опасность. Они обратились к народу, призывая его бить поганых «латынян», постоять за православную веру. С площади во все стороны поскакали глашатаи, кричавшие во всю глотку: «Братья, поляки хотят убить царя и бояр, не пускайте их в Кремль!» Призывы пали на подготовленную почву. Толпа бросилась на шляхтичей и их челядь. Улицы, ведущие к Кремлю, были завалены бревнами и рогатками. Разбушевавшаяся стихия парализовала попытки «литвы» оказать помощь гибнущему Лжедмитрию. Наемные роты свернули знамена и отступили в свои казармы.

Во дворце события развивались своим чередом. На рассвете, повествуют русские сказания, в царские хоромы явился дьяк Тимофей Осипов, перед тем причастившийся как человек, идущий на смерть. Защитник православия совершил подвиг, обличив царя как расстригу Гришку Отрепьева, еретика и чародея. Эту легенду, призванную освятить мятеж авторитетом человека почти что святой жизни, сочинили сами заговорщики. С их слов ее записал также и Исаак Масса. Но в этой легенде слишком много несообразностей.

Глава заговора Василий Шуйский был чело-

веком трезвым и практичным. Он меньше всего заботился о театральных эффектах в деле, из-за которого мог лишиться головы. Совершенно очевидно, что известный столичному населению дьяк принес бы гораздо больше пользы, обличая самозванца перед народом на площади, чем в спальнях хором, оказавшись с глазу на глаз с царем. Из всего этого можно сделать лишь один вывод: Осипов проник в спальню царя с более серьезными намерениями, нежели словесные обличения. Как видно, заговорщики, располагая небольшими силами, не были уверены, что им сразу удастся сломить сопротивление дворцовой стражи. Поэтому они и разработали запасной план действий, выполнить который взялся Осипов. Дьяк должен был потихоньку пробраться в царскую спальню и убить там Лжедмитрия еще до того, как начнется общий штурм дворца. Осипову удалось выполнить только первую часть плана. Как повествует один из царских телохранителей, злоумышленник проник через все караулы (а всего во дворце было пять дверей с караулами) и добрался до спальни, но тут был убит Басмановым. Судя по разным источникам, Осипов успел избрать царя, назвав его недоноском. По русским источникам, он произнес целую речь против еретика и расстриги. На самом деле, у него попросту не было времени для такой речи.

Прикончив Осипова, Басманов тут же велел выбросить его труп из окна на площадь. Дьяк вел праведную жизнь, и в народе о нем шла добрая молва. Кровавая расправа во дворце не оставила безучастной толпу, собравшуюся на площади.

Шум на площади усилился, и Лжедмитрий вновь послал Басманова узнать, что происходит. Вернувшись, тот сообщил, что народ требует к себе царя. Самозванец не отважился выйти на крыльцо, но с бердышем в руках высунулся в окно и, потрясая оружием, крикнул: «Я вам не Борис!» В ответ раздалось несколько выстрелов, и Лжедмитрий поспешно отошел от окна. Басманов пытался спасти положение. Выйдя на Красное крыльцо, где собрались все бояре, он принялся именем царя утешать народ успокоиться и разойтись. Наступил критический момент. Многие люди прибежали ко дворцу, ничего не ведая о заговоре. Тут же находилось немало стрельцов, готовых послушать своего командира. Заговорщики заметили в толпе неуверенность и поспешили положить конец затянувшейся игре. Подойдя сзади к Басманову, Татищев ударил его кинжалом. Другие заговорщики сбросили дергающееся тело с крыльца на площадь. Расправа послужила сигналом к штурму дворца. Толпа ворвалась в сени и обезоружила копейщиков. Отрепьев заперся во внутренних покоях с пятнадцатью немцами. Шум нарастал. Двери трещали под ударами нападавших. Самозванец рвал на себе волосы. Наконец он бросил оружие и пустился наутек. Подле покоев Марины Отрепьев успел крикнуть: «Сердце мое, измена!» Струсивший царь даже не пытался спасти жену. Из парадных покоев он бежал в баньку (ванную комнату, как называли ее иностранцы). Воспользовавшись затем потайными ходами, самозванец покинул дворец и перебрался, по словам К. Буссова, в каменный вал. Русские источники уточняют, что царь попал в

каменные палаты на «взрубе». Палаты располагались высоко над землей. Но Отрепьеву не приходилось выбирать. Он прыгнул из окна с высоты около двадцати локтей (К. Буссов считал, что окно располагалось на высоте пятнадцати сажен). Обычно ловкий Отрепьев на этот раз мешком рухнул на землю, вывихнул ногу и потерял сознание. Неподалеку от каменных палат стражу в воротах несли верные Лжедмитрию караулы. По словам поляков, царь, на его удачу, попал в руки «украинских стрельцов», т. е. приведенных с Северской Украины повстанцев, принятых на службу в дворцовую охрану. Фортуна в последний раз повернулась лицом к самозванцу. Придя в себя, Лжедмитрий стал умолять стрельцов «оборонить» его от Шуйских. Слова самозванца обнаруживают, что он знал точно, с какой стороны придет удар. Подняв царя с земли, стрельцы внесли его в ближайшие хоромы. Между тем мятежники, не обнаружив Лжедмитрия во дворце, принялись искать его по всему Кремлю. Вскоре им удалось обнаружить его убежище. Украинские стрельцы были единственными из всей кремлевской стражи, кто пытался выручить самозванца. Они открыли пальбу и застрелили одного-двух дворян-заговорщиков. Но силы были неравные. Толпа заполнила весь двор, а затем ворвалась в покои. Стрельцы сложили оружие.

Попав в руки врагов, Отрепьев понял, что проиграл игру. И все же он продолжал отчаянно цепляться за жизнь. Глядя с земли на окружавшие его знакомые лица, самозванец униженно молил дать ему свидание с матерью или отвести на Лоб-

ное место, чтобы он мог покаяться перед всем народом. Враги были неумолимы. Один из братьев Голицыных отнял у Гришки последнюю надежду на спасение. Он объявил толпе, что Марфа Нагая давно отреклась от Лжедмитрия и не считает его своим сыном. Слова Голицына положили конец колебаниям. Дворяне содрали с поверженного самодержца царское платье. Оттеснив стрельцов, заговорщики окружили плотным кольцом скорчившуюся на полу фигурку. Те, что стояли ближе к Гришке, награждали его тумаками. Те, кому не удавалось протиснуться поближе, осыпали его бранью. «Таких царей у меня хватает дома на конюшне!», «Кто ты такой, сукин сын?» — кричали они наперебой.

Василий Голицын не мог отказать себе в удовольствии наблюдать за расправой над самозванцем. Василий Шуйский вел себя осторожнее. Он понимал, сколь изменчиво настроение народа, и оставался за пределами дворца. Разъезжая по площади перед Красным крыльцом, боярин кричал черни, чтобы она потешилась над вором. Предосторожность Шуйского не была лишней. Даже такие противники Лжедмитрия, как И. Масса, признавали, что самозванец, если бы ему удалось укрыться в толпе, был бы спасен, ибо «народ истребил бы всех вельмож и заговорщиков». Не ведая о заговоре, многие москвичи полагали, что поляки вознамерились умертвить царя, и бросились в Кремль спасать его.

Толпа москвичей продолжала расти, и заговорщики, опасаясь вмешательства народа, решили покончить с самозванцем. После переворота мно-

го говорили о том, что первый удар Лжедмитрию нанес то ли дворянин Иван Воейков, то ли сын боярский Григорий Валуев. Однако точнее всех смерть Отрепьева описал Конрад Буссов, служивший в дворцовой охране. По его словам, решительнее всех в толпе, окружившей самозванца, действовал московский купец Мыльник. На повторные просьбы Отрепьева позволить ему говорить с народом с Лобного места купец закричал: «Нечего давать еретикам оправдываться, вот я дам тебе благословение!» С этими словами он разрядил в него свое ружье. После переворота Василий Шуйский щедро наградил своих сообщников — торговых людей Мыльниковых, пожаловав им столичный двор одного из ближайших фаворитов Лжедмитрия.

Заговорщики спешили довершить дело. Они набросились на окровавленного, бившегося в агонии Отрепьева, как стая воронья, и продолжали рубить распостертое на полу тело и стрелять в него даже после того, как оно перестало обнаруживать признаки жизни. Страхась народного осуждения, бояре немедленно объявили с Красного крыльца, будто убитый перед смертью сам повинился в том, что он не истинный Дмитрий, а расстрига Григорий Отрепьев. Обнаженный труп царя выбросили из палаты на площадь, а потом поволокли от дворца к терему вдовы Грозного Марфы Нагой. Толпа призвала Марфу к ответу. Старица в страхе отреклась от мнимого сына и назвала убитого вором.

Наемники не оправдали возлагавшихся на них надежд. Некогда они покинули Лжедмитрия близ

границы в самый трудный час. В Москве они проявили не больше желания умереть за того, кто платил им деньги. Лишь немногие пытались пробиться во дворец. Они подверглись избиению. Заодно толпа чинила расправу над чужеземцами, случайно оказавшимися на улице. Толпе помогали иноки и попы. Осажденные в своих домах поляки наблюдали из окон за суетой монахинь. Старицы проворно сновали в толпе, то и дело кричали: «Бей поганых!»

За рубежом толковали, будто в дни восстания в Москве погибло от одной до двух тысяч человек. Несколько поляков, очевидцев мятежа, составили свои именные списки убитых. Сопоставление этих списков позволяет установить, что жертвами стали двадцать шляхтичей, близких ко двору самозванца, и около четырехсот их слуг и челядинцев. Те же цифры называли в письмах из Москвы иезуиты из окружения самозванца.

Стрелецкий гарнизон лишился руководства с убийством П. Басманова. Стрелецкие сотни не выполнили приказа об охране польских казарм, но они не участвовали в уличных избиениях, как и дворянские отряды. Данные о потерях служат тому доказательством. На польские дворы напала неорганизованная, вооруженная чем попало уличная толпа. В столкновении с нападавшими наемные солдаты перебили около трехсот москвичей. Раненых было значительно больше. Подняв посадских людей на «латынян», бояре-заговорщики спровоцировали неслыханное кровопролитие.

В резне повинны были не одни бояре, но и король Сигизмунд III, который давно поддерживал

тайные сношения с заговорщиками в России и, по видимому, использовал миссию посла А. Гонсевского в Москву, чтобы ускорить решительную развязку. В свите Мнишек было немало фрондеров — противников короля. Судьба их мало тревожила королевских послов. Авторы иностранных записок указали на это с полной определенностью. Когда несколько поляков, прибывших с Мнишками, постучали в ворота посольского двора и слезно просили спасти их от неминуемой смерти, Гонсевский ответил им отказом. Послы и их свита не понесли ущерба. Василий Шуйский и другие заговорщики позаботились о том, чтобы уберечь членов посольства от нападений. Сразу после переворота они прислали войска для их охраны. Затеявая самозванческую интригу, Мнишки мечтали завладеть сказочными богатствами московской короны. Посеяв ветер, они пожали бурю. Не одни Мнишки, но и вся их родня были ограблены до нитки. Поляки из окружения Марины с удивлением отмечали, что Юрий Мнишек печалится о смерти «Дмитрия» куда больше, чем его дочь. Московская царица в те дни громко сетовала на то, что у нее отняли любимого арапчонка.

Как только самозванец был убит, бояре поспешили прекратить кровопролитие и навести порядок на улицах столицы.

Бояре предали Лжедмитрия неслыханному поруганию. Его нагое тело выволокли из Кремля и бросили в грязь посреди рынка на том самом месте, где годом раньше палач должен был обезглавить Шуйского. Рядом с самозванцем положили труп боярина Басманова. Народ теснился подле

убитых с утра до ночи. Тогда власти распорядились принести из торговых рядов прилавок длиной около аршина и положить на него царя, чтобы народ мог лучше его рассмотреть. Тело боярина Басманова осталось на земле под прилавком. Исаак Масса побывал на площади и имел возможность разглядеть «Дмитрия». Он вблизи видел его раздробленный череп и насчитал на теле двадцать ран. Не одни поляки утверждали, что в народе сожалели о смерти царя. Враг самозванца И. Масса видел своими глазами, как некоторые москвичи, находившиеся в толпе, искренне плакали. Чтобы искоренить в народе сочувствие к Лжедмитрию, бояре посмертно подвергли его торговой казни. Выехавшие из Кремля дворяне хлестали труп кнутом, приговаривая, что убитый вор и изменник — Гришка Отрепьев. Во дворце были найдены маски и костюмы, заготовленные для маскарада. Самую безобразную «харю» (маску) привезли на торг и бросили на вспоротый живот Лжедмитрия, в рот ему сунули дудку. Народу было объявлено, что еретик и чародей Гришка поклонялся тому самому идолу — нагло смеющейся «харе», которую нашли под царской постелью во дворце, а теперь положили на его тело. По слухам, на площадь был приведен брат Отрепьева, весьма похожий на убитого царя. На другой день после переворота дяки зачитали народу историю жизни Григория Отрепьева, дословно совпадавшую с посольским наказом, составленным при Борисе Годунове. «Жизнь свою от юности, — объявляли они, — Гришка проводил в бездельничестве, играл в карты и кости», потом постригся в чернецы и пр.

Со временем во дворце был найден тайник, в котором Лжедмитрий хранил секретные договоры с Сигизмундом III и Мнишеком, переписку с папой римским и иезуитами. Бояре тотчас объявили об этой находке народу, хотя они и не сразу разобрались в содержании документов, требовавших перевода. Тайник был указан Яном Бучинским, попавшим в руки мятежников при штурме дворца. В страхе за свою жизнь главный секретарь готов был подтвердить клевету, которую бояре давно распускали по городу. «Дмитрий», заявил он, велел вывезти весь московский наряд (пушки) за посад, чтобы во время стрельб «литва» могла перебить всех бояр и «лучших» дворян. (В грамоте к уездным городам список жертв был расширен: к боярам прибавлены приказные люди, купцы и «лучшие» посадские люди. Провинция могла поверить чему угодно, но в столице такая откровенная ложь не могла пройти.) Истребив бояр, расстрига, по свидетельству Бучинского, намеревался «разорить веру» и ввести «люторство и латинство» (католичество). Показания Бучинского оправдывали мятеж бояр, преступивших присягу на кресте. По этой причине они заняли непомерно большое место в обвинительных грамотах Шуйского.

После убийства Лжедмитрия бояре заседали в Кремле всю ночь, до рассвета. Торг из-за власти длился три дня. При жизни Отрепьева бояре-заговорщики тайно обещали царскую корону Владиславу, сыну короля Сигизмунда III. Избиение польских наемников в Москве привело к тому, что вопрос о передаче трона королевичу-иноверцу отпал сам собой. Борьба за власть в любой момент

грозила вызвать смуту. «Почал на Москве мятеж быти во многих боярех,— записал современник,— захотели многие на царство». Корону оспаривали Шуйские и Голицыны, Мстиславский и Романовы. Аристократия спешила использовать междоусобицу, чтобы в ущерб интересам государства расширить свои привилегии и доходы. Из знатнейших, отметил польский очевидец, каждый желал государствовать: самым последним, в свою очередь, хотелось быть участниками царских доходов, почему склонялись к той мысли, чтобы царство было разделено на разные княжества⁸.

В конце концов трон достался боярину Василию Шуйскому. Инициаторами его избрания, по словам Л. Палицына, выступили «малые некие от царских палат» — младшие члены думы, не считавшиеся с мнением вельмож. По свидетельству И. Тимофеева, более всех других успеху В. Шуйского способствовал окольный Михаил Татищев: боярин Василий Иванович воцарился так «спешно, елико возможе того (Татищева.— Р. С.) скорость». Трое братьев Шуйских, их племянник Скопин, Крюк Колычев, Головин, Татищев, купцы Мыльниковы, крутицкий митрополит Пафнутий собрались на подворье Шуйских, составили грамоту об избрании на царство князя Василия и отвели его на Лобное место для представления народу. Среди столичного торгового населения у Шуйских было много сторонников. Это обстоятельство помогло им и в дни мятежа, и в дни царского избрания. На вопрос, достоин ли Шуйский — известный страдалец за православие — царствовать, москвичи ответили возгласами одобрения. Как

записал в своей Хронике К. Буссов, Шуйский утвердился на троне «только волею жителей Москвы: всех этих купцов, пирожников и сапожников и немногих находившихся там. (на площади – Р. С.) князей и бояр». Планы созыва избирательного Земского собора не были осуществлены. При царе Федоре и князя церкви судили князя Василия за измену и отправили его в ссылку. При царе Борисе Шуйский подвергся новым преследованиям, а Игнатий Татищев (будущий приспешник князя Василия) даже рукоприкладствовал, бил его при народе. При Лжедмитрии I дума и церковные иерархии приговорили Шуйского к смертной казни. Князь Василий не стал созывать Земский собор, потому что руководство любым собором осуществляли дума и священный собор, где преобладали противники нового царя. Князь Василий, подобно Борису Годунову, вынужден был апеллировать к народу, чтобы преодолеть сопротивление бояр и князей церкви. К тому же Шуйский считал себя государем по праву рождения. В тексте присяги князю Василию подчеркивалось, что все его прародители – от Рюрика до Александра Невского – испокон века («сидели на Российском государстве». В действительности Шуйские вели свой род от младшего брата Александра Невского, но царю нужно было имя самого популярного из древнерусских князей.

При восшествии на трон Шуйский обещал никому не мстить за старые обиды, но своей клятвы не выполнил. Самые видные из приверженцев и друзей Отрепьева лишились чинов и были высланы из столицы в провинцию.

В день избрания царь Василий велел убрать Лжедмитрия с площади. Труп привязали к лошади, выволокли в поле и там закопали у обочины дороги. Князь Иван Голицын испросил у думы особой милости: разрешения похоронить брата, Петра Басманова, в церковной ограде на дворе Басмановых.

Настроения народа были переменчивыми. В день переворота боярам удалось использовать выступления посадских людей в своих целях. Народ был утрачен жестоким убийством царя. Но вскоре положение стало меняться. Прошло несколько дней после мятежа, «отметил Я. Маржарет, а в городе слышен был лишь ропот; одни плакали, горевали, а другие, наоборот, радовались. Перемена в народных настроениях привела к тому, что столицу захлестнули слухи о зловещих знамениях. Когда труп «Дмитрия» везли через крепостные ворота, налетевшая буря сорвала с них верх. Потом грянули холода, и вся зелень в городе пожухла. Подле ямы, ставшей последним прибежищем Отрепьева, люди видели голубые огни, поднявшиеся прямо из земли.

Духовенство было встревожено этими толками и долго совещалось, как бы вернее покончить с мертвым колдуном и чародеем. По совету монахов труп Лжедмитрия выкопали из ямы, в последний раз протащили по улицам города, после чего доставили в село Котлы к югу от Москвы и там сожгли. Новый царь желал убедить народ, будто Лжедмитрий намеревался истребить бояр во время военных потех у подвижной крепости, на стенах которой были намалеваны черти, и потому на-

званной москвичами «адам». По этой причине тело самозванца было сожжено вместе с «адам».

Каким бы посмертным унижениям ни подвергали Отрепьева власть предержавшие, народ не желал верить в смерть «доброего» законного царя. Толки о том, что он спасся от «лихих» бояр, не прекращались ни на один день. Через неделю после переворота на улицах столицы появились подметные письма, якобы составленные самим Дмитрием. «Прелестные листы» были прибиты на воротах многих боярских дворов. Поистине «бессмертный» царевич объявлял своим подданным, что «ушел от убийства и сам бог его от изменников спас».

В воскресный день 25 мая в Москве произошли волнения. Народ требовал от бояр ответа, почему умерщвлен государь. Приверженцы «Дмитрия» собрали на Красной площади огромную толпу. Капитан дворцовой стражи Я. Маржарет свидетельствует, что Шуйскому грозила смертельная опасность: если бы он, ничего не ведая, вышел на площадь, он подвергся бы такой же опасности, как и Дмитрий. Однако верные люди предупредили царя Василия, и он затворился в Кремле. Собрав оказавшихся под рукой бояр и приказав привести вожakov толпы, Василий дал волю слезам и угрозил думе, что отречется от трона. В подтверждение своих слов он снял царскую шапку и сложил посох. Угроза произвела впечатление. Собравшиеся выразили покорность. Тогда Шуйский проворно подхватил посох и объявил, что намерен примерно наказать виновных.

Власти использовали розыск, чтобы скомпрометировать соперников Шуйского в борьбе за трон.

Было официально объявлено, что зачинщики мятежа намеревались передать корону Мстиславскому. М. Ф. Нагой, родня Мстиславского, лишился высшего боярского титула конюшего, пятеро других «сообщников» подверглись торговой казни. Их вывели на рыночную площадь и наказали кнутом.

Филарета Романова после переворота нарекли патриархом. Следствие о мятеже дало Шуйскому повод пересмотреть решение об избрании Романова на пост главы церкви. Филарета обвинили в том, что он был якобы причастен к составлению подметных писем от имени Дмитрия.

В дни розыска Романова не было в столице. Царь Василий предусмотрительно удалил его из Москвы, отправив за мощами царевича Дмитрия в Углич. Первоначально власти предполагали провести царскую коронацию после посвящения в сан патриарха Филарета и торжественного захоронения в Архангельском соборе останков подлинного сына Грозного. Напуганный волнениями, Шуйский велел короновать себя за три дня до возвращения Романова из Углича. Коронация прошла без особой пышности, «в присутствии более черни, чем благородных». Многие знатные дворяне не успели прибыть из провинции в столицу.

Отрепьев замыслил извлечь из земли прах Дмитрия Угличского, что ускорило его гибель. Шуйский осуществил замысел самозванца, но придал ему совсем иное значение. На третий день после коронации Басманов доставил из Углича останки Дмитрия. Государь и бояре отправились пешком в поле, чтобы встретить за городом мощи истинного сына Грозного. Царя сопровождало духовенство и вну-

питательная толпа москвичей. Марфе Нагой довелось в последний раз увидеть сына, вернее то, что осталось от него. Потрясенная вдова Грозного не могла произнести слов, которых от нее ждали. Чтобы спасти положение, царь Василий сам возгласил, что привезенное тело и есть мощи истинного Дмитрия. Ни молчание царицы, ни речь Шуйского не тронули народ. Москвичи не забыли о трогательной встречи Марии Нагой с «живым сыном». И князь Василий и Мария слишком много лгали и лицедействовали, чтобы можно было поверить им снова. Едва Шуйский произнес нужные слова, носилки с трупом поспешно закрыли. Процессия после некоторой заминки развернулась и проследовала на Красную площадь. Гроб с покойным Дмитрием некоторое время стоял на Лобном месте, а затем его перенесли в Архангельский собор, куда были допущены одни бояре и епископы.

Церковь надеялась заглушить слухи о знаменьях над трупом Отрепьева чудесами нового великомученика. Гроб Дмитрия был выставлен на всеобщее обозрение. Некогда Шуйский клялся, что Дмитрий зарезал себя нечаянно, играя ножичком. Самоубийца не мог быть святым, и власти выдвинули новую версию. На мощи царевича положили свежие орешки, испачканные кровью. Всяк мог видеть своими глазами, что будущий мученик в момент смерти играл орешками, а не ножичком.

Благочестивые русские писатели с восторгом описывали чудеса, творившиеся у гроба дивного младенца: в первый же день исцеление получили тринадцать больных, во второй – двенадцать и пр. Однако находившиеся в Москве иноземцы утвер-

ждали, что исцеленные калеки были обманщики и припленные бродяги, подкупленные людьми Шуйского. При каждом новом чуде в городе били в колокола. Трезвон продолжался несколько дней. Паломничество в Кремль напоминало реку в половодье. Огромные толпы народа теснились у дверей Архангельского собора. Царская канцелярия поспешила составить грамоту с описанием чудес Дмитрия Угличского. Грамоту многократно читали в столичных церквях.

Стремясь завоевать симпатии столичного населения, Шуйский решил потревожить также прах Годуновых. По решению думы и духовенства их тела выкопали из ямы в ограде убогого Варсонофьева монастыря и отправили для торжественного захоронения в Троице-Сергиев монастырь. Двадцать троицких монахов несли их гробы по улицам столицы. В траурной процессии участвовали бояре. Они отдали последний долг свергнутой династии. Ксения Годунова, облаченная в черное монашеское платье, шла за гробом отца, рыдая и громко жалуясь на свою несчастную судьбу. «Ах, горе мне, одинокой сироте, – причитала она, – злодей, назвавшийся Дмитрием, обманщик, погубил моих родных, любимых отца, мать и брата, сам он в могиле, но и мертвый он терзает русское царство, суди его бог!»

Агитация против расстриги произвела впечатление на столичное население, но брожение в народе не прекращалось. В самый день перенесения в Москву мощей Дмитрия, как только царь Василий оказался посреди бесчисленной толпы, он, по словам Я. Маржарета, вторично подвергся

опасности и едва не был побит камнями. Царя спасло присутствие множества дворян. Обречение нового святого внесло успокоение в умы, но ненадолго. Недруги Василия позаботились о том, чтобы испортить его игру. Они притащили в собор тяжело больного, находившегося при последнем издыхании, и тот умер прямо у гроба Дмитрия. Толпа в ужасе отхлынула от дверей собора, едва умершего вынесли на площадь. Многие стали догадываться об обмане, и тогда власти закрыли доступ к гробу царевича. Колокола смолкли.

Недовольство в народе и в служилой среде, распри в думе делали положение новой династии крайне непрочным. По словам современников, на стороне царя Василия выступали дворяне из Москвы, Новгорода и Смоленска. Новгородские дворяне, вызванные в Москву по случаю Азовского похода, приняли участие в перевороте на стороне Шуйских и прочих заговорщиков. Смоленские дворяне, как и новгородцы, выразили преданность новому государю. Но, в целом, в русской армии царил такой же разброд, как и повсюду. Наибольшей популярностью Лжедмитрий I пользовался среди мелких помещиков из южных уездов, поддерживавших его дело с первых дней гражданской войны. Неудивительно, что в их среде переворот вызвал наибольшее негодование. В одном из списков «Сказания о Гришке Отрепьеве», найденном недавно И. П. Кулаковой, рассказ о присяге Шуйскому завершается словами: «а черниговцы, и пугимцы, и кромичи, и комарицы, и вси рязанские города за царя Василья креста не целовали и с Москвы всем войском пошли на Рязань: у нас-де

царевич Дмитрий Иванович жив». Военские люди и жители Путивля, Чернигова, Кром так же, как и крестьяне Комарицкой волости, составляли ядро повстанческой армии, с которой самозванец вступил в Москву. Как и почему они вновь оказались в Москве в самые последние дни правления Лжедмитрия I? Напомним, что в те дни Отрепьев отправил гонцов к самозваному царевичу Петру и вольным казакам, поднявшим мятеж в Поволжье, с приказом спешить в столицу. По-видимому, те же самые причины побудили Лжедмитрия вызвать в Москву преданные ему отряды из северских городов. Факты подтверждают это. 17 мая стрельцы из северских городов несли караулы подле дворца. Их вмешательство едва не спасло самозванцу жизнь.

Многие считали, будто Отрепьев стал жертвой собственной беспечности и ослепления. Приведенные данные опровергают это мнение. Оказавшись лицом к лицу с могущественной боярской аристократией, Лжедмитрий I, по-видимому, осознал, что ему не избежать прямого столкновения с оппозицией, и лихорадочно искал силы, которые бы помогли ему разгромить боярство. При таких обстоятельствах он и вспомнил о своем старом повстанческом войске.

Сведения о военном мятеже против Шуйского находят подтверждение в Записках Я. Маржарета, одного из лучших мемуаристов Смутного времени. После избрания Шуйского, записал Маржарет, взбунтовались пять или шесть главных городов на татарских границах, «перебили и уничтожили часть своих войск и гарнизонов». Вероят-

но, в число главных городов на татарской границе входили Тула и Рязань. В выступлении против Шуйского рязанцы сыграли самую активную роль. Восстание в воинских частях и гарнизонах имело важные последствия.

* * *

Смута явилась первой в русской истории гражданской войной. Ее первый взрыв доставил власть Лжедмитрию I. Утверждение, будто самозванец взшел на трон благодаря крестьянским восстаниям, а затем в период своего недолгого правления готовил почву для восстановления Юрьева дня и уничтожения крепостной неволи крестьян, относится к числу историографических мифов. Таким же мифом является тезис, согласно которому крестьянская война началась в 1602–1603 годах, а события 1604–1606 годов – лишь второй этап этой войны. Решающую роль в свержении выборной земской династии Годуновых сыграли не крестьянские выступления, а мятеж служилых людей под Кромами и восстание гарнизона и населения Москвы в июне 1605 года. То был единственный случай в русской истории, когда царь получил власть из рук восставших. Однако никакого заметного влияния на структуру русского общества и его политическое развитие этот факт не оказал. Выходец из мелкопоместной дворянской семьи, бывший боярский холоп, монах-расстрига Юрий Отрепьев, приняв титул императора всея Руси, сохранил в неприкосновенности старые порядки.

Первый русский император лишился власти и жизни в результате дворцового переворота, орга-

низованного боярскими заговорщиками. Едва на трон взшел Василий Шуйский, по всей стране распространилась весть о том, что «лихие» бояре пытались убить «доброего государя», но тот вторично спасся и ждет помощи от своего народа. Массовые восстания на южной окраине государства положили начало новому этапу гражданской войны. В стране появились новые самозванцы. Но ни одному из них не довелось сыграть такую же роль в истории Смуты, какую сыграл Юрий Богданович Отрепьев.

Примечания

Введение

1. ПСРЛ. Т. 13. С. 395.
2. Из донесения Болоньетти 24 августа 1584 г. – *Historia Rusia monumenta*. Т. 2. СПб., 1841. С. 7.
3. См. Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб. 1992. С. 142–143.
4. Буганов В. И., Корецкий В. И.; Станиславский А. Л. «Повесть како отомсти» – памятник русской публицистики Смутного времени. – ТОДРЛ. Т. 28. Л., 1974. С. 241; Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955. С. 264.
5. Горсей Д. Записки о России. XVI – начало XVII вв. М., 1990. С. 87.
6. Зимин А. А. В канун грозных потрясений. Предпосылки первой крестьянской войны в России. М., 1986. С. 106. Продолжая мысль о регентстве Бориса, А. А. Зимин писал: «Конечно Грозный должен был назначить их опекунами и кн. И. Ф. Мстиславского и кн. И. П. Шуйского» и пр. (там же).
7. Горсей Д. Записки. С. 87.
8. Там же. С. 141.
9. Письмо Л. Сапеги от 24 мая 1584 г. – *Scriptores rerum polonicarum*, t. VIII. Cracoviae, 1885, p. 174.
10. Приводим текст донесения Н. Варкоча по фотокопии, полученной из Венского архива. (HAUS-, HOF-, und taatsarchiv. Wien. Russland Fasz. 3, 1589, fol. 62–64).
11. Горсей Д. Записки. С. 141–142.
12. ПСРЛ. Т. 15. М., 1965. С. 35.
13. ЦГАДА. Ф. 79. Кн. 15. Л. 33.
14. Л. Сапега писал, что в тот день между боярами произошло какое-то несогласие из-за мест и они основательно поспорили между собой. (*Scriptores rerum polonicarum*, t. VIII. P. 174).
15. Пискаревский летописец. ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 195.

16. Чтения ОИДР. 1884. Кн. 4. С. 103.
17. *Scriptores rerum polonicarum*, t. VIII. P. 174.
18. ЦГАДА. Ф. 79. Кн. 15. Л. 33.
19. Пискаревский летописец. С. 195; Летописец XVI в. – ГИМ (Москва). Собр. Е. Барсова. № 1811. Л. 12; Масса И. Краткое известие о Московии начала XVII в. М., 1937. С. 32.
20. ГИМ (Москва). Летописец. № 2524\42797. 75 об.
21. Масса И. Краткое известие. С. 32.
22. *Scriptores rerum polonicarum*, t. VIII. P. 175.
23. Пискаревский летописец. С. 195.
24. Псковские летописи. Вып. 2. С. 264.
25. Горсей Д. Записки. С. 148.
26. ЦГАДА. Ф. Разрядного приказа (ф. 210), столбцы Московского стола, № 1144, ч. 1.
27. Кожевников М. Я. Земельные владения дома Романовых в XVI–XVII вв. СПб., 1913; Смирнов П. П. Города московского государства в первой половине XVII в. Киев, 1917–1919; ЧОИДР, 1985, кн. 1, отд. I. С. 1.
28. ЦГАДА. Ф. 79. Кн. 17. Л. 142 об.
29. ЦГАДА. Ф. 79. Кн. 18. Л. 123–123 об.
30. ЦГАДА. Ф. 79. Кн. 18. Л. 123 об.
31. Ссылка на это пожалование содержится в грамоте царя Михаила Федоровича 1614 г. (Назаров В. Д. Из истории государственного аппарата России в конце XVI–XVII вв. – Советские архивы, 1969 г., № 2. С. 102).
32. Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 432–434; Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969. С. 240–327.
33. Шумаков С. А. Обзор грамот коллегии экономии, вып. 2 М., 1900, № 205; Флегчер Д. О государстве Русском, С. 44
34. Временник Ивана Тимофеева. М. – Л., 1951. С. 178.
35. Толстой Ю. Первые 40 лет сношений между Россией и Англией. СПб., 1875. С. 229; ЧОИДР, 1884, кн. 4, отд. III. С. 101
36. РГБ, ОР, собр. Горского, № 16. Л. 527 об.

37. Письмо папского нунция от 24 июня 1584 г. отражало московские новости на период не ранее мая. — Monumenta Poloniae Vaticana, t. 7. Krakow, 1934—1948, p. 315

38. Депеша Болоньетти от 24 августа 1584 г. — Historia Russia monumenta. Т. 2.

39. Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. С. 188—189; Сказание Авраамия Палицина. М. — Л., 1955. С. 104; ДАИ, Т. II. СПб., 1846. С. 194.

40. ЧОИДР, 1884, кн. IV, отд. III. С. 101.

41. Горсей Д. Записки. С. 111.

42. Письмо Л. Сапеги из Москвы 10 июля 1584 г. — Historia Russia monumenta, Т. II, p. 2—3; ГИМ, Пушкинское собр., № 496. С. 79.

43. Historia Russia monumenta, Т. 2, p. 7.

44. Historia Russia monumenta, Т. 2, p. 7; ЦГАДА. Ф. 210, столбцы Московского стола, № 1144. Л. 1.

45. Горсей Д. Записки. С. 101.

46. ЦГАДА. Ф. 79. Кн. 15. Л. 631 об. — 632.

47. Опись Посольского архива 1626 г. — ЦГАДА. Ф. 138, оп. 3. Д. 2. Л. 429.

48. Горсей Д. Записки. С. 101; Флетчер Д. О государстве Русском. С. 42; Пискаревский летописец. С. 195.

49. ДАИ, Т. I. С. 189, 195; ЦГАДА. Ф. 79, кн. 15. Л. 629 об.

50. Новый летописец. — ПСРЛ. Т. 14. С. 36.

51. РНБ, ОР, F. IV, 597. Л. 414.

52. Петрей П. Реляция Петра Петрея о России начала XVII в. М., 1976. С. 78—79; ЦГАДА. Ф. 79, кн. 19. Л. 28.

53. Сказание о Гришке Отрепьеве. — РИБ. Т. 13. СПб., 1909. Стлб. 715.

54. Скрынников Р. Г. Россия после опричнины. С. 83.

55. ЦГАДА. Ф. 79, кн. 16. Л. 6 об.

56. ЦГАДА. Ф. Соловецкого монастыря, № 211, оп. 1. Д. 3. Л. 8 об.

57. В монастыре регент прожил еще семь лет и умер 7 мая 1593 г. (РНБ, ОР, F IV, № 345, Л. 67—68).

58. Разрядная книга 1475—1598 гг. С. 363; ЦГАДА. Ф. 79, кн. 16. Л. 134.

Глава 1. Правитель государства

1. Письмо капитана Белявского. Scriptorum Rerum Polonicarum Т. 18. Р. 422.

2. ЦГАДА. Ф. 79, кн. 15. Л. 629 об.

3. Архив АН СССР. Ф. С. Б. Веселовского (ф. 620). Оп. 1. Д. 18. Л. 56.

4. РИБ. Т. 22. Стлб. 154—155; Толстой Ю. Первые 40 лет... С. 71, 78, 250.

5. ЦГАДА. Собр. Мазурина. № 273. Л. 191 об.

6. ЦГАДА. Ф. 79, кн. 17. Л. 143, 260, 260 об.

7. ТОДРЛ. Т. 28. С. 242.

8. ПСРЛ. Т. 14. С. 36.

9. ТОДРЛ. Т. 28. С. 242; РИБ. Т. 13. С. 4; ПСРЛ. Т. 14. С. 36.

10. Толстой Ю. Первые 40 лет сношений... С. 250; Горсей Д. Записки. С. 98.

11. Горсей Д. Записки о Московии XVI в. СПб., 1909. С. 144.

12. Попов А. Н. Обзор Хронографов русской редакции. Вып. 2. М., 1869. С. 70—71; Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени как исторический источник. СПб., 1888. С. 64—65; Творогов О. В. О Хронографе редакции 1617 г. ТОДРЛ. Т. 25. М.—Л., 1970.

13. ГПБ. ОР. F IV. № 600. Л. 631; Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей. М., 1869. С. 186.

14. Петрей П. Реляция Петра Петрея о России начала XVII в. С. 78—79.

15. Временник Ивана Тимофеева. М.—Л., 1960. С. 62.

16. Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей Русской церкви. СПб., 1877. С. 6; ПСРЛ. Т. 14. С. 37; Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 449.

17. ПСРЛ. Т. 14. С. 37.

18. Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI—начале XVII в. М., 1978. С. 130—132.

19. Historia Russia monumenta Т. 2, р. 7.

20. Scriptorum Rerum Polonicarum. Т. 18, р. 424.

21. Zaleski St. Wojenne plany St. Batoriego w latach 1583—1586. — Przegląd powszechni. Т. 3. Krakow. 1884. Р. 38—42.

22. Флоря Б. Н. Русско-польские отношения. С. 133.

23. Зимин А. А. В канун грозных потрясений. С. 120.

24. Scriptorum Rerum Polonicarum. Т. 18, р. 422.

25. Там же.

26. ЦГАДА. Ф. 79. Кн. 17. Л. 142—142 об.

27. Там же.

28. Скрынников Р. Г. Россия накануне Смутного времени. С. 40—43.

29. Флетчер Д. О государстве Русском. СПб., 1906. С. 126.

30. Ключевский В. О. Курс русской истории. Кн. 3. Пг., 1923. С. 29.

31. ПСРЛ. Т. 14. С. 36—37.

32. Разряды. Л. 701 об.; ЦГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 751. Столпик 3. Лл. 26, 55.

33. РИБ. Т. 13. Стлб. 716.

34. ЦГАДА. Ф. 79. Кн. 1. 17. Л. 259 об.—260; ПСРЛ. Т. 14. С. 37.

35. Пискаревский летописец. С. 196; Псковские летописи. Вып. 2. С. 264; Флетчер Д. О государстве Русском. С. 42; РИБ. Т. 13. С. 716.

36. РИБ. ОР. Собр. Кирилло-Белозерского монастыря. 78\1317. Л. 69—69 об.

37. Горсей Д. Записки. С. 101; Псковские летописи. Вып. 2. С. 264; РИБ. Т. 13. Стлб. 716; ПСРЛ. Т. 13. С. 37.

38. ПСРЛ. Т. 14. С. 37; Пискаревский летописец. С. 195.

39. РИБ. Т. 13. Стлб. 716.

40. ПСРЛ. Т. 14. С. 36—37.

41. Архив АН СССР. Ф. С. Б. Веселовского. (620). Оп. 1. № 19. Л. 266.

42. ПСРЛ. Т. 14. С. 37; Разрядная книга 1475—1598. С. 358, 377.

43. РИБ. Т. 13. Стлб. 716.

44. ПСРЛ. Т. 14. С. 37; ЦГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола № 751. Столпик 3. Л. 33; Державина О. А. «Сказание» Авраамия Палицына и его автор. В кн.: Сказание Авраамия Палицына. М., 1955. С. 22—23.

45. Псковские летописи. Вып. С. 264;

46. Флетчер Д. О государстве Русском. С. 42.

Глава 2. Смерть царя Дмитрия

1. ДЦГ. М., 1950. С. 440—441; ПСРЛ. Т. 14. С. 34—35.

2. Когда царь Иван выделил глухонемому брату Юрию Углич в удел, он образовал при нем думу во главе со знатным боярином князем И. А. Куракиным.

3. Морозовский летописец. Л. 75; Горсей Д. Путешествия. С. 48.

4. Лихачев Н. П. Разрядные дьяки в XVI в. СПб., 1888. Прил. С. 12, 68.

5. Клейн В. К. Угличское следственное дело о смерти царевича Дмитрия 15 мая 1591 г. Ч. 2. М., 1913 (далее — Клейн В. К. Угличское следственное дело...) Л. 17, 37, 45, 10, 45—46, 49—50.

6. ПСРЛ. Т. 14. С. 40; Флетчер Д. О государстве Русском. С. 27—28.

7. О поставлении благочестивых царей и великих князей на царство.— Шпаков А. Я. Государство и церкви в их взаимных отношениях в Московском государстве. Одесса, 1912. Прил. 11. С. 114. Цитируемая рукопись Синодальной библиотеки, по-видимому, была составлена в

митрополичьей канцелярии накануне коронации Федора и представляла собой черновой набросок.

8. Флетчер Д. О государстве Русском. С. 138.

9. Зимин А. А. Смерть царевича Дмитрия и Борис Годунов. – Вопросы истории, 1978, № 9. С. 94–95.

10. Клейн В. К. Угличское следственное дело о смерти царевича Дмитрия. Ч. 1. Дипломатическое исследование подлинника. М., 1913.

11. Клейн В. К. Угличское следственное дело. Л. 21, 46, 7, 40, 6, 8, 48–49, 12–13, 14, 26, 28.

12. Там же. Л. 11, 15, 40, 46.

13. Там же. Л. 15, 22, 26.

14. Письмо Л. Паули (1595 г.) Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Wien, Russland I, Fasz. 3, 1595, fol. 74.

15. Лурье Я. С. Письма Джерома Горсея. – Уч. зап. ЛГУ. Серия истор. наук, 1940, № 73. С. 200.

16. Горсей Д. Путешествия (II). С. 99.

17. Зимин А. А. Смерть царевича Дмитрия и Борис Годунов. С. 100.

18. Разрядная книга 1577–1606 гг. ГБЛ.

19. Разряды. Л. 753 об.– 754, 759, 760 об..

20. Масса И. Краткое известие о Московии. С. 40–41.

21. Разрядная книга 1577–1606 гг. ГБЛ, собр. Горского, № 16. Л. 320; Разряды. Л. 761 об: Сказание Авраамия Палицына. С. 102; Новый летописец. ПСРЛ. Т. 14. С. 42; письмо Л. Паули (1595 г.). – Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Wien, Russland I, Fasz. 3, 1595, Fol. 74; Масса И. Краткое известие о Московии. С. 41; Голубцов И. А. «Измена» Нагих. – Уч. зап. Института истории РАН ИОН. Т. IV. М., 1929. С. 70.

22. Наказ Д. Исленьеву (ранее 17 июля 1591 г.). ЦГАДА. Ф. 79, дела Польского двора № 21. Л. 206–206 об.

23. Голубцов И. А. «Измена» Нагих. С. 70. Масса И. Краткое известие о Московии. С. 41.

24. Клейн В. К. Угличское следственное дело... Л. 51–52.

25. Наказ Д. Исленьеву (ранее 17 июля 1591 г.). – ЦГАДА. Ф. 79, дела Польского двора, № 21. Л. 206–206

об.; наказ Р. Дурову (1592 г.). – Выписки из статейного списка посольства Павла Волка и Мартина Сушского. Аппологов Н. Г. Новые документы о России конца XVI – начала XVII в. М., 1967. С. 43.

26. Сказание Авраамия Палицына. С. 102; ПСРЛ. Т. 14. С. 42; Пискаревский летописец. С. 92; Временник Ивана Тимофеева. С. 44–45; РИБ. Т. 13. Стб. 717.

Глава 3. Татарский набег на Москву

1. Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос... С. 34.

2. Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 417.

3. Tawaststjerna W. Pohjoismaiden viisikolmat-tavuotinen sota. Helsinki, 1918–1920, p. 11–18, 10.

4. Разряды. Л. 740 об.– 741.

5. Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 422.

6. Tawaststjerna W. Op. cit., p. 17–19.

7. Псковские летописи. Вып. 2. С. 264.

8. Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 426.

9. Разряды. Л. 746–747 об., 751; Чумиков А. О походе шведов к Белому морю в 1590–1591 гг. – ЧОИДР, 1894, кн. 3. С. 12–15; Соловецкий летописец второй половины XVI в. – Исторический архив. Т. VII. М., 1951. С. 230–232.

10. Флоря Б. Н. О текстах русско-польского перемирия 1591 г. – Славяне и Россия. М., 1972. С. 71–80.

11. Tawaststjerna W. Op. cit., p. 146.

12. Разряды. Л. 761 об.– 763; Тихомиров М. Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С. 72; Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 440–441; Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа. С. 278; ПСРЛ. Т. 14. С. 42.

13. Разряды. Л. 762 об., 759–759 об., 760 об.– 761, 766 об.

14. Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 443.

15. ПСРЛ. Т. 14. С. 42; НГБ. Муз. собр., № 6033, л. 264.

16. Разряды. Л. 768.

17. Там же. Л. 772.
18. Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 444.
19. Временник Ивана Тимофеева. С. 38; ПСРЛ. Т. 14. С. 43; Пискаревский летописец. С. 197.
20. Очевидец Татарского нападения патриарх Иов спустя семь лет описал события тех дней в «Житии царя Федора» (ПСРЛ. Т. 14. С. 13).
21. ГБЛ. Муз. собр., № 6033. Л. 264.
22. По слухам, записанным русскими летописцами и иностранцами, ночью к хану привели пленников, которые показали, будто в Москву прибыли крупные военные подкрепления (ПСРЛ. Т. 14. С. 43; Масса И. Краткое известие о Московии. С. 38; Временник Ивана Тимофеева. С. 157).
23. Согласно официальной версии, «легкие воеводы» будто бы настигли татар за Тулой, в «диком поле», и гнали их до ханской ставки (ПДС. Т. 1. СПб., 1851. Стб. 1264; см. также: Буганов В. И., Корецкий В. И. Неизвестный московский летописец XVII в. из Музейного собрания ГБЛ.— Зап. ОР ГБЛ, вып. 32. М., 1971. С. 157–158).
24. ЦГАДА. Ф. 123, Крымские дела. Кн. 18. Л. 189–190 об.; ПСРЛ. Т. 14. С. 42–43; Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники. Исторический архив, кн. VII. М., 1951. С. 232.
25. Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа... С. 279.
26. ДРВ. Ч. VI. М., 1788. С. 58; ААЭ. Т. II. С. 26.
27. Разряды. Л. 777, 787–787 об.; Tawaststjerna W.. Op. cit., p. 147, 192–193.
28. ПСРЛ. Т. 14. С. 45; Корецкий В. И. Летописец с новыми известиями о восстании Болотникова.— История СССР, 1968, № 4. С. 130.
29. Лашков Ф. Ф. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI–XVII вв. Симферополь. 1891. С. 35–36.
30. Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М. — Л., 1948. С. 42.

31. Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос... С. 56–62.

32. ПСРЛ. Т. 14. С. 47; Сперанский А. Н. Очерки по истории Приказа каменных дел Московского государства. М., 1930. С. 40–42.

Глава 4. Высший круг

1. Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 359–360; Родословная книга.— БАН, ОР, 4.7.28, л. 192 об.; Акты Юшкова. Т. 1. С. 216.

2. Разряды. Л. 755 об., 758, 812 об.; Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 300, 340, 348, 358.

3. Флетчер Д. О государстве Русском. С. 44; Шумаков С. А. Обзор грамот Коллегии экономии, вып. 2. М., 1900. № 205; РИБ. Т. 32. СПб., 1915. Стлб. 132–133; Горсей Д. Записки. С. 112–113.

4. Письма от 15 августа 1585 г., 6 июня 1588 г. и 15 января 1589 г.— Толстой Ю. Первые 40 лет сношений между Англией и Россией. С. 249, 294, 327.

5. Грамота 1589 г.— ПДС. Т. 1. Стлб. 1228, 1229, 1168–1174.

6. ЦГАДА. Ф. 123, дела Крымские. Кн. 18. Л. 13 об.

7. ПДС. Т. 1. Стлб. 1174–1175.

8. Там же. Стлб. 1240.

9. Там же. Стлб. 1242.

10. Там же. Стлб. 1279.

11. Там же. Стлб. 1098, 1123, 1168, 1180, 1191, 1244. Т. 10. СПб., 1871. Стлб. 461; Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 1. С. 63, 117, 156.

12. Наказ А. Д. Рязанову (10 июля 1592 г.).— Анпилов Г. Н. Новые документы... С. 77–78.

13. Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 446–447.

14. ПСРЛ. Т. 14. С. 44–45.

15. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. С. 296.

16. Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. II. Пг., 1918. С. 21.

17. РИБ. Т. 13. Стлб. 632.

18. Временник Ивана Тимофеева с. 22.

19. Флетчер Д. О государстве Русском. С. 152–153. Ср. письма Л. Сапеги из Москвы (1584 г.).— *Historia Russiae monumenta* t. 11, p. 2.

20. Pierling P. *Le saint Siege, la Pologne et Moscou. Paris, 1885, p. 19*; Новгородские летописи. С. 4; Маржарет Я. Записки.— Устрялов Н. Сказания современников о Дмитрие Самозванце. Ч. 1. СПб., 1859. С. 255.

21. Горсей Д. Путешествия (Д. Горсей. // Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории, сб. трудов. М., 1974. С. 77); Толстой Ю. Указ. соч. С. 44.

22. В литературном пересказе Д. И. Годунова царский титул звучал так: «Превысочайшие царские степени, великого монарха божьей милостью великого государя царя и великого князя Федора Ивановича, всея Россия самодержца и иных многих господарств, восточных, и северных, и западных, отчича и дедича и наследника...» (ГПБ, ОР, Соловецк. собр., № 858/748. Л. 3–4).

23. «И той убо не радя о земном царствии мимоходящем, но всегда ища непремяемаго» (Сказание Авраамия Палицына. С. 101; см. также: Флетчер Д. О государстве Русском. С. 153).

24. Житие Федора Ивановича.— ПСРЛ. Т. 14. С. 3.

25. ДАИ. Т. I, № 131. С. 196, 198–199, 205, 207, 208, 210.

26. Дневник Акселя Гюльденстерна. В пер. Ю. Н. Щербачева.— ЧОИДР, 1911. Кн. 3. Отд. IV. С. 36, 78; Горсей Д. Путешествия (II). С. 102; Временник Ивана Тимофеева. С. 56.

27. Автографы Бориса Годунова обнаружил и опубликовал Д. С. Шереметев (ЧОИДР, 1897. Кн. 1. С. 6–7).

28. Повесть князя Ивана Андреевича Хворостинина.— РИБ. Т. 13. Стлб. 531; Сказания Авраамия Палицына. С. 101.

29. Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. III. Пгр., 1918. С. 29.

30. Доклад посла Н. Варкоча (1593 г.).— *Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Wien, Russland I, Fasc. 3, 1594, Fol. 35, 36*. Содержание секретной части беседы посла Варкоча со Щелкаловым изложено в анонимной записке на имя гофмейстера имп. двора в Вене.

31. По кормовым книгам Федосью поминали 25 января (Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты. С. 558).

32. Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты. С. 212.

33. Масса И. Краткое известие о Московии. С. 45.

34. Временник Ивана Тимофеева. С. 73.

35. ЦГАДА. Ф. 123, Крымские дела. Кн. 21. Л. 157 об., 325 об.

36. Горсей Д. Путешествия. С. 100.

37. Временник Ивана Тимофеева. С. 73.,

38. НГБ. Собр. Горского, № 16. Л. 474.

39. После опалы и насильственного пострижения князя И. Ф. Мстиславского место первого боярина занял его сын Федор.

40. Федотов-Чеховской А. Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Т. 1. Киев, 1860. С. 291 (Кобеко Д. Ф. Дьяки Щелкаловы).

41. Масса И. Краткое известие о Московии. С. 42.

42. Горсей Д. Путешествия (II). С. 68, 107.

43. Список двора царя Федора 1588–1589 гг. Л. 1.

44. Разрядная книга 1598 г. С. 414.

45. Савва В. И. О Посольском приказе XVI в., вып. 1. Харьков, 1917. С. 235.

46. ГБЛ. Собр. Горского, № 16. Л. 433–434; Разрядная книга 1598 г. С. 498; Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 498.

47. ЦГАДА. Ф. 210, столбцы Московского стола, № 751, столшик 3. Л. 1; Разряды. Л. 766.

48. ГБЛ. Собр. Горского, № 16. Л. 436.

49. ГПБ, ОР, F IV, 597. Л. 428 об.; ср.: ПСРЛ. Т. 14. С. 45.

50. Разряды. Л. 767, 884 об.; Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 521; ПДС. Т. II. СПб., 1852. Стб. 486.

Глава 5. Юрьев день

1. РИБ. Т. 31. СПб., 1914. С. 398.
2. Аграрная история Северо-Запада России. Новгородские пятины. Л., 1974. С. 273.
3. Там же. С. 271–274.
4. Там же. С. 292.
5. Скрынников Р. Г. Россия в начале XVII в. Смута. М., 1988. С. 20–23.
6. ДАИ. Т.1. СПб., 1846. № 70, 80, 107.
7. Смирнов П. Орловский уезд в конце XVI в. Киев. 1910. С. 129; Боярские списки последней четверти XVI в. – начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. Ч. 2. М., 1979. С. 35, 79; Акты Московского государства. Т.1. С. 37.
8. Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 527; Подробнее см. Елифанов П. Крепости. / Очерки русской культуры XVI в. Ч.1. М., 1977. С. 331–333.
9. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 8. М., 1891. С. 365–429.
10. Боярские списки. Ч. 2. С. 45, 92.
11. Описание документов и бумаг... С. 422, 429–341.
12. См. Скрынников Р. Г. Россия накануне смутного времени. С. 71–72.
13. Приказная справка 1620 г. // Миклашевский И. Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. Т. I. М., 1894. С. 145, 269.
14. Аграрная история Северо-запада России. Новгородские пятины. С. 273, 293–298.
15. Там же. С. 267–268.
16. Абрамович Г. В. Государственные повинности владельческих крестьян Северо-Запада Руси в XVI – первой четверти XVII в. // История СССР. 1972. № 3. – С. 71.

17. Аграрная история Северо-Запада России. Новгородские пятины. С. 280–283.

18. Скрынников Р. Г. Россия накануне Смутного времени. С. 68.

19. Указы Судебнику в дополнение (редакция начала 1750 г.) // Татищев В. Н. – История Российская. Л., 1968. Т. VII. С. 373. Весь комплекс источников, относящихся к истории закрепощения крестьян в конце XVI в., исследован нами в другом месте. Скрынников Р. Г. Россия накануне Смутного времени. Изд. 2-е. М., 1985).

20. Корейский В. И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970. С. 119–123, 304–319.

21. Павлов А. П. К изучению внутренней политики Русского государства в конце XVI в. (О масштабах переписи земель в 1580–1590-х гг.) // Сословия и государственная власть в России. XV – середина XIX вв. Ч. 2. М., 1992. С. 17–18.

22. Приношу благодарность А. П. Павлову за сообщение данных о переписи XVI в.

23. Греков Б. Д. Крестьяне на Руси. Т. 2. М., 1954. С. 302 и др.

24. Чтения ОИДР. 1902. Кн. 2. С. 355–360.

25. Самоквасов Д. Я. Архивный материал. М., 1909. Т. 2. Ч. 2. С. 500.

26. Там же. С. 450.

27. Там же. С. 483.

28. В 1592 г. монахи Никольского монастыря пытались вернуть крестьян, сбежавших от них «без откату беспощинно». Но в то время они еще не могли сослаться на новый «указ» царя Федора. РИБ. Т.14. СПб., 1894. Стб. 135–137.

29. Корейский В. И. Новгородские дела 90-х гг. XVI в. со ссылками на неизвестные указы царя Федора Ивановича о крестьянах // Археографический ежегодник за 1966. М., 1968. С. 313.

30. Греков Б. Д. Крестьяне на Руси. Т. 2. С. 267.

31. Аграрная история Северо-Запада России. С. 280–286.

Глава 6. Земское избрание

1. Ключевский В. О. Сословное представительство на Земских соборах. Соч., т.8. М., 1958. С. 54–55.

2. Мордовина С. П. Характер дворянского представительства на Земском соборе. 1598 г. – Вопросы истории, 1971, № 2. С. 62–63.

3. Мордовина С. П. К истории утвержденной грамоты 1598 г. – АЕ за 1968 г. М., 1970. С. 138; ее же: Земский собор 1598 г. Источники. Характер представительства. АКД. М., 1971. С. 5.

4. ДРВ. Т.7. М., 1788. С. 94, 103, 118.

5. В сентябре боярство получили князя М. П. Катырев-Ростовский, А. Н. Романов, А. В. Трубецкой, В. К. Черкасский и Ф. А. Ноготков; окольниковство – М. Н. Романов, Б. Я. Бельский, князь В. Д. Хилков, М. М. Салтыков и другие лица. 25 декабря 1598 г. С. В. Годунов получил чин дворецкого, с которым он фигурирует в утвержденной грамоте (Разряды. Л. 894–894 об., 898 об.)

6. Чин венчания Бориса Годунова на царство (черновик). – РИБ, ОР, собр. Соловецкого монастыря, № 1184 / 1294, Л. 4–4 об.

7. ДРВ. Т. 7. С. 38; ПСРЛ. Т. 14. С. 19.

8. ПСРЛ, Т. 14, С. 49; Буганов В. И. Сказание о смерти царя Федора Ивановича и воцарении Бориса Годунова. – Зап. ОР ГБЛ, вып. 19. М., 1957. С. 174; Корецкий В. И. Бельский летописец. – Вопросы истории, 1971, № 5. С. 139; ААЭ. Т. 2. С. 1; РИБ. Т. 16. СПб., 1897. Стлб. 312–313.

9. Пискаревский летописец. С. 201; ПСРЛ. Т. 14. С. 20; Масса И. Краткое известие о Московии. С. 49.

10. Пискаревский летописец. С. 201; Щербачев Ю. Н. Датский архив. – ЧОИДР, 1893. Кн. 1. С. 299.

11. Русский архив. 1910, № 11. С. 343.

12. Сказание современников о Дмитрие Самозванце. Ч. 3. СПб., 1832. С. 21–22; Фожич Б. Л. Греческо-русские связи в XV–XVI вв. М., 1977. С. 215.

13. ЧОИДР, 1893. Кн. 1. С. 299–300; Фонкич Б. Л. Указ. соч. С. 215.

14. Пискаревский летописец. С. 207. Временник Ивана Тимофеева. С. 240.

15. ДРВ. Ч. 7. С. 39; Русский архив, 1910, № 11. С. 344; ЧОИДР, 1893. Кн. 1. С. 299; Буссов К. Московская хроника. С. 81; Масса И. Краткое известие о Московии. С. 47. Донесение М. Шия о поездке в Москву 1598 г. – Изд. ОИДР. М., 1875. С. 12.

16. ГБЛ, ОР, собр. Горского, № 16. Л. 489 об.; ПСРЛ. Т. 14. С. 50.

17. ААЭ. Т. 2. С. 14.

18. Margaret J. Etat d' l Empire de Russe. Paris, 1663, p.21; ЧОИДР, 1893. Кн. 1. С. 298–299.

19. Мордовина С. П. К истории утвержденной грамоты 1598 г. С. 131; Скрынников Р. Г. Земский собор 1598 г. и избрание Бориса Годунова на трон. – История СССР, 1977, 143. С. 149.

20. ААЭ. Т. 2. С. 15.

21. ПСРЛ. Т. 14. С. 50.

22. Русский архив, 1910, № 11. С. 339.

23. ААЭ. Т. 2. С. 14.

24. Русский архив, 1910, № 11. С. 340, 339, 341, 343.

См. также: Буссов К. Московская хроника. С. 80–81.

25. Русский архив, 1910, № 11. С. 341, 344.

26. Временник Ивана Тимофеева. С. 218.

27. ДРВ. Ч. 7. С. 49.

28. Мордовина С. П. Указ об амнистии 1598 г. – Советские архивы, 1970, № 4. С. 86.

29. ДРВ. Ч. 7. С. 41, 43.

30. ААЭ. Т. 2. С. 21; Разряды. Л. 865, 867; Разрядная книга 1598–1638 гг. С. 54, 59–61.

31. СГТД. Ч. 2. М., 1819. С. 181.

32. ДРВ. Ч. 7. С. 50.

33. ААЭ. Т. 2. С. 24.

34. Временник Ивана Тимофеева. С. 52–53.
 35. ААЭ. Т. 2. С. 15; ДРВ. Т. 7. С. 56.
 36. ДРВ. Т. 7. С. 54.
 37. Донесение М. Шиля о поездке в Москву 1598 г. С. 12–13.
 38. Elementa ad fontium editiones. Т. 4. Romae, 1961, р. 217.
 39. Русский архив. 1910. № 11. С. 341–342.
 40. ДРВ. Ч. 7. С. 66–68.
 41. РИБ. Т. 8. Стлб. 14–15.
 42. По словам князя С. И. Шаховского, население «купно и единомышленно» подало голос в пользу избрания Бориса. (РИБ. Т. 8. Стлб. 565–566, 854).
 43. Временник Ивана Тимофеева. С. 53.
 44. РИБ. Т. 16. СПб., 1897. Стлб. 314; ААЭ. Т. 2. С. 2.
 45. ДРВ. Ч. 7. С. 82, 86.
 46. Там же. С. 81–86; ААЭ. Т. 2. С. 37.
 47. ДРВ. Ч. 7. С. 87, 89, 90; ААЭ. Т. 2. С. 38.
 48. ААЭ. Т. 2. С. 1–2; Разряды. Л. 876 об., 892 об.
 49. ГБЛ, собр. Горского, № 16. Л. 479.
 50. Сборник грамот коллегии экономии. Т. 2. Пг., 1922, № 364, стлб. 356.
 51. ДРВ. Ч. 7. С. 98.
 52. А.П. Павлов отметил противоречие в известии утвержденной грамоты о том, что Борис переехал в Москву «апреля в 1 день в третью неделю по пасхе». В 1598 г. пасху праздновали 16 апреля (Павлов А. И. Соборная утвержденная грамота об избрании Бориса Годунова на престол. – Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 10. Л., 1978. С. 215).
 53. Фонкич Б. Л. Указ. соч. С. 214.
 54. Разрядная книга 1598–1638 гг. С. 19–21.
 55. ДРВ. Ч. 7. С. 101, 102.
 56. ДРВ. Ч. 7. С. 107–108.
 57. Каштанов С. М. Хронологический перечень имунитетных грамот XVI века. Ч. 2. – АЕ за 1960 г. М.,

1962. С. 137; Акты, относящиеся до гражданской расправы древней Руси. Т. I Киев, 1860, 14101; Сб. РИО. Т. 38. С. 260; ЦГАДА. Ф. 64. Сношения России с Лифляндией. № 8.

58. Elementa ad fontium editiones. Т. 4. р. 217.
 59. Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974. С. 44.
 60. Бельский летописец. – Вопросы истории, 1971 г. № 5. С. 140.
 61. ДРВ, Ч. 7. С. 116.
 62. Там же. С. 116, 117.
 63. Временник Ивана Тимофеева. С. 66–71. Издатели текста присяги неверно датировали ее 15 сентября 1598 г., опустив подлинный заголовок рукописи (ААЭ. Т. 2. С. 57).
 64. ААЭ. Т. 2. С. 58–59.
 65. Буганов В.И. Сказание о смерти царя Федора Ивановича. С. 182–183.
 66. ДРВ. Ч. 12. М., 1789. С. 237; ДАИ. Т. 2. С. 249, 253; ЦГАДА. № 199. Оп. 2. Портфели Миллера, № 478. Ч. 1, № 14.
 67. Письмо Сигизмунда III А. Сапеге от 12 января 1599 г. – Архив ЛОИИ. Колл. 114, № III/27. Л. 13.
 68. Ср. наказ послу В. Сукину (ЦГАДА, Шведские дела. № 98, 1598, Оп. 1. Д.1. Л. 201–205).
 69. ДРВ. Ч. 7. С. 38–39, 55; ААЭ. Т. 2. С. 19, 25.
 70. ДРВ. Ч. 7. С. 116–117.
 71. ГПБ, собр. Соловецкого монастыря, № 852/962, Л. 226; сб. 0.IV. 17. Л. 208 об.; Российская родословная книга. Ч. 4. СПб., 1857. С. 388.

Глава 7. Боярская крамола

1. Разрядная книга 1375 – 1605 гг. // ГПБ, ОР, Эрмитажное собр., д. 390, л. 932–932 об., 933; Маркевич А. И. История местничества в Московском государстве. Одесса, 1888. С. 305.

2. Временник Ивана Тимофеева., М.—Л., 1951. С. 75; Сказание Авраамия Палицына. М.—Л., 1955. С. 285.
3. См.: Скрынников Р. Г. Борис Годунов и падение Романовых // Из истории феодальной России. Л., 1978. С. 117.
4. См. Павлов А. П. Состав Боярской думы в период царствования Бориса Годунова // Государственные учреждения и классовые отношения в отечественной истории Вып. 11. М.—Л., 1980. С. 259.
5. См.: Скрынников Р. Г. Борис Годунов и падение Романовых. С. 118.
6. Разрядная книга 1375–1605 гг. Л. 873.
7. Востоков А. X. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музея. М., 1842. С. 655–656; Дневник польского посольства в Москве в 1600 г. // Biblioteka Warszawska. 1896. № 3. С. 426.
8. Маржарет Я. Записки. С. 184; Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. II. Вып. 1. М., 1976. С. 184.
9. Дневник польского посольства в Москве в 1600 г. С. 426.
10. Опись архива Посольского приказа 1626 г. Ч. I. М., 1977. С. 262.
11. Временник Ивана Тимофеева. С. 101; Скрынников Р. Г. Россия накануне «смутного времени». С. 124; Маржарет Я. Записки. С. 190.
12. Опись архива Посольского приказа 1626 г. Ч. I. С. 262; Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. II. Вып. 1. С. 204, 209.
13. Черкасский был женат на Марфе Никитичне, Сицкий — на Евфимии Никитичне Романовой. Как отметили разрядные дьяки, Федор Никитич Романов и боярин Сицкий «меж себя братья и друзи», а князь Александр Репнин «им свой же» (Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. II. Вып. 1. С. 162).
14. Буссов К. Московская хроника. М.—Л., 1961. С. 93; Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVI в. М., 1937. С. 50, 53.

15. ПСРЛ. Т. 14. С. 53.
16. ЦГАДА. Ф. 146, № 7, 1601 г. Л. 30 (дело о ссылке Романовых опубликовано в кн.: АИ. Т. 2. СПб., 1842. С. 38); Васенко П. Г. Бояре Романовы и воцарение Михаила Федоровича. СПб., 1913.
17. См.: Масса И. Краткое известие. С. 53.
18. Tiszkowcki Poselstwo Lwa Sapieni w Moskwe 1600 г. Lwow. 1927. Б. 2.— 5.
19. ГПБ, ОР. Ф. 7 (ф. Ф. П. Аделунга), № 193. Л. 37.
20. Там же.
21. Иностранцы, пристально наблюдавшие за развитием событий в России, хорошо понимали это обстоятельство. (Almquist H. Sverige och Russland. 1595–1611. Uppsala, 1907. Б. 74).
22. ПСРЛ. Т. 14. С. 53.
23. Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. II. Вып. 1. С. 170; ПСРЛ. Т. 14. С. 55.
24. ЦГАДА. Ф. 210, Белгородский стол, стб. 1, № 3. Л. 85–88.
25. ПСРЛ. Т. 14. С. 55.
26. Буссов К. Московская хроника. С. 82, 107; Флоря Б. Н. Из следственного дела Богдана Бельского // Археографический ежегодник. 1985. М., 1986. С. 302; Сб. РИО. Т. 30. СПб., 1888. С. 397, 404.
27. Цит. по кн. Флоря Б. Н. Из следственного дела Богдана Бельского. С. 305; Временник Ивана Тимофеева. С. 47.
28. Буссов К. Московская хроника. С. 93; ПСРЛ. Т. 14. С. 55; Временник Ивана Тимофеева. С. 47.
29. ПСРЛ. Т. 14. С. 55.
30. Боярские списки... Ч. I. С. 205.
31. Там же. С. 218; Опись архива Посольского приказа 1626 г. Ч. I. С. 263.
32. Временник Ивана Тимофеева. С. 48; ЦГАДА. Ф. 146, № 7, 1601 г. Л. 72. В «Актах исторических» дело о ссылке Романовых напечатано с сокращениями (АИ. Т. 2. С. 35).

Глава 8. Голод

1. См.: Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. XI. СПб., 1843. С. 65–68; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. IV. С. 399–400; Платонов С. Ф. Московский голод 1601–1603 гг. // Артельное дело. 1921. № 9–16; Смирнов И. И. Восстание Болотникова. С. 63–77.
2. См. Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая Крестьянская война в России. С. 117–148.
3. См.: Ле Руа Ладюри Э. История климата с 1000 г. Л., 1971. С. 172, 212.
4. Сказание Авраамия Палицына. С. 105; ПСРЛ. Т. 32. М., 1975. С. 187.
5. См.: Корецкий В. И. Формирование крепостного права... с. 118–121.
6. ПСРЛ. Т. 32. С. 188.
- 7 Там же. Летописец, записывая данные о погоде из года в год, лишь раз отметил гибель урожая «на цвету» — поздней весной под 1602 г.
8. Цит. по: Корецкий В. И. Формирование крепостного права... С. 126.
9. Там же. С. 128; Маньков А. Г. Цены и их движение в Московском государстве XVI в. М.—Л., 1951. С. 30; Аграрная история Северо-Запада России: Новгородские пятины. С. 23; Маржарет Я. Записки. С. 188; Буссов К. Московская хроника. С. 97.
10. Сказание Авраамия Палицына. С. 106; Буссов К. Московская хроника. С. 97; Маржарет Я. Записки. С. 188–189; Масса Н. Краткое известие о Московии в начале XVI в. С. 62.
11. Цит. по: Корецкий В. И. Формирование крепостного права... С. 127.
12. Там же. С. 131–132.

13. ГПБ, ОР, собр. Соловецкого мон., № 43/1502. л. 154 об. Подробнее о Соловецком списке см: Солодкин Я. Г. Соловецкая редакция истории Авраамия Палицына // Литература Древней Руси. Вып. 4. М., 1913. С. 88.
14. Сказание Авраамия Палицына. С. 106; ПСРЛ. Т. 14. С. 55; Маржарет Я. Записки. С. 188.
15. Записки С. Немоевского // Титов А. А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахромееву. Вып. 6. М., 1907. С. 37; Масса И. Краткое известие... С. 61; Сказание Авраамия Палицына. С. 105.
16. ААЭ. Т. 2. СПб., 1836. С. 14; Древняя Российская вивлиофика. 2 изд. Ч. VII. М., 1788. С. 50.
17. Сказание Авраамия Палицына. С. 104.
18. Буссов К. Московская хроника. С. 90; ср.: Донесение М. Шиля 1598 г. // ЧОИДР. 1875. Кн. 2. С. 17; Материалы по Смутному времени, собранные В. Н. Александренко // Старина и новизна. 1911. Кн. 15. С. 188.
19. ЦГАДА. Ф. 198, оп. 2, портфели Миллера, № 478, ч. 1, л. 12; № 479, л. 3; ф. 98, оп. 1, 1598 г., № 1, л. 201.
20. ПСРЛ Т. 14. С. 55; Т. 34. С. 202.
21. Морозов Б. Н. Частное письмо начала XVI в. // История русского языка. Памятники XI–XVII вв. М., 1982. С. 290; Местнический справочник XVI в. / Изд. Ю. В. Татищевым. Вильна, 1910. С. 6; ПСРЛ. Т. 34. С. 203; Масса И. Краткое известие. С. 61; Буссов К. Московская хроника. С. 97.
22. Маржарет Я. Записки. С. 189; Анпилогов Г. Н. Новые документы о России конца XVI–начала XVII в. С. 432.
23. Масса И. Краткое известие... С. 61; БАН, ОР, собр. Срезневского, № 119. Л. 21 об.
24. Указ Бориса Годунова от 3 ноября 1601 г. // Семейский М. И. Историко-юридические акты XVI и XVII вв. // Летопись занятий Археографической комиссии. Вып. IX. СПб., 1893. С. 55–57.
25. Масса Н. Краткое известие... С. 61; ср.: Сказание Авраамия Палицына. С. 106; Буссов К. Московская хроника. С. 98.

26. Горская Н. А. Товарность зернового земледелия в хозяйствах монастырских вотчин центра Русского государства к исходу XVI—началу XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962. Минск, 1964. С. 134–136; Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Вып. III. М.—Л., 1976. С. 455, 473, 481, 487, 511–514.

27. см.: Никольский Н. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. Т. I Вып. 2. СПб., 1910. Прил. С. I–XIV; см. также: Прокофьева Л. С. Вотчинное хозяйство в XVII в. М.—Л., 1959. С. 9–10; Горская Н. А. Указ. соч. С. 124–125.

28. Архив ЛОИИ АН СССР. Ф. 271. Оп. 2, № 21. Л. 1–2 об., 8 об., 12, 20, 32.

29. Масса И. Краткое известие... С. 60–61.

30. Петрей П. История о великом княжестве Московском. М., 1867. С. 193; Буссов К. Московская хроника. С. 98.

31. Семевский М. И. Историко-юридические акты XVI и XVII вв. С. 57.

32. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI–XVII века. Тексты. Л., 1986. С. 67–68.

33. Там же. С. 70.

34. Смирнов И. И. Восстание Болотникова. С. 82, 83, 79 (прим. 2), 77–80.

35. Зимин. А. Некоторые вопросы истории Крестьянской войны в России в начале XVII в. // Вопросы истории. 1958. № 3. С. 98.

36. Скрынников Р. Г. Россия в начале XVII в. Смута. С. 59–63.

37. Разрядная книга 1375–1605 гг. Л. 975.

38. Бычков А. Ф. Описание сборников Публичной библиотеки. Ч. I. СПб., 1882. С. 468.

39. Разрядная книга 1598–1638 гг. С. 156.

40. Маржарет Я. Записки капитана Я. Маржарета. Л., 1978. С. 190.; Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975. С. 231.

Глава 9. Мир на границах

1. См.: Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI–XVII вв. М., 1963. С. 185, 276.

2. См.: Веселовский Н. И. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. I СПб., 1890. С. 287, 298–299 и др.

3. См.: Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. Вып. 1. // ЧОИДР. 1898. Кн. 3. С. 330–337, 353, 404, 431–432; ПСРЛ. Т. 14. С. 57; Т. 34. С. 240.

4. Попов А. Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции. М., 1869. С. 322–323.

5. ЦГАДА. Ф. 210, Белгородский стол, стб. 1, № 3, л. 48, 51, 85–89. См.: Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в XVII в. М.—Л., 1948. С. 47, 44.

6. См.: Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI—начале XVII в. М., 1973. С. 71.

7. См. там же. С. 74; Смирнов И. И. Конрад Буссов и его Хроника // Буссов К. Московская хроника. С. 15.

8. См.: Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос... С. 125.

9. См.: Смирнов И. И. Конрад Буссов и его «Хроника». С. 17.

10. См.: Жукович П. Н. Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией. СПб., 1901. С. 337–338.

11. Вопрос о проектах русско-польской федерации специально исследован в монографии Б. Н. Флоры «Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI—начале XVII в.» (М., 1978. С. 249–267).

12 Сб. РИО. Т. 137. С. 51–53.

Глава 10. Самозванческая интрига

1. См.: Костомаров Н. И. Кто был первый Лжедмитрий? СПб., 1864; Пирлинг П. Дмитрий Самозванец. М., 1912.

2. См.: Платонов С. Ф. Вопрос о происхождении первого Лжедмитрия // Статьи по русской истории. СПб., 1912. С. 276.
3. См.: Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. III. М., 1916. С. 36–37, 32.
4. См.: Смирнов И. И. Восстание Болотникова. С. 501–503, 512, 506; Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая Крестьянская война в России. С. 238.
5. Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды (XVI–XIX вв.). М., 1967. С. 26, 28–30.
6. См.: Скрынников Р. Г. Опричный террор. Л., 1969. С. 92–93.
7. Буесов К. Московская хроника. С. 80.
8. См.: Скрынников Р. Г. Россия накануне «смутного времени». С. 75.
9. Пташицкий С. А. Переписка литовского канцлера Л. Сапегы // ЖМНП. 1893 № 1. С. 210
10. Маржарет Я. Записки. С. 190.
11. См.: Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды. С. 41.
12. Подборка материалов о Лжедмитрии хранилась в архиве Посольского приказа. См.: Черепнин Л. В. «Смута» в историографии XVII в. // Исторические записки. Т. 14. М., 1945. С. 96.
13. Грамота 1606 г. // ДАИ. Т. I. С. 255.
14. При царе Федоре Смирной служил стрелецким сотником, а после коронации Бориса был записан в Боярские списки в графе «Из городов выбор: Галич» (см. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVII в. С. 218; Боярские списки... Ч. I. С. 188).
15. Боярские списки... Ч. I. С. 215; Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. II. Вып. 1. С. 219–220; Сказание Авраамия Палицына. С. 111.
16. Сб. РИО. Т. 137. С. 176.
17. Там же. С. 177.
18. Фотокопия документа из Государственного архива в Вене передана в ЦГАДА (ЦГАДА, 3/А, 28).
19. Грамота патриарха Иова (14 января 1605 г.) // ААЭ. Т. 2. С. 78–79.
20. Сб. РИО. Т. 137. С. 247.
21. РИБ. Т. XIII. СПб., 1891. Стб. 17.
22. Сказание и повесть, еже содеяся в царствующем граде Москве и о расстриге Гришке Отрепьеве // ЧОИДР. 1847. Кн. 9. Ч. II. С. 3–4.
23. ПСРЛ. Т. 14. С. 59; Сб. РИО. Т. 137. С. 247.
24. Сб. РИО. Т. 137. С. 247.
25. ПСРЛ. Т. 34. С. 205; РИБ. Т. 13. Стб. 933; Сказание Авраамия Палицына. С. 111.
26. ПСРЛ. Т. 14. С. 59; Т. 34. С. 111; Боярские списки... Ч. II. С. 38.
27. Сб. РИО. Т. 137. С. 247.
28. РИБ. Т. 13. Стб. 638.
29. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. С. 174.
30. Коломенская десятня 1577 г. // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Кн. 8. С. 35; Голубцов И. А. «Измена» смольнян при Борисе Годунове и «Извет» Варлаама // Уч. зап. Ин-та истории РАНИОН. Т. 5. М., 1929. С. 239.
31. Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время. М., 1907. С. 1; Сб. РИО. Т. 137. С. 247; РИБ. Т. 13. Стб. 17; ПСРЛ. Т. 14. С. 59.
32. ПСРЛ. Т. 14. С. 59; Сказание Авраамия Палицына. С. 111.
33. ПСРЛ. Т. 14. С. 59.
34. Письмо С. Шереметева – С. Ф. Платонову. 23.XI.1910 г. // ГПБ, ОР. Ф. 585 (С. Ф. Платонова), 11. № 2258; РИБ. Т. 13. Стб. 568; см. карту, приложенную к книге Н. Н. Селифонтова «Сб. материалов по истории предков царя Михаила Федоровича» (Ч. I. СПб., 1901).
35. Сб. РИО. Т. 137. С. 247.
36. Разрядная книга 1550–1636 г. Т. II. Вып. 1. С. 169.
37. Сб. РИО. Т. 137. С. 247.
38. РИБ. Т. 13. Стб. 19, 17–18.

39. ААЭ. Т. 2. С. 78; РИБ. Т. 13. Стб. 933; ПСРЛ. Т. 14. С. 59.

40. Сб. РИО. Т. 137. С. 250; БАН, ОР, 34.8.25, л. 522.

41. РИБ. Т. 13. Стб. 933; ПСРЛ. Т. 34. С. 111; Т. 14. С. 59.

42. ПСРЛ. т. 14. с. 61.

43. Сб. РИО. Т. 137. С. 177.

44. Там же. С. 193-194.

45. Послание кн. В. Острожскому (июнь 1606 г.) // Сб. РИО. Т. 137. С. 756.

46. ААЭ. Т. 2. С. 79.

47. См.: Голубцов И. А. «Измена» смольнян при Борисе Годунове и «Извет» Варлаама. С. 246; Черепнин Л. В. «Смута» в историографии XVII в. С. 95.

Дата в описях архива Посольского приказа названа неточно. Следует читать: «Роспрос 114 (1606 г.) ...»

48. См.: Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести Смутного времени. СПб., 1888. С. 11; Кушева Е. Н. Из истории публицистики Смутного времени // Учен. зап. Саратовск. гос. ун-та. 1926. Т. V. Вып. 2. С. 58; Голубцов И. А. «Измена» смольнян при Борисе Годунове и «Извет» Варлаама. С. 245-247.

49. БАН, ОР, 34.8.25, № 524. Ср. отдельный список «Извета» (Архив ЛОИИ АН СССР, к. 238, оп. 1, № 137), впервые указанный В. И. Корецким (История СССР. 1968. № 4. С. 121).

50. Добротворский А. Кто был первый Лжедмитрий? // Вестник Западной России. Т. II. Кн. 6. Вильно, 1866. С. 96.

51. Доклад А. Вишневецкого (1603 г.). Текст его на латинском языке опубликован в кн.: Nowakowski F. K. Zrodla do Dziejow Polski. Т. 2. Berlin, 1841. Папский посол препроводил изложение доклада Вишневецкого в Рим в начале ноября 1603 г. (Пирлинг П. Из Смутного времени. СПб., 1902. С. 3).

52. Ключевский В. О. Соч. Т. 3. С. 32.

53. См.: Буссов К. Московская хроника. С. 100.

54. Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI-XVII вв. С. 238.

55. РИБ. Т. 13. Стб. 639; ПСРЛ. Т. 14. С. 59.

56. Буссов К. Московская хроника. С. 93.

57. ПСРЛ. Т. 14. С. 86.

58. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Кн. 8. С. 34; Письмо С. Шереметева - С. Ф. Платонову от 9.XI.1901 г. // ГПБ, ОР. Ф. 585, II, № 2258; Архив ЛОИИ АН СССР, к. 2, № 152. Л. 53 об.

59. Буссов К. Московская хроника. С. 93-94; Сб. РИО. Т. 137. С. 177.

60. ЧОИДР. 1847. Кн. 9. С. 6.

61. БАН, ОР, 34.8.25, л. 522; Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Кн. 8. С. 10, 16.

62. БАН, ОР, 34.8.25, л. 522 об.

63. ПСРЛ. Т. 14. С. 59.

64. Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время. С. 1; БАН, ОР, 34.8.25, л. 523.

65. Повесть 1626 г. // РИБ. Т. 13. Стб. 709-710; Чили А. История Московии // Маяк современного просвещения и образованности. СПб., 1841. Ч. 17. С. 25.

66. Пирлинг П. Дмитрий Самозванец. С. 69.

67. Шамбинаго С. Письма королю Сигизмунду III о самозванце // Русская старина. 1908. № 5. С. 447; Письмо Я. Острожского от 2.III.1604 г. // Старина и новизна. 1911. Кн. 14. С. 427.

68. БАН, ОР, 34.8.25, л. 523; [Поссевино А.] Историческое и правдивое повествование... // Старина и новизна. 1911. Кн. 15. С. 10.

69. Urban W. Hoscki Gabriel // Polski Slowik Biograficzny. Т. X. Krakow, 1962. Б. 25-26; Wolyniak (Cizycki J. M.). Z. przeszlosci Hozsncy na Wolynia. Krakow, 1909; M. [erczyng] H. Arianie polscy i Dymitr Samozwaniem // Przegląd Historyczny. 1907. Т. 4; Старина и новизна. 1911. Кн. 14. С. 421.

70. БАН, ОР, 34.8.25, л. 523 об., ср.: РИБ. Т. 13. С. 21; Старина и новизна. 1911. Кн. 14. С. 120; Пирлинг П. Названный Дмитрий и польские ариане // Русская старина. 1908. № 5. С. 3; Записки Я. Велевицкого // Записки гетмана Жолкевского о Московской войне. СПб., 1871. Прил. Стб. 120–121.

71. БАН ОР, 34.8.25, л. 523 об., ААЭ. Т. 2. С. 79; ЧОИДР. 1847. Кн. 9. Ч. II. С. 5.

72. ААЭ. Т. 2. С. 79.

73. БАН, ОР, 34.8.25, л. 523 об.; ПСРЛ. Т. 14. С. 60; ср.: ЧОИДР. 1847. Кн. 9. Ч. II. С. 7–8.

74. Sobeski W. Adam Wiszniewski // Szkice Historyczne. Warszawa 1904. Б. 52–53; ЦГАДА. Ф. 79, оп. 2. Кн. 22. Л. 129, 134, 134 об.

75. Сб. РИО. Т. 137. С. 170–175; Описи царского архива XVI в. и архива посольского приказа 1614 г. М., 1960. С. 126–127; Разрядная книга 1598–1638 гг. С. 128, 129, 144–145; ПСРЛ. Т. 34. С. 240; РИБ. Т. I СПб., 1872. Стб. 109–110.

76. Сб. РИО. Т. 137. С. 176. В царском архиве хранился «столп литовской 110-го году о Прилуцком городище, а из него наказы в росписи отданы в Разряд дьяку Сапуну Аврамову» (Описи царского архива XVI в. С. 126).

77. РИБ. Т. I Стб. 109; Пирлинг П. Дмитрий Самозванец. С. 70.

78. Буссов К. Московская хроника. С. 95–96; БАН, ОР, 34.8.25, л. 523 об.

79. БАН, ОР, 34.8.25, л. 523 об.

Глава 11. Подготовка московского похода

1. См.: Кулиш П. А. Материалы для истории воссоединения Руси. Ч. I. М., 1877. С. 26; Грушевский М. История украинского казачества. Т. 2. М., 1914. С. 16.

2. Sobeski W. Adam Wiszniewski // Szkice Historyczne. S. 81–82.

3. Издатели письма ЗамоЙского, сохранившегося в черновике, ошибочно отнесли его к февралю–апрелю 1604 г. (Записки гетмана Жолкевского о Московской войне. Прил. Стб. 8–10).

4. Пирлинг П. Дмитрий Самозванец. С. 63.

5. Письмо Я. Острожского от 2(12) января 1604 г. // Львовская историческая библиотека АН УССР. Ф. библ. Оссолинских, 5998/III, копии А. Гиршберга. Л. 47.

6. Разрядная книга 1598–1638 гг. С. 160.

7. См.: Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в XVII в. М.–Л., 1948. С. 47.

8. Щелкин Е. Н. Краткие известия о Лжедмитрии I. Одесса, 1900. С. 4.

9. Кулиш П. А. Материалы. С. 24.

10. Письмо донских казаков Лжедмитрию от 15(25) ноября 1603 г. // Старина и новизна. 1911. Кн. 14. С. 413.

11. Об изгнании С. Чертенского с Дона в 1617 г. см.: Пронштейн А. П., Мининков Н. А. Крестьянские войны в России в XVII–XVIII вв. и донское казачество. С. 68.

12. РИБ. Т. 17. Стб. 26, 32.

13. Старина и новизна. 1911. Кн. 14. С. 413.

14. Письмо Я. Острожского от 9(19) февраля 1604 г. / Львовская историческая библиотека АН УССР. Ф. библ. Оссолинских, 5998/III, копии А. Гиршберга. Л. 49; ср.: Русская старина. 1908. № 5. С. 442.

15. Львовская историческая библиотека АН УССР. Ф. библ. Оссолинских, 5998/III, копии А. Гиршберга. Л. 47, 49; ср.: Старина и новизна. 1911. Кн. 14. С. 431; Русская старина. 1908. № 5. С. 442.

16. Sobeski W. Op. cit. Б. 88; Гиршберг А. Дмитрий Самозванец. Львов, 1898. С. 35.

17. Подробнее см.: Floria B. Dumitr Samozwanies a magnateria polsko litewska // Odrodzenie i Reformacja w Polsce. 1979. Т. XXIV. Б. 92.

18. См.: Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI–начале XVII в. С. 193–198.

19. Записки гетмана Жолкевского... Прил. Стб. 5–10.

20. См. там же. Стб. 2; Floria B. Op. cit. Я. 92.
21. СГГД. Ч. П. М., 1819. С. 294; Пирлинг П. Дмитрий Самозванец. С. 73–74.
22. Записки гетмана Жолкевского... Прил. Стб. 7–8.
23. Сб. РИО. Т. 137. С. 264.
24. СГГД. Ч. И. С. 294.
25. Сб. РИО. Т. 137. С. 577.
26. БАН, ОР, 34.8.25, л. 523 об. В опубликованном списке «Извета» текст осложнен интерполяцией. В перечень свидетелей вставлено «да Ивашко Шварь» (РИБ. Т. 13. Стб. 24).
27. Письма Ю. Мнишка Сигизмунду III от 14(24) мая и 19(29) июня 1603 г. // Львовская историческая библиотека АН УССР. Ф. библ. Оссолинских, № 5998/III, копии А. Гиршберга.
28. Записки гетмана Жолкевского... Прил. Сб. 2.
29. Пирлинг П. Дмитрий Самозванец. С. 82–85.
30. Записки гетмана Жолкевского... Прил. Стб. 6–8; Пташицкий С. Л. Деспоты Зеновичи // Русская старина. 1878. Т. 21. С. 135 Maciszewski J. Polska a Moskwa. 1603–1618. Warszawa 1968. Б. 72–73; см. также: Шамбинаго С. Письма королю Сигизмунду III о самозванце // Русская старина. 1908. № 5. С. 439–450.
31. Пирлинг П. Дмитрий Самозванец. С. 91.
32. Реляция Рангони 3(13) марта 1604 г. // Pierling P. Rome et Demetrius. Paris, 1878. К. 178.
33. Чилли А. История Московии // Маяк современного просвещения и образованности. СПб., 1841. Ч. 17. С. 23–24.
34. См.: Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI–начале XVII в. С. 196–197; Старина и новизна. 1911. Кн. 14. С. 443–444.
35. Пирлинг П. Дмитрий Самозванец. С. 98.
36. Акты времени междуцарствия (1610–1613 гг.) / Под ред. С. К. Богоявленского, И. С. Рябикина. М., 1915. С. 188.
37. Пирлинг П. Дмитрий Самозванец. С. 101.
38. Записки гетмана Жолкевского... Прил. Стб. 10–24, 16.

39. СГГД. Ч. 2. С. 166.
40. Там же.
41. Старина и новизна. 1911. Кн. 14. С. 444; Чилли А. История Московии // Маяк современного просвещения и образованности. СПб., 1841. Ч. 17–18. С. 25.
42. СГГД. ч. II. с. 161–162.
43. Портрет был найден в Дармштадте американским историком Ф. Бабуром (Barbourg P. L. Dumitry Called the Pretender Tzar. L., 1967). См. также: Корецкий В. И., Станиславский А. Л. Американский историк о Лжедмитрии I // История СССР. 1969 № 2. С. 243–244
44. Пирлинг П. Дмитрий Самозванец. С. 98; Хроника Пясецкого // Материалы для эпохи Смутного времени, извлеченные из разных авторов. Варшава, 1900. С. 5.
45. Записки гетмана Жолкевского... Прил. Стб. 18–19.
46. Пирлинг П. Дмитрий Самозванец. С. 149.
47. Там же
48. Floria B. Op. cit. S.88.
49. Ibid. S. 92.
50. Ibid S. 98–99.
51. Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в XVI в. С. 47.
52. Реляция Рангони 8(18) сентября 1604 г. // Pierling P. Op. cit. S.191.
53. Львовская историческая библиотека АН УССР. Ф. библ. Оссолинских, № 5998/III, копии А. Гиршберга. Л. 78–79; СГГД. Ч. II. С. 168.
54. Письмо из Чернигова от 1(11) ноября 1604 г. // Киевская старина. 1899. № 1. С. 11–12.
55. Борша С. История Московская // РИБ. Т. I Стб. 365.
56. Борша С. История Московская. Стб. 365–367; Записки Г. Паэрле // Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Ч. I. СПб., 1859. С. 156; Киевская старина. 1899. № 1. С. 13.
57. См.: Кулиш П. А. Материалы... С. 29.
58. См.: Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. С. 238; Пирлинг П.

Дмитрий Самозванец. С. 95; ААЭ. Т. I С. 452; Боярские списки. Ч. I. С. 242; ЦГАДА. Ф. 1209. Стб. 5987.

59. Письмо Л. Сапеги от 2 (12) февраля 1604 г. // Библиотека Польской Академии наук в Кракове, Оп, № 354, л. 38.

60. Pierling P. Op. cit. S. 201–202; РИБ. Т. 13. Стб. 24.

61. РИБ. Т. 13. Стб. 24.

62. Сб. РИО. Т. 137. С. 178. По московским данным, на обратном пути с Дона Свирский заехал к «литовским черкасам» на р. Орчик и участвовал в пытке московских людей, захваченных в сентябре 1604 г. (там же).

63. СГГД. Ч. II. С. 173.

64. Там же. Сб. РИО. Т. 137. С. 178; Акты времени междуцарствия. С. 177, 184.

65. СГГД. Ч. II. С. 178, 177.

66. Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVI вв. М., 1975. С. 71, 85. Путешествие сэра Томаса Смита. СПб., 1893. С. 50, 120; СГГД. Ч. II. С. 175.

67. Floria V. Op. cit. S. 89–90; Письмо Ю. Мнишка – Я. Замойскому от 21 июня (1 июля) 1604 г. // Записки гетмана Жолкевского... Прил. Стб. 21–23; РИБ. Т. I Стб. 366.

68. Floria V. Op. cit. С. 89.

69. Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. IV. СПб., 1851. С. 248.

Глава 12. Неосуществленные проекты

1. См.: Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI–начале XVII в. С. 200.

2. См.: Александренко В. Н. Дополнения к материалам по Смутному времени на Руси XVII в. // Старина и новизна. 1914. Кн. 17. С. 92.

3. См.: Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. Т. 2. СПб., 1894. С. 67–68.

4. Almquist H. Sverige och Russland. 1595–1611. S. 92. По словам И. Массы, Борис перед самой кончиной направил посла в Швецию, чтобы просить о военной помощи.

По случаю смерти Бориса посол был возвращен в Москву из Новгорода (Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVI в. С. 96).

5. См.: Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI–начале XVII в. С. 187–189.

6. См. Форстен Г. В. Балтийский вопрос... Т. 2. С. 60–64; Сборник материалов по русской истории начала XVII в. / Сост. И. М. Болдаков. СПб., 1896. С. 2–45.

7. Bremer W. Die hansische Gesandtschaft nach Moskau. Hansische Geschichtsblätter Jahrgang 1889. Leipzig, 1891. Б. 27–51.

8. См.: Форстен Г. В. Балтийский вопрос... Т. 2. С. 40.

9. См.: Любименко И. История торговых сношений России с Англией. Вып. 1. Юрьев, 1912. С. 124–126.

10. Кордт В. А. Очерк сношений Московского государства с республикой Соединенных Нидерландов по 1631 г. // Сб. РИО. Т. 116. СПб., 1902. С. XXIV–XXV; Т. 38. СПб., 1883. С. 364–404; Масса И. Краткое известие... С. 58.

11. Сб. РИО. Т. 38. С. 422–423; Любименко И. Торговые сношения России с Англией и Голландией с 1553 по 1649 г. // Известия АН СССР. Отд. обществ. наук. № 10. Л., 1933. С. 740.

12. Буссов К. Московская хроника. С. 84.

13. Письмо Б. Годунова опубликовано В. Макушевым в собрании южнославянских памятников, извлеченных из архивов Италии, – «Гласнике Српского ученого друштва» (Кн. XIV. Београд, 1882. С. 253–255). См. также: Голицын Н. В. Научно-образовательные сношения России с Западом в начале XVII в. // ЧОИДР. 1898. Кн. 4. С. 33.

14. Письмо Т. Лонциуса Борису Годунову от 14(24) января 1601 г. // Голицын Н. В. Указ. соч. С. 23, 26.

15. Наказанная память Р. Бекману 24 октября 1600 г. // АИ. Т. 2. С. 33.

16. Голицын Н. В. Указ. соч. С. 25–26.

17. СГГД. Ч. 2. С. 158.

18. Сб. РИО. Т. 38. С. 270–272, 313.

19. См.: Любименко И. История торговых сношений России с Англией. Вып. 1. С. 130; Сб. РИО. Т. 38. С. 310, 419, 431–435.

20. Буссов К. Московская хроника. С. 34; Цветаев Д. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890. С. 52–54; Копанев А. И. Исторический комментарий к Хронике Буссова // Буссов К. Московская хроника. С. 341.

21. См. Арсеньев А. В. История посылки первых русских студентов за границу при Борисе Годунове. СПб., 1887; Алексеев М. П. Англия и англичане в памятниках русской письменности XVI–XVII вв. // Учен. зап. ЛГУ. Сер. истор. наук. 1947. Вып. 15; Малин М. Англо-русские культурные и научные связи (до основания Петербургской Академии наук) // Вестник истории мировой культуры. 1957. № 3; Савич Н. Г. Изучение иностранных языков русскими в XVII в. // Историографические и исторические проблемы русской культуры: Сб. ст. М., 1982. С. 37–38.

22. Рогов А. И. Школа и просвещение // Очерки русской культуры XVII в. Ч. 2. М., 1969. С. 258; Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI–начале XVII в. М., 1978. С. 263.

23. Сб. РИО. Т. 38. С. 420, 424, 430; Старина и новизна. 1911. Кн. 14. С. 332–333.

24. Старина и новизна. 1911. Кн. 14. С. 332–333, прим. 2.

25. Сборник материалов по русской истории начала XVII в. С. 38; Голицын Н. В. Указ. соч. С. 4–5.

26. Буссов К. Московская Хроника. С. 84; Петрей П. История о великом княжестве Московском. С. 178.

27. Маржарет Я. Записки. С. 40.

28. Донесение Д. Мерика // Старина и новизна. 1911. Кн. 14. С. 328.

29. Буссов К. Московская хроника. С. 85–86; Маржарет Я. Записки. С. 46.

30. Масса И. Краткое известие., С. 54; ПСРЛ. Т. 14. С. 56–57.

31. Письмо Р. Барнса (1603 г.) // Старина и новизна. 1911. Кн. 14. С. 340.

32. Буссов К. Московская хроника. С. 56.

33. Повесть 1626 г. // РИБ. Т. 13. Стб. 708.

34. См.: Снегирев В. Московские слободы. С. 209; Платонов С. Ф. Москва и Запад в XVI–XVII вв. Л., 1925. С. 35.

35. Буссов К. Московская хроника. С. 86; Масса И. Краткое известие... С. 52.

36. См.: Рогов А. И. Школа и просвещение. С. 149.

37. ПСРЛ. Т. 34. С. 203.

38. Сказание Авраамия Палицына. С. 109.

39. ПСРЛ. Т. 34. С. 202–203.

40. Там же. С. 202; Записки С. Немоевского // Титов А. А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахромееву. Вып. 6. С. 38,

41. Временник Ивана Тимофеева. С. 240, 232; ПСРЛ. Т. 34. С. 202.

42. См.: Косточкин В. В. Государев мастер Федор Конь. М., 1964. С. 44–71; ПСРЛ. Т. 14. С. 47, 54; Т. 32. С. 198; Известия русского генеалогического общества. Вып. 2. СПб., 1903. Отд. II. С. 28–29.

43. ПСРЛ. Т. 32. С. 203; см.: Рогов А. И. Книгопечатание // Очерки русской культуры XVII в. Ч. 2. С. 157–158.

44. Повесть 1626 г. // РИБ. Т. 13. Стб. 708; Путешествие сэра Еремея Горсея // ЧОИДР. 1877. Кн. 1. Отд. IV. С. 101–102.

45. Сборник материалов по русской истории начала XVI в. С. 34.

46. Гюльденстерн А. Путешествие герцога Ганса // ЧОИДР. 1911. Кн. 3. Отд. 2. С. 60.

47. Временник Ивана Тимофеева. С. 63.

48. Повесть 1626 г. // РИБ. Т. 13. Стб. 708.

49. Путешествие сэра Еремея Горсея. С. 102; Путешествие сэра Томаса Смита. С. 58; Масса И. Краткое известие... С. 98.

50. Временник Ивана Тимофеева. С. 56; Масса И. Краткое известие... С. 98.

Глава 13. Вторжение

1. Разрядная книга 1598–1638 гг. С. 160.
2. Там же. С. 156–157, 162–163.
3. Там же. С. 163; СГГД. Ч. II. С. 176.
4. ПСРЛ. Т. 14. С. 61; СГГД. Ч. II. С. 177; Пирлинг П. Дмитрий Самозванец. С. 123; Сб. РИО. Т. 137. С. 178–181.
5. СГГД. Ч. II. С. 174; Киевская старина. 1899. № 1. С. 12.
6. АИ. Т. 1. С. 271.
7. Сб. РИО. Т. 137. С. 414.
8. Сказание Авраамия Палицына. С. 108, 110.
9. Сб. РИО. Т. 137. С. 243; Корецкий В. И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980 г. М., 1981. С. 243.
10. Сб. РИО. Т. 137. С. 260.
11. [Поссевино А.] Историческое и правдивое повествование // Старина и новизна. 1911. Кн. 15. С. 15; Московская трагедия, или Рассказ о жизни и смерти Дмитрия (1608 г.) / Пер. А. Браудо. СПб., 1901. С. 22; Киевская старина. 1899. № 1. С. 11; Борша С. История Московская // РИБ. Т. I. Стб. 367.
12. Поденная записка похода Лжедмитрия I // Львовская историческая библиотека АН УССР, ф. библ. Оссолинских, № 5998/III, копии А. Гиршберга, л. 78 об. 79; СГГД. Ч. II. С. 169.
13. Пирлинг П. Дмитрий Самозванец. С. 159.
14. Записки Г. Паэрле // Сказания современников о Дмитрии Самозванце / Сост. Н. Устрялов. Т. I. СПб., 1859. С. 156–157.
15. ПСРЛ. Т. 14. С. 61–62; Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время. С. 191; РИБ. Т. 13. Стб. 724; Письмо из Чернигова от 1 (11) ноября 1604 г. // Киевская старина. 1899. М 1. С. 11.
16. Борша С. История Московская. Стб. 369–370.
17. Киевская старина. 1899. № 1. С. 13.
18. Акты Московского государства. Т. I. С. 66–67.

19. Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 2; Смирнов И. И. Восстание Болотникова. С. 111–112.
20. По-видимому, составитель позднего списка Разрядной книги объединил разнородные записи о сборе ратных людей в Новгороде Северском.
21. Акты Московского государства. Т. I. С. 66, 74; Разрядная книга 1598–1638 гг. С. 145–146, 164, 166.
22. В. Д. Назаров отвергает Разряд о посылке «даточных людей» из Комарицкой волости как целиком недостоверный. // Генезис и развитие феодализма в России. С. 192, прим. 24.
23. Записки Г. Паэрле. С. 158–159; Поденная записка похода Лжедмитрия I. Л. 79.
24. ПСРЛ. Т. 34. С. 206; Борша С. История Московская. Стб. 372; Поденная записка похода Лжедмитрия I. Л. 79.
25. Петрей П. Реляция о России начала XVII в. С. 87; Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. С. 83; Разрядная книга 1598–1638 гг. С. 178.
26. Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 2.
27. ПСРЛ. Т. 14. С. 62; РИБ. Т. 13. Стб. 724, 571.
28. Письмо из лагеря под Новгородом Северским от 22 ноября (2 декабря) 1604 г. // Архив главный Древних актов (Варшава). Ф. Замоиских, № 3036. Л. 29–30; Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Ч. 2. СПб., 1859. С. 181.
29. См.: Эрнст Н. А. Путивль и его посад в первой половине XVII в. // Юбилейный сборник историко-этнографического кружка при университете св. Владимира. Киев, 1914. С. 75; Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 412–413.
30. Поденная записка похода Лжедмитрия I. Л. 79–79 об.
31. Разрядная книга 1598–1638 гг. С. 172; ПСРЛ. Т. 14. С. 62.
32. Скляр И. М. О начальном этапе первой крестьянской войны в России // Вопросы истории. 1960. № 6. С. 96.

33. Приходная книга Новодевичьего монастыря 7112 г. //Архив ЛОИИ АН СССР. Ф. 276. Оп. 1, № 185. Л. 154.

34. Поденная записка похода Лжедмитрия I. Л. 79 об.

35. См.: Смирнов И. И. Восстание Болотникова. С. 114–117; Корецкий В. Н. Формирование крепостного права и первая Крестьянская война в России. С. 198–199; Масса И. Краткое известие... С. 81; Попов А. Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции. С. 324.

36. Разрядная книга 1598–1638 гг. С. 32, 146; Боярские списки... Ч. I. С. 245.

37. Боярские списки... Ч. I. С. 233; Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 71, 115, 192.

38. В 1606 г. после поражения Болотникова у стен Москвы царь Василий послал грамоты с призывом сложить оружие к крестьянам как Комарицкой, так и Сомовской волости (см.: Смирнов И. И. Восстание Болотникова. С. 281).

39. Поденная записка похода Лжедмитрия I. Л. 79 об.; Разрядная книга 1598–1638 гг. С. 149, 173; Боярские списки... Ч. II. С. 86.

40. Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 238.

41. Там же. С. 232.

42. Там же.

43. Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. С. 246; Борша С. История Московская. Стб. 371; Записки Г. Паэрле. С. 157; Поденная записка похода Лжедмитрия I. Л. 79 об.

44. Борша С. История Московская. Стб. 376; Записки Г. Паэрле. С. 170; РИБ. Т. 13. Стб. 29.

45. Записки Г. Паэрле. С. 160; Поденная записка похода Лжедмитрия I. Л. 79 об.

46. Белокуров С. А. Разрядные записи., С. 2, 192, 238; Назаров В. Д. Указ. соч. С. 194; Боярские списки... Ч. II. С. 19–24.

47. После битвы 21 декабря 1604 г. против имени Я. О. Лодыженского в росписи появилась помета «убит» (Боярские списки., Ч. II. С. 22).

48. Боярские списки... Ч. II. С. 44.

49. Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 192, 193, 1; Буссов К. Московская хроника. С. 101.

50. Белокуров С. А. Разрядные записи. С. 1–2, 192–193.

51. См.: Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты... С. 249.

52. См.: Мордовина С. П., Станиславский А. Л. Вступит. ст. //Боярские списки... Ч. I. С. 74–76; Назаров В. Д. Указ. соч. С. 195–196.

53. Боярские списки... Ч. II. С. 4, 10, 11, 14; Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 195, 197.

54. Боярские списки., Ч. II. С. 3–95; Маржарет Я. Записки. С. 191–192.

55. Гиршберг А. Дмитрий Самозванец. С. 75. А. Гиршберг принял как достоверные сведения о прибытии 13 тыс. казаков в Чернигов.

56. Борша С. История Московская. Стб. 378–380; Записки Г. Паэрле. С. 162; Маржарет Я. Записки. С. 191–192; Масса И. Краткое известие... С. 84–85; РИБ. Т. 13. Стб. 29; Поденная записка похода Лжедмитрия I. Л. 80.

57. Борша С. История Московская. Стб. 380; Маржарет Я. Записки. С. 191; Боярские списки... Ч. II. С. 4, 10, 11, 14.

58. Пирлинг П. Дмитрий Самозванец. С. 166; Борша С. История Московская. Стб. 382–383.

59. Поденная записка похода Лжедмитрия I. Л. 80.

60. РИБ. Т. I. Стб. 101; Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 11. Прим. 276.

61. Пирлинг П. Дмитрий Самозванец. С. 167.

62. Маржарет Я. Записки. С. 192, 193; Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 2, 238.

63. ААЭ. Т. 2. С. 77.

64. Белокуров С. А. Разрядные записи. С. 197; ПСРЛ. Т. 14. С. 62.

65. Борша С. История Московская. Стб. 385; Записки Г. Паэрле. С. 163.

66. Маржарет Я. Записки. С. 192.

67. Борша С. История Московская. Стб. 387–388; Записки Г. Паэрле. С. 165.

68. Цит. по: Пирлинг П. Дмитрий Самозванец. С. 169–170.

69. Маржарет Я. Записки. С. 193; Борша С. История Московская. Стб. 387; Записки Г. Паэрле. С. 165.

70. Борша С. История Московская. Стб. 388.

71. Записки Г. Паэрле. С. 165; Маржарет Я. Записки. С. 193; Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 238.

72. Записки Г. Паэрле. С. 166; Сказание о Гришке Отрепьеве // РИБ. Т. 13. Стб. 726.

73. Буссов К. Московская хроника. С. 102.

74. Масса И, Краткое известие... С. 81–82; Боярские списки... Ч. II. С. 32.

75. РИБ. Т. 13. Стб. 34.

76. См.: Зимин А. А. Некоторые вопросы истории Крестьянской войны в России в начале XVII в. // Вопросы истории. 1958. № 3. С. 113 Смирнов И. И. О некоторых вопросах истории борьбы классов в Русском государстве начала XVII в. // Вопросы истории. 1958. № 12. С. 117.

Глава 14. Мятеж в южных крепостях

1. Пирлинг П. Дмитрий Самозванец. С. 171.

2. Чилли А. История Московии // Маяк современного просвещения и образованности. СПб, 1841. Ч. 17. Гл. 3. С. 27.

3. ПСРЛ. Т. 14. С. 62; Письмо Чижевского и Лавицкого от 26 февраля (8 марта) 1605 г. // Pierling P. Rome et Demetrius. S. 203; Маржарет Я. Записки. С. 193; Борша С. История Московская // РИБ. Т. 1. Стб. 392.

4. Pierling P. Op. cit. S. 203; Записки Г. Паэрле. С. 167.

5. Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время. С. 3.

6. Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. С. 255; Акты Московского государства. Т. I. С. 76.

7. Боярские списки... Ч. II. С. 19–24.

8. ПСРЛ. Т. 14. С. 63; Буссов К. Московская хроника. С. 102; Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. С. 91.

9. Pierling P. Op. cit. S. 203; Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 199, 238.

10. См.: Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. С. 420, 422; Загоровский В. П. Белгородская черта. С. 22–24, 33; Александров В. А. Организация обороны южной границы Русского государства во второй половине XVI–XVI в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979. С. 162–163; Он же. Стрелецкое население южных городов России в XVI в. // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 237–241.

11. См.: Анпилогов Г. Н. Новые документы о России конца XVI–начала XVII в. С. 320.

12. См. там же. С. 369, 371.

13. РИБ. Т. I. Стб. 393.

14. Книги Разрядные. Т. I. СПб., 1853. С. 1236–1238.

15. См.: Анпилогов Г. Н. Новые документы о России конца XVI–начала XVII в. С. 343.

16. Записки ОР ГБЛ им. В. И. Ленина. Вып. 20. М., 1958. С. 183–184.

17. Pierling P. Op. cit. S. 204.

18. Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 5.

19. Разрядная книга 1598–1638 гг. С. 169–171.

20. См.: Назаров В. Д. К истории начального периода первой Крестьянской войны в России // Генезис и развитие феодализма в России. С. 199.

21. Боярские списки... Ч. II. С. 33, 34, 51; Борша С. История Московская // РИБ. Т. I. Стб. 393.

22. Pierling P. Op. cit. S. 205.

23. Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 5; Боярские списки... Ч. II. С. 11; Разрядная книга 1598–1638 гг. С. 169.

24. Приложение к родословной книге рода Хитрово. СПб., 1867. С. 4, 361–362, 393.

25. Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 4.

26. ПСРЛ. Т. 14. С. 63.

27. Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 2.

28. Буссов К. Московская хроника. С. 104; РИБ. Т. 13. Стб. 36; Масса И. Краткое известие... С. 91.

29. Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 238; Буссов К. Московская хроника. С. 104.

30. Масса И. Краткое известие... С. 94.

31. Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. Прил. С. 56–60, 68, 70; ГПБ, ОР. Ф. 885, Эрмитажное собр. № 343. Л. 1 об., 15, 22.

32. ПСРЛ. Т. 14. С. 63; Назаров В. Д. Указ. соч. С. 199.

Глава 15. В «воровском» лагере

1. Чилли А. История Московии // Маяк современного просвещения и образованности. СПб., 1841. Ч. 17. С. 27; Пирлинг П. Дмитрий Самозванец. С. 172–173.

2. Иное сказание // РИБ. Т. 13. Стб. 35–36.

3. Там же.

4. Старший сын Ю. А. Беззубцева Дмитрий имел нижний поместный оклад – 30 четвертей пашни. (Анципилов Г. Н. Новые документы о России конца XVI–начала XVII в. С. 165–166, 295).

5. См.: Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в XVII в. С. 57–59; Пирлинг П. Дмитрий Самозванец. С. 190; Попов А. Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции. С. 228.

6. Сб. РИО. Т. 137. С. 585.

7. Гиршберг А. Дмитрий Самозванец. С. 87–88.

8. Библиотека Вроцлавского университета (Оссолинеум). Ф. библ. Оссолинских, № 2284. Л. 149.

9. Там же.

10. РИБ. Т. I. Стб. 134, 188.

11. Там же. Стб. 16–17.

12. Пирлинг П. Дмитрий Самозванец. С. 132; Maciszewski J. Polska a Moskwa. 1603–1618. S. 71.

13. РИБ. Т. I. Стб. 39; Пирлинг П. Дмитрий Самозванец. С. 136.

14. Борша С. История Московская // РИБ. Т. I. Стб. 390; Записки Г. Паэрле. С. 169.

15. ААЭ. Т. 2. С. 76; ср.: РИБ. Т. 13. Стб. 28.

16. Пирлинг П. Дмитрий Самозванец. С. 177–178.

17. Письмо Лжедмитрия к Рангони 8 (18) января 1605 г. // Пирлинг П. Дмитрий Самозванец. С. 168, 175.

18. Pierling P. Rome et Demetrius. S. 205.

19. Записки Г. Паэрле. С. 169.

20. [Поссевино А.] Историческое и правдивое повествование // Старина и новизна. 1911. Кн. 15. С. 18; Румель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. II. СПб., 1887. С. 614.

21. Письмо Чижевского и Лавицкого от 26 февраля (8 марта) 1605 г. // Pierling P. Op. cit. S. 205.

22. Сб. РИО. Т. 137. С. 580; Сказания современников о Дмитрие Самозванце. Т. I. С. 333.

23. Маржарет Я. Записки. С. 210.

24. РИБ. Т. 13. Стб. 48.

25. По некоторым данным, Леонид был постриженником Крипацкого монастыря (РИБ. Т. 13. Стб. 155–156, 797).

26. Письмо Чижевского и Лавицкого от 7 (17) марта 1605 г. // Pierling P. Op. cit. S. 205.

27. Разрядная книга 1375–1605 гг. Л. 455 об., 456; Боярские списки... Ч. I. С. 110; Разрядная книга 1598–1638 гг. С. 153; Книга записная. Томск, 1973. С. 8.

28. Буссов К. Московская хроника. С. 108.

29. Разрядная книга 1598–1638 гг. С. 97, 120, 178; СГГД. Ч. II. С. 209.

30. СГГД. Ч. II. С. 209.

31. БАН, ОР, 32.15.16. Л. 108; Боярские списки... Ч. I. С. 159, 203; Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время. С. 84, 204.

32. Под Новгородом Северским к «вору» перебежали дети боярские алексинцы И. Арцыбашев и М. Челюсткин (см.: Исторический архив. Т. VI. М.—Л., 1951. С. 97).

33. ААЭ. Т. 2. С. 76, 89; ср.: РИБ. Т. 13. Стб. 27.

34. Гиршберг А. Дмитрий Самозванец. С. 87–88.

Глава 16. Властитель Кремля

1. Маржарет Я. Записки. С. 41; Масса Н. Краткое известие о Московии в начале XVII в. С. 66.

2. Biblioteka Warszawska 1896. Т. III. S. 425–426.

3. Масса И. Краткое известие... С. 79; Маржарет Я. Записки. С. 61–62.

4. Временник Ивана Тимофеева. С. 84.

5. Масса И. Краткое известие... С. 99.

6. Там же. С. 94.

7. Там же. С. 79.

8. Горсей Д. Записки о Московии XVI в. С. 102; Biblioteka Warszawska 1896. Т. III. S. 425–426.

9. Буссов К. Московская хроника. С. 100.

10. Масса И. Краткое известие... С. 82–83; ЦГАДА. Ф. 210, Приказной стол. Стб. 564. Л. 157.

11. Путешествие сэра Томаса Смита. С. 63.

12. Там же. С. 37, 60.

13. Масса И. Краткое известие... С. 82, 94.

14. Буссов К. Московская хроника. С. 86; Масса И. Краткое известие... С. 82.

15. РИБ. Т. 13. С. 39; Попов А. Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции. С. 228; Буссов К. Московская хроника. С. 104; Масса И. Краткое известие... С. 97.

16. ПСРЛ. Т. 14. С. 63; Т. 34. с. 205; Попов А. Н. Изборник... С. 290.

17. Путешествие сэра Томаса Смита. С. 56.

18. Маржарет Я. Записки. С. 193; Повесть 1626 г. // РИБ. Т. 13. Стб. 574.

Глава 17. Восстание под Кромами

1. Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время. С. 199.

2. Грамота ростовского митрополита 29 апреля 1605 г. // ААЭ. Т. 2. С. 87.

3. Там же. С. 77, 79, 81; Опись архива Посольского приказа 1626 г. Ч. I. С. 185.

4. СГГД. Ч. II. С. 191–193.

5. Масса Н. Краткое известие о Московии в начале XVI в. С. 97; ПСРЛ. Т. 14. С. 64; Т. 34. С. 241; Временник Ивана Тимофеева. С. 85.

6. Грамота царицы Марии и царя Федора 1 мая 1605 г. // СГГД. Ч. II. С. 187–188.

7. Масса И. Краткое известие... С. 97; Опись архива Посольского приказа 1626 г. Ч. I. С. 316.

8. СГГД. Ч. II. С. 191–193.

9. Там же. С. 192.

10. Иное сказание // РИБ. Т. 13. Стб. 39; Попов А. Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции. С. 415; Масса И. Краткое известие... С. 97; Буссов К. Московская хроника. С. 104.

11. Масса И. Краткое известие... С. 99.

12. Буссов К. Московская хроника. С. 104; Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 199.

13. Масса И. Краткое известие... С. 99–100.

14. Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 200.

15. Разрядная книга 1375–1605 гг. Л. 932 об.– 933; ГБЛ, ОР. Собр. Горского. Д. 16. Л. 580.

16. Путешествие сэра Томаса Смита. С. 68; Попов А. Н. Изборник... С. 234; Буссов К. Московская хроника. С. 101.

17. Путешествие сэра Томаса Смита. С. 42–43; Масса И. Краткое известие... С. 95.

18. РИБ. Т. 13. Стб. 40; ПСРЛ. Т. 34. С. 206.

19. Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 245, 246, 115; «Казанское сказание» // Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России XVI в. М., 1969. С. 208.

20. Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 200.

21. Там же. С. 200, 116.

22 см.: Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты в московском государстве XVI–XVII вв. С. 259; Скрынников Р. Г. Россия накануне «смутного времени». С. 62.

23. ПСРЛ. Т. 14. С. 64; Иное сказание // РИБ. Т. 13. Стб. 41. Поздние летописцы не могли забыть о последующих предательствах М. Г. Салтыкова.

24. Маржарет Я. Записки. С. 195; Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 200; Петрей П. Реляция о России начала XVI в. С. 91.

25. Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 349–350; Боярские списки... Ч. I. С. 162; Корецкий В.И., Соловьева Т. Б., Станиславский А. Л. Документы первой Крестьянской войны в России // Советские архивы. 1982. № 1. С. 36.

26. Буссов К. Московская хроника. С. 103.

27. Русский исторический сборник. Т. II. М., 1838. С. 268; Кобеко Д. Родословные заметки о некоторых деятелях Смутного времени // Известия русского генеалогического общества. Вып. 3. СПб., 1909. С. 5–6.

28. Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 203.

29. Боярские списки... Ч. I. С. 208; Писцовые книги Рязанского края XVI в. Т. I. Вып. 1. Рязань 1898. С. 242; см. также: Шватченко О. А. Светское феодальное землевладение Рязанского уезда в 90-е годы XVI–20–30 годы XVII в. // Проблемы истории СССР. С. 352–353.

30. Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 203; Боярские списки... Ч. II. С. 4.

31. Floria B. Dymitr Samozwanies a magnateria polsko litewska // Odrodzenie i Reformacja w Polsce. 1979. Т. XXIV. Б. 85.

32. Пирлинг П. Дмитрий Самозванец. С. 200; Калафов Н. Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Кн. 1. СПб., 1860. С. 50.

33. Письмо Лжедмитрия I Мнишку от 1(10) мая 1605 г. // Niemcewicz V. Dzieje Panowania Zygmuta III. Т. II. Wroclaw, 1836: Б. 529; ср: Попов А. Н. Изборник., С. 328.

34. Масса И. Краткое известие., С. 100.

35. Буссов К. Московская хроника. С. 128.

36. Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 200.

37. ПСРЛ. Т. 14. С. 63.

38. Сб. РИО. Т. 137. С. 586.

39. Масса И. Краткое известие... С. 90.

40. Сб. РИО. Т. 137. С. 521.

41. Борша С. История Московская // РИБ. Т. I. Стб. 393; Записки Г. Паэрле. С. 169.

42. Сб. РИО. Т. 137. С. 584, 585.

43. [Поссевино А.] Историческое и правдивое повествование // Старина и новизна. 1911. Кн. 15. С. 21–22; Записки Г. Паэрле. С. 170; Письмо Я. Запорского Ю. Мнишку (май 1605 г.) // Библиотека Вроцлавского университета (Оссолинеум). Ф. библ. Оссолинских, № 2284. Л. 155.

44. Гиршберг А. Дмитрий Самозванец. С. 114; Пирлинг П. Дмитрий Самозванец. С. 195; Письмо Я. Запорского Ю. Мнишку (май 1605 г.). Л. 155; ср.: Борша С. История Московская. Стб. 395.

45. Попов А. Н. Изборник... С. 328.

46. Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. II. Вып. 1. С. 225; Белокуров С. А. Разрядные записи. С. 200–201.

47. Масса Н. Краткое известие... С. 101.

48. Боярские списки... Ч. II. С. 53.

49. Там же. С. 61, 88; Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 203.

50. Повесть 1626 г. // РИБ. Т. 13. Стб. 576; Иное сказание // РИБ. Т. 13. Стб. 42; Боярские списки... Ч. I. С. 197.

51. ПСРЛ. Т. 14. С. 64.

52. Боярские списки... Ч. II. С. 27; РИБ. Т. 13. Стб. 40.

53. Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 29; Боярские списки... Ч. II. С. 69; Масса И. Краткое известие... С. 103.

54. Масса И. Краткое известие... С. 101–103; Петрей П. Реляция о России начала XVII в. С. 91.

55. Масса И. Краткое известие... С. 103; Записки Г. Паэрле. С. 171.

56. Иное сказание // РИБ. Т. 13. Стб. 41.

57. Петрей П. Реляция о России начала XVII в. С. 90.

58. Там же. С. 90–91; Иное сказание // РИБ. Т. 13. Стб. 44.

59. Попов А. Н. Изборник... С. 238; Бельский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 242; Повесть 1626 г. // РИБ. Т. 13. Стб. 576.

60. Масса И. Краткое известие... С. 102.

61. Письмо Лжедмитрия I Ю. Мнишку от 14 (24) мая 1605 г. // СГГД. Ч. II. С. 197.

62. Белокуров С. А. Разрядные записи. С. 238–239, 133.

Глава 18. Триумфальное шествие

1. Борша С. История Московская // РИБ. Т. I. Стб. 396–397.

2. Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. С. 103.

3. Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. II. Вып. 1. С. 225; Письмо Лжедмитрия I Ю. Мнишку от 4 (14) мая 1605 г. / СГГД. Ч. II. С. 196.

4. Письмо Лжедмитрия I Ю. Мнишку от 4 (14) мая 1605 г. // СГГД. Ч. II. С. 196–197; см. также: Пирлинг П. Дмитрий Самозванец. С. 197–198.

5. Масса И. Краткое известие... С. 103; Маржарет Я. Записки. С. 196.

6. Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. II. Вып. 1. С. 226.

7. Масса И. Краткое известие... С. 102; Борша С. История Московская. Стб. 396; ср.: Маржарет Я. Записки. С. 196.

8. Гиршберг А. Дмитрий Самозванец. С. 115; Борша С. История Московская. Стб. 394; Маржарет Я. Записки. С. 196.

По словам И. Массы, при самозванце находились большая часть поляков и казаков и некоторые русские, которым он доверял (Масса И. Краткое известие... С. 104).

9. Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. II. Вып. 1. С. 226.

10. Сб. РИО. Т. 137. С. 587.

11. «Отступники» ожидали прибытия Отрепьева в Орле (Петрей П. Реляция о России начала XVII в. С. 91).

12. Гиршберг А. Дмитрий Самозванец. С. 114.

13. Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. II. Вып. 1. С. 226.

14. Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 342; Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время. С. 203, 199, 133.

15. ПСРЛ. Т. 14. С. 64; Счетные дела // Временник МОИДР. Кн. 14. М., 1852. С. 64.

16. ПСРЛ. Т. 14. С. 64.

17. [Поссевино А.] Историческое и правдивое повествование // Старина и новизна. 1911. Кн. 15. С. 24.

18. Гиршберг А. Дмитрий Самозванец. С. 166.

19. Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 72; Сказание о Гришке Отрепьеве // РИБ. Т. 13. Стб. 729.

20. Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 28, 5; ПСРЛ. Т. 14. С. 64; Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 111.

21. ААЭ. Т. 2. С. 90.

22. Масса И. Краткое известие... С. 109; Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 202; Счетные дела // Временник МОИДР. Кн. 14. С. 64.

23. Масса И. Краткое известие. С. 104.

Глава 19. Переворот в столице

1. См.: Смирнов И. И. Восстание Болотникова. С. 85–86; Корецкий В. И. Голод 1601–1603 гг. в России и церковь // Вопросы истории религии и атеизма. Вып. 7. М., 1959. С. 237–239.
2. См.: Бахрушин С. В. Научные труды. Т. I. М., 1952. С. 219–220.
3. См.: Маковский Д. П. Первая Крестьянская война в России. Смоленск, 1967. С. 291; Назаров В. Д. Классовая борьба горожан и правительство Бориса Годунова // Города феодальной России. М., 1966. С. 217; Кулакова И. П. Восстание в Москве 1605 г. // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1985. № 4. С. 76–77.
4. Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVI в. С. 104–105.
5. Там же. С. 105.
6. Там же. С. 106; ПСРЛ. Т. 14. С. 65; Т. 34. С. 206.
7. Маржарет Я. Записки. С. 196.
8. Буссов К. Московская хроника. С. 105.
9. Там же; ПСРЛ. Т. 34. С. 206, 242.
10. ПСРЛ. Т. 14. С. 64–65.
11. Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время. С. 5.
12. ПСРЛ. Т. 14. С. 65; Т. 34. С. 206, 242; Попов А. Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции. С. 328; Масса И. Краткое известие... С. 106.
13. ААЭ. Т. 2. С. 90–91.
14. Попов А. Н. Изборник... С. 328.
15. Путешествие сэра Томаса Смита. С. 76; ПСРЛ. Т. 14. С. 65.
16. ПСРЛ. Т. 14. С. 65.
17. Разрядная книга 1550–1636 гг. Вып. 1. С. 227.
18. Буссов К. Московская хроника. С. 106.
19. Один Петр Петрей отметил, что народ, получив воззвание «Дмитрия», обратился с вопросом: что случилось с уglichским царевичем? Шуйский будто бы сказал,

что Дмитрий избежал козней Бориса и ждет своего часа (Петрей П. Реляция о России начала XVII в. С. 91–92). Свидетельство Петрея лишено конкретности. Как видно, он не был очевидцем события и записал слухи, лишенные достоверности.

20. Маржарет Я. Записки. С. 196.
 21. Буссов К. Московская хроника. С. 109.
 22. См.: Болдаков И. М. Вступит. ст. // Путешествие сэра Томаса Смита. С. 11–13.
 23. Там же. С. 50.
 24. Буссов К. Московская хроника. С. 105.
 25. Письмо А. Лавицкого от 11 (21) сентября 1605 г. / Старина и новизна. 1911. Кн. 14. С. 533.
 26. Путешествие сэра Томаса Смита. С. 50.
 27. ПСРЛ. Т. 34. С. 206.
 28. Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. II. Вып. 1. С. 227.
 29. ПСРЛ. Т. 14. С. 65; Т. 34. С. 206.
 30. Путешествие сэра Томаса Смита. С. 81.
 31. Масса И. Краткое известие... С. 107; Соборная грамота Иова 1607 г. // ААЭ. Т. 2. С. 154; ПСРЛ. Т. 14. С. 66.
 32. Число дворов, принадлежавших на Москве Сабуровым и Вельяминовым, не превышало четырех десятков. Между тем имеются сведения, что от переворота в столице пострадало от 70 до 120 домов родни и сторонников Годуновых (см.: Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 201; Гиршберг А. Дмитрий Самозванец. С. 123–124, прим. 3; [Поссевино А.] Историческое и правдивое повествование // Старина и новизна. 1911. Кн. 15. С. 25.
 33. Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 271.
- Уцелевшие после опал Самозванца Годуновы подтвердили в своих челобитных тот факт, что в 1605 г. дворы их «на Москве и животы миром разграбили» (Корецкий В. И., Соловьева Т. Б., Станиславский А. Л. Документы первой Крестьянской войны // Советские архивы. 1982. № 1. С. 36).

34. Путешествие сэра Томаса Смита. С. 80–82; ср.: Масса И. Краткое известие... С. 107–108.

35. Попов А. Н. Изборник... С. 329; Масса И. Краткое известие... С. 107; Путешествие сэра Томаса Смита. С. 81.

36. Масса И. Краткое известие... С. 108.

37. Летопись занятий Археографической комиссии. Вып. 9. СПб., 1893. С. 57.

Глава 20. Бояре и Самозванец

1. Буссов К. Московская хроника. С. 106.

2. Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. С. 108.

3. Попов А. Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции. С. 328.

4. Путешествие сэра Томаса Смита. С. 82–83.

5. Гиршберг А. Дмитрий Самозванец. С. 116.

6. Там же. С. 115; Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время. С. 202–203.

7. Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. II. Вып. 1. С. 187.

8. Масса И. Краткое известие... С. 108.

9. Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. II. Вып. 1. С. 227–228; Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 204.

10. Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 201; Корецкий В. И., Соловьева Т. Б., Станиславский А. Л. Документы первой Крестьянской войны // Советские архивы. 1982. № 1. С. 36.

11. Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 203.

12. ПСРЛ. Т. 14. С. 65.

13. Там же.

14. Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 203.

15. Попов А. Н. Изборник... С. 329.

16. Борша С. История Московская // РИБ. Т. I. Стб. 397; Казанское сказание // Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России XVII в. С. 208.

17. Чилли А. История Московии // Маяк современного просвещения и образованности. СПб., 1842. Т. 3. Кн. 6. С. 52.

18. Путешествие сэра Томаса Смита. С. 92–95.

19. Грамота Лжедмитрия I на Пелым 11 июня 1605 г. // СГГД. Ч. II. С. 200.

20. См.: Скрынников Р. Г. Россия накануне «смутного времени». С. 126–127.

21. Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 6.

22. СГГД. Ч. II. С. 191, 202.

23. ПСРЛ. Т. 14. С. 65; Буссов К. Московская хроника. С. 106.

24. Маржарет Я. Записки. С. 68.

25. Дмитриевский А. Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его. Киев, 1899. С. 97.

26. Там же. С. 99; ПСРЛ. Т. 14. С. 66; Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. XI. Прим. 351.

27. Буссов К. Московская хроника. С. 107.

28. Путешествие сэра Томаса Смита. С. 78.

29. РИБ. Т. 13. Стб. 731; Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства. Изд. 2. М., 1788. С. 92; ПСРЛ. Т. 14. С. 65; ср.: Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 6, 203; Масса И. Краткое известие... С. 110.

30. См.: Назаров В. Д. «Новый летописец» как источник по истории царствования Лжедмитрия I // Летописи и хроники. М., 1974. С. 304; Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980. С. 279.

31. Дмитриевский А. Архиепископ Елассонский Арсений... С. 99.

32. «Того ж лета (1605 г.–Р. С.), июня в 8 день, убиен царевич Федор Борисович с матерью с царицею... на старом своем дворе» (Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 226).

33. ПСРЛ. Т. 14. С. 66.

34. Петрей П. Реляция о России начала XVII в. С. 92; Маржарет Я. Записки. С. 68 Краткое известие... С. 11; Путешествие сэра Томаса Смита. С. 84–85

35. Дмитриевский А. Архиепископ Елассонский Арсений... С. 99; Масса И. Краткое известие... С. 111.
36. ПСРЛ. Т. 14. С. 66; Масса И. Краткое известие... С. 110; Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 6.
37. Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 201–202.
38. СГГД. Ч. II. С. 200.
39. Бельский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 242.
40. Пирлинг П. Дмитрий Самозванец. С. 207; ПСРЛ. Т. 34. С. 343.
41. ААЭ. Т. 2. С. 154.
42. РИБ. Т. 13. Стб. 936.
43. См.: Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. С. 282.
44. Цит. по: Пирлинг П. Дмитрий Самозванец. С. 210, прим. 1.
45. СГГД. Ч. II. С. 200.
46. Дмитриевский А. Архиепископ Елассонский Арсений... С. 100.
47. Масса И. Краткое известие... С. 114; РИБ. Т. 13. Стб. 732, 1293, 936; ПСРЛ. Т. 14. С. 65.
48. Борша С. История Московская. Стб. 397; ПСРЛ. Т. 14. С. 66; Буссов К. Московская хроника. С. 108.
49. ААЭ. Т. 2. С. 91.
50. Масса И. Краткое известие... С. 108–109.
51. Там же. С. 112; Старина и новизна. 1911. Кн. 14. С. 267.
52. РИБ. Т. 13. Стб. 578, 652; ПСРЛ. Т. 14. С. 64; Попов А. Н. Изборник... С. 329.
53. Боярские списки... Ч. II. С. 10; Museum Narodowe w Krakowe // Zbiory Czartoryskich. N 2726.
54. Буссов К. Московская хроника. С. 108–109; Масса И. Краткое известие... С. 111.
55. Гиршберг А. Дмитрий Самозванец. С. 129.
56. ПСРЛ. Т. 14. С. 66; Сказание о Гришке Отрепьеве / РИБ. Т. 13. Стб. 733; Масса И. Краткое известие... С. 112.
57. Дмитриевский А. Архиепископ Елассонский Арсений... С. 100–101; ПСРЛ. Т. 14. С. 66; РИБ. Т. 13. Стб. 733; Старина и новизна. 1911. Кн. 14. С. 535.

58. Дмитриевский А. Архиепископ Елассонский Арсений... С. 101.
59. Сказание о Гришке Отрепьеве. Стб. 733.
60. Борша С. История Московская. Стб. 398.
61. Буссов К. Московская хроника. С. 109.
62. Масса И. Краткое известие... С. 112.
63. Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей. СПб., 1877. С. 415; ПСРЛ. Т. 13. С. 67; Сказание о Гришке Отрепьеве. Стб. 737; Масса И. Краткое известие... С. 114.
64. Дмитриевский А. Архиепископ Елассонский Арсений... С. 101.
65. В «Записках» Арсения избрание Игнатия помечено датой 31 мая. В тексте рукописи эта дата исправлена на 31 июня (Дмитриевский А. Архиепископ Елассонский Арсений... С. 103, прим. 2).
66. Иное сказание // РИБ. Т. 13. Стб. 52.
67. Записки С. Немоевского // Титов А. А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие А. И. Вахромееву. Вып. 6. С. 115.
68. Сказание о Гришке Отрепьеве. Стб. 734.
69. РИБ. Т. 13. Стб. 52.
70. Письмо А. Лавицкого от 4 (14) июля 1605 г. // Pierling P. Rome et Demetrius. S. 85; Записки С. Немоевского. С. 115; Маржарет Я. Записки. С. 197.
71. Письмо Я. Вислоуха из Москвы от 14 (24) июля 1605 г. // Библиотека Вроцлавского университета (Оссолинеум). Ф. библ. Оссолинских, № 2284. Л. 156 об.; Борша С. История Московская. Стб. 399.
72. Буссов К. Московская хроника. С. 112; Масса И. Краткое известие... С. 115; ПСРЛ. Т. 14. С. 67.
73. Боярские списки... Ч. I. С. 163, 232, 299.
74. Сказание Авраамия Палицына. С. 111; ПСРЛ. Т. 14. С. 67; ЦГАДА. Ф. 210, Московский стол. Стб. 856. Л. 37.
75. Масса И. Краткое известие... С. 114.
76. РИБ. Т. 13. Стб. 52; Pierling P. Op. cit. S. 85; Маржарет Я. Записки. С. 197; Записки С. Немоевского. С. 116.

77. Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. С. 273.
78. РИБ. Т. I. С. 6. 17.
79. См.: Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 151; Назаров В. Д. «Новый летописец» как источник по истории царствования Лжедмитрия I. С. 310.
80. Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты... С. 288; Маржарет Я. Записки. С. 197; Записки Г. Паэрле. С. 174.
81. ПСРЛ. Т. 14. С. 67.
82. Там же; Записки С. Немоевского. С. 115–116.
83. Сказание Авраамия Палицына. С. 111.
84. ПСРЛ. Т. 14. С. 67.
85. Записки С. Немоевского. С. 116.
86. РИБ. Т. 13. Стб. 53; Масса И. Краткое известие... С. 115.
87. Записки С. Немоевского. С. 116; РИБ. Т. 13. Стб. 52–53; Масса И. Краткое известие... С. 115; Сказание о Гришке Отрепьеве. Стб. 735.
88. Цит. по: Записки С. Немоевского. С. 117.
89. Сказание Авраамия Палицына. С. 111.
90. Записки С. Немоевского. С. 117; Масса И. Краткое известие... С. 115; Буссов К. Московская хроника. С. 13.
91. Записки С. Немоевского. С. 116; Масса И. Краткое известие... С. 115–116; Маржарет Я. Записки. С. 197; Записки Г. Паэрле. С. 174; Сказание Авраамия Палицына. С. 111.
92. Записки С. Немоевского. С. 117.
93. СГГД. Ч. II. С. 261.
94. «А вверху при нем (Лжедмитрии I. – Р. С.) были поляки и литва...» (Попов А. Н. Изборник... С. 329).
95. Борша С. История Московская. Стб. 399.
96. РИБ. Т. 13. Стб. 53; ПСРЛ. Т. 14. С. 67.
97. Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. II. Вып. 1. С. 228–229.
98. Там же. Т. III. Вып. 1. М., 1976. С. 172–173, 198.
99. Там же. С. 228–229.

100. АИ. Т. 2. С. 64–65.
101. Дмитриевский А. Архиепископ Елассонский Арсений., С. 106.
102. Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей. С. 333.
103. Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. III. Вып. 1. С. 168, 188; СГГД. Ч. II. С. 209, 210.
104. Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 6; ПСРЛ. Т. 14. С. 67.
105. СГГД. Ч. II. С. 147.
106. Маржарет Я. Записки. С. 197; Буссов К. Московская хроника. С. 109–110; Масса И. Краткое известие... С. 113; Борша С. История Московская. Стб. 399; РИБ. Т. 13. Стб. 54.
107. Пирлинг П. Дмитрий Самозванец. С. 219–220.
108. Дмитриевский А. Архиепископ Елассонский Арсений... С. 104.
109. Маржарет Я. Записки. С. 197; Масса И. Краткое известие... С. 113.
110. Борша С. История Московская. Стб. 402.
111. Там же.
112. Письмо Я. Бучинского – Лжедмитрию I. Январь 1606 г. // СГГД. Ч. II. С. 259–260.
113. Борша С. История Московская. Стб. 400–401.
114. Там же. Стб. 401.
115. СГГД. Ч. II. С. 259.
116. Записки Г. Паэрле. С. 166; Сб. РИО. Т. 137. С. 520; СГГД. Ч. II. С. 260.
117. Сб. РИО. Т. 137. С. 585.
118. СГГД. Ч. II. С. 259.
119. Там же. С. 261; Борша С. История Московская. Стб. 402.
120. Письмо Я. Бучинского от января 1606 г. // СГГД. Ч. II. С. 259.
121. Там же. С. 260.
122. Записки С. Немоевского. С. 118.
123. СГГД. Ч. II. С. 259.
124. Масса И. Краткое известие... С. 113–114.

125. Там же. С. 114.

126. Там же; ЦГАДА. Ф. 1201, Соловецк. мон. № 46.
Кн. 426. Л. 9 об.

Глава 21. Правление императора Юрия

1. Акты, относящиеся к истории Западной России.
Т. 4. СПб., 1851. С. 300; Немоевский С. Записки. С. 151,
213; Сб. РИО. Т. 137. С. 182–183.

2. Старина и новизна. Кн. 14. С. 264.

3. ЦГАДА. Ф. 214 (Сибирский приказ). Кн. 11.
Л. 493.

4. Немоевский С. Записки. С. 203.

Маржарет Я. Записки. С. 203.

Глава 22. Заговор

1. Реляция Петра Петрея. С. 99–100.

2. Жолкевский С. Записки о Московской войне. СПб.
1871. С. 10.

3. См. Floria B. Rokosz Sandomierski a Dymitr Samoz-
wanies // Odrodzenie i Reformacja w Polsce. 1981. Т. 26. S.
69–81; Ульяновский В.И. Речь Посполитая во внешнепо-
литических планах Лжедмитрия I. Россия от Ивана Гроз-
ного до Петра Великого. СПб.–Киев. 1993. С. 78–93.

4. Старина и новизна. Кн. 14. С. 444.

5. СГГД. Ч. 2. С. 243.

Глава 23. Гибель лжецаря

1. Бусов К. Московская хроника. С. 132.

2. ААЭ. Т.2. С. 137.

3. Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. М.,
1889. Вып. 1. С. 513.

4. Новый летописец по списку Оболенского. М., 1853.
С. 78.

5. ААЭ. Т.2. С. 175.

6. Масса И. Записки. С. 150.

7. Немоевский С. Записки. С. 150.

8 Там же. С. 102.

Сокращения

ААЭ–Акты, собранные в библиотеках и архивах Рос-
сийской империи Археографической экспедицией Акаде-
мии наук

АЕ – Археографический ежегодник

АИ– Акты исторические, собранные и изданные Ар-
хеографической комиссией

Временник ОИДР–Временник общества истории и
древностей Российских

ДАИ – Дополнение к Актам историческим

ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и
удельных князей XIV–XVI вв.

ДРВ– Древняя Российская Вивлиофика

РИБ– Русская историческая библиотека

РИО– Русское историческое общество

СГГД– Собрание государственных грамот и догово-
ров, хранящихся в Государственной коллегии иностран-
ных дел

ТКДТ– Тысячная книга 1550 г. Дворовая тетрадь
50-х годов XVI в.

ТОДРЛ– Труды отдела древнерусской литературы
Института русской литературы Академии наук

ЦГАДА–Центральный Государственный архив дре-
них актов в Москве

ЧОИДР– Чтения в Обществе истории и древностей
Российских при Московском университете

Содержание

Введение	3
Глава 1. Правитель государства	26
Глава 2. Смерть царевича Дмитрия	46
Глава 3. Татарский набег на Москву	63
Глава 4. Высший круг	77
Глава 5. Юрьев день	97
Глава 6. Земское собрание	113
Глава 7. Боярская крамола	159
Глава 8. Голод	177
Глава 9. Мир на границах	196
Глава 10. Самозванческая интрига	204
Глава 11. Подготовка московского похода	249
Глава 12. Неосуществленные проекты	280
Глава 13. Вторжение	297
Глава 14. Мятеж в южных крепостях	335
Глава 15. В воровском лагере	351
Глава 16. Властитель Кремля	367
Глава 17. Восстание под Кромами	374
Глава 18. Триумфальное шествие	404
Глава 19. Переворот в столице	411
Глава 20. Бояре и самозванец	427
Глава 21. Император Юрий	475
Глава 22. Заговор	505
Глава 23. Гибель Лжецаря	519
Примечания	562
Сокращения	621

Книга-почтой

Фирма «Русич-сервис»

214016, г. Смоленск, ул. Соболева, 7

тел. (0812) 9-15-96, 9-16-02

117574, Москва, а/я 183

тел. 421-91-08

(высылаем каталог бесплатно)

Литературно-художественное издание

Скрынников Руслан Григорьевич

ЦАРЬ БОРИС И ДМИТРИЙ САМОЗВАНЕЦ

Технический редактор *Идатчикова Л. В.*

Корректор *Жеребилова Л. Б.*

Подписано в печать 03.04.97. Формат 84×108¹/₃₂.

Бумага типографская. Гарнитура Handbook. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 32,76. Тираж 15 000 экз. Заказ 288.

Фирма «Русич». Лицензия ЛР № 040432.

214016, Смоленск, ул. Соболева, 7.

При участии ТОО «Харвест». Лицензия ЛВ № 729.

220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35 — 305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».

220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.